

В. Г. Котович

**Проблемы
культурно-исторического
и хозяйственного
развития населения
древнего
ДАГЕСТАНА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

В.Г. Котович

**Проблемы
культурно – исторического
и хозяйственного
развития населения
древнего
ДАГЕСТАНА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1982

В книге рассматриваются проблемы древней истории Дагестана, в частности становление и развитие производящего хозяйства. Комплексное исследование, в основе которого лежат археологические материалы, позволяет автору решать вопросы, имеющие большой теоретический и практический интерес.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
К. Х. КУШНАРЕВА

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

К 0507000000—092
042(02)—81 132—82

© Издательство «Наука», 1982 г.

Предисловие редактора

Книга «Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана» является итогом долгой и плодотворной научной деятельности, к сожалению безвременно ушедшего от нас Владимира Герасимовича Котовича. В разных разделах этого труда предприняты исследования по трем актуальным проблемам дагестановедения (нет, несомненно шире — кавказоведения!), это: периодизация и хронология культур эпохи бронзы и раннего железа, истоки и эволюция производящего хозяйства и, наконец, причины зарождения и развития железодельного производства.

По существу, будучи несколько расширенными эти разделы вполне могли составить три книги, каждая из которых имела бы право на самостоятельное существование. Однако объединенные в единый монографический труд, они наглядно демонстрируют закономерность внутренних связей чисто археологических вопросов с историко-реконструктивными проблемами. Спорить, пожалуй, можно лишь о порядке расположения этих разделов.

Владимиру Герасимовичу не суждено было поставить последнюю точку в своей рукописи. Второй раздел книги полностью подготовлен к печати самим автором, тогда как введение и первый раздел составлены женой и другом Владимира Герасимовича — Валентиной Михайловной Котович по авторским текстам, разработкам и подробному плану, сохранившемуся в архиве.

Основная цель книги — установить подлинное место Дагестана в древнейшей истории Кавказа на базе новейших археологических материалов. Она достаточно обоснована в вводной части.

Первый раздел охватывает широкий круг проблем культурно-исторического развития Дагестана во II — начале I тысячелетия до н. э. Он представлен в виде очерков, каждый из которых имеет самостоятельное значение; вместе они составляют единую цепь разработок по узловым вопросам дагестанской археологии. Раздел оправданно начинается с показа проблемной ситуации, создавшейся вокруг периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы и раннего железа Кавказа; кстати, последняя особенно наглядно выявилась на Сигнахской конференции 1978 г., активным участником которой был Владимир Герасимович. Действительно, несмотря на значительные успехи кавказской археологии, до настоящего времени не преодолены большие хронологические различия в определении северо-кавказских и закавказских культур указанных периодов. Между тем мы хорошо знаем, что Кавказский хребет не являлся преградой для осуществления контактов населения, обитавшего по обе его стороны. Огромную роль в перемещении этнических массивов и осуществлении связей между Европой и Передней Азией играл прикаспийский путь, пролежавший через Дагестан.

Предложенная Владимиром Герасимовичем хронологическая

шкала ведущих типов материальной культуры Северо-Восточного Кавказа убеждает в синхронном развитии последних с аналогичными элементами из Закавказья. Проведенное сопоставление опровергает тезис об отставании северокавказских культур от южнокавказских.

Следующий подраздел, посвященный этапам культурно-исторического развития населения Дагестана во II — начале I тысячелетия до н. э. состоит из трех больших очерков. В подробном эссе в область изучения каякентско-хорочоевской культуры затронуты все аспекты проблемы — разноречивые оценки этой культуры, тенденция рассматривать ее носителей в качестве отсталых племен, а отсюда вопрос о неравномерности исторического процесса в общекавказском масштабе и т. д. Полемизуя с рядом исследователей, Владимир Герасимович ставит вопрос о необходимости пересмотра проблемы в целом, опираясь на новейшие дагестанские материалы. И далее осуществляет этот замысел, положив в основу анализ таких элементов культуры как погребальный обряд, керамику, предметы украшений, вооружения, детали одежды и конской сбруи. Итогом исследования является установление исторического места каякентско-хорочоевского этапа, который им перемещен на несколько столетий вглубь, в эпоху средней бронзы.

В этой же главе автором предпринята попытка выявить и охарактеризовать основные этапы развития дагестанской культуры эпохи поздней бронзы — раннего железа. Для этого проводится детальное исследование и сопоставление всего комплекса материальной культуры Дагестана с аналогичными комплексами и надежно датированными предметами из других частей Кавказа, Передней Азии, юго-восточной Европы.

В результате огромной аналитической работы в области периодизации, хронологии и культурно-исторической интерпретации важнейших периодов истории Дагестана последние предстают в своеобразном эволюционном ряду, при этом каждый из этапов, сохраняя традиционные черты предшествующего, отражает новые веяния, проявившиеся в изменениях форм материальной культуры. Наблюдения над предложенной схемой показывают, что в эти периоды в развитии местной культуры действовали те же закономерности, которые присущи культурам в сопредельных областях Кавказа.

Второй раздел книги посвящен разработке комплекса проблем несколько иного аспекта — истории развития хозяйства населения древнего Дагестана. На эту тему Владимиром Герасимовичем опубликованы интереснейшие статьи. Книга же — обобщающее исследование, ставящее своей конечной целью осветить конкретные формы и этапы развития производящей деятельности местного населения, определившие характерные особенности его экономики в эпоху бронзы и раннего железа. Для этого автор совершает экскурс в мезолитический и раннеолитический периоды. Тонкие наблюдения Владимира Герасимовича над эволюцией кремневого инвентаря, сопоставленные с палеоботаническими данными, при-

водят его к важнейшему историческому выводу о возможности отпеснения горного Дагестана к числу тех областей, где протекала «неолитическая революция».

Далее выявляется специфика хозяйственных комплексов, существовавших в Дагестане на разных высотных отметках (равнины, предгорья, горы, высокогорья), прослеживается динамика развития экономики в эпоху палеометалла. Привлекая новейшие археологические материалы, автор ярко и выпукло рисует картину постепенного перехода к террасостроительству — единственно возможной форме ведения земледельческого хозяйства в горных условиях. К значительной интенсификации земледелия приводит внедрение пашенной обработки земли, следы которой Владимир Герасимович прослеживает по археологическим, этнографическим и лингвистическим данным. С эпохой бронзы — раннего железа связан расцвет многоотраслевого хозяйства, основу которого составляло земледелие и придомное скотоводство.

Книгу завершает подраздел, посвященный истории железодельного производства. Это одна из последних научных разработок Владимира Герасимовича, в которой он выступает как специалист, прекрасно владеющий теорией черной металлургии. Исследование ведется на базе общекавказских материалов. Новаторский подход автора к проблеме происхождения древнего железа заключается в том, что он, глубоко изучив металлургические процессы, использовал теорию академика А. А. Байкова о сущности «азиатского» способа плавки сульфидных руд для решения проблемы происхождения железной металлургии на Кавказе. Она зародилась на базе существовавшего здесь мощнейшего очага медно-бронзовой металлургии. Далее автором выявляются формы конкретной связи между медно-бронзовой и железодельной отраслями производства, наконец, анализ хорошо датированных археологических комплексов приводит Владимира Герасимовича к возможности выделить Закавказье в качестве одного из первичных мировых очагов железной металлургии. Это эпохальное изобретение в скором времени распространилось в другие районы Кавказа.

Сказанного достаточно, чтобы представить себе масштаб того вклада, который внес Владимир Герасимович в кавказоведение.

Настоящий труд, как и все предшествующие работы Владимира Герасимовича, несмотря на дискуссионность и полемичность, отмечен мобилизацией всего комплекса имеющихся материалов, привлечением данных смежных наук, глубиной разработок, аргументированностью суждений и подлинным историзмом.

К. Х. Кушнарера

Кавказ является одним из древнейших центров культуры Старого Света, проблемы же различных периодов древней истории Кавказа и отдельных его регионов тесно переплетаются с проблемами древней истории Передней Азии и Юго-Восточной Европы.

Историческая роль Кавказа в древности и средневековье в большой мере определялась его географическим положением. На Кавказский перешеек приходится значительный отрезок сухопутной границы между европейским и азиатским материками. Более того, именно Кавказ служил единственным сухопутным мостом из Европы в Переднюю Азию, где находились древнейшие очаги мировой цивилизации. Вместе с тем, использование этого огромного моста в древности было связано с немалыми трудностями, ибо он прегражден хребтами Большого и Малого Кавказа, протянувшимися между Черным и Каспийским морями. Поэтому транскавказские пути, посредством которых издревле осуществлялись связи между населением Восточной Европы и отчасти Азии, со странами Закавказья и Передней Азии приобретали особое значение. Важнейшим среди них по праву считается Прикаспийский путь, значительный отрезок которого проходил по территории Дагестана.

Дагестан занимает значительную часть Северо-Восточного Кавказа, охватывающую горные массивы, предгорья и обширную часть прикаспийской низменности. Горный Дагестан — своеобразная в орографическом отношении область¹. Он отличается сильно пересеченным рельефом, в котором причудливо сплетаются гигантские скалистые хребты, глубоко рассеченные речными долинами. Его можно назвать страшно резким контрастом — здесь рядом со снежными вершинами располагаются пышные альпийские луга, голые, совершенно лишенные почвы известняковые скалы чередуются с участками возделываемых плодородных земель, глубокие мрачные ущелья сменяются широкими цветущими речными долинами (рис. 1).

Дагестанская часть обширной Прикаспийской низменности образована приморской равниной, напоминающей здесь своей формой гигантскую воронку. Ее подтреугольное «устье» — степи Терско-Сулакского междуречья — широко раскрыто на север — в предкавказские и южнорусские степи, а в качестве «слива» выступает узкая (3—15 км) полоса прибрежной равнины, протянувшаяся от

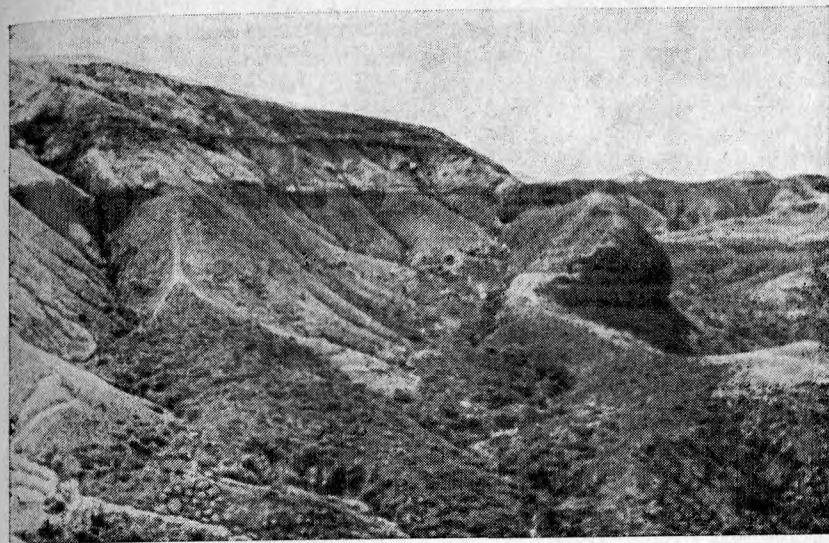

Рис. 1. Горный Дагестан. Верхнегунибское и Турчидагское плато

нынешней Махачкалы до низовий Самура, где она переходит в приморскую низменность Азербайджана.

Наиболее удобными для передвижений являются приморская равнина и полоса нижних предгорий Дагестана, связанная с равниной множеством естественных разломов в передовых хребтах. Вместе они образуют единую историко-географическую провинцию, так называемый Прикаспийский Дагестан, на который падает значительный отрезок транскавказского Прикаспийского пути, оказавшего свое в основном положительное воздействие на процессы социально-экономического и культурно-исторического развития населения края в древности и средневековье.

Еще дореволюционные исследователи указывали на важность Прикаспийского пути для исторических судеб Дагестана². Среди советских археологов А. П. Круглов одним из первых отметил, что «Каспийский проход безусловно был известен с глубокой древности и представлял несомненные удобства по сравнению с другими перевальными путями»³, но историческое значение этого факта осталось им нераскрытым. Вместе с тем высказанное положение об одновременности какавентско-хорочоевской культуры Северо-Восточного Кавказа с кобанской и закавказскими культурами конца II — начала I тысячелетий до н. э. неизбежно привело к заключению о «неравномерности исторического процесса на Кавказе»⁴, за которым стояло фактическое признание отставания в

¹ Добрынин Б. Ф., 1926, с. 5—22; Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулич И. Н., Эльдаров М. М., 1958, с. 15—32; Гюль К., Власова С., Кисин И., Тергеров А., 1959, с. 22—28, 36—49.

² Ануцин Д. Н., 1884, с. 336; Козубский Е. И., 1906, с. 6.

³ Круглов А. П., 1958, с. 93.

⁴ Там же.

развитии культур Дагестана и горной Чечни. Тезис о «заметном отставании Дагестана в культурном и общественном развитии»⁵, причина которого кроется в «замкнутости и значительной изоляции от внешнего мира», присущими его горным районам⁶, продолжали в дальнейшем постулировать и другие исследователи, несмотря на открытие на Таркинском могильнике первых алано-сарматских захоронений, подтверждающих значение Прикаспийского пути в международной торговле и влияния данного обстоятельства на развитие дагестанского населения в начале I тысячелетия до н. э.⁷

Однако все известные к настоящему времени археологические факты позволяют полнее и шире оценить значение Прикаспийского пути, обеспечивавшего с глубокой древности постоянные контакты с населением сопредельных областей и знакомство с достижениями передовых цивилизаций. Последнее наложило отпечаток на судьбы местного населения, населявшего все зоны Дагестана. И об этом неоспоримо свидетельствуют все археологические материалы, которыми мы теперь располагаем.

К настоящему времени в Дагестане обнаружены многочисленные следы деятельности первобытного человека, относящиеся к палеолиту, мезолиту и неолиту, периоду палеометалла и последующим эпохам.

Проблема становления производящего хозяйства, проблема «неолитической революции» применительно к Кавказу и в особенности к Северному Кавказу разработана еще недостаточно. Тем большее значение приобретают накопленные к настоящему времени материалы из мезолитических и неолитических памятников Дагестана. В кремневой индустрии нижних слоев Чохской стоянки, относящихся к концу верхнего палеолита — раннему мезолиту, прослежено немало черт, сближающих ее с одновременными памятниками Закавказья и Передней Азии⁸, включая комплексы типа Зарзи и Шанидар-В из горных районов Загроса. По мнению некоторых исследователей, сходство этих культур, возможно, отражает реальные исторические связи населения Кавказа и горных районов Ближнего Востока⁹. Последнее обстоятельство представляется особенно важным, поскольку в экономике загросских охотничье-собираетельских племен (X—VIII тысячелетия до н. э.) уже зарождались элементы нового, производящего хозяйства.

Более определенно об этом можно судить по материалам из верхних, позднемезолитических слоев Чохской стоянки, среди которых встречено несколько микропластин, служивших вкладышами жатвенных ножей, и обломок сланцевой основы прямого жат-

венного ножа со следами характерной изпошенности¹⁰. Подобный же жатвенный нож с костяной основой и лезвием из микропластин найден в позднемезолитическом слое грота Сосруко в Кабардино-Балкарии¹¹. Обе эти находки документируют практикование систематических сборов злаков племенами, обитавшими в позднем мезолите по северным склонам Большого Кавказа. Употребление подобных ножей свидетельствует «об определенной, отнюдь не начальной фазе в истории культурных растений, а следовательно — и земледелия»¹².

Памятники следующей, неолитической, эпохи изучены в Дагестане, как и в ряде других областей Кавказа, еще недостаточно. И все же удалось проследить, что в кремневом инвентаре неолитических поселений Дагестана (Буйнакск, Тарнаир и др.) резко возросло число крупных ножевидных пластин, и появились рубящие макролитические орудия¹³.

Переход к крупнопластинчатой технике характерен и для неолитических памятников Закавказья, Передней и Средней Азии, где он повсеместно сопутствовал становлению производящей экономики¹⁴. Таким образом, четко фиксируется возрастающее значение земледельческо-скотоводческого хозяйства в экономике неолитических племен Дагестана.

Но лишь в позднем неолите — энеолите земледельческо-скотоводческое хозяйство становится основой экономики местных племен. Это подтверждается характерным набором орудий труда Ругуджинских стоянок, где наряду с крупными ножевидными пластинами уже представлены зернотерки и керамика¹⁵, а также «земледельческой» тематикой росписей поздненеолитического святилища Харитани I¹⁶. Но наиболее ярко картины прочного оседлого быта, основанного на уже сложившихся в своих основных чертах земледелии и скотоводстве, рисуют материалы Гинчинского энеолитического поселения. В его мощных культурных напластованиях встречены остатки монументального каменного домостроительства и даже фортификации, наборы разнообразных земледельческих орудий, кости крупного и мелкого домашнего скота и диких животных, среди посуды представлены образцы переднеазиатской росписной керамики¹⁷.

В целом имеющиеся археологические данные характеризуют отдельные этапы длительного и сложного процесса вызревания и становления производящей экономики в Дагестане. Они подтвер-

¹⁰ Котович В. Г., 1964, с. 158, рис. 35, 5; трасологические определения этих орудий сделаны Г. Ф. Коробковой.

¹¹ Замяткин С. Н., Акригас П. Г., 1957, с. 440—442, рис. 7; Бибииков С. Н., 1962, с. 23, 24, примеч. 96.

¹² Краснов Ю. А., 1969, с. 64.

¹³ Котович В. Г., 1964, с. 184—186.

¹⁴ Массон В. М., 1964, с. 42, 44, 48, 69; Коробкова Г. Ф., 1969, с. 75—79; Небиридзе Л. Н., 1972, с. 111—118.

¹⁵ Котович В. Г., 1964, с. 203—211.

¹⁶ Котович В. М., 1976, с. 65—67; Она же, 1976, с. 63—65.

¹⁷ Гаджиев М. Г., 1975, с. 18—22.

⁵ Федоров Я. А., 1960, № 3, с. 21.

⁶ Федоров Я. А., 1961, № 1, с. 102, 103.

⁷ Крупнов Е. И., 1951, с. 224, 225; Смирнов К. Ф., 1951, с. 271, 272; Смирнов К. Ф., 1954, с. 205, 206.

⁸ Котович В. Г., 1964, с. 123—149.

⁹ Бадер Н. О., 1966, с. 142—143; Массон В. М., 1970, с. 112.

ждают правоту акад. Н. И. Вавилова, считавшего, что «земледелие в Грузии, Армении и Дагестане является весьма древним, начало его уходит в глубь тысячелетий»¹⁸.

Широкий круг вопросов и проблем связан с изучением памятников бронзового века Дагестана. Еще сравнительно недавно представления о местной оседло-земледельческой культуре этой эпохи основывались исключительно на материалах немногочисленных приморских поселений (Каякент, Джемикент). В горах были известны преимущественно каякентско-хорочоевские могильники, поэтому хозяйственное освоение горных районов Северо-Восточного Кавказа ставилось в прямую связь с развитием полукочевого, отгонного скотоводства¹⁹.

Эти оценки в настоящее время коренным образом пересмотрены. Относящиеся к разным периодам бронзового века (III—II тысячелетия до н. э.) поселения выявлены во всех естественногеографических зонах Дагестана: равнинной (Каякент, Великент, Джемикент)²⁰, предгорной (Мекеги, Чиркей, В. Сигитма)²¹, горнодолинной (Ирганай)²², высокогорной (Верхний Гуниб, Усиша, Галгалатли)²³. Повсеместно на этих памятниках имеются мощные свиты культурных отложений, свидетельствующие о прочной оседлости оставившего их местного населения. Экономическую основу такой оседлости повсюду составляли земледелие и скотоводство²⁴. Дагестан — пока единственная область нашей страны, где в разных естественногеографических зонах, резко различавшихся по высоте (от 0 до 2000 м над уровнем моря) и своеобразию климатических и почвенных условий, параллельно развивалось на протяжении бронзового века однотипное земледельческо-скотоводческое хозяйство. Успехи, достигнутые в зональной специализации ведущих отраслей хозяйства в столь глубокой древности, предполагают немалый практический опыт в области селекции растений и животных, применение разных агроприемов и систем земледелия²⁵. В этот же период в Дагестане уже практикуются террасостроительство и применяются пахотные орудия²⁶. Таким образом, земледельческо-скотоводческое хозяйство дагестанских племен в III—II тысячелетиях до н. э. переживало свой подлинный расцвет.

¹⁸ Вавилов Н. И., 1957, с. 87, 88, 121.

¹⁹ Круглов А. И., 1958; с. 77—79, 93; Очерки истории СССР, 1956, с. 200.

²⁰ Круглов А. И., 1958, с. 20—44; Котович В. Г., 1959, с. 121—136; Мунчаев Р. М., 1961, с. 21—26.

²¹ Канивец В. И., 1957, с. 158, 159; Котович В. Г., 1961, с. 285, 286; Гаджиев М. Г., 1971, с. 46—48.

²² Агаев Д. М., Погребова М. Н., 1973, с. 28—34.

²³ Котович В. М., 1965, с. 15—20; Гаджиев М. Г., 1969, с. 102, 103.

²⁴ Котович В. Г., 1965, № 3, с. 7—13; Гаджиев М. Г., 1974, с. 55—58; Мунчаев Р. М., 1975, с. 378—380.

²⁵ Котович В. Г., 1974, с. 59, 60.

²⁶ Котович В. М., 1965, с. 216; История Дагестана, 1967, с. 45—48, 71, 72.

Помимо земледелия и скотоводства интенсивно развивались металлообработка, каменное домостроительство, керамическое производство, обработка камня, дерева и кости, ткачество и другие отрасли производства, часть которых на протяжении бронзового века достигла уровня ремесленной специализации²⁷. Следует особо отметить обилие разнообразных по назначению и разнотипных по исполнению предметов вооружения, изготовленных преимущественно из камня и металла. Металлическое оружие нередко повторяло формы переднеазиатских и закавказских образцов²⁸.

Высокий уровень бронзовой металлургии в конце III тысячелетия до н. э. позволил поставить вызвавший сначала возражения²⁹ вопрос о вероятности функционирования с этого времени самостоятельного дагестанского металлургического очага³⁰. Последующие данные подтвердили эту точку зрения³¹ и привели к возможности поставить вопрос о роли древних дагестанских металлургов в передаче достижений кавказской металлургии населению степей Предкавказья и Юго-Восточной Европы в первой половине II тысячелетия до н. э.³²

В целом же вырисовывающийся по накопленным за последние десятилетия археологическим материалам относительно высокий для своего времени уровень хозяйственно-экономического развития населения Дагестана находит себе достоверное объяснение. Как установлено, раннебронзовая культура Дагестана складывалась и развивалась под непосредственным и сильным влиянием проникших в III тысячелетие до н. э. из Закавказья куро-аракских племен, которые, по-видимому, и привнесли сюда важнейшие достижения своего времени в области земледельческо-скотоводческого хозяйства и металлургии³³. Тесные контакты с населением соседних областей Закавказья и Северного Кавказа поддерживали и посетители недавно выделенной гинчинской культуры, распространенной в горных районах Дагестана и Чечни в первой половине II тысячелетия до н. э.³⁴

Все это свидетельствует о том, что на протяжении эпохи ранней и средней бронзы историко-культурное и социально-экономическое развитие населения Северо-Восточного Кавказа протекало в русле единого общекавказского процесса. Это положение, основанное на большом количестве новых фактов, опровергает высказанную в свое время А. П. Кругловым точку зрения об отставании на целую историческую стадию последующего периода истории края, представленного так называемой каякентско-хорочоевской

²⁷ История Дагестана, I, с. 48—71.

²⁸ Мирзоев Р. И., 1975, с. 28—30; *Он же*, 1976, с. 39, 40.

²⁹ Маркович В. И. Рец. на кн.: Котович В. М., 1968, с. 314.

³⁰ Котович В. М., 1965, с. 228, 229.

³¹ Котович В. Г., Котович В. М., 1973, с. 82, 83; Гаджиев М. Г., 1969, с. 159—162; Мунчаев Р. М., 1975, с. 175; Магомедов С. М., 1975, с. 26—28; *Он же*, 1976, с. 35, 36.

³² Магомедов С. М., 1974, с. 64—79.

³³ Мунчаев Р. М., 1961, с. 154—156; *Он же*, 1975, с. 190, 191.

³⁴ Гаджиев М. Г., 1974б, с. 13—28.

культурой³⁵. Последнее было высказано в ту пору, когда в Дагестане, да и на всем Северо-Восточном Кавказе, совершенно отсутствовали памятники эпохи средней и поздней бронзы, а также раннежелезного века. Поэтому аналогии каякентско-хорочоевским материалам были найдены в памятниках ходжалы-кедабекской культуры. Исходя из этого Е. И. Крупнов первоначально датировал каякентско-хорочоевскую культуру «около середины I тысячелетия до н. э., не позднее VI—V вв. до н. э.»³⁶, а А. П. Круглов почитал ее одновременной кобанской, хотя и отмечал, что «точек сопоставления между материалом классических кобанских могильников и инвентарем могильников хорочоевского типа очень мало»³⁷. Позднее, по мере накопления новых материалов из дагестанских памятников II—I тысячелетий до н.э., каякентско-хорочоевская культура была отнесена к эпохе поздней бронзы³⁸. Последними исследованиями устанавливается, что памятники типа Каякентского, Хорочоевского и Таркинского могильников должны быть отнесены к позднему этапу эпохи средней бронзы и датированы с конца XVI до XIV в. до н. э.³⁹ Многие элементы этой культуры продолжали бытовать и в эпоху поздней бронзы (XIV—XIII вв. до н. э.), что подтверждается и материалами Талгинского, Кабартыкутанского и Мискинбулакского могильников⁴⁰. Но лишь некоторые из них пережиточно сохранились в культуре памятников переходного периода от поздней бронзы к раннему железу (XII—VIII вв. до н.э.), о чем можно судить по материалам из соответствующих комплексов Зандакского, Мугерганского и Шахсенгерского могильников⁴¹. Таким образом, внесение корректив в существующую хронологию классических памятников каякентско-хорочоевской культуры полностью снимает утверждение о значительном (стадиальном!) отставании в историческом развитии населения Северо-Восточного Кавказа в эпоху поздней бронзы и в переходный период.

Однако проблема разработки относительной и особенно абсолютной хронологии дагестанских культур бронзового века стоит по-прежнему остро.

Памятники эпохи раннего железа выявлены к настоящему времени во всех естественногеографических зонах Дагестана. В рамках этой эпохи выделены три последовательных периода:

³⁵ Круглов А. П., 1946, с. 134; *Он же*, 1958, с. 93.

³⁶ Крупнов Е. И., 1940, с. 16.

³⁷ Круглов А. П., 1948, с. 127, 128.

³⁸ Пикуль М. И., 1959, с. 33—35; *Канивец В. И.*, 1959, с. 50; *Котович В. Г.*, *Шейхов Н. Б.*, 1960, с. 344, 348—350; *Крупнов Е. И.*, 1964, с. 340; *История Дагестана*, I, с. 54; *Маркович В. И.*, 1969, с. 84, 85.

³⁹ *Котович В. Г.*, 1971, с. 19—21; *Он же*, 1978, с. 46—76.

⁴⁰ *Исаков М. И.*, 1957, с. 126—132; *Пикуль М. И.*, 1959, с. 157—164; *Котович В. М.*, 1978, с. 77—98.

⁴¹ *Пикуль М. И.*, 1961, с. 298—305; *Она же*, 1967, с. 13—33; *Она же*, 1973, с. 35—50; *Маркович В. И.*, 1964, с. 84—86; *Он же*, 1969, с. 82, 84; *Маркович В. И.*, *Мунчаев Р. М.*, 1965, с. 46, 47; *Давудов О. М.*, 1974, с. 27—110; *Он же*, 1976, с. 4—6.

переходный период от эпохи поздней бронзы к эпохе раннего железа (рубеж II—I тысячелетия до н. э.— VIII в. до н. э.), ранний или скифский (VI—IV вв. до н. э.) и поздний или албано-сарматский (III в. до н. э.— IV в. н. э.) периоды эпохи раннего железа. В материальной культуре каждого выявлены черты сходства с одновременными культурами и специфически местные особенности. В итоге установлены главные звенья эволюции дагестанских культур эпохи раннего железа, развивавшихся в соответствии с теми же закономерностями, которые были присущи и одновременным культурам соседних областей Кавказа⁴². Тем самым подтвердилась правота вывода А. А. Иессена относительно возможности выявления в Дагестане богатой бронзовыми изделиями культуры, близкой к кобанской⁴³.

В последнее время большое внимание привлекают древние («досредневековые») города Дагестана. Археологические доказательства существования таких городов и укрепленных поселений городского типа появились в процессе изучения раннесредневековых городищ, когда был установлен их многослойный характер, наличие на многих из них культурных напластований албано-сарматского и даже скифского и еще более ранних периодов. Подобного рода факты были впервые засвидетельствованы еще в 50-е годы⁴⁴, позднее число их значительно возросло. Так, в предгорьях — на Бавтугайском, Урцекском, Шамшахарском и других городищах выявлены культурные напластования раннесредневекового, албано-сарматского и скифского периодов⁴⁵, а на городище Таргу — еще и раннебронзового периода⁴⁶; в горах также обнаружены городища с двухслойной (албано-сарматского и раннесредневекового периодов)⁴⁷ и четырехслойной (раннебронзового, раннежелезного, албано-сарматского и раннесредневекового периодов)⁴⁸ стратиграфией. В один ряд с этими памятниками, очевидно, следует поставить и Дербент, где недавно обнаружены культурные напластования албано-сарматского и скифского периодов⁴⁹. Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что во многом сходная картина зарождения городской жизни на части укрепленных земледельческих поселений эпохи раннего железа археологически документирована для целого ряда античных и средневековых городов Закавказья⁵⁰. В этом факте скорее всего следует видеть отражение каких-то общих для некоторых областей Кавказа закономерностей социально-экономического развития, приводивших в конечном счете к урбанизации их земледельческого населения.

⁴² *Пикуль М. И.*, 1967; *Давудов О. М.*, 1974б.

⁴³ *Иессен А. А.*, 1935, с. 37.

⁴⁴ *Пикуль М. И.*, 1955, д. 2298.

⁴⁵ *Котович В. Г.*, 1965, с. 154—156.

⁴⁶ *Гмыря Л. Б.*, *Котович В. Г.*, *Котович В. М.*, *Магомедов С. М.*, 1973, с. 121.

⁴⁷ *Гаджиев М. Г.*, *Абакаров А. И.*, *Маммаев М. М.*, 1976, с. 117; *Они же*, 1976, с. 8, 9.

⁴⁸ *Давудов О. М.*, 1973, с. 122, 123.

⁴⁹ *Кудряцев А. А.*, 1976, с. 31—48.

⁵⁰ *Апакидзе А. М.*, 1963, с. 146—149; *Болтунова А. И.*, 1963, с. 155, 163—166.

В Прикаспийском Дагестане и отчасти в горных его районах процесс этот завершился к рубежу нашей эры образованием новых территориальных единиц, от каждой из которых сохранилось некоторое количество (иногда — более 10) малых городищ, группировавшихся в пределах геоморфологически замкнутого района (речной долины, крупного ущелья, плато) вокруг одного крупного городища⁵¹. Этот тип расселения в какой-то мере соответствует описанному Птолемеем взаиморасположению крупных городов и селений в северной части Кавказской Албании, разделенной им по большому рекам на четыре обособленных района⁵². Выявляемые в Дагестане территориально-политические единицы могут быть сопоставлены с близкими по времени территориальными единицами Грузии (хеви) и Армении (гавары)⁵³. Это позволяет поставить вопрос о развитии раннеклассовых обществ Дагестана в соответствии с теми же стадийными закономерностями, которые были присущи общественным структурам закавказского региона.

Как известно, характерной особенностью исторического процесса на Кавказе в эпоху раннего железа является дробление сформировавшихся в предшествующие периоды крупных этнокультурных массивов, образование многочисленных племен и этнических групп, часть которых поименно названа в письменных источниках⁵⁴. В последнее время усилия специалистов направлены на выявление локальных вариантов в рамках больших, хорошо изученных культур⁵⁵. Особых успехов в этом отношении достигли грузинские археологи, показавшие совпадение границ локальных вариантов археологических культур рубежа II—I тысячелетий до н. э. с засвидетельствованными в письменных источниках границами небольших государственных образований античной эпохи⁵⁶.

Очевидно, что только таким же путем можно выявить локальные варианты синхронных местных дагестанских культур, сопоставить их ареалы с территориально-политическими единицами албано-сарматского периода и на этой основе проследить пути этнокультурного и социально-экономического развития местных племен и этнических групп после распада общедагестанского единства.

Таковыми представляются многие вопросы и проблемы древней дагестанской истории, которые предстоит решать, оперируя уже накопленными к настоящему времени археологическими материалами. Некоторые из них приобретают особую значимость в рамках всего общекавказского региона.

⁵¹ Котович В. Г., 1976, с. 9, 10.

⁵² Птолемей, V, 11, 2—8. Отметим попутно, что описываемый тип расселения существовал в Дагестане и в раннем средневековье, а местами он сохранился здесь даже до XVI—XVII вв.

⁵³ Меликишвили Г. А., 1959, с. 463, 464.

⁵⁴ Крупнов Е. И., 1960, с. 332.

⁵⁵ Чеченов И. М., 1969, с. 107—109; Он же, 1974, с. 14—51; Виноградов В. Б., 1972, с. 187—203, рис. 70.

⁵⁶ Пицхелаури К. Н., 1969, с. 203.

Периоды бронзы и раннего железа неизменно стоят в центре внимания специалистов. И это не удивительно, ибо на протяжении этих двух периодов производственная деятельность древнего населения ряда обширных регионов юга нашей страны, включая Кавказ, ознаменовалась важнейшими достижениями, оказавшими прогрессивное воздействие на процесс их хозяйственного, социального и культурного развития и в конечном счете определили переход от первобытного состояния к цивилизации.

В последние годы все более остро ощущается необходимость пересмотра и уточнения существующей периодизации и хронологии северо-кавказских памятников этих периодов, основные звенья которой были разработаны еще в 30—50-е годы. К этому привел ряд обстоятельств, и прежде всего значительные различия в определении хронологии культур эпохи поздней бронзы — раннего железа в разных областях Кавказа: в Закавказье они датируются от XV—XIV вв. до VIII—VII вв. до н. э., а на Северном Кавказе в рамках XI (иногда XII) — первой половины VII в. до н. э. Несоответствие хронологических рубрикаций эпохи поздней бронзы — раннего железа для Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы подчас порождает призывы к пересмотру «археологического мифа» о глубокой древности начала железного века на Кавказе и служит поводом к постановке вопроса о возможностях привнесения железной металлургии на Северный Кавказ степными племенами киммерийцев. Таким образом, историческая картина резко искажается. Эти и многие другие факты указывают на необходимость и актуальность разработки для Кавказа новой, учитывающей накопленные за последние два десятилетия археологические материалы, о периодизации и хронологии поздней бронзы и раннего железа. Здесь уместно вспомнить высказывания английского археолога Е. Тилиа о том, что хронология есть спинной хребет истории. Абсолютная хронология — это зафиксированный центральный стержень, вокруг которого должны быть правильно сгруппированы события прежде, чем они могут занять определенное место в истории, и прежде, чем их отношения могут быть правильно поняты.

Основной, существенной может быть и главной предпосылкой для создания общекавказской схемы периодизации и хронологии должны послужить подобные же разработки по отдельным его регионам. Такой подход с учетом многократно высказывавшихся А. А. Иессеном, Е. И. Крупновым и в последнее время археологически обоснованного К. Н. Пицхелаури положения о сложении в конце II — начале I тысячелетий до н. э. конкретных этнокультурных общностей — реальных предков почти всех или многих нынешних кавказских народностей — придает им необходимый историзм.

Одним из узловых вопросов предлагаемой работы, посвященной ряду назревших проблем культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана, является вопрос периодизации и хронологии местных культур, бытовавших в Да-

гестане в XV—VIII вв. до н. э. Вопрос этот поднимается в связи с проблемной ситуацией, сложившейся вокруг определения характера этих культур и последовательности их развития. Последнее приобретает значимость и в связи с тем обстоятельством, что по территории Северо-Восточного Кавказа, как это все более выявляется новейшими исследованиями, проходил один из важнейших путей расселения древних иранских племен, передвигавшихся несколькими волнами из степей Юго-Восточной Европы в Восточное Закавказье и Иран. Между тем исследователи, специально занимавшиеся этим вопросом, не нашли в имеющихся публикациях ни одного археологического факта, который документировал бы прохождение древнеиранских племен через территорию Северо-Восточного Кавказа в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Представляется, что это произошло вовсе не потому, что здесь отсутствуют подобного рода факты, а лишь по той единственной причине, что время бытования всех без исключения памятников предскифского времени Северо-Восточного Кавказа было ограничено чрезвычайно узкими рамками VIII—первой половины VII в. до н. э. Принципиальная значимость рассмотрения всего комплекса связанных с этим вопросов очевидна, так как их решение определяет установление действительных темпов и уровня культурно-исторического развития населения Дагестана в рассматриваемое время.

Среди проблем хозяйственного развития населения древнего Дагестана главное внимание уделено определению основных этапов становления и развития здесь производящего хозяйства, основанного на земледелии, скотоводстве и определившего в конечном счете весь дальнейший процесс культурно-исторического развития местного общества.

В работе также широко рассматриваются вопросы истории зарождения железной металлургии и становления железоделательного производства. Определение времени и путей широкого распространения металлургии железа у населения Дагестана и всего Северного Кавказа представляет не только специальный археологический интерес. Как известно, освоение железа повсеместно служило мощным импульсом развития производительных сил, способствовавшим быстрому разложению первобытнообщинного строя. Поэтому прояснение вопроса, с какого времени население Северного Кавказа переживает «свою героическую эпоху, — эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора», когда ему «стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории...»⁵⁷, имеет весьма важное значение и в чисто историческом плане.

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 162, 163.

Проблемы культурно-исторического развития населения Дагестана

во II — начале I тысячелетия до н. э.

В последние годы вокруг ряда вопросов, касающихся определения исторического места археологических культур, бытовавших в Дагестане в эпоху средней и поздней бронзы, а также в переходную эпоху от бронзы к железу (II — начало I тысячелетия до н. э.), создалась проблемная ситуация.

Как известно, историческое место из наиболее хорошо изученных на Северо-Восточном Кавказе археологических культур — каякентско-хорочоевской — еще с довоенных времен было определено в рамках единого исторического этапа с кобанской, колхидской и центрально-закавказской культурами, т. е. в исторических рамках переходного периода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа, хотя между названными культурами и каякентско-хорочоевской прослеживалось очень мало сходных черт. Однако благодаря такому определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры в науке утвердилось мнение о якобы имевшем место значительном (стадиальном) отставании в историко-культурном развитии населения Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в названные эпохи.

Между тем в послевоенные годы и в Дагестане, и в особенности в Чечено-Ингушетии, были найдены памятники, культура которых обнаруживает чрезвычайно много общих черт с северокавказскими и закавказскими культурами переходного периода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Для части специалистов стало очевидно, что именно культура этих памятников относится к рубежу II — I тысячелетий до н. э., тогда как другие по-прежнему относят к этому времени каякентско-хорочоевские памятники. После исследований, определивших новое историческое место этой культуры в рамках середины и третьей четверти II тысячелетия до н. э., возникла необходимость дальнейшего пересмотра хронологии местных культур с целью заполнения хронологического «вакуума» (конец II — начало I тысячелетия до н. э.).

ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ ВОКРУГ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ МЕСТНЫХ КУЛЬТУР ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — НАЧАЛА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе и в Дагестане

Создание единой общерегиональной периодизации и хронологии эпохи поздней бронзы — раннего железа является одной из важнейших и первоочередных задач кавказской археологии, что вновь со всей очевидностью продемонстрировало проведенное недавно Центром археологических исследований АН Грузинской ССР общесоюзное совещание по данной проблеме¹. Для ее решения необходимо прежде всего преодолеть значительные расхождения в определении хронологических рамок указанных эпох, которые имеют место в существующих ныне схемах, выработанных на материалах разных областей Кавказа.

Особенно остро ощущается необходимость уточнения, а в отдельных случаях и пересмотра существующей периодизации и хронологии северокавказских памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа, основные звенья которой были разработаны еще в 30—50-е годы. Побудительными причинами к подобной постановке вопроса служат несколько обстоятельств. Среди них отметим прежде всего значительные различия в определении хронологии культур эпохи поздней бронзы — раннего железа в разных областях Кавказа: в Закавказье они датируются от XV — XIV вв.² до VIII — VII вв. до н. э., а на Северном Кавказе — в рамках XI в. (иногда XII) — первой половины VII в. до н. э.³

Существование этих различий в свою очередь обусловлено все еще крайне недостаточной изученностью позднебронзовых памятников Северного Кавказа, без чего невозможно создать достоверное представление о характере местных культур той эпохи, особенностях их эволюции и, естественно, хронологии. Так, на Северо-Западном Кавказе докобанский этап позднебронзовой культуры известен в основном по материалам кладов (Агурский, Боргустанский, Бекешевский), хронологическое место которых А. А. Иессен определил вслед за Андрюковскими курганами, датированными им 1200—1100 гг. до н. э.⁴ Позднее датировка этих памятников была

¹ Козенкова В. П., 1980, с. 307.

² См., например: Чубиншвили Т. Н., 1957, с. 122, 123; Абрамишвили Р. М., 1957, с. 116—124; Abramichvili R., 1971, с. 4, 5; Пицхелаури К. Н., 1973, с. 220; Техов В. В., 1972, с. 20 и сл.; Он же, 1977, с. 4 и сл.; Мартиросян А. А., 1964, с. 73—78; Хачагрян Т. С., 1975, с. 173 и сл.

³ Иессен А. А., 1935, вып. 120, с. 80 и сл.; Он же, 1951, № 23, с. 119, 120; Он же, 1953, с. 49—110; Он же, 1954, с. 112—131; Он же, 1956, с. 14, 15; Крупнов Е. И., 1946, с. 143—156; Он же, 1957, с. 56—82; Он же, 1960, с. 108, 323, 324.

⁴ Иессен А. А., 1951, № 23, с. 119.

значительно удревнена⁵, а в последние годы все более отчетливо выступает тенденция к удревнению верхнего хронологического рубежа северокавказской культуры в Прикубанье⁶. Очевидно, все эти изменения должны учитываться и при определении нижнего хронологического рубежа позднебронзовой культуры данного региона. Неопределенная ситуация сложилась и вокруг вопроса о начальном — докобанском — этапе эпохи поздней бронзы в центральной части Северного Кавказа. Как известно, этот этап был выделен Е. И. Крупновым по материалам могильника Беахни-Куп и целого ряда внекомплексных находок⁷. Но В. И. Марковин отнес большинство этих материалов к третьему этапу северокавказской культуры эпохи средней бронзы⁸, поставив тем самым под сомнение правомерность выделения данного этапа в рамках эпохи поздней бронзы.

Произошли изменения в периодизации и хронологии кобанской культуры. Как известно, Е. И. Крупнов сначала считал ее позднебронзовой культурой, расцвет которой приходился на XI—VIII вв. до н. э.⁹ Затем он перенес ее целиком в раннежелезный век, выделив в своей трехчленной схеме два ранних периода: 1 — период перехода от бронзы к железу (XI—X вв. до н. э. с возможным углублением нижней даты до XII в. до н. э.), когда «только возникают ведущие формы Кобана», 2 — период начального освоения железа (IX — первая половина VII в. до н. э.), на который «падает блестящий расцвет кобанской культуры»¹⁰. Как видим, в этой схеме Е. И. Крупнова эпоха поздней бронзы вообще не представлена. Это упущение было устранено Б. В. Теховым, в периодизации которого, обоснованной огромным количеством новых, прекрасно документированных археологических материалов, выделены как эпоха поздней бронзы, подразделенная на 2 этапа (первый датирован сначала XIV — первой половиной XII в. до н. э., затем XIV—XIII вв. до н. э., второй — сначала второй половиной XII—X в. до н. э., затем XII—X вв. до н. э.), так и эпоха раннего железа, подразделенная на 3 этапа (первый — конец X—IX в. до н. э., второй — VIII — первая половина VII в. до н. э., третий — вторая половина VII—VI в. до н. э.). По Б. В. Техову, расцвет кобанской культуры приходится на второй — классический — период эпохи поздней бронзы (XII—X вв. до н. э.)¹¹.

Наконец, требует уточнения и хронология периода начального освоения железа или предскифского периода на Северном Кавказе. Как известно, А. А. Иессен первоначально ограничивал этот период рамками VIII — первой половиной VII в. до н. э.¹², но затем

⁵ Марковин В. П., 1960, с. 51, 52; Gimbutas M. 1957, p. 147, 148.

⁶ Нечитайло А. Л., 1978, с. 104, 105.

⁷ Крупнов Е. И., 1951, с. 60—70.

⁸ Марковин В. П., 1960, с. 80, 81.

⁹ Крупнов Е. И., 1960, с. 108.

¹⁰ Крупнов Е. И., 1962, р. 6—12; Крупнов Е. И., 1965, с. 331—338; Он же, 1969, № 1, с. 16.

¹¹ Техов В. В., 1972, с. 35, 36; Он же, 1977, с. 4.

¹² Иессен А. А., 1953, с. 104—110; Он же, 1954, с. 126—130.

Е. И. Крупнов считает нижнюю дату до IX в. до н. э.¹³ Правомерность подобного расширения рамок данного периода была подтверждена и на материалах Глийского могильника: Б. В. Техов датирует эпоху раннего железа с конца X—IX вв. до н. э.¹⁴ Тем не менее многие северокавказские археологи до сих пор пользуются укороченной хронологией А. А. Иессена¹⁵. Основываясь на этом, А. И. Тереножкин поставил новочеркасскую ступень развития предскифских культур после черноморской и сделал вывод о приоритете степняков-киммерийцев в овладении железоделательным производством, которое, по его мнению, у них переняли другие племена, включая северокавказские¹⁶.

Но, пожалуй, самая острая проблемная ситуация вокруг периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа сложилась на Северо-Восточном Кавказе, где долгое время в рамках названных эпох определялось историческое место каякентско-хорочевской культуры, считавшейся одновременной кобанской культуре¹⁷. Придерживавшийся этих взглядов Е. И. Крупнов, распространяя свою периодизацию на Северо-Восточный Кавказ, отнес к первому и даже второму периодам раннежелезного века целый ряд таких памятников (каякентско-хорочевские могильники, Талгинский могильник и др.), где железо вообще не было представлено¹⁸. К тому же он отказался принять нижнюю радиоуглеродную дату Серженъ-Юртовского поселения 1190±95 г. до н. э.¹⁹, подтвердившую достоверность определенного им же самим возможного начала первого периода именно с XII в. до н. э.²⁰

Все это определило необходимость дальнейших разработок периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа Северо-Восточного Кавказа. Один из первых шагов в этом направлении сделал В. И. Марковин, датировавший Зандакский могильник концом II тысячелетия до н. э. — VIII в. до н. э. и поставивший вопрос о начале использования железа древним населением Северо-Восточного Кавказа в те же исторические сроки, что и в Закавказье²¹. Однако в вышедшей вскоре монографии, содержащей трехчленную периодизацию памятников Северо-Восточного Кавказа конца II — начала I тысячелетия до н. э., Зандакский могильник был отнесен им к третьему периоду (после IX в. до н. э.) — периоду «явного перехода к железу», тогда как памятники (в основном каякентско-хорочевские) первого (XIII—XI вв. до н. э.) и второго (XI—IX вв. до н. э.) периодов — к эпохе поздней бронзы,

¹³ Крупнов Е. И., 1964, с. 354; Он же, 1969, с. 16.

¹⁴ Техов Б. В., 1972, с. 35, 36.

¹⁵ См., например: Анфимов Н. В., 1961, с. 103—126; Виноградов В. Б., 1972, с. 131; Чеченов И. М., 1974, с. 19, 28. Виноградов В. Б., Рунин А. П., 1976, с. 52.

¹⁶ Тереножкин А. И., 1976, с. 20, 22, 186—208.

¹⁷ Круглов А. П., 1958, с. 93; Крупнов Е. И., 1951, с. 225.

¹⁸ Крупнов Е. И., 1964, с. 339, 340.

¹⁹ Крупнов Е. И., 1969, с. 17.

²⁰ Там же, с. 16.

²¹ Марковин В. И., 1964, с. 87.

поскольку в их материалах «еще нет железа, хотя в соседнем Закавказье с XII—XI вв. до н. э. начинают появляться первые изделия из нового металла»²².

Большая работа в области хронологии памятников «восточного варианта» кобанской культуры проделана В. И. Козенковой, выделившей три разновременные группы погребений на Серженъюртовском могильнике. Первая из них датирована ею X—IX вв. до н. э., в том числе всаднические захоронения — концом IX — серединой VIII вв. до н. э., а две других — переходная и вторая — суммарно — серединой VIII — рубежом VIII—VII вв. до н. э.²³ В. И. Козенкова в отличие от Е. И. Крупнова признает достоверность нижней радиоуглеродной даты Серженъюртовского поселения²⁴. Но и эти хронологические разработки нельзя признать окончательными, поскольку нижняя дата Серженъюртовского поселения отнесена теперь к XII в. до н. э., а одновременного ему могильника — на два столетия позднее — к X в. до н. э.

Разработкой периодизации и хронологии соответствующих памятников занимались и дагестанские археологи, которым удалось доказать принадлежность каякентско-хорочевской культуры к заключительному этапу эпохи средней бронзы²⁵, выявить памятники эпохи поздней бронзы²⁶, охарактеризовать местные культуры начала широкого распространения железа²⁷, уточнить хронологический рубеж между эпохами поздней бронзы и раннего железа²⁸.

Все эти и многие другие, не упомянутые здесь исследования создали необходимую основу для решения главной задачи — разработки периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа Северо-Восточного Кавказа, опирающейся на новейшие археологические материалы и увязанной с соответствующими схемами, принятыми ныне для других областей Кавказа.

Настоящая работа является первым опытом подобного исследования, ставящим своей целью сопоставление материалов из обнаруженных в Дагестане и Чечено-Ингушетии могильников широкого хронологического диапазона (Мутерган, Зандак, Серженъюрт) с подобными же материалами из хорошо изученных и надежно датированных памятников Кавказа, в первую очередь Закавказья. При этом в основу нами ставятся изменения предметов вооружения и принадлежностей конской сбруи, поскольку именно эти категории материальной культуры наиболее чутко и быстро реагировали на эпохальные и региональные изменения в производстве и военном деле.

По имеющимся материалам представляется возможным выделить в пределах рассматриваемых эпох три последовательных

²² Марковин В. И., 1969, с. 82, см. также таблицу на с. 85.

²³ Козенкова В. И., 1977, с. 81, 82.

²⁴ Козенкова В. И., 1977, с. 8; Она же, 1977, с. 71.

²⁵ Котович В. Г., 1978, с. 46—76.

²⁶ Пичуль М. И., 1959, с. 157—164; Котович В. М., 1978, с. 77—98.

²⁷ Давудов О. М., 1974, с. 31—110.

²⁸ Котович В. Г., 1978, с. 17—23.

периода: а) первый период эпохи поздней бронзы (ПБ-I) — XIV—XIII вв. до н. э., б) второй период эпохи поздней бронзы (ПБ-II) — XII—X вв. до н. э., в) период начального освоения железа (РЖ-I) — IX — первая половина VII в. до н. э.

ПБ-I характеризуется материалами Талгинского, Кабарьтуканского и Мискинбулакского могильников в Дагестане еще тесно связанных основными чертами погребального обряда и керамикой с памятниками предшествующей каякентско-хорочоевской культуры. Ощутимые изменения претерпел, однако, металлический инвентарь (рис. 2, 1—12) — исчезли широколопастные височные подвески и сурьмяные украшения, характерные для каякентско-хорочоевской культуры. Взамен них появляются массивные прутковые подвески и браслеты²⁹.

Более многочисленны, чем в каякентско-хорочоевских памятниках, предметы вооружения. Отметим среди них кинжалные клинки (рис. 2, 1, 8, 11), типичные для конца среднебронзовой эпохи³⁰. Крупные бляхи — принадлежность панциря и конской узды, — представлены как архаическими формами, восходящими к образцам среднебронзовой эпохи (рис. 2, 9)³¹, так и более развитыми формами с петлей на обратной стороне (рис. 2, 10)³².

Отмеченные особенности погребального обряда и инвентаря названных памятников позволяют поставить их следом за каякентско-хорочоевскими и датировать с их помощью ПБ-I XIV—XIII вв. до н. э.

К ПБ-II отнесены памятники с богатыми наборами бронзовых изделий, включающими разные типы оружия (втульчатые наконечники копий, наконечники стрел, кинжалы, топоры, принадлежности конской сбруи и др.) и украшений (браслеты, головные булавки, гривны, бусы, подвески и др.). Многие из них без заметных морфологических изменений бытовали и в последующем РЖ-I. Это существенно осложняет возможности разграничения периодов ПБ-II и РЖ-I. Решающим критерием в этом отношении должно служить железо; в ПБ-II оно встречается крайне редко, тогда как в РЖ-I железо (и сталь) наряду с бронзой уже сравнительно часто применяется для изготовления оружия, а порою и украшений.

Всем этим условиям отвечают материалы древнейших погребений Мугерганского (рис. 2, 30—35 — погребение № 6, 1975; рис. 2, 14—16 — конское погребение 1974 г.)³³, Зандакского (рис. 2,

78, 79 — погребение № 1; рис. 2, 53—68 — погребение № 2³⁴; рис. 2, 75—77 — погребение № 15; рис. 2, 80—82 — погребение № 9)³⁵ и Серженъюртовского (рис. 2, 40—45, — погребение № 38; рис. 2, 46—52 — погребение № 39; рис. 2, 69—74 — погребение № 42; рис. 2, 83—90 — погребение № 39³⁶; рис. 2, 91—100 — погребение № 70³⁷) могильников, а также некоторые внекомплексные находки бронзового оружия с территории Дагестана (рис. 2, 17—29, 37—39)³⁸. Правомерность отнесения этих памятников к ПБ-II подтверждают и характерные особенности представленных в них изделий.

На смену каменным преимущественно кремневым наконечникам стрел предшествующих эпох приходят костяные (рис. 2, 34)³⁹ и бронзовые. Последние представлены наконечниками типа площадков (рис. 2, 57, 58, 94) и длинночерешковыми (рис. 2, 35)⁴⁰; оба типа с XIII—XII вв. до н. э. широко распространяются в Закавказье⁴¹, однако их местное производство в Дагестане подтверждается находкой каменной литейной формочки (рис. 2, 36) на поселении Гургур Раал (Гунибский район)⁴². Помимо того, в погребении 35 и 38 (Серженъюртовского могильника) найдено 2 двуллопастных втульчатых наконечника (рис. 2, 42). В. И. Козенкова находит им аналогии среди центральноевропейских и сибирских материалов второй половины и конца II тысячелетия до н. э.⁴³, в дополнение к которым мы можем теперь указать на аналогичные находки из святилищ Шилда в Кахетии, датируемого XIV—XII вв. до н. э.⁴⁴

Нередки в памятниках ПБ-II и втульчатые наконечники копий (рис. 2, 34, 37, 38, 46, 70, 83, 99). Для наших целей особенно важны наконечники с гладкой закрытой втулкой (рис. 2, 34, 46, 99) и с двумя рельефными валиками на втулке (рис. 2, 38, 83)⁴⁵, совершенно аналогичные закавказским, вошедшим в широкое употребление с XIII—XII вв. до н. э.⁴⁶, а также импортные из

³⁴ Пижуль М. И., 1961, с. 298—306, табл. III, 1—6; табл. IV, 1—3, 5—8, 11—14, 16, 17.

³⁵ Марковин В. И., 1964, с. 84—87, рис. 24, 3—6, рис. 25, 2, 6.

³⁶ Козенкова В. И., 1977а, с. 72, 73, табл. II—IV.

³⁷ Козенкова В. И., 1975, с. 98, рис. 3.

³⁸ Круглов А. П., 1958, с. 73—79, рис. 18; Исаков М. И., 1966, табл. 3, 5, 7, табл. 4, 7; Марковин В. И., 1969, с. 99—104, рис. 41, 42, 2, 3; Котович В. Г., Котович В. М., 1973, с. 81—83, рис. 3, 1—3; Магомедов А. Р., 1977, с. 81, рис. 1, 2; Мирзоев Р. И., 1978, рис. 1.

³⁹ Козенкова В. И., Крупнов Е. И., 1964, рис. 21, 3—5; Марковин В. И., 1964, рис. 24, 14—16.

⁴⁰ Козенкова В. И., Крупнов Е. И., 1964, рис. 21, 1, 2.

⁴¹ Куфтин Б. А., 1941, рис. 85; Есаян С. А., 1966, табл. VIII, 14—20, табл. IX, 6—10.

⁴² Раскопки В. Г. Котовича в 1967 г.

⁴³ Козенкова В. И., 1977а, с. 79.

⁴⁴ Раскопки Кахетской археологической экспедиции в 1978 г.

⁴⁵ Марковин В. И., 1964, рис. 24, 1.

⁴⁶ Куфтин Б. А., 1941, с. 67, рис. 74, 75; Чубинишвили Т. Н., 1957, с. 123, рис. 13; Есаян С. А., 1966, с. 16; Пицхелаури К. Н., 1973, табл. LXIX, 84, 187, 255; Abramichvili R., 1971, tabl. I, 130, 177, 241.

²⁹ Исаков М. И., 1957, рис. 53, 2, 3; Пижуль М. И., 1959б, рис. 2, 1, 3, 4; Котович В. М., 1978б, рис. 3, 53, 56, рис. 6, 7.

³⁰ Иссен А. А., 1951, с. 115, рис. 51, 2, 3; Джапаридзе О. М., 1955, с. 24, рис. 2, 10—12; Чубинишвили Т., 1957; Техов В. В., 1971, с. 84, рис. 22; Он же, 1977, с. 20—24, рис. 30; Гогодзе Э. М., 1972, табл. 33, 1, 3, 6, 15, 17; Нечитайло А. Л., 1978, рис. 39, 110—112.

³¹ Ср.: Марковин В. И., 1969, с. 69, рис. 30, 3, 4; Гогодзе Э. М., 1972, табл. 12, 5.

³² Котович В. М., с. 92, рис. 3, 50.

³³ Раскопки О. М. Давудова.

Карпато-Дунайского бассейна, где они получили широкое распространение в XIII—X вв. до н. э.⁴⁷

Многочисленны и разнообразны кинжалы и кинжальные клинки (рис. 2, 17—23, 44, 49, 53, 54, 69, 75, 80, 84, 97). Среди безрукояточных для нас важны как плоские клинки с отверстиями для заклёпок на плечиках (рис. 2, 44, 49, 80, 84), широко распространенные в Закавказье в середине и второй половине II тысячелетия до н. э.⁴⁸, так и более совершенные по форме клинки со средним ребром, переходящим в узкий черенок, и парными выступами с отверстиями на плечиках (рис. 2, 17, 19, 69), особенно характерные для памятников XII—X вв. до н. э. Центрального Кавказа⁴⁹.

Происходящие из древней группы погребений Серженюртовского могильника гравированные, нередко двоякоизогнутые топоры (рис. 2, 45, 47) относятся к ранним кобанским образцам, датируемым рубежом II—I тысячелетий до н. э. или XII—X вв. до н. э.⁵⁰ К тому же времени обычно относятся и топоры-тесла с ровными краями или с боковыми выступами на них⁵¹, также встреченные в древних погребениях Серженюртовского могильника (рис. 2, 52, 71, 96). А ступчатые долота, аналогичные серженюртовским (рис. 2, 48, 73, 100) встречаются в Закавказье не только в XI—X вв. до н. э.⁵², но и одним-двумя столетиями раньше⁵³.

Витые гривны (типа рис. 2, 64) появляются в Закавказье в эпоху поздней бронзы⁵⁴. Найденные в Серженюртовском могильнике пластинчатые браслеты с продольным рифлением (рис. 2, 51, 85, 87, 88, 92) В. И. Козенкова справедливо относит к числу украшений, заимствованных из Карпато-Дунайского мира, где они бытовали с конца XIII в. до н. э.⁵⁵ Подобную оценку она высказывает и в отношении браслетов с «рогатыми» концами (рис. 2, 50, 74, 82, 86, 91)⁵⁶, с чем, однако, трудно согласиться, поскольку они могут быть возведены к местным прототипам, подобным, например, браслету из Хасавюрта (Дагестан) с реалистически исполненной головкой животного на конце (рис. 2, 12)⁵⁷.

⁴⁷ Козенкова В. И., 1975, с. 56—58.

⁴⁸ См., например: Чубинишвили Т., 1957, с. 120, табл. IV, XVI; *Abgamiche R.*, 1971, tabl. I; Пицхелаури К. Н., 1973, табл. LXIX, 131; *Ломтагидзе Г. А.*, 1974, с. 164, 165.

⁴⁹ Техов Б. В., 1977, с. 94, 95, рис. 85.

⁵⁰ Джапаридзе О. М., 1953, с. 279—291; Кроунов Е., 1962, рис. 3, 6-я колонка, 5, 9; Техов Б. В., 1977, с. 81, 87, рис. 66—77.

⁵¹ Иессен А. А., 1951, с. 107, рис. 20, 23; 21, 7; Джапаридзе О. М., 1953, с. 293; Аслапов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 74, рис. 62, 1—12; Мартиросян А. А., 1964, табл. XII, 6; табл. XVI, 8; Техов Б. В., 1977, с. 115—117, рис. 91, 1.

⁵² Козенкова В. И., 1977а, с. 81.

⁵³ Чубинишвили Т., 1957, с. 123, рис. 13; Мартиросян А. А., 1964, табл. IX, 4; табл. XII, 1.

⁵⁴ Аслапов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, рис. 53, табл. XVIII, 17, 18; Пицхелаури К. Н., 1973, табл. LXIX, 198; Техов Б. В., 1977, рис. 107, 17, 18; Хачатрян Т. С., 1975, рис. 128а.

⁵⁵ Козенкова В. И., 1975а, с. 55.

⁵⁶ Там же, с. 55, 56.

⁵⁷ Марковин В. И., 1960, с. 67, рис. 15, 29; Давудов О. М., 1974б, табл. VII, 15.

Очерченный таким образом круг аналогий рассмотренным категориям инвентаря из памятников Северо-Восточного Кавказа может быть ограничен в целом рамками XII—X вв. до н. э. Однако на первый взгляд в эти рамки совершенно не укладываются встреченные там же принадлежности конской узды, обычно датируемые на Северном Кавказе не ранее VIII в., а в последнее время — с конца IX в. до н. э.⁵⁸ Это вынуждает подробнее остановиться на данном вопросе.

О происхождении и хронологии металлических наборов конской узды из северокавказских памятников доскифского периода

Накопленные в последнее время археологические материалы кобанским образом изменили существовавшие прежде представления об истории коневодства. В частности, использование верховой лошади в Восточной Европе со второй половины IV — первой половины III тысячелетия до н. э. документировано находками роговых псалий в памятниках среднестоговской культуры⁵⁹, а применение здесь боевых колесниц не позднее второй четверти II тысячелетия до н. э. подтверждено находками роговых псалий с шипами в памятниках степных культур эпохи бронзы и следов колесницы в могильнике Синташта⁶⁰.

История коневодства на Кавказе изучена еще недостаточно. Считается, что оно возникло здесь уже в III тысячелетии до н. э.⁶¹ На Северном Кавказе существование коневодства документируется находками бронзовых псалий в памятниках майкопской культуры⁶², изображениями всадников⁶³ и легких колесниц⁶⁴ в памятниках эпохи средней бронзы, а для последующих эпох — широким распространением изображений коней и всадников в наскальных росписях⁶⁵, в декоративно-прикладном искусстве⁶⁶, наконец, появление всаднических захоронений⁶⁷.

Но все эти факты, свидетельствуя о длительном и непрерывном развитии коневодства на Северном Кавказе с конца III тысячелетия до н. э., не дают никаких материалов для суждения о приме-

⁵⁸ См., например: Иессен А. А., 1953, с. 109; Крупнов Е. И., 1957, с. 127; Анфилов Н. В., 1971, с. 173, 174; Козенкова В. И., 1977а, с. 74—78.

⁵⁹ Телегин Д. Я., 1973, с. 76, 77, 131—139, 162, рис. 64.

⁶⁰ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977, с. 42—45, рис. 11; Генинг В. Ф., 1977, с. 57—61, рис. 3.

⁶¹ См., например: Мунчаев Р. М., 1973, с. 71—73; Кузьмина Е. Е., 1977, с. 34, 35.

⁶² Мунчаев Р. М., 1973, с. 73—76; Он же, 1975, с. 390, рис. 42.

⁶³ Марковин В. И., 1954, с. 324—342, рис. 6, 8, 16.

⁶⁴ Круглов А. П., с. 84, 142, рис. 69; Котович В. Г., 1958, с. 71, рис. 4.

⁶⁵ Котович В. М., 1974, с. 45—48; Она же, 1976, с. 28—30.

⁶⁶ См., например: Козенкова В. И., 1967, с. 86, рис. 28, 7—9; Она же, 1972, с. 12—15; Кузьмина Е. Е., 1973, с. 178—182, рис. 1; Давудов О. М., 1974б, табл. XIV, 7, 9; Ковалевская В. Б., 1977, с. 61—66.

⁶⁷ Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 46, рис. 18; Козенкова В. И., 1977а, с. 72—74, табл. I.

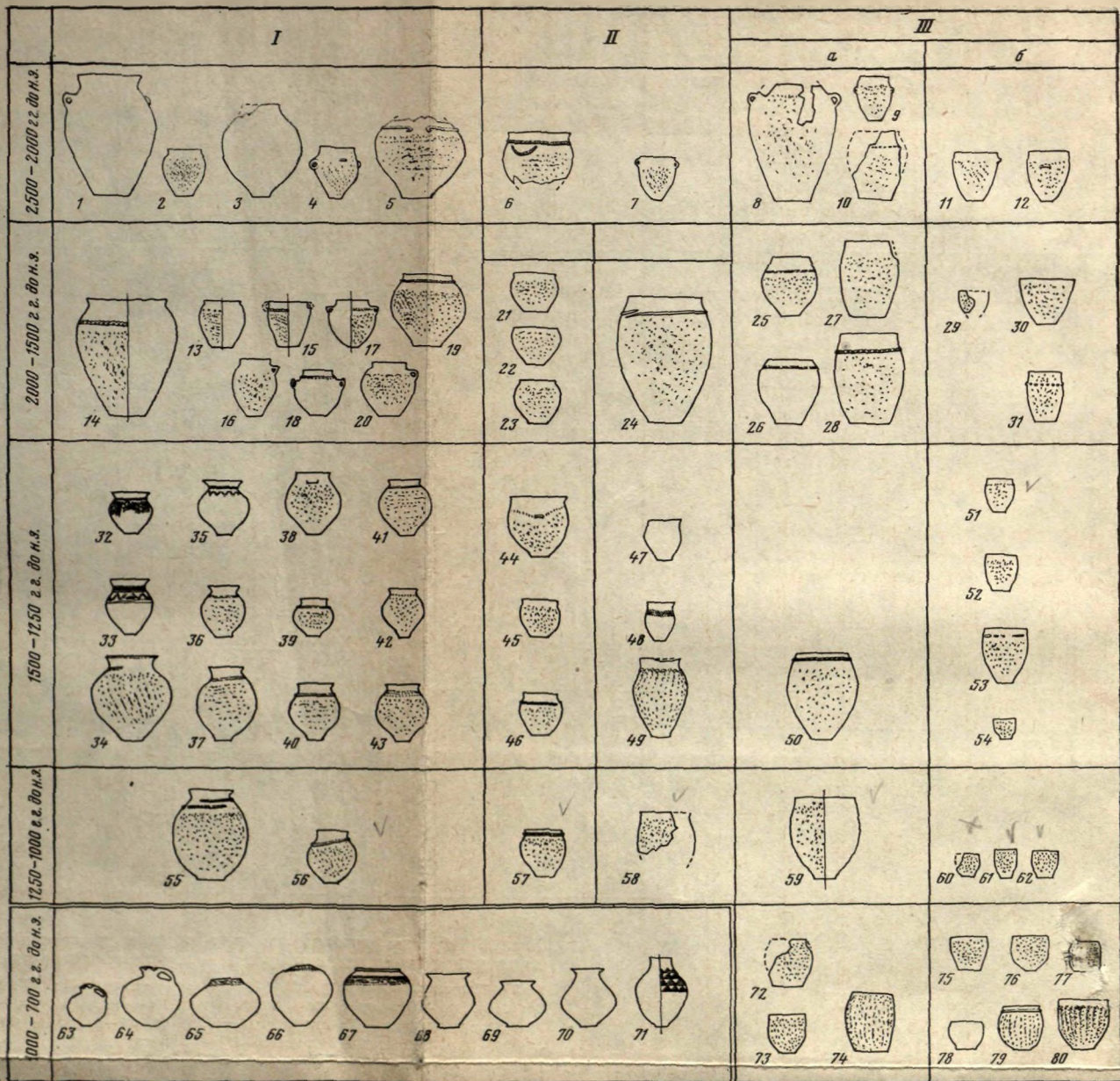

Рис. 7. Типы керамики из дагестанских памятников эпохи бронзы и предкифского периода

1—12 — эпоха ранней бронзы (1, 3, 5, 8 — Великент, 2, 6, 10 — Верхний Гуниб, 4, 7, 9, 11, 12 — Гою); 13—31 — эпоха средней бронзы (13, 14, 23 — Манас, 15—18, 20, 21, 24, 27, 28, 30, 31 — Гинчи, 19, 22, 25, 26, 29 — Верхний Гуниб); каякентско-хорочевские памятники (32, 33, 48 — Каякент, 34, 37, 44—46, 49—52, 54 — Тарки, 35 — Беркей, 38—42, 47, 53 — Хорочой, 43 — Маджалис); 55—62 — эпоха поздней бронзы (55, 61, 62 — Кабарты — кутан, 56—57 — Талги, 58—60 — Мискин-Булак); 63—80 — предкифский период (63—67, 72, 73, 75, 76 — Мугергав, 68—71, 78—80 — Зандак, 74, 77 — Шахсенгер)

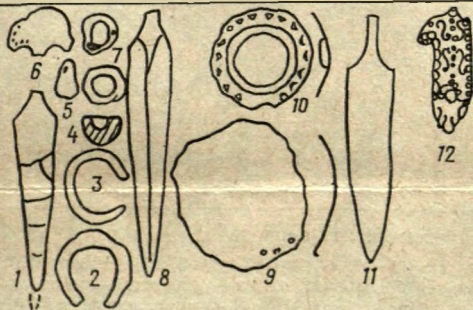
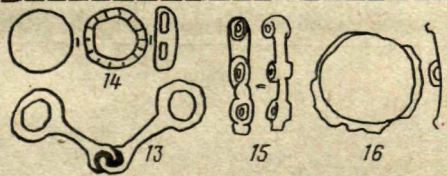
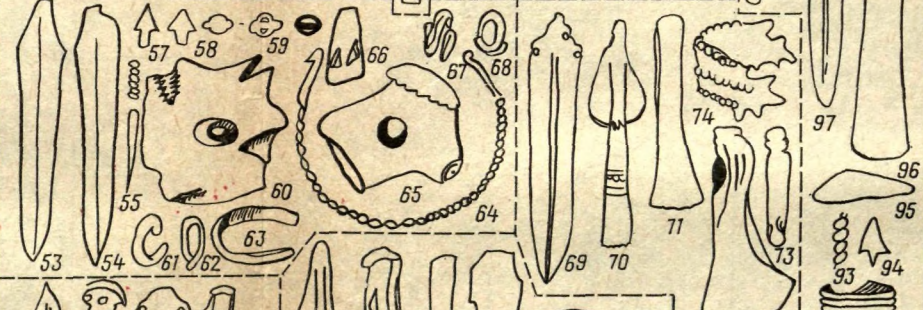
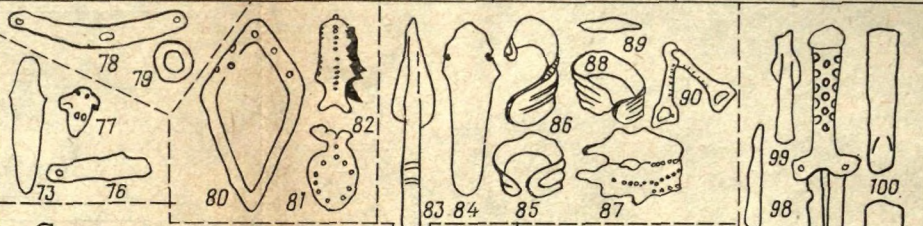
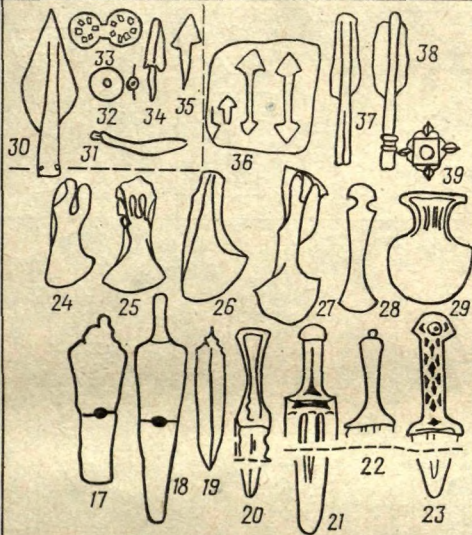
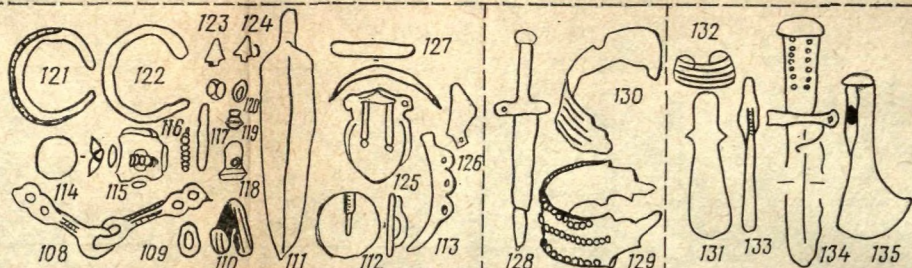
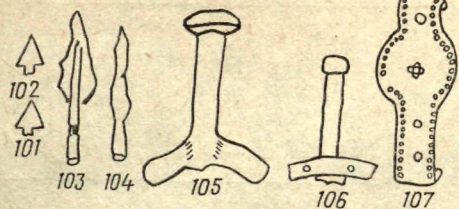

Рис. 2. Образцы изделий из дагестанских и северо-восточнокавказских памятников эпохи поздней бронзы — начала эпохи раннего железа

1-9 — Талги (1-7 — погр. 1; 8, 9 — погр. 6), 10 — Мяски-булак (погр. 4); 11 — Кули; 12, 26 — Хасавюрт; 13-16, 30-35, 103-105, 107 — Мургеран (13-16 — конск. погр. 1974 г., 30-35 — погр. 6, 1975 г. — раскопки О. М. Давудова, 103-105, 107 — раскопки М. И. Пякуль); 17-19 — бывш. Казикумухский округ; 20 — Маджалис; 21 — Хуштада; 22, 25 — «из Дагестана»; 23 — Карчаг; 24 — Ругуджа; 27, 39 — Хунзах; 28 — Чох; 29 — Дербент; 36 — Гургур раал (Согратль); 37-38 — Турчи; 40-52, 69-74, 83-100, 128-135 — Серженъюрт (40-45 — погр. 38; 46-52 — погр. 39; 69-74 — погр. 42; 83-90 — погр. 39; 91-100 — погр. 70; 128-130 — погр. 44; 131-135 — погр. 26); 53-68, 75-82, 108-127. Зандан (53-68 — погр. 2; 78, 79 — погр. 1 — раскопки М. И. Пякуль; 75-77 — погр. 15; 80-82 — погр. 9; 108-127 — погр. 38 — раскопки В. И. Марковина); 101, 102 — Шах-Сенгер (погр. 2); 106 — Хосрех (раскопки О. М. Давудова, 1977); (11, 12, 17-29, 36-39 — случайные находки) 1-32, 35, 37-59, 61-64, 66-75, 77, 80, 82-101, 103, 107-127, 130-132, 135 — бронза; 34, 60, 65, 76, 78, 79, 81 — кость; 36 — камень; 102, 104, 133 — железо; 105, 106, 128, 134 — бронза и железо

нявшихся здесь типах конской упряжи, особенно о металлических принадлежностях узды — удила и псалиев. Между тем освещение вопроса о времени появления здесь металлических принадлежностей конской узды имеет важное значение не только для истории коневодства, но и, как отмечалось, для хронологии северокавказских памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа. Хронологическая схема развития металлических наборов конской узды из предскифских памятников Северного Кавказа разработана более 25 лет тому назад и, естественно, требует внесения корректив⁶⁸.

В поисках решения данного вопроса следовало бы в первую очередь привлекать закавказские материалы, поскольку коневодство в Закавказье имеет столь же давние традиции, к тому же именно оттуда происходят древнейшие (исключая упоминавшиеся выше майкопские псалии) образцы металлических принадлежностей конской узды⁶⁹. Однако данное обстоятельство до сих пор практически совершенно не учитывалось северокавказскими исследователями. При рассмотрении вопроса о происхождении и хронологии металлических принадлежностей конской узды решающее значение обычно придается хронологическим эталонам из памятников южнорусских степей и более отдаленных областей Средней Европы, а возможные параллели тем же предметам в соседнем Закавказье попросту игнорируются, хотя типологическое и хронологическое сопоставление соответствующих изделий, находимых по обе стороны Кавказского хребта, особенно важно. Думается, что только этим можно объяснить молчаливо признаваемое ныне существование значительного (в 5—6 столетий) хронологического разрыва между появлением металлических принадлежностей конской узды в Закавказье (не позднее XIV в. до н. э.) и на Северном Кавказе (с VIII, либо с конца IX в. до н. э.). Между тем привлечение закавказских материалов позволяет обрисовать совершенно иную картину.

Представляется возможным выделить по имеющимся материалам два последовательных периода в развитии металлических принадлежностей конской узды в Закавказье. На раннем этапе (XIV—XII вв. до н. э.) с возможным углублением нижней даты (в XV в. до н. э.) получают распространение удила с напускными колесовидными псалиями, восходящие к передневосточным образцам. Удила с подобными псалиями применялись в колесничных задряжках⁷⁰. И закавказские материалы дают тому новое подтверждение: появление удил с колесовидными псалиями совпадает здесь с начавшимся во второй половине II тысячелетия до н. э. распространением колесниц⁷¹.

⁶⁸ Иссен А. А., 1953; *Он же*, 1954.

⁶⁹ Куфтин Б. А., 1941, с. 58—63; Пиотровский Б. Б., 1959, с. 151—157; Крупнов Е. И., 1957, с. 125, 126; Мартыросян А. А., 1964, с. 100, 145; Potratz H. A., 1941, Bd. XIV, H. 1—2.

⁷⁰ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е., 1977, с. 54.

⁷¹ Мнацаканян А. О., 1957, с. 146—153; Пиотровский Б. Б., 1962, с. 341—343; Есян С. А., 1966, с. 137—143; Пицхелаури К. Н., 1977, с. 478, рис. 479.

Однако в отличие от передневосточных удил в виде прямого или слегка изогнутого стержня (рис. 3, 1, 2) закавказские удила были двучастными. Они изготовлялись в литье, вследствие чего их внутренние соединительные петли были цельными, без зазоров. Наружные концы удил первоначально, как, например, в Лчапене оформлялись в виде фигурных утолщений (рис. 3, 3—5)⁷², затем их стали оформлять в виде петель. Особенно часто им придавалась Д-образная форма, засвидетельствованная находками из погребения 433 Артиковского могильника (рис. 3, 10)⁷³, Алавердского района (рис. 3, 9) в Армении⁷⁴ из Квемо-Сасирети (рис. 3, 6) в Грузии⁷⁵. Наряду с ними употреблялись удила с отверстиями на расширенных концах — прообраз одноколычатых удил, найденный в Севанском районе Армении (рис. 3, 8)⁷⁶, а также «комбинированные» с Д-образным и одноколычатым оформлением наружных концов, как на образце из погребения 79 Артиковского могильника (рис. 3, 7)⁷⁷.

В те же исторические сроки возникает всадничество и в Закавказье, о чем свидетельствуют сообщения письменных источников⁷⁸, подтверждаемые археологическими материалами. Последние представлены принадлежностями конской узды из погребения 13 Бешташенского могильника (рис. 3, 11) и погребения в Орхеви (рис. 3, 12), датируемыми ныне рубежом XIV, XIII вв. до н. э.⁷⁹ Внутренние петли найденных здесь удил — замкнутые, цельнолитые, их наружные концы одноколычатые. Сопровождавшие эти удила одноколычатые крючья, по-видимому, предназначались для прикрепления поводьев (о чем можно судить по находке в Орхеви), а у бешташенских удил были еще и роговые псалии.

Не исключено, что все эти принадлежности конской узды могли пережиточно бытовать в Закавказье и после XII в. до н. э. Однако не позднее XI в. до н. э. преобладающее положение в Центральном и Восточном Закавказье занимает новый тип удил⁸⁰ с одноколычатыми концами, напускными псалиями в виде прямых стержней с тремя отверстиями; но внутренние петли этих тоже двучастных удил уже не замкнуты, а только сомкнуты, в местах соединения со стержнем грызла обычно сохраняется зазор, свидетельствующий о том, что они соединялись друг с другом посредством поковки, а не литья. Подобные удила встречены в Арчадзо-

⁷² Мартыросян А. А., 1964, с. 100, табл. VIII, 6—8.

⁷³ Хачатрян Т. С., 1975, с. 203, рис. 117.

⁷⁴ Мартыросян А. А., 1964, с. 225, рис. 88, 2.

⁷⁵ Пиотровский Б. Б., 1959, рис. 22а.

⁷⁶ Мартыросян А. А., 1964, с. 225, рис. 88, 1.

⁷⁷ Хачатрян Т. С., 1963, с. 134, табл. 30, 3.

⁷⁸ Ковалевская В. Б., 1977, с. 65, 66.

⁷⁹ Как известно, погребение 13 Бешташенского могильника сначала датировалось XII—XI вв. до н. э. (Куфтин Б. А., 1941, с. 70, табл. XLVI; Мартыросян А. А., 1964, с. 105, 110). Затем эта дата была занижена до рубежа XIV—XIII вв. до н. э. Р. М. Абрамишвили (Абрамишвили Р. М., 1964, с. 318), с чем согласился К. Н. Пицхелаури (Пицхелаури К. Н., 1969, с. 181).

⁸⁰ Погребова М. Н., 1977, с. 79, 167 (таблица).

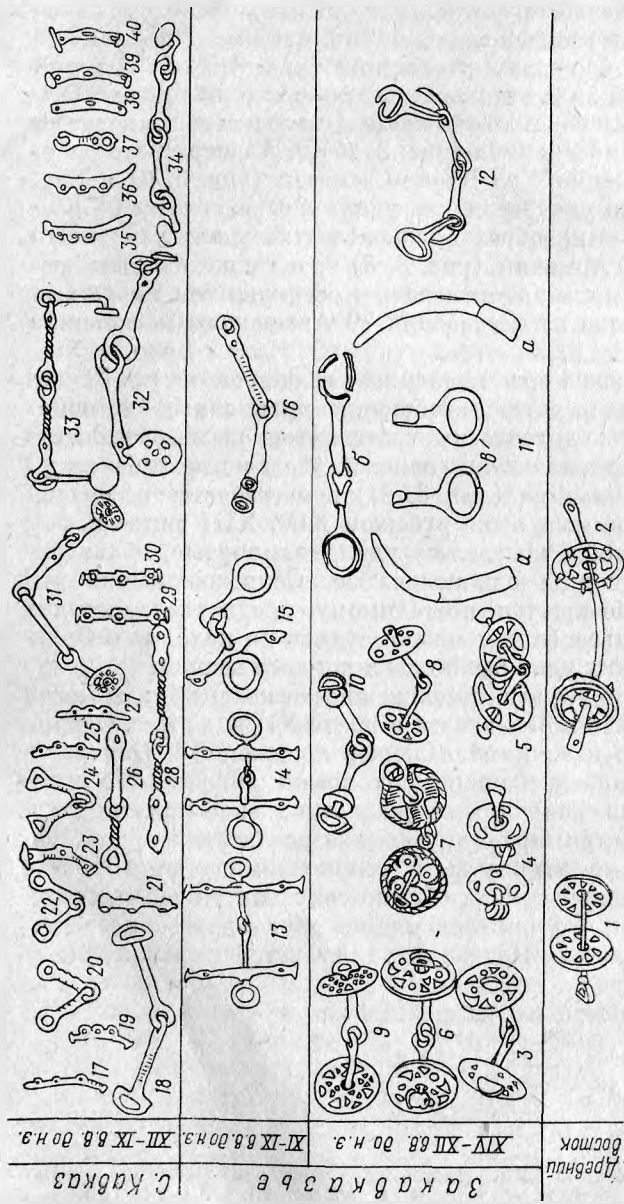

Рис. 3. Металлические наборы конской упряжи из северокавказских памятников доскифского периода и их вероятные закавказские и переднеазиатские прототипы

1 — Тель-Амарна, 2 — Таза (по А. Потрацу), 3—5 — Джашен (по А. О. Мартиросяну), 6 — Кьемо-Сасирети (по В. Б. Пюгровскому), 7—10 — Артик (по С. Т. Хачатряну), 8 — Севан, 9 — Алаверды (по А. А. Мартиросяну), 11 — Бешташени (по Б. А. Кувшину), 12 — Орхеви (по К. Н. Пидцхелаури), 13 — Кировакан (по А. А. Мартиросяну), 14 — Мингеаур (по Г. М. Асланову, Р. М. Вайдову, Г. И. Ионе), 15 — Рене (по Ш. Премашвили), 16 — Сурмуши (по А. А. Иессену), 17, 18 —

Ростов (по А. А. Иессену), 19, 20, 29, 31, 34, 39 — Кобан (по А. А. Иессену), 21, 22 — Мугеран (по О. М. Давулову), 23, 24 — Саржанджурт (по Е. И. Козенковой), 25, 26 — Эчкиванш (по В. Б. Виноградову), 27, 28, 30, 32, 33 — Кисловодск (по А. А. Иессену, В. Б. Виноградову, А. П. Рунчу, Н. И. Михайлову), 35—37 — Майкоп (по А. А. Иессену), 38 — Зандак (по М. И. Дивугаль, 40 — Ильишкан (по А. И. Тереножкину) 1—10, 110—2, 12—37, 39, 40 — бронза; 11а, 38 — рог

ре⁸¹, Кировакане (3, 13)⁸², Цинцаро⁸³, Мингеауре (рис. 3, 14)⁸⁴ и других памятниках. В некоторых случаях, как, например, в Зено-Рене, одноколычатые удила с сомкнутыми внутренними петлями сочетались со слегка изогнутыми стержневидными псалями с отверстием посередине и двумя петлями у концов (рис. 3, 15)⁸⁵. Не позднее этого времени в Западной Грузии появляются удила с двуколычатыми концами, о чем можно судить по находке из Сурмуши (рис. 3, 16), где такие удила встречены в комплексе с двойкоизогнутым гравированным кобанским топором и топором-геслом с боковыми выступами⁸⁶, которые могут быть датированы по аналогиям с материалами Тлийского могильника XII—X вв. до н. э.

Приведенные факты свидетельствуют, что на протяжении второй половины II тысячелетия до н. э. в Закавказье уже довольно широко применялась конская узда с металлическими удилами и псалями разных типов. Основываясь на этих фактах, можно с уверенностью полагать, что металлические принадлежности конской упряжи были заимствованы северокавказскими племенами наряду с другими видами оружия (наконечниками стрел и копий, кинжалами, топорами и т. п.) именно из Закавказья. Подтверждением сказанному служит то обстоятельство, что три из четырех выделенных А. А. Иессеном типов удили находят прототипы в закавказских материалах. Это прежде всего удила с Д-образными концами (рис. 3, 18, четвертый тип А. А. Иессена), встреченные в Закавказье в сочетании с колесовидными псалями (рис. 3, 6, 9, 10), затем удила с одноколычатыми концами (рис. 3, 20, 22, 34, второй тип А. А. Иессена), употреблявшиеся в Закавказье с колесовидными (рис. 3, 8) и роговыми (рис. 3, 11) псалями, а также с одноколычатыми крюками (рис. 3, 11, 12), наконечник удили с двуколычатыми концами (рис. 3, 28, 31—33, 37, первый тип А. А. Иессена), представленные пока единичными находками из Сурмуши (рис. 3, 16) и Ксанского ущелья в Душетском районе⁸⁷. Даже обнаруженный недавно на Северном Кавказе новый тип «комбинированных» удили с различным оформлением наружных концов (рис. 3, 26)⁸⁸ находит себе параллели в Закавказье (рис. 3, 7). Не имеют пока закавказских аналогий удила со стремечковидными концами (рис. 3, 24, третий тип А. А. Иессена), признаваемые ныне древнейшим типом северокавказских удили⁸⁹. Однако и их южное происхождение нельзя считать полностью исключенным: древнейший образец удили со стремечковидными концами происходит из Тель-

⁸¹ Кушнарева К. Х., 1957, с. 165, 166, рис. 2.

⁸² Мартиросян А. А., 1964, с. 145, 146, табл. XIII, 8, 9.

⁸³ Кувшин Б. А., 1941, рис. 56.

⁸⁴ Асланов Г. М., Вайдов Р. М., Ионе Г. М., 1959, табл. XXXIX, 5—8.

⁸⁵ Премашвили Ш., 1976, табл. XXVII, 6.

⁸⁶ Иессен А. А., 1953, рис. 8.

⁸⁷ Там же, с. 64.

⁸⁸ Виноградов В. Б., 1972, рис. 20, 7.

⁸⁹ Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 153; Козенкова В. И., 1977а, с. 77, 78, табл. XI.

Амарны (рис. 3, 1)⁹⁰, один экземпляр стремечковидных удил найден в Абхазии⁹¹, есть сведения о находке подобных удил в Хасанлу (Иран)⁹², но они нуждаются в подтверждении⁹³.

При рассмотрении вопроса о возможности заимствования северокавказскими племенами металлических принадлежностей конской узды из Закавказья не следует упускать из виду еще одно немаловажное обстоятельство: все северокавказские удила названных типов литые, а их внутренние петли, соединяющие двухчастные гризла, замкнуты в литье, подобно тому как это практиковалось при изготовлении древнейших закавказских удил. Из этого следует, что проникивание подобных удил на Северный Кавказ началось еще до того, как в Закавказье получили распространение удила с сомкнутыми (незамкнутыми) внутренними петлями и напускными стержневидными псалиями. Можно поэтому полагать, что применение металлических удил на Северном Кавказе началось не позднее XII — начала XI в. до н. э.

Выявленная картина подтверждается и наблюдениями над псалиями: два из пяти выделенных А. А. Иессеном северокавказских типов восходят к закавказским образцам. Подобное заключение уже высказывалось в отношении трехтрубчатых стержневидных псалиев с небольшими шляпками (рис. 3, 29, 30, третий тип А. А. Иессена), находящихся себе прямые аналогии среди соответствующих закавказских изделий, вошедших в употребление в конце II тысячелетия до н. э. (рис. 3, 13, 14)⁹⁴. Наиболее архаичные трехпетельчатые псалии в виде стержней с обрубленными или слегка расплюснутыми концами (рис. 3, 17, 19, 25, 27, 36, второй тип А. А. Иессена) могут быть подведены к стержневидным псалиям с отверстием посредине и двумя петлями у концов, встречающимся в конце II тысячелетия до н. э. в Закавказье (рис. 3, 15) и Луристане⁹⁵. А в святилище Мелаани (Кахетия), относящемся к рубежу II—I тысячелетий до н. э., наряду с обоими упомянутыми типами, встречены также псалии с четко моделированной изогнутой лопастью на одном конце⁹⁶, которые, по нашему мнению, могли послужить прототипами для еще одной разновидности северокавказских псалиев (рис. 3, 35, первый тип А. А. Иессена).

Однако при изготовлении металлических псалиев северокавказские мастера не механически копировали закавказские образцы, а приспособляли их к местным традициям, выработанным в период пользования уздой с мягкими ременными удилами и роговыми псалиями (типа рис. 2, 76, 78). У всех северокавказских псалиев, которые традиционно привязывались к удилам, отверстия располагались в одной плоскости, а у их южных прототипов, напускав-

шихся на стержни удил, среднее и концевые отверстия располагались под прямым углом друг к другу. По мере дальнейшего развития псалиев на Северном Кавказе изменились их некоторые детали, в результате чего появилась, например, новая разновидность трехтрубчатых псалиев с крупными шляпками (рис. 3, 23)⁹⁷, а на основе простых трехпетельчатых псалиев (рис. 3, 17, 19, 25, 27, 36) вырабатывается (возможно, под закавказским влиянием) более сложный тип со шляпкой и изогнутой лопастью (рис. 3, 35).

Были выработаны здесь и местные типы псалиев. К их числу следует относить, по нашему мнению, трехдырчатые псалии (рис. 3, 39, четвертый тип А. А. Иессена), восходящие в своих простейших формах к роговым прототипам (рис. 3, 38, пятый тип К. Ф. Смирнова⁹⁸); в дальнейшем у них также появляются шляпки, порою довольно крупные (рис. 3, 40). Еще одна разновидность северокавказских псалиев выявлена недавно на Мугерганском могильнике (рис. 3, 21); это круглый стержень с тремя овальными трубчатыми отверстиями, верхний конец венчает одна из трубок, нижний обломан⁹⁹.

Можно полагать, что на Северном Кавказе были выработаны и своеобразные приспособления для закрепления поводьев в виде дополнительных звеньев к удилам. Основой для них послужили, по нашему мнению, употреблявшиеся в Закавказье для той же цели однокольчатые крючья (рис. 3, 11, 12), подвергшиеся некоторым изменениям: с удилами они соединялись замкнутыми литыми петлями, а на концах у них вместо колец стали крепиться сначала колесовидные псалии (рис. 3, 31, 32), замененные затем гладкими дисками. Последние обычно применялись с двухкольчатыми удилами (рис. 3, 33)¹⁰⁰, а на Северном Кавказе — иногда и с однокольчатыми (рис. 3, 34).

Основываясь на изложенном, можно заключить, что использование металлических принадлежностей конской узды (как привозных, так и изготовленных по привозным образцам) началось на Северном Кавказе раньше, чем это представлялось, вероятно, не позднее XII в. до н. э. Особенно широкое распространение они получили на новочеркасском этапе, который, по А. А. Иессену, «хронологически совпадает с поздним комплексом древнекобанской культуры»¹⁰¹, где уже представлено железо. Поэтому его следует датировать ныне с IX или конца X в. до н. э.¹⁰², а отнюдь не с VIII в. до н. э.

⁹⁰ Potratz A., Z. 10, 11.

⁹¹ Иессен А. А., 1954, с. 128.

⁹² Dyon R., 1965, vol. 24, N 3, p. 208, 209; Ковалевская В. Б., 1977, с. 76.

⁹³ Погребова М. И., 1977б, с. 81.

⁹⁴ Тереножкин А. И., 1976, с. 160.

⁹⁵ Куфгин В. А., 1941, рис. 57, 5.

⁹⁶ Пицхелаури К. Н., 1965, с. 122, табл. XXII, 4; XXIII, 3.

⁹⁷ Древнейшие образцы подобных псалиев происходят из Серженюртовского могильника на Северном Кавказе; см. об этом: Козенкова В. И., 1977а, с. 76, 77.

⁹⁸ Смирнов К. Ф., 1961, с. 65—67, рис. 12.

⁹⁹ О возможности широкого распространения этой разновидности псалиев в предскифском периоде свидетельствуют находки их костяных подражаний, происходящие из киммерийских памятников с территории Украины, см. об этом: Тереножкин А. И., 1976, рис. 11, I, рис. 36, I.

¹⁰⁰ Иессен А. А., 1953, с. 57—70; Тереножкин А. И., 1976, с. 151.

¹⁰¹ Иессен А. А., 1954, с. 127.

¹⁰² Крупнов Е. И., 1969, с. 13—19; Техов Б. В., 1977, с. 192.

Все сказанное свидетельствует в пользу предложенной датировки рассмотренных принадлежностей конской узды концом II — рубежом II—I тысячелетий до н. э. и тем самым еще раз подтверждает правомерность определения хронологии ПБ—II в рамках XII—X вв. до н. э. Примечательно, что определяемый таким образом нижний хронологический рубеж ПБ—II подкрепляется еще и упомянутой выше датировкой радиоуглеродной датой Серженьюртовского поселения 1190 ± 95 г. до н. э., т. е. тот же XII в. до н. э.

В целом же ПБ—II на Северо-Восточном Кавказе, как и в других частях данного региона, характеризуется расцветом бронзовой индустрии и первым появлением железных изделий, представленных преимущественно небольшими железными ножами с прямой и изогнутой спинкой¹⁰³. О зарождении местной черной металлургии свидетельствуют найденные на Сигитминском поселении отходы сыродутного процесса в виде сидеритовых шлаков¹⁰⁴.

Хронологические рамки РЖ—1 определяются вслед за Е. И. Крупновым, в пределах IX — первой половины VII в. до н. э.¹⁰⁵ Их нижний рубеж согласуется с соответствующими датами периода начального освоения железа, принятыми в настоящее время для Закавказья (XI—X вв. до н. э.)¹⁰⁶ и степей Юго-Восточной Европы (IX в. до н. э.)¹⁰⁷, а верхний — середина VII в. до н. э. определяется началом периода массового внедрения железа или скифского периода.

К РЖ—1 относятся те комплексы Мугерганского (рис. 1, 103—105, 107)¹⁰⁸, Зандакского (погребение 38, рис. 2, 108—127)¹⁰⁹, Серженьюртовского (погребения 16, 24, 26—31, 36, 44, 48, рис. 1, 128—135)¹¹⁰ могильников, в инвентаре которых уже постоянно встречается железное (и стальное) оружие, изготовленное по бронзовым прототипам. Самыми характерными среди них являются железные наконечники стрел типа площадков (рис. 2, 102) и втульчатые наконечники копий (рис. 2, 104, 133), а также биметаллические кинжалы (рис. 2, 105, 106, 128, 133). Широкое распространение всех этих видов железного и биметаллического оружия именно с IX в. до н. э. признается многими исследователями¹¹¹. Это позволяет отказать от дополнительной аргументации хронологических рамок РЖ—1.

¹⁰³ Козенкова В. И., Крупнов Е. И., 1964, с. 77; Козенкова В. И., 1977а, с. 72.

¹⁰⁴ Бредэ К. А., 1959, с. 26, 27.

¹⁰⁵ Крупнов Е. И., 1964, с. 331—338; *Он же*, 1969, с. 16; Котович В. Г., 1978б, с. 23.

¹⁰⁶ См., например: Абрамишвили Р. М., 1957, с. 116—124; Пиццелаури К. П., 1973, с. 220, 221; Маргиросян А. А., 1964, с. 132, 160, 193; Хачагрян Т. С., 1975, с. 232, 233.

¹⁰⁷ Тереножкин А. И., 1976, с. 207, 208.

¹⁰⁸ Пикуль М. И., 1973, т. III, с. 41—50.

¹⁰⁹ Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 46, 47, рис. 18.

¹¹⁰ Козенкова В. И., 1977а, с. 73, 74, 81—83, табл. VII, VIII.

¹¹¹ Абрамишвили Р. М., 1957, табл. I, 118—147; Даниелян О. А., 1965, с. 99—113; Гезов Б. В., 1972, рис. 2, 185, 225, 232; Пикуль М. И., 1973, с. 45, 46, рис. 9; Давудов О. М., с. 64, табл. XIX, 133, 134.

Следует отметить, что обоснованное таким образом расчленение разнообразных предметов вооружения и конской сбруи в рамках предложенной периодизации позволяет хронологически подтвердить разработанные ранее схемы типологической эволюции отдельных категорий этих предметов¹¹². В свою очередь, может быть обрисована более широкая картина развития важнейших типов кавказского вооружения во второй половине II — начала I тысячелетия до н. э. Первым опытом подобного рода является предлагаемая нами схема развития оружия и конской сбруи на Северо-Восточном Кавказе, недостающие звенья которой восполнены в необходимых случаях материалами из закавказских и северокавказских памятников. В ней отражены последовательные этапы эволюции наконечников стрел (рис. 4, 1—6), копий (рис. 4, 7—13), безрукоятных кинжалных клинков (рис. 4, 14, 19, 22—24, 30), кинжалов с рукоятями (рис. 4, 17, 18, 25, 26—29, 31—34, 35—37), псалий (рис. 4, 39—41, 43—52), удила (рис. 4, 40—42, 53, 55—57), блях от уздечки (рис. 4, 60, 61). Все это еще раз подтверждает их местное, кавказское происхождение.

О кавказском происхождении биметаллических кинжалов и мечей

В предскифском периоде на Северном Кавказе, в степях Северного Причерноморья, на Средней Волге и в Центральной Европе получили широкое распространение биметаллические кинжалы и мечи, происхождение которых вот уже более 25 лет привлекает внимание специалистов. Не останавливаясь на историографии этого вопроса, напомним лишь, что к настоящему времени намечилось два разных подхода к его решению.

Немногочисленные поначалу находки подобного оружия из Центрального Предкавказья были еще в 1950 г. выделены Е. И. Крупновым в «сугубо местный» тип, названный «кабардино-пятигорским»¹¹³. Позднее ареал находок биметаллических кинжалов на Северном Кавказе заметно расширился, что позволило Н. В. Анфимову внести коррективы в первоначальные оценки и считать этот вид предскифского оружия северокавказским¹¹⁴. Мнение о северокавказском происхождении биметаллических кинжалов высказывали также А. А. Иессен¹¹⁵, Н. Л. Членова¹¹⁶, В. Подборский¹¹⁷. В последнее время над доказательством кавказского происхождения подобного оружия плодотворно работает В. И. Козенкова¹¹⁸.

¹¹² Козенкова В. И., 1975б, с. 91—100; *Она же*, 1977а, с. 76—78, табл. XI; Давудов О. М., 1976, с. 16—18; Котович В. Г., 1976а, с. 27, 28; *Он же*, 1978, с. 110—123.

¹¹³ Крупнов Е. И., 1950, с. 263.

¹¹⁴ Анфимов Н. В., 1965, с. 196—198.

¹¹⁵ Иессен А. А., 1953, с. 75.

¹¹⁶ Членова Н. Л., 1967, с. 20; *Она же*, 1975, с. 80.

¹¹⁷ Podborský V., 1967, S. 219, 220.

¹¹⁸ Козенкова В. И., 1975, с. 91—101; *Она же*, 1975, с. 65—67; *Она же*, 1977, с. 81, 82.

погр. 44; 55 — погр. 56); 4, 5 — Шах-Сенгер (погр. 2); 6 — Карабудахкент (Дар. музей); 7, 20, 21, 23 — Турчи (сборы А. Л. Млокозевич); 14, 15 — Тагли (14 — погр. 1; 15 — погр. 6); 16 — Кули (сборы О. М. Давудова; 17 — Тазакед (по А. А. Маргарсяну); 18 — Наркяви (ГМГ, № 145-64-1); 25, 47, 52, 57 — Кюбаль (по П. С. Уваровой и А. А. Исесену); 26 — Знахур (по Р. Н. Мирзоену); 27 — Карчаг (сборы В. Г. Котювача); 29, 48 — Кисловск (по В. Б. Виноградову и А. А. Исесену); 31 — Самгаро, погр. 327 (по Р. М. Абрамшвили); 33 — Хосрех (раскопки О. М. Давудова); 35 — Змейская (по В. И. Козенковой); 37 — Куг (сборы О. М. Давудова); 38 — Берией (по А. П. Круглу); 40 — Кировакан (по А. А. Мартиросяну); 41 — Рене (по Ш. Премашвили); 42 — Артин, погр. 433 (по С. Т. Хачаряну); 44 — Ильинская (по А. И. Тереножкину); 49 — Каменномостская (по А. А. Исесену); 50 — Эчин-наш (по В. Б. Виноградову); 1-3, 5-12, 14-30, 40-59, 61 — Бронна; 4, 13 — железо; 13-37 — бронза и железо; 38 — камень; 39, 60 — Кость

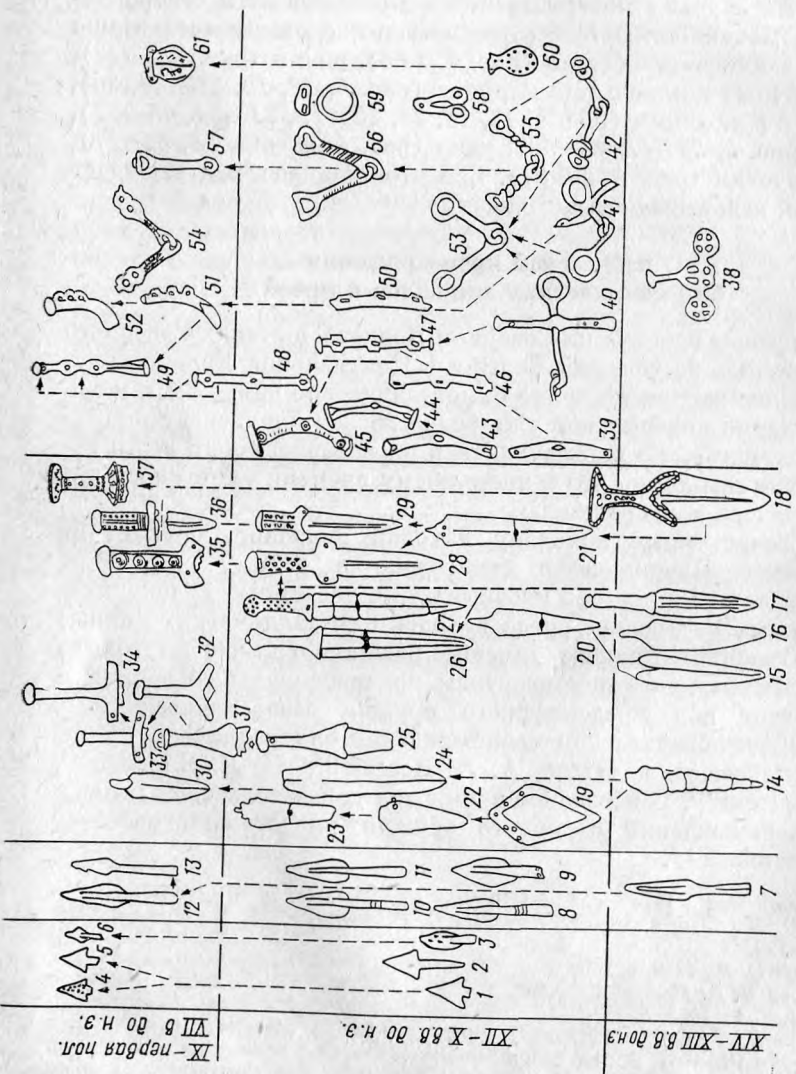

Рис. 4. Схема развития оружия на Северо-Восточном Кавказе
 1, 19, 24, 30, 39, 51, 54, 60, 46, 53, 59 — Мугреган (2, 34, 36, 45, 55, 58 — Сер-
 61 — Запак (1, 24 — 9 — погр. 6, 1975 г., 46, 58, женьюрт (3, 45 — погр. 38,
 60 — погр. 2; 39 — погр. 1; 19, 59 — конск. погр. 1974 г., 8, 11, 12 — погр. 39; 10 —
 61 — погр. 3; 30, 51, 54, 12, 32, 46 — раск. М. И. Ци- погр. 42; 13, 36 — погр. 26;
 61 — погр. 38); 2, 9, 12, 32, 38, 56 — погр. 70; 34 —

С этих позиций подходит к решению данного вопроса А. И. Тереножкин, настаивающий на том, что биметаллические кинжалы и мечи первоначально возникли в степях Северного Причерноморья, в киммерийской среде, и широко распространились затем отсюда в другие области Европы и на Северный Кавказ¹¹⁹. К этому мнению в основном присоединился и В. Б. Виноградов, правда, оговоривший возможность местного изготовления такого оружия на Кавказе по степным образцам, а также существование некоторых сугубо местных (кобанских) разновидностей биметаллических кинжалов¹²⁰.

В последние годы обсуждение этого вопроса заметно оживилось, особенно после того, как А. И. Тереножкин положил тезис о киммерийском происхождении подобного оружия в основу концепции о якобы имевшем место отставании Северного Кавказа от степных соседей в освоении черной металлургии и кузнечного ремесла, распространение которых он ставит в связь с влиянием киммерийцев¹²¹. Данное обстоятельство ярко рисует ту роль, которую неожиданно приобрел этот вопрос для освещения одного из важнейших аспектов исторического развития населения обширных регионов юга нашей страны, и обуславливает необходимость его всестороннего освещения. Начнем с рассмотрения аргументов киммерийского происхождения биметаллических кинжалов и мечей.

А. И. Тереножкиным недавно опубликована схема их эволюции, в которой выделены 4 последовательные фазы. На первой представлены только образцы карасукского оружия, найденные недавно в южнорусских степях и явившиеся, по его мнению, прототипами для всех биметаллических кинжалов и мечей. По трем остальным фазам распределены все известные образцы подобного оружия из Юго-Восточной Европы и Кавказа¹²². Но это сделано без четкой характеристики тех типологических и хронологических признаков, которые положены в основу рассматриваемой классификации, вследствие чего она в целом требует, по нашему мнению, дополнительной аргументации.

Но наибольшие возражения вызывает стремление А. И. Тереножкина вывести биметаллические кинжалы и мечи от карасукских прототипов¹²³. Несостоятельность такого подхода уже давно была показана Н. Л. Членовой, отметившей принципиальную разницу между биметаллическими, т. е. двухэлементными образцами подобного оружия, у которых рукояти и клинки изготавливались отдельно из разных или одинаковых материалов, а затем соединялись восдино, и цельнолитыми одноэлементными кинжалами и

¹¹⁹ Тереножкин А. И., 1954, с. 104, 105; Он же, 1961, с. 201; Он же, 1975, с. 19, 20.
¹²⁰ Виноградов В. Б., 1973, с. 10, 11.
¹²¹ Тереножкин А. И., 1971, с. 38; Он же, 1973, с. 18; Он же, 1975, с. 23, 31.
¹²² Тереножкин А. И., 1975, с. 3-26, рис. 18.
¹²³ Этот взгляд был впервые сформулирован еще в 1961 г. см.: Тереножкин А. И., 1961, с. 201, затем развит в других работах: Он же, 1973, с. 123-125; Он же, 1975, с. 6-8, 19, 20.

мечами карасукского типа¹²⁴. В этой связи нельзя не вспомнить, что в самой Южной Сибири данный тип оружия так и не смог развиваться в биметаллическое¹²⁵. Более того, как это убедительно показано Н. Л. Членовой, и карасукские и сменившие их тагарские кинжалы подражали западным образцам. Но древние южно-сибирские оружейники не повторяли в своих изделиях приемы изготовления, существовавших типов оружия, а воспроизводили их в своей традиционной технике — в литье, вследствие чего двухэлементное по исходным формам оружие становилось одноэлементным. Как известно, цельнолитые, т. е. одноэлементные мечи и кинжалы предскифских, а затем скифских типов были распространены в Южной Сибири почти на всем протяжении I тысячелетия до н. э.¹²⁶

Помимо того, Н. Л. Членовой удалось проследить развитие северокавказских биметаллических кинжалов от ближневосточных образцов составного двухэлементного оружия и в общих чертах обрисовать картину его распространения с Северного Кавказа в Восточную Европу. Это ярко отражено в разработанной ею схеме развития подобного оружия, в целом весьма верной и плодотворной¹²⁷. Убедительно показано в ней, что развитие одноэлементных карасукских кинжалов являлось боковой, тупиковой ветвью эволюции двухэлементного оружия. Уязвимым звеном данной схемы, по нашему мнению, является то обстоятельство, что в ней почти совершенно не учтены закавказские материалы. Между тем они свидетельствуют о первом появлении здесь составных двухэлементных кинжалов еще в III тысячелетии до н. э.¹²⁸ и о широком бытовании подобных кинжалов и мечей со второй половины II тысячелетия до н. э. Как показывает химический анализ, рукояти и клинки подобного оружия нередко изготавливались из различных сплавов бронзы¹²⁹, затем они соединялись воедино посредством термических и механических приемов. Примечательно и то, что эфесы закавказских кинжалов и мечей нередко имели трубчатые рукояти, прямое перекрестие, правда без выступающих концов и полусферическое, или — что то же — грибовидное, навершие, обычно украшенное прорезным ажурным орнаментом¹³⁰.

¹²⁴ Членова Н. Л., 1967, с. 18—20.

¹²⁵ Не могут повлиять на подобную оценку немногочисленные внекомплексные находки биметаллических и железных кинжалов в Южной Сибири, к тому же относящиеся к более позднему времени к концу тагарской эпохи (Членова Н. Л., 1967, История..., с. 21, 22).

¹²⁶ Членова Н. Л., 1967, с. 14—25; Она же, 1976, с. 7, 10 и сл.

¹²⁷ Членова Н. Л., 1975а, с. 80, 81, рис. IV.

¹²⁸ Джапаридзе О. М., 1961, рис. 32, 1, 2.

¹²⁹ Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, табл. 22, 17, 18, 33—36, 77, 78, 82—85, 99—111, 115, 116, 119, 120, 128—132; 23, 16, 17, 46—47; 25, 19—20; 26, 9, 10, табл. 27, 15—21, 33—34.

¹³⁰ См., например: Пиотровский В. Б., 1949, табл. 7; Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. М., 1959, табл. XIII, 6; Хачагрян Т. С., 1965, рис. 86; Ломтагидзе Г. А., 1974, табл. X, 2, табл. XI, 2, 3, табл. XIII, 2, табл. XIV, 2, 3.

И, по-видимому, не случайно, именно в Закавказье, точнее, в Восточной Грузии, были сделаны первые опыты по замене бронзового лезвия у такого оружия железным. Иллюстрацией этого может служить датированная концом XIV—XIII вв. до н. э. находка обломка кинжала с бронзовой рукоятью из Бешташского могильника, которую следует считать одним из древнейших образцов не только стального¹³¹, но и биметаллического оружия. Несколько позднее, с рубежа II—I тысячелетий до н. э., биметаллические кинжалы разных типов довольно широко распространяются в Закавказье¹³². По-видимому, отсюда они впервые проникают и на Северный Кавказ, где уже в VIII в. до н. э. биметаллическое оружие представлено по крайней мере 11 разновидностями, почти каждая из которых имеет на Кавказе (иногда Северном) свои бронзовые двухэлементные прототипы. Это также не было учтено Н. Л. Членовой, которая в своей схеме сводит все многообразие разновидностей биметаллических кинжалов к одному прототипу¹³³.

Отмеченные обстоятельства учтены в предлагаемой нами схеме, где анализируются только образцы биметаллического оружия, обычно привлекаемые при рассмотрении вопроса о происхождении «киммерийских» кинжалов и мечей. В ее основу положены принципы их классификации, разработанные В. Подборским, Н. Л. Членовой, В. И. Козенковой и лишь несколько дополненные и измененные с учетом закавказских данных.

По морфологическим особенностям рукоятей рассматриваемые кинжалы и мечи подразделены на 5 типов. К первым четырем соответственно отнесены кинжалы с гладкими, рамочными, рифлеными и кольчато-орнаментированными рукоятями с грибовидными навершиями. Несколько обособленно от них стоит пятый тип, характеризующийся круглыми, иногда рифлеными рукоятями, брусковидным навершием и подтреугольным или бабочковидным перекрестием.

Особое внимание привлекает развитие кинжалов первого типа — гладкорукоточных с прямым перекрестием, являвшихся, по мнению А. И. Тереножкина, главным предскифским оружием, киммерийским по происхождению¹³⁴. Н. Л. Членова, напротив, выводит их от кавказских прототипов, подобных известному бронзовому кинжалу из Кобани (рис. 5, Ia, 2)¹³⁵, с чем нельзя не согласиться,

¹³¹ Абрамшвили Р. М., 1961, XXII — В, табл. I, 1.

¹³² См., например: Куфтин Б. А., 1941, с. 58, 64, рис. 54, 55, 59, 60; Абрамшвили Р. М., 1961, табл. VII, 2; IX, 1; XI, 2; XII, 2, 1—3; XIII, 23; XIV, 1—4; Мартиросян А. А., 1964, с. 214, 215, 225, рис. 80, 83, 86; Даниелян О. А., 1965, с. 99—113; Погребова М. Н., 1966, с. 56; Пицхелаури К. Н., 1969, с. 192—195; Тегов В. В., 1972, рис. 2, 185, 225, 232; Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, рис. 15, 30, 147; 16, 10.

¹³³ Членова Н. Л., 1975а, рис. IV, 3.

¹³⁴ Тереножкин А. И., 1973а, с. 18.

¹³⁵ Членова Н. Л., 1975а, рис. IV, 2. Аналогичный кинжал, найденный вблизи г. Туапсе в комплексе с бронзовым втульчатым наконечником копья, был продемонстрирован М. Д. Тешевым на VI Крупновских чтениях в г. Краснодаре. По оценкам специалистов, эти находки могут быть датированы концом II тысячелетия до н. э.

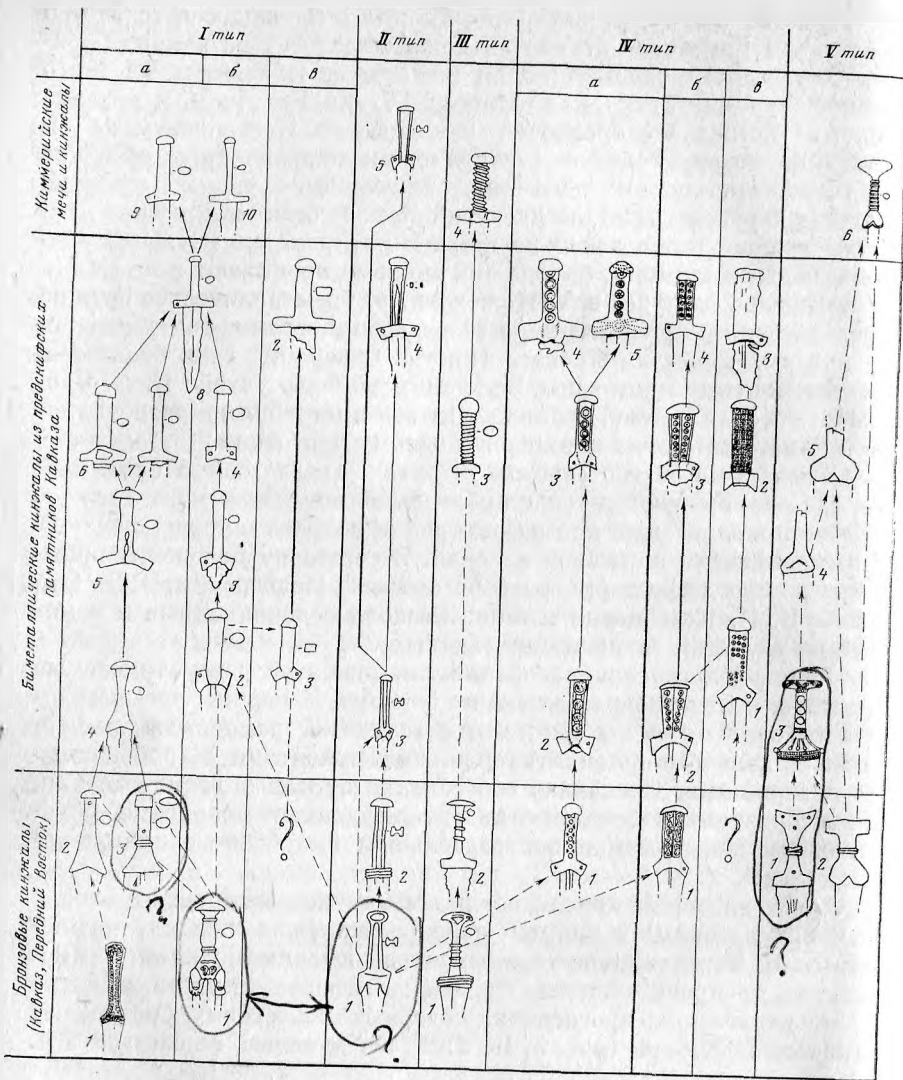

Рис. 5. Схема развития кавказских и киммерийских биметаллических кинжалов и мечей (по изменениям рукоятей)

Тип I а: 1 — Царкис-Гора, 2 — Кобань, 3 — Тли, 4 — Самтавро, 5 — Мугерган, 6 — Николаевская, 7 — Баксан, 8 — Серженъюрт, 9 — Киевский исторический музей, 10 — Головатино (1 — по О. М. Джнапаридзе, 2 — по П. С. Уваровой, 3 — по Б. В. Тихову, 4 — по Р. М. Абрамишвили, 5 — по М. И. Пикчуль, 6 — по Н. В. Анфимову, 7, 8 — по В. И. Козенковой, 9, 10 — по А. И. Тереножкину)

Тип I б: 1 — Луристан, 2 — Кисловодск, мебельная фабрика, 3 — Кескем, 4 — Каменноостокское (1 — по К. Шефферу, 2 — по В. Б. Виноградову, 3 — по Е. И. Крупнову, 4 — по В. И. Козенковой)

Тип I в: 1 — Каменноостокское, 2 — Кисловодск, мебельная фабрика (1 — по А. А. Иессену, 2 — по В. Б. Виноградову)

правда оговорив возможность расширения круга исходных форм за счет типологически близких образцов, таких, например, как бронзовый кинжал из погребения 16 (XI в. до н. э.) в Тлийском могильнике (рис. 5 Ia, 3)¹³⁶.

Но эти кинжалы показаны в схеме Н. Л. Членовой лишь в качестве боковой ветви, не получившей своего дальнейшего развития в биметаллическом оружии Кавказа, которое в ней непосредственно выводится от микенского кинжала¹³⁷. Между тем последний и хронологически и территориально выпадает из материалов, использованных при составлении рассматриваемой схемы, и это побуждает нас отказаться от того, чтобы видеть в нем исходный образец для развития кавказских и степных биметаллических кинжалов и искать таковой главным образом среди местных кавказских форм.

С учетом сказанного линия развития гладкорукоточных кинжалов типа 1а может быть намечена следующим образом: после бронзового кинжала из Кобани следует поставить, по нашему мнению, хронологически и территориально близкий ему биметаллический кинжал из погребения 327 (рубеж II—I тысячелетий до н. э.) в Самтавро. Его рукоять с уплощенно-грибовидным навершием и слабо выраженными «шипами» по краям плавно оконтоуренного рикассо весьма близка по форме рукояти кинжала из Кобани, однако лезвие его изготовлено уже из железа или стали (рис. 5, Ia, 4)¹³⁸.

О следующем этапе развития кинжалов этого типа можно судить по бронзовой рукояти из Мугерганского могильника, найденной в погребении 1 (IX—VIII вв. до н. э.) раскопа 1961 г. (рис. 5, Ia, 5)¹³⁹. У нее округлый в сечении полый ствол, четко моделированные «шипы» со слегка опущенными концами, вследствие чего образованное ими перекрестие еще сохраняет плавно изогнутые

¹³⁶ Тихов В. В., 1971, с. 153, 154, 156, рис. 56, 1.

¹³⁷ Членова Н. Л., 1975а, рис. IV, 2, 3.

¹³⁸ Абрамишвили Р. М., 1961, с. 378, 379, табл. IX, 1.

¹³⁹ Пикчуль М. И., 1973, с. 37, 46, рис. 9.

Тип II: 1 — Хивери, Талыш, 2 — Камо, 3 — Кисловодск, мебельная фабрика, 4 — Кисловодск, Березовка, 5 — Высокая Могила (1 — по Ж. де Моргану, 2 — по С. А. Есаяну, 3, 4 — по Е. И. Крупнову, 5 — по А. И. Тереножкину)

Тип III: 1 — Хивери, Талыш, 2 — Кишкедере, 3 — Эчкиваш, 4 — Субботово (1 — по К. Шефферу, 2 — по М. А. Кашкаю, и И. Р. Селимханову, 3 — по В. Б. Виноградову, 4 — по А. И. Тереножкину)

Тип IVа: 1 — Серженъюрт, 2 — Змейская, 3, 5 — Кисловодск, мебельная фабрика, 4 — Кисловодск, Кольцо-гора (1—3 — по В. И. Козенковой, 4 — по Е. И. Крупнову, 5 — по В. Б. Виноградову)

Тип IVб: 1 — Кисловодск, мебельная фабрика, 2 — Абадзехская, 3 — Благодарное, 4 — Серженъюрт (1 — по В. Б. Виноградову, 2, 3 — по Н. В. Анфимову, 4 — по В. И. Козенковой)

Тип IVв: 1 — Кисловодск, Березовка, 2 — Кубанский, 3 — Каменноостокское (1 — по В. И. Козенковой, 2 — по Н. В. Анфимову, 3 — по А. А. Иессену)

Тип V: 1 — Тли, 2 — Кобань, 3 — Куг, 4, 5 — Фаскау, 6 — Софиевка (1 — по Б. В. Тихову, 2 — по П. С. Уварову, 3 — по О. М. Давудову, 4, 5 — по Е. И. Крупнову, 6 — по А. И. Тереножкину)

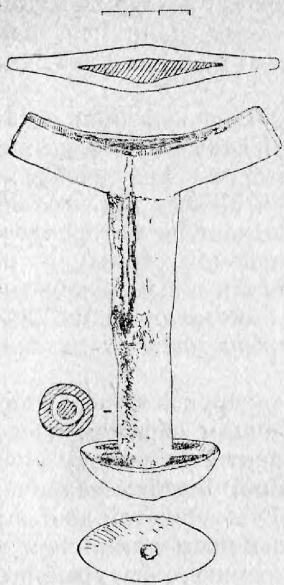

Рис. 6. Бронзовая рукоять биметаллического кинжала из погр. 4, раскопа 1961 г. на Мугерганском могильнике (раскопки М. И. Пиккуль)

очертания предшествующих образцов. От железного клинка сохранилась лишь верхняя часть, плотно обжатая с обеих сторон пластинами перекрестия, а также стержень, пропущенный через ствол рукояти с навершием и заклепанный сверху. Форма навершия овально-грибовидная, несколько вытянутая со слегка приостренными концами, что придает ему отдаленное сходство с серповидно оформленными навершиями некоторых талышских кинжалов конца II тысячелетия до н. э. (рис. 6) ¹⁴⁰.

И самтаврская и мугерганская находки, характеризующие ранние этапы развития гладкорукояточных биметаллических кинжалов с перекрестием, и хронологически и территориально находятся вне сферы влияния киммерийцев, охватывавшей, по утверждению А. И. Тереножкина, «исключительно лишь племена кобанской и протомеотской культур Северного Кавказа» ¹⁴¹, а потому их следует признать местными кавказскими формами.

Заключительные этапы их развития характеризуются, по нашему мнению, небольшими изменениями в деталях эфеса: концы «шипов» приподнимаются, образуя сначала ровные внизу и слегка покатые сверху крылья перекрестия, как на экземплярах из Николаевского могильника (рис. 5, 1а, 6) ¹⁴² и с Баксана (рис. 5, 1а, 7) ¹⁴³, а затем прямое перекрестие, как у серженьюртовского кинжала (рис. 5, 1а, 8) ¹⁴⁴.

Таковым представляется один из возможных путей развития гладкорукояточных кинжалов с прямым перекрестием. В том же направлении развивалась, по нашему мнению, и другая разновидность подобных кинжалов с перекрестиями — в виде приостренных книзу лопастей, которые, в свою очередь, могут быть возведены к так называемым вильчатым перекрестиям, широко распространенным в Передней Азии и Закавказье в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Последние отличались тем, что их приостренные (рис. 5, II, 1) ¹⁴⁵, иногда художественно выполненные (рис. 5, 1б, 1) ¹⁴⁶ концы немного опускались вниз, плавно охватывая верхние

¹⁴⁰ Morgan J., 1927, fig. 198, 2.

¹⁴¹ Тереножкин А. И., 1971б, с. 38.

¹⁴² Анфимов Н. В., 1965, с. 197, рис. 1, 4.

¹⁴³ Козенкова В. И., 1975а, рис. 9, 3.

¹⁴⁴ Там же, рис. 9, 2.

¹⁴⁵ Morgan J., 1889, fig. 198, 1.

¹⁴⁶ Schaeffer C., 1952, fig. 265, 14.

края лезвий клинков и тем самым обеспечивая их надежное соединение с рукоятями.

На северокавказских биметаллических кинжалах приостренные нижние концы лопастевидных перекрестий также первоначально охватывали с обеих сторон верхние края клинков, как, например, на экземпляре с мебельной фабрики в Кисловодске (рис. 5, 1б, 2) ¹⁴⁷. В более позднее время они постепенно выступают по обе стороны лезвия, образуя сначала покатые (Кескем, рис. 5, 1б, 3) ¹⁴⁸, а затем прямые (Каменноостское, рис. 5, 1б, 4) ¹⁴⁹ короткие крылья перекрестия, которые, удлиняясь, переходят в прямое перекрестие типа, представленного на рукояти серженьюртовского кинжала (рис. 5, 1а, 8).

Таким образом, оба намеченных пути развития этих кинжалов с равной степенью вероятности могли привести к выработке эфесов с гладкой округлой рукоятью, грибовидным навершием и прямым перекрестием. И только именно этот — конечный — продукт развития обеих рассмотренных разновидностей биметаллического оружия попал в причерноморские степи, где он представлен экземплярами из Киевского исторического музея, (рис. 5, 1а, 9) ¹⁵⁰, Головятина (рис. 5, 1а, 10) ¹⁵¹ и др. Примечательно, что все промежуточные формы развития подобных кинжалов встречены только на Северном Кавказе, но отсутствуют в степных памятниках. Данное обстоятельство может служить, по нашему мнению, еще одним аргументом в пользу их кавказского происхождения.

К следующему типу — Iв — отнесены кинжалы с гладкой, по прямоугольной в сечении рукоятью. С одинаковой степенью вероятности можно предположить, что они либо происходят от близких по форме, но целиком бронзовых прототипов, либо являются ответвлением в развитии кинжалов типа 1б. Во всяком случае каменноостский экземпляр подобного кинжала (рис. 5, Iв, 1) ¹⁵² имеет лопастевидное перекрестие той же формы, что и у кинжалов типа 1б. В дальнейшем оно также развивается в прямое перекрестие, как на кинжале из могильника на мебельной фабрике в Кисловодске (рис. 5, Iв, 2) ¹⁵³. Примечательно, что подобная разновидность биметаллического оружия пока не представлена в степных памятниках, хотя один аналогичный экземпляр найден в Волго-Камье (Билярск) ¹⁵⁴.

Ко второму типу отнесены кинжалы с рамочными рукоятями, вероятно восходящие к южнокавказским (типа Хивери, рис. 5, II,

¹⁴⁷ Виноградов В. Б., 1972, рис. 11, 2.

¹⁴⁸ Крупнов Е. И., 1960, табл. XXXV, 4.

¹⁴⁹ Козенкова В. И., 1975а, рис. 9, 6, 7.

¹⁵⁰ Тереножкин А. И., 1954, рис. 11, 1.

¹⁵¹ Там же, рис. 11, 2.

¹⁵² Иессен А. А., 1941, рис. 4, 1; Крупнов Е. И., 1960, с. 202.

¹⁵³ Виноградов В. Б., 1972, рис. 10, 3.

¹⁵⁴ Халиков А. Х., 1969, рис. 1, 1.

1) ¹⁵⁵, и закавказским (типа Камо, рис. 5, II 2) ¹⁵⁶ образцам, где они получили особенно широкое распространение во второй половине II — начале I тысячелетия до н. э. Одним из типологически ранних северокавказских кинжалов является, по нашему мнению, экземпляр из могильника у мебельной фабрики в Кисловодске (рис. 5, II, 3) ¹⁵⁷, отличающийся широколопастным перекрестием с заостренными концами, плотно охватывающими верхнюю часть лезвия клинка, рамочной рукоятью как бы двухтаврового сечения с углублениями на обеих сторонах для закрепления деревянных или костяных накладок, и грибовидным навершием. Одним из крайних вариантов его развития является кинжал из Березовского могильника в Кисловодске, имеющей уже прямое перекрестие и сквозную (без перемычки) рамочную рукоять (рис. 5, II, 4) ¹⁵⁸. Из степных находок к этому типу может быть отнесен железный кинжал из Высокой Могилы (рис. 5, II, 5) ¹⁵⁹. А. И. Тереножкин не находит аналогий подобного рода кинжалам с «двухтавровой в сечении рукоятью» среди карасукских образцов ¹⁶⁰. Между тем экземпляр из Высокой Могилы по очертаниям лопастевидного перекрестия и характерному оформлению («двухтавровое сечение») рамочной рукояти почти полностью повторяет морфологические особенности рукоятей кисловодских кинжалов, отличаясь от них лишь формой навершия. И это подтверждает, вопреки мнению А. И. Тереножкина ¹⁶¹, правоту исследователей, считающих полностью железные кинжалы из Северного Причерноморья позднейшими подражаниями кавказским биметаллическим образцам ¹⁶².

К третьему типу отнесена крайне немногочисленная пока группа кинжалов с рифлеными рукоятями. Их прототипами также могли служить южнокавказские (типа Хивери, рис. 5, III, 1) ¹⁶³ и закавказские (типа Кишкедере, рис. 5, III, 2) ¹⁶⁴ бронзовые кинжалы второй половины II — начала I тысячелетия до н. э., круглые ручки которых нередко украшены тремя и более рельефными валиками. На Северном Кавказе их последующее развитие представлено экземпляром из Эчкиваша (рис. 5, III, 3) ¹⁶⁵, в степях — мечом из Субботова (рис. 5, III, 4) ¹⁶⁶, отличающимся от эчкивашского более развитым и длинным перекрестием.

В четвертый тип объединены кинжалы с кольчатоорнаментированными рукоятями. Он подразделен на 3 подтипа.

К типу IVa отнесены кинжалы с однорядно кольчатый орнаментом, развитие которых убедительно обрисовано В. И. Козенковой. Прототипом для них она справедливо считает бронзовый кинжал из Серженъюрта (рис. 5, IVa, 1), датированный концом IX — первой половиной VIII вв. до н. э. ¹⁶⁷ За ним следуют близкие по форме, но уже биметаллические кинжалы со Змейского поселения (рис. 5, IVb, 2), датированные первой половиной VIII в. до н. э. ¹⁶⁸, и из могильника у мебельной фабрики в Кисловодске (рис. 5, IVa, 3) ¹⁶⁹. Завершают развитие этого подтипа кинжалы с прямым перекрестием, подобные найденным в Кисловодске у Кольцо-горы (рис. 5, IVa, 4) ¹⁷⁰ и в могильнике у мебельной фабрики (рис. 5, IVa, 5) ¹⁷¹.

Другая разновидность подобных кинжалов, но с более широкими, плоскими орнаментированными рукоятями (подтип IVб) обычно считается производной от предыдущего подтипа. Однако после находки аналогичного, но целиком бронзового кинжала в могильнике у мебельной фабрики в Кисловодске (рис. 5, IVб, 1) ¹⁷² можно полагать, что они развивались самостоятельно. Последовательные этапы их дальнейшего развития отражены в деталях оформления рукоятей биметаллических кинжалов из Абадзехской (рис. 5, IVб, 2) ¹⁷³, Благодарного (рис. 5, IVб, 3) ¹⁷⁴, а затем Серженъюрта (рис. 5, IVб, 4) ¹⁷⁵.

К типу IVв отнесены кинжалы с трехрядной орнаментацией. Их принято считать боковой ветвью кинжалов предшествующей разновидности — типа IVб, но не исключено, что они также имеют свои цельнобронзовые прототипы. Их последовательное развитие отражено в деталях оформления рукоятей биметаллических кинжалов из Березовского могильника в Кисловодске (рис. 5, IVв, 1) ¹⁷⁶ и хутора Кубанского (рис. 5, IVв, 2) ¹⁷⁷. К этому же подтипу следует, по-видимому, относить и единичные пока на Кавказе находки подобных кинжалов с неорнаментированными рукоятями, как, например, у образца из Каменноостского могильника (рис. 5, IVв, 3) ¹⁷⁸.

В целом же развитие кинжалов четвертого типа характеризуется, по нашему мнению, теми же особенностями, которые отмечены для рассмотренных ранее типов Ib, Iv, и II. В типе IVб процесс образования прямого перекрестия сопровождается заменой мотива орнамента «бегущей спирали» на циркульный или коль-

¹⁵⁵ Morgan J., 1889, fig. 198, 1.

¹⁵⁶ Есаев С. А., 1966, табл. XII, 5.

¹⁵⁷ Крупнов Е. И., 1960, табл. VIII, 4.

¹⁵⁸ Там же, табл. XII, 1.

¹⁵⁹ Тереножкин А. И., 1954, рис. 1, 11.

¹⁶⁰ Там же, с. 21.

¹⁶¹ Там же, с. 23.

¹⁶² Виноградов В. Б., 1973, с. 10, 11; Членова Н. Л., 1975а, с. 70.

¹⁶³ Schaeffer C., 1952, fig. 236, 3.

¹⁶⁴ Кашкай М. А., Селимжанов И. Р., 1973, рис. 16, 10; ср. также: Мартиросян А. А., 1964, рис. 86.

¹⁶⁵ Виноградов В. Б., 1972, рис. 20, 3.

¹⁶⁶ Тереножкин А. И., 1954, рис. 8.

¹⁶⁷ Козенкова В. И., 1975б, с. 98—100, рис. 3, 4.

¹⁶⁸ Там же, с. 92—97, рис. 1А, 2.

¹⁶⁹ Там же, рис. 1В, 1.

¹⁷⁰ Крупнов Е. И., 1957, табл. XXXV, 5.

¹⁷¹ Виноградов В. Б., 1972, рис. 10, 11.

¹⁷² Там же, рис. 10, 5.

¹⁷³ Анфимов Н. В., 1965, рис. 1, 2.

¹⁷⁴ Там же, рис. 1, 1.

¹⁷⁵ Козенкова В. И., 1975а, рис. 10, 9.

¹⁷⁶ Там же, рис. 10, 6, 10.

¹⁷⁷ Анфимов Н. В., 1965, рис. 1, 3.

¹⁷⁸ Иессен А. А., 1941, рис. 4, 2.

чатый. Приведенные наблюдения позволяют считать и этот тип биметаллических кинжалов местным, кавказским. Подобные образцы оружия были обнаружены в Волго-Камье и Средней Европе¹⁷⁹. Это позволяет предположить, что они отсюда широко распространились на восток и северо-запад.

В пятый тип выделены немногочисленные биметаллические кинжалы с подтреугольным или бабочковидным перекрестием и брусковидным навершием. Их прототипами могли служить бронзовые кинжалы, близкие по форме найденным в Кобанском¹⁸⁰, Кумбултинском¹⁸¹, Тлийском¹⁸², Навтлугском¹⁸³ и других могильниках Кавказа; они обычно датируются второй половиной и концом II тысячелетия до н. э. У некоторых из них рикассо имеет подтреугольные очертания и ровное основание, как у экземпляра из Тлийского могильника (рис. 5, V, 1)¹⁸⁴. Эти морфологические особенности повторены на рукоятях биметаллических кинжалов из сел. Куг в Дагестане (рис. 5, V, 3)¹⁸⁵ и Галиатского могильника Фаскау в Северной Осетии (рис. 5, V, 4)¹⁸⁶. У других бронзовых кинжалов в основании рикассо делался вырез, придававший им характерные бабочковидные или сердцевидные очертания (рис. 5, V, 2, Кобань)¹⁸⁷. Данное обстоятельство уже давно было подмечено Н. Л. Членовой¹⁸⁸, выведившей от таких именно прототипов как кавказские (рис. 5, V, 5, Галиат, Фаскау)¹⁸⁹, так и степные (рис. 5, V, 6, Софиевка, Черкасская обл.)¹⁹⁰ образцы биметаллических кинжалов с бабочковидным перекрестием, с чем нельзя не согласиться.

Таковыми рисуются в самых общих чертах пути развития рассмотренных типов биметаллических кинжалов Северного Кавказа. Предложенная схема, и это необходимо особенно подчеркнуть, представляет собой попытку именно типологического расчленения и классификации таких кинжалов. При нынешнем состоянии изученности она не может быть достаточно подтверждена еще и хронологическими данными, поскольку преобладающее большинство имеющегося материала датируется одним временем — VIII — первой половиной VII в. до н. э. Более детальное хронологическое подразделение биметаллических кинжалов внутри предкифского периода неосуществимо без анализа всего остального археологического материала, а это — задача большого специального исследования. Отметим, что специалисты уже неоднократно подчер-

¹⁷⁹ Членова Н. Л., 1975а, с. 77—80.

¹⁸⁰ Уварова П. С., 1900, табл. X, 1, 2; XIII, 1.

¹⁸¹ Крупнов Е. И., 1957, табл. XLVII, 1—4.

¹⁸² Техов В. В., 1971, рис. 72, 5.

¹⁸³ Пицхелаури К. Н., 1969, с. 178—180, табл. V, 2.

¹⁸⁴ Техов В. В., 1971, рис. 72, 5.

¹⁸⁵ Давудов О. М., 1974, с. 64, табл. XVIII, 19.

¹⁸⁶ Крупнов Е. И., 1957, табл. XXX, 2.

¹⁸⁷ Уварова П. С., 1900, табл. XCIII, 19.

¹⁸⁸ Членова Н. Л., 1967, с. 21.

¹⁸⁹ Крупнов Е. И., 1957, табл. XXX, 3.

¹⁹⁰ Тереножкин А. П., 1954, рис. 11, 4.

квали необходимость такого исследования, направленного на уточнение или даже пересмотр нынешних, установленных почти 25 лет тому назад хронологических рамок предкифского периода Северного Кавказа с учетом новых археологических данных и хронологических схем, разработанных для сопредельных областей¹⁹⁴.

Стремясь обрисовать многообразие путей развития северокавказских биметаллических кинжалов, наглядно установить их типологическую, эволюционную связь с бронзовыми двухэлементными кинжалами Закавказья и Переднего Востока, хотелось еще раз продемонстрировать несостоятельность попыток выведения их от степных «киммерийских» образцов подобного оружия и тем более от цельнолитых одноэлементных бронзовых кинжалов и мечей карасукского типа. Приведенные данные показывают, как на основе закавказских и передневосточных прототипов древними северокавказскими оружейниками были выработаны специфически местные типы кинжалов — сначала бронзовых, затем биметаллических со своеобразным оформлением перекрестий, развитие которых в разных частях Северного Кавказа (особенно в Кабардино-Пятигорье) закончилось выработкой нескольких разновидностей биметаллических кинжалов с прямым перекрестием. И только этот «конечный продукт» их развития, кстати сказать, до сих пор совершенно неизвестный в памятниках Закавказья и Переднего Востока, проник к северным соседям. Основываясь на известных ныне материалах, можно предполагать, что северокавказские биметаллические кинжалы распространялись по крайней мере по двум направлениям: в Волго-Камье и в степи Северного Причерноморья.

Существование контактов между северокавказскими и ананьинскими племенами в предкифский период неоднократно отмечалось специалистами¹⁹². В рамках этих контактов наряду с кавказскими бронзовыми топорами кобанского и колхидского типов¹⁹³ могли проникнуть в Волго-Камье и северокавказские биметаллические кинжалы, на основе которых здесь затем было налажено местное производство подобного оружия¹⁹⁴. Промежуточные пункты распространения биметаллических кинжалов отмечены находками в Демкино (Саратовская обл.)¹⁹⁵ и Навки (Пензенская обл.)¹⁹⁶.

Значительно более тесными и оживленными были связи между северокавказскими, точнее, кавказскими, и киммерийскими племенами, археологически документируемые довольно многочисленными находками в степных памятниках предметов кавказского происхождения, включая и вооружение (бронзовые топоры кобанского типа, принадлежности конской узда)¹⁹⁷. С учетом всего из-

¹⁹¹ См., например: Коридзе, 1965, с. 154; Podborsky VL., 1967, S. 161—163.

¹⁹² См., например: Збруева А. В., 1952, с. 164; Крупнов Е. И., 1957, с. 203; Смирнов А. П., 1964, с. 92; Халиков А. Х.; 1963, с. 185; Он же, 1977, с. 257.

¹⁹³ Халиков А. Х., 1977, с. 181, рис. 69, 1—5.

¹⁹⁴ О местном производстве подобного оружия см.: Халиков А. Х., 1969б, с. 278—281.

¹⁹⁵ Максимов Е. К., 1962, № 3, с. 288, рис. 5.

¹⁹⁶ Тереножкин А. И., 1975, с. 10, рис. 1, 7.

¹⁹⁷ См., например: Пиотровский Б. Б., 1949, с. 126—130, табл. XII; Песен А. А., 1953, с. 109; Крупнов Е. И., 1952, с. 29; Он же, 1958, с. 188—195; Теренож-

ложенного выше можно полагать, что и биметаллические кинжалы также должны быть отнесены к числу тех элементов материальной культуры, которые были восприняты киммерийцами с Кавказа. Но степные оружейники усовершенствовали это оружие применительно к тактике конного боя, — удлинив лезвие клинка, они превратили небольшой кинжал во всаднический меч, которым можно было сражаться прямо с коня.

Не исключено, что отдельные образцы биметаллических кинжалов 4 и 5 типов, в свою очередь, послужили прототипами для некоторых разновидностей скифских акинаков.

Как справедливо полагает В. Подборский, через посредство «предскифских южных кочевников», включая киммерийцев, а также благодаря культурным и торговым связям биметаллические мечи и кинжалы в короткий срок распространились в обширном ареале, включая Среднюю Европу¹⁹⁸.

Таким образом, типологический анализ биметаллических кинжалов из разных частей Северного Кавказа еще раз подтверждает их безусловно местное происхождение. С признанием этого теряет всякую доказательность и тезис о якобы имевшем место определяющем влиянии киммерийцев на распространение железа и возникновение железоделательного производства на Северном Кавказе¹⁹⁹.

Итак, сопоставление материалов из обнаруженных в Дагестане и Чечено-Ингушетии памятников широкого хронологического диапазона с подобными же материалами из хорошо изученных и надежно датированных памятников Кавказа, позволило наметить основные этапы развития местных культур Северо-Восточного Кавказа и Дагестана в конце II — начале I тысячелетия до н. э.

Предлагаемая хронологическая рубрикация заметно удревяет время бытования на Северо-Восточном Кавказе и в Дагестане рассмотренных категорий предметов вооружения и практически сводится к установлению их одновременности с подобными же типами закавказского оружия. Как все более проясняется новейшими исследованиями, не позднее середины и второй половины II тысячелетия до н. э. имели место неоднократные передвижения древних иранских племен из степей Юго-Восточной Европы на территорию Ирана. Пути этих миграций проходили и через Кавказ. Важнейшим из них справедливо считается Прикаспийский путь, берущий свое начало на Северо-Восточном Кавказе. Этим путем двигались на юг древние иранские племена, а в противоположном направлении быстро распространялись культурные импульсы с юга, из Закавказья и Ближнего Востока. Все это способствовало оживлению и упрочению культурных связей между племенами на обширных территориях.

кин А. И., 1954, с. 101, 108, 109; *Он же*, 1976, с. 170, 171; *Анфимов Н. В.*, 1971, с. 170, 171, 176, 177.

¹⁹⁸ *Podborsky VL.*, 1967, S. 210—219, obr. 64 (13).

¹⁹⁹ Подробнее об этом см.: *Котович В. Г.*, 1978.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА ВО II — НАЧАЛЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Об историческом месте и хронологии каякентско-хорочоевской культуры

В специальной литературе высказаны разноречивые мнения по поводу исторического места и хронологии каякентско-хорочоевской культуры. Разные исследователи по-разному представляют себе ведущие признаки этой культуры. Все эти разногласия стали проявляться сравнительно недавно, но почва для них была подготовлена значительно раньше.

Как известно, первый памятник этой культуры — Каякентский могильник — был открыт при строительстве железной дороги Ростов — Баку и исследован В. И. Долбежовым в 1898 г. Результаты исследований были вскоре им опубликованы¹, однако без какой бы то ни было попытки их культурно-исторической интерпретации. Долгое время памятник оставался вне поля зрения исследователей. Интерес к нему пробудился лишь в 30-х годах нынешнего столетия. Австрийский археолог Ф. Гапчар отнес этот памятник к эпохе меди и поместил его в одну группу с Майкопским курганом, Новосвободненскими дольменами, Долинским поселением², что, впрочем, не встретило признания со стороны других специалистов. В конце 30-х годов материалами Каякентского и ставших известными в ту пору Хорочоевского и других близких по культуре могильников занялись советские исследователи А. П. Круглов и Е. И. Крупнов. Благодаря их плодотворным исследованиям на Северо-Восточном Кавказе была выделена новая археологическая культура — «хорочоевская», или «каякентско-хорочоевская», охарактеризованы ее главные признаки, очерчен ареал, установлены направления культурных связей. Но при определении ее хронологии исследователям пришлось с самого начала столкнуться с немалыми трудностями, обусловленными почти полным отсутствием в Дагестане и Чечено-Ингушетии изученных памятников эпохи бронзы и раннего железа. Поэтому аналогии материалам каякентско-хорочоевских памятников пришлось искать за пределами Северо-Восточного Кавказа. И поскольку многие из них вели к памятникам северокавказской и отчасти срубной и катакомбной культур, А. П. Круглов и Е. И. Крупнов первоначально склонялись к тому, чтобы отнести каякентско-хорочоевскую культуру к эпохе бронзы³. Но после того как Е. И. Крупнову удалось выявить в позднебронзовых и раннежелезных памятниках Азербайджана параллели некоторым категориям инвентаря каякентско-хорочоевской культуры, наметилась тенденция к ее омоложению. При этом исследователи заметно разошлись в своих оценках: Е. И. Крупнов

¹ ОАК за 1898 г. СПб, 1901, с. 141—156.

² *Гапчар Ф.* 1937. S. 242, 280—284.

³ *Крупнов Е. И.*, 1940, с. 9, 10.

датировал каякентско-хорочоевскую культуру «около середины I тысячелетия до н. э., не позднее VI—V вв. до н. э.»⁴, а А. П. Круглов отнес ее к началу I тысячелетия до н. э., или к IX—VIII вв. до н. э.⁵ Правда, уже в первых послевоенных работах Е. И. Крупнов значительно расширил хронологические рамки каякентско-хорочоевской культуры, включив в них всю первую половину I тысячелетия до н. э.⁶ Периодом «от начала I тысячелетия до н. э. до раннескифского времени, т. е. VII—VI вв. до н. э.» датировал каякентско-хорочоевские комплексы Таркинского могильника и К. Ф. Смирнов⁷.

Этим самым каякентско-хорочоевская культура ставилась в один ряд с кобанской и ходжалы-кедабекской культурами, хотя, как справедливо отмечал А. П. Круглов, «точек соприкосновения между материалом классических кобанских могильников и инвентарем могильников хорочоевского типа очень мало»⁸. В науке надолго утвердилось мнение об одновременности пышных, богатых металлом (включая первые железные изделия) кобанской и ходжалы-кедабекской культур с явно и значительно уступавшей им в этих аспектах каякентско-хорочоевской культурой (бедной металлом, без каких-либо признаков знакомства с железом). Основываясь на этом, А. П. Круглов поставил вопрос о неравномерности исторического процесса в общекавказском масштабе, одним из конкретных проявлений которой он считал значительное (на целую историческую стадию!) отставание носителей каякентско-хорочоевской культуры от северных и южных соседей⁹.

Между тем с течением времени в Дагестане был выявлен целый ряд новых памятников, инвентарь которых при сохранении некоторых каякентско-хорочоевских элементов обнаруживал большую близость с материалами других кавказских памятников поздне-бронзового, предскифского и скифского периодов. Однако значение новых фактов было оценено не сразу. Например, в одном из разделов вышедшего в 1957 г. обобщающего труда по истории Дагестана период поздней бронзы (время бытования каякентско-хорочоевской культуры) традиционно относился к первой половине I тысячелетия до н. э.¹⁰, тогда как в другом разделе утверждалось, что «широкое употребление железных изделий приходится в Дагестане на то же время, что и у соседних племен и народов, т. е. на VII—VI вв. до н. э.»¹¹. Но в конце 50-х годов в дагестанской археологии окончательно утвердилось представление о том, что к предскифскому периоду (IX—VIII вв. до н. э.) относятся памятники типа Дагбашского (Зандакского) и Мугерганского могильников, где,

⁴ Там же, с. 16.

⁵ Круглов А. П., 1946, с. 132; Он же, 1949, с. 127; Он же, 1958, с. 93.

⁶ Крупнов Е. И., 1951, с. 225.

⁷ Смирнов К. Ф., 1951, с. 254.

⁸ Круглов А. П., 1949, с. 121—128.

⁹ Круглов А. П., 1958, с. 134.

¹⁰ Очерки истории Дагестана, 1957, с. 16, 17.

¹¹ Там же, с. 20.

как и в одновременных памятниках кобанской культуры, уже появляются единичные железные изделия, а к скифскому периоду (VII—VI вв. до н. э.) — памятники типа Хабардинского, Макинско-го и Шаракунского могильников, в инвентаре которых железные изделия встречаются довольно часто. С признанием этого было полностью опровергнуто представление о якобы имевшем место значительном отставании исторического развития дагестанских племен в первой половине I тысячелетия до н. э.¹²

Однако расхождение вокруг вопроса о хронологии самой каякентско-хорочоевской культуры сохранялись. В. И. Канивец настаивал на значительном расширении ее хронологических рамок «от начала второй половины II тысячелетия до н. э. до первых веков I тысячелетия до н. э.»¹³. В этих рамках он выделил раннюю группу памятников (Талгинский, Кабартыкутанский, Таркинский и другие могильники), которую датировал не позднее последней трети II тысячелетия до н. э., и позднюю, датированную началом I тысячелетия до н. э., куда наряду с «классическими» памятниками данной культуры — Каякентским и Хорочоевским могильниками — он отнес также Дагбашский, или Зандакский, могильник¹⁴.

Неоправданность расширения хронологических рамок каякентско-хорочоевской культуры была отмечена в вышедшей вскоре нашей совместной с Н. Б. Шейховым статье, где обосновывалась различная культурная принадлежность памятников зондакско-мугерганского типа и каякентско-хорочоевских, причем время бытования последних ограничивалось двумя-тремя столетиями в пределах последней трети II тысячелетия до н. э.¹⁵

Под влиянием новых материалов и оценок произошли некоторые изменения и во взглядах Е. И. Крупнова, выделявшего в своих последних трудах два периода развития каякентско-хорочоевской культуры¹⁶. К раннему (XII—X вв. до н. э.) он относил памятники, где еще нет железа (в том числе Каякентский и Хорочоевский могильники). Второй период (X—VIII вв. до н. э.), по его мнению, «характеризуется окончательным закатом каякентско-хорочоевской культуры (курсив мой.— В. К.) и появлением новых памятников, по признанию дагестанских археологов, связанных с предшествующим этапом, но осложненных взаимосвязями с позднекобанской культурой и с Закавказьем. Одновременно он характеризуется и первыми признаками железа. По существу это и будет предскифский период раннего железа»¹⁷.

С появлением этих работ взгляды исследователей на историческое место каякентско-хорочоевской культуры несколько сблизились, хотя еще немало расхождений. Дагестанские археологи счи-

¹² Пикунь М. И., 1959, с. 33—35; Котович В. Г., Шейхов Н. Б., 1960, с. 344—350.

¹³ Канивец В. И., 1959, с. 50.

¹⁴ Канивец В. И., 1959, с. 50, 51; Он же, — д. 2409, с. 128—150.

¹⁵ Котович В. Г., Шейхов Н. Б., 1960, с. 344.

¹⁶ Крупнов Е., 1962, р. 11—13; Крупнов Е. И., 1964, с. 339, 340.

¹⁷ Крупнов Е. И., 1964, с. 340.

тали ее культурой позднебронзовой эпохи (последние века II тысячелетия до н. э.)¹⁸, тогда как памятники типа Зандакского и Мугерганского могильников относились ими к разным местным культурам начала эпохи раннего железа¹⁹. Однако ряд специалистов (В. И. Марковин, В. Б. Виноградов и др.) по-прежнему считали названные памятники «каякентско-хорочоевскими».

В монографии В. И. Марковина, где собран значительный материал по каякентско-хорочоевской культуре и высказано много новых ценных суждений о ее истоках, эволюции, локальных вариантах, немало места уделено и вопросам хронологии. Время бытования этой культуры разделено на три периода: ранний (1300—1100 гг. до н. э.), период расцвета (1100—900 гг. до н. э.) и заключительный (после 900 гг. до н. э.)²⁰. Несомненным достоинством построений В. И. Марковина является, на наш взгляд, доказательство существования преемственной связи между культурой памятников эпохи средней бронзы и каякентско-хорочоевской, убедительно обрисованное на примере керамики²¹. Однако намеченные тем самым перспективы были сведены на нет его ничем не мотивированным отказом от признания установленных еще А. П. Кругловым параллелей металлическому инвентарю каякентско-хорочоевских памятников среди соответствующих изделий северокавказской культуры²². Вследствие этого Каякентский, Хорочоевский и другие могильники были датированы 1100—900 гг. до н. э. и таким образом признаны одновременными раннекобанским памятникам.

В. Б. Виноградов в отличие от Е. И. Крупнова и В. И. Марковина не ограничивает заключительный этап бытования каякентско-хорочоевской культуры рамками предскифского периода, а растягивает его почти на все I тысячелетие до н. э.²³

Отмеченные расхождения между исследователями в определении хронологии каякентско-хорочоевской культуры усугубляются отсутствием общепринятых представлений о ее ведущих признаках. А. П. Круглов и Е. И. Крупнов считали таковыми погребальные сооружения в виде каменных ящиков (редко — грунтовые ямы и срубы) с одиночными и парными захоронениями в скорченном или сидячем положении, своеобразную керамику с грубой обмазкой поверхности и немногочисленный металлический инвентарь — браслеты, провололочные и пластинчатые височные подвески, мелкие сурьмяные привески и чрезвычайно редкие находки оружия²⁴. Сторонники длительного бытования каякентско-хорочоев-

ской культуры вынуждены внести в эту характеристику существенные коррективы, дополнив ее обрядом конских захоронений и по существу совершенно новым комплексом многочисленных и разнообразных металлических изделий — оружия (преимущественно железного), принадлежностей одежды и украшений, среди которых немало кобанских типов²⁵. В некоторых случаях к кругу каякентско-хорочоевских относятся могильники, состоявшие исключительно из грунтовых захоронений²⁶.

Сказанное характеризует нынешнюю остродискуссионную ситуацию вокруг каякентско-хорочоевской культуры, побудившую нас предпринять новую попытку рассмотрения затронутых вопросов²⁷. Начнем с трактовки самого понятия «археологическая культура».

Как известно, определение археологической культуры долгое время дискутируется специалистами, что, впрочем, пока не привело к выработке общепризнанного понятия²⁸. Нам представляются более предпочтительными определения тех исследователей, которые предполагают связь между археологической культурой и этносом²⁹, поскольку в новейших определениях этноса, «общие, относительно стабильные особенности культуры (в том числе и языка)» выступают в качестве его основных признаков³⁰. Во всяком случае, подобная связь несомненна для таких областей, как Кавказ, истоки этнокультурного единства населения которого справедливо усматриваются сейчас в культурах мезолита и даже верхнего палеолита³¹ и где на протяжении неолитической и энеолитической эпох (т. е. к III тысячелетию до н. э.) уже сложились крупные массивы племен — носителей пракартвельской, праабхазо-адыгской и прадагестано-нахской (или, как нередко полагают, — по отдельности прадагестанской и пранахской) языковых общностей, потомки которых и поныне в основном располагаются в своих изначальных ареалах³².

²⁵ Виноградов В. Б., с. 276—283; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1968, с. 167—173; Дударев С. Л. Рец.: Давудов О. Е., 1977, с. 114.

²⁶ Ошав М. Х., 1974, с. 124.

²⁷ Основные положения данной работы изложены нами ранее в работе: Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана (рукопись 1969 г.—РФИИЯЛ, д. № 4108, рукопись 1970 г.—РФИИЯЛ, д. № 4449), в докладе: Об историческом месте каякентско-хорочоевской культуры.— В кн.: Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР: Археологические секции (дополн. вып.). Тбилиси, 1971, с. 19—21; в статье: К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 46—76.

²⁸ См. об этом, например: Каменецкий И. С., 1970, с. 18—36; Клейн Л. С., 1970, с. 37—51; Предмет..., 1975.

²⁹ Захарук Ю. Н., 1964, с. 39; Каменецкий И. С., 1970, с. 29, 35—36.

³⁰ Бромлей Ю. В., 1973, с. 37.

³¹ Формозов А. А., 1965, с. 155; Джапаридзе О. М., 1976, с. 317, 318.

³² Климов Г. А., 1965, с. 76, 77; История Дагестана, 1967, с. 38—40, 82—85; Джапаридзе О. М. К этнической истории..., с. 335 и сл. О последовательных этапах распада прадагестано-нахского, а затем и прадагестанского единства см.: Гигинейшвили Б. К., 1977.

¹⁸ Котович В. М., 1965, с. 249, 250; История Дагестана, 1967, с. 54, 87—91; Гаджиев М. Г., 1969, с. 154, 155.

¹⁹ Пикуль М. И., 1967, с. 13—33; История Дагестана, т. I, с. 88—91; Давудов О. М., 1968, с. 11—13, 16—24; Он же, 1974, с. 27—28; Он же, 1973, с. 125—129.

²⁰ Марковин В. И., 1969, с. 80—85.

²¹ Там же, с. 51, 52, 54, 55, 57—59, 80.

²² Там же, с. 79.

²³ Виноградов В. Б. Рец.: Пикуль М. И., 1969, с. 288, 289; Он же, 1972, с. 245—265; Он же, Предисловие к кн.: Давудов О. М., 1974, с. 5.

²⁴ Круглов А. П., 1958, с. 132, 133; Крупнов Е. И., 1964, с. 339, 340.

Общность исторических судеб этих длительно существовавших и сосуществовавших этнических массивов, сходство сложившихся в их среде хозяйственно-культурных типов способствовали известной пивелировке материальной культуры, выработке многих близких или даже общих ее элементов, вследствие чего Кавказ нередко рассматривается как единая культурно-историческая общность или провинция³³. Однако значение отмеченного обстоятельства не стоит преувеличивать. Насколько можно судить по имеющимся материалам, древние этнические массивы Кавказа не были однородными, а состояли из множества родственных, но достаточно разобщенных родо-племенных групп, каждая из которых, обладавшая чертами некоторого этнокультурного своеобразия, компактно заселяла определенную территорию.

Очевидно, культурное единство каждой из таких родо-племенных групп и объединявших их крупных этнических массивов должно было проявляться не столько в сходстве или даже общности тех компонентов культуры, которые определялись их эпохальной, региональной и хозяйственно-культурной принадлежностью, но прежде всего и главным образом в общности ее специфических элементов и признаков, нехарактерных для одновременных культур других районов и областей кавказского региона. При выявлении последних представляется необходимым опираться на положение этнографической науки об этнодифференцирующей функции культуры. Согласно Ю. В. Бромлею, в подобной роли, помимо языка «нередко выступают специфические формы отдельных предметов (материальной. — В. К.) культуры (формы различной домашней утвари, украшений, орнаментов и т. п.)»³⁴. Разумеется, эти компоненты культуры, взятые как по отдельности, так и в определенных сочетаниях, не могли оставаться неизменными на протяжении существования этноса, а, напротив, изменялись в общем русле развития его культуры, образуя всякий раз качественно новые сочетания, каждое из которых было присуще определенному историческому периоду. Можно полагать, что разновременные, но непосредственно следовавшие друг за другом сочетания подобных компонентов должны были иметь некоторое количество общих черт, свидетельствующих о преемственной связи между последовательными этапами развития одного и того же этноса.

С учетом всего сказанного, выделение археологических культур в областях с длительно существующими этносами, по нашему мнению, не может ограничиваться только установлением сходства различных категорий материальной культуры той или иной группы археологических памятников, их хронологии и ареала, а непременно должно сопровождаться выявлением комплекса ее специфических, «этнодифференцирующих» компонентов и сопоставлением

³³ Очерки общей этнографии, 1960, с. 7, 19; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А., 1971, с. 216. О взаимоотношении понятий «археологическая культура», «хозяйственно-культурный тип» и «историко-этнографическая область». См.: в кн.: Историзм в археологии..., 1976, с. 9, 10, 48—55.

³⁴ Бромлей Ю. В., 1973, с. 65.

их с подобными компонентами предшествующего и последующего периодов, без чего невозможно определение ее исторического места в общем процессе культурно-исторического развития изучаемого этноса. Эта чрезвычайно трудная сама по себе задача усложняется еще и тем, что в конкретной исторической действительности «этнодифференцирующие» компоненты культуры обычно соответствуют разным уровням: от всего этноса в целом до входящих в него отдельных групп³⁵.

По-видимому, и в кавказских древностях сочетания специфических, отличительных черт культуры тоже соответствовали нескольким уровням: от общих для крупных этнических массивов до более дробных, локальных, присущих группам близкородственных племен, а также отдельным племенам и этнографическим группам. Основываясь на этом, представляется возможным вслед за Ю. Н. Захаруком считать наиболее вероятными носителями археологических культур палеометаллических эпох группы близко родственных племен, говоривших на диалектах одного языка³⁶. В таком случае локальные варианты археологических культур должны соответствовать отдельным племенам и более мелким этническим группам. А территории расселения крупных этнических массивов, объединявших группы племен-носителей родственных языков и соответственно близких археологических культур следует считать этнокультурными областями³⁷.

Из приведенного выше историографического обзора следует, что позиции исследователей в основном совпадают в определении относительного места «классических» каякентско-хорочоевских памятников (Каякентского, Мамайкутанского, Таркинского, Урмилского, Гагатлинского, Хорочоевского и других могильников), нередко относимых к их числу памятников талгинского этапа (Талгинский, Кабартыкутанский, Мискинбулакский и другие могильники) между памятниками гинчинско-гатынкалинского этапа, с одной стороны, и зандакско-мугерганского этапа — с другой, а также и интерпретации их как памятников коренного, автохтонного населения Северо-Восточного Кавказа. Расхождения проявляются в определении абсолютной хронологии как всей каякентско-хорочоевской культуры в целом, так и отдельных групп относящихся к ней памятников (ряд исследователей считает памятники талгинского этапа более древними, чем классические каякентско-хорочоевские³⁸, другие синхронизируют их³⁹, а некоторые, напротив, ставят памятники талгинского этапа после классических каякентско-хорочоевских)⁴⁰, равно как и в вопросе о правомерности отнесения памятников зандакско-мугерганского этапа и еще более

³⁵ Там же, с. 64, 65.

³⁶ Захарук Ю. Н., 1964, с. 36.

³⁷ Захарук Ю. Н., 1976, с. 10.

³⁸ Исаков М. И., 1957, с. 132; Кашивец В. П., 1959, с. 50; Пикуль М. И., 1959а, с. 163, 164.

³⁹ Марковин В. И., 1969, с. 81, 82, 85.

⁴⁰ Крупнов Е. И., 1964, с. 340.

поздних по времени к каякентско-хорочоевской культуре. Наша задача сводится к рассмотрению именно этих дискуссионных вопросов. Начнем со сравнительной характеристики основных признаков, присущих классическим, эталонным памятникам каякентско-хорочоевской культуры.

✓ Как известно, одной из наиболее типичных черт Каякентского, Хорочоевского и других классических могильников данной культуры считается погребальный обряд. Это — одиночное или парное захоронение в каменном ящике, которое совершали в зависимости от локальных особенностей либо в скорченном, либо в сидячем положении⁴¹. В равной мере все эти черты погребального обряда присущи и известным ныне памятникам талгинского этапа⁴². Однако картина несколько меняется в более поздних по времени памятниках западного-мугерганского этапа: на некоторых из них (Акярский и Шахсенгерский могильники) продолжает практиковаться обряд захоронений в каменных ящиках⁴³, на других он сосуществует с обрядом захоронений в грунтовых могилах⁴⁴, наконец, известен еще ряд памятников, где практиковались только грунтовые захоронения⁴⁵. Подобная картина наблюдается и в последующий, скифский период, когда наряду с широким распространением обряда грунтовых захоронений⁴⁶ в некоторых местах еще встречаются и захоронения в каменных ящиках⁴⁷.

Приведенные факты еще раз подтверждают правоту исследователей, считающих, что только в памятниках каякентско-хорочоевского и талгинского этапов каменные ящики «являются основным и почти единственным типом погребальных сооружений»⁴⁸. Подчеркивая это, не следует упускать из виду другое обстоятельство: Северо-Восточный Кавказ — лишь одна из многих областей, где в древности в широких хронологических рамках бытовали погребальные сооружения в виде каменных ящиков. Укажем в качестве примера, что в Закавказье они встречаются с III до начала I тысячелетия до н. э.⁴⁹, на Северном Кавказе — в памятниках средне-

бронзовой и кобанской культур⁵⁰. Да и на самом Северо-Восточном Кавказе они также появляются не позднее первой половины II тысячелетия до н. э.⁵¹, хотя их преобладание в погребальном обряде, как уже отмечалось, приходится здесь на последующий период. Переход от обряда коллективных захоронений в круглопластных и прямоугольных склепах (Гипчи, Чох, Ирганай, Гатын-Кале, Эгикал и др.) к индивидуальным и парным захоронениям в каменных ящиках, преобладавшим в памятниках каякентско-хорочоевского и талгинского этапов, был обусловлен здесь не изменениями в этническом составе населения, а глубокими социальными причинами. Судя по наблюдениям над погребальными⁵² и жилыми⁵³ сооружениями среднебронзовых памятников горного Дагестана, в недрах местного общества в ту пору происходили важные сдвиги, вызванные возрастанием хозяйственной и социальной роли малых семей, подрывавшим экономические устои большесемейных общин⁵⁴. Как известно, аналогичные процессы протекали в бронзовом веке и далеко за пределами Кавказа⁵⁵.

Все сказанное позволяет заключить, что значение рассмотренного признака не следует абсолютизировать: взятый сам по себе каменный ящик с одиночным или парным захоронением является характерным, но не специфическим («этнодифференцирующим») элементом каякентско-хорочоевской культуры, поскольку его ареал и хронологические рамки значительно шире, а своим происхождением он обязан причинам скорее социального, нежели этнического свойства.

Обратимся теперь к погребальному инвентарю каякентско-хорочоевских могильников. Начнем с керамики, наиболее специфическими особенностями которой справедливо считаются грубая обмазка тулова сосудов жидкой глиной и валиковая орнаментация⁵⁶. Подобная керамика настолько характерна для данной культуры, что некоторые исследователи подчас безоговорочно считают всякую находку обмазанного сосуда с валиковым орнаментом свидетельством принадлежности соответствующего памятника к кругу каякентско-хорочоевских. В действительности же хронологические рамки бытования подобной керамики на Северо-Восточном Кавказе весьма широки. Она появляется здесь уже в эпоху ранней бронзы (Каякент, Великент, Мамай-кутан, Гоно, находки в Кобыстане и др.)⁵⁷ и широко представлена в памятниках эпохи

⁴¹ Круглов А. П., 1958, с. 52, 55—57; Крупнов Е. И., 1964, с. 319; Марковин В. И., 1969, с. 30—33.

⁴² Псаков М. И., 1957, с. 216 сл.; Пикуль М. И., 1959а, с. 161, 163; Котович В. М., 1978, с. 86.

⁴³ Марковин В. И., 1969, с. 28; Давудов О. М., 1974б, с. 34, 146, 147.

⁴⁴ Пикуль М. И., 1961, с. 303; Марковин В. И., 1964, с. 84; Он же, 1969, с. 18.

⁴⁵ Пикуль М. И., 1973, с. 41; Давудов О. М., Гаджиев Ю. М., 1975, с. 118; Ошаев М. Х., 1975, с. 124.

⁴⁶ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1958, с. 172; Котович В. Г., 1959, с. 142; Пикуль М. И., 1961, с. 146, 147; Давудов О. М., 1974б, с. 51, 52, 152 и сл.

⁴⁷ Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1968, с. 165—167; Багаев М. Х., 1976, с. 110, 111; Кривицкий В. В., Нечаева Л. Г., 1978, с. 136—144; Давудов О. М., 1978, с. 128—135.

⁴⁸ Мунчаев Р. М., 1953, с. 11.

⁴⁹ См., например: Ивановский А. А., 1911, с. 167; Гуммель Я. И., 1940, с. 128—144; Куфтин Б. А., 1941, с. 65; Пиотровский Б. Б., 1949, с. 56; Минкевич-Мустафаева Н. В., 1962, с. 110, 116, 123; Мартыросян А. А., 1964, с. 35, 36, 83, 132 и др.; Чубинишвили Т. Н., 1971, с. 70, 71.

⁵⁰ См., например: Крупнов Е. И., 1951, с. 31; Он же, 1960, с. 178, 207, 211, 213 и др.; Марковин В. И., 1960, с. 42, 46, 53.

⁵¹ Капицев В. И., 1959, с. 37—39.

⁵² Гаджиев М. Г., 1964, с. 251—253; Он же, 1969а, с. 164, 165.

⁵³ Котович В. М., 1961, с. 237, 238.

⁵⁴ История Дагестана, т. I, с. 59, 60.

⁵⁵ См., например: Сорокин В. С., 1959, с. 10—18; Качуриц К. А., 1966, с. 70, 71; Хлобыстина М. Д., 1973, с. 34, 35; Массон В. М., 1976, с. 155—158.

⁵⁶ Круглов А. П., 1946, с. 60; Крупнов Е. И., 1964, с. 339; Марковин В. И., 1969, с. 42.

⁵⁷ Круглов А. П., 1946, с. 26; Котович В. Г., 1959, с. 126—134; Он же, 1961, с. 36; Мунчаев Р. М., 1961, с. 93, 94; Рустамов Д. Н., Мурадова Ф. М., 1971, с. 391.

средней бронзы (Манас, Верхний Гуниб, Гинчи, Ирганай, Гатыпкале, Курчалой и др.)⁵⁸, могильниках каякентско-хорочоевского, талгинского (Талги, Кабарты-кутан, Мискин-булак)⁵⁹, зандакско-мугерганского (Зандак, Ак-яр, Шахсенгер, Мугерган и др.)⁶⁰ этапов, а местами продолжает встречаться и в памятниках скифского периода (Мака, Шаракун, Яман-Су, Ножайюрт-I, Бети-Мокх-I и др.)⁶¹.

Засвидетельствованный таким образом факт чрезвычайно длительного бытования здесь своеобразной, почти не встречающейся в других областях Кавказа керамики приобретает особенно важное значение для этнических построений. Можно полагать, что наличие «обмазанной» керамики в разновременных, последовательно сменявших друг друга со второй половины III до начала I тысячелетия до н. э. археологических культурах Северо-Восточного Кавказа является одним из главных отличительных («этнодифференцирующих») признаков как для каждой из них в отдельности, так и для всей этнокультурной области в целом. Иными словами, «обмазанная» керамика может служить своеобразным археологическим индикатором, указывающим на принадлежность отдельных памятников и целых археологических культур широкого хронологического диапазона к прадагестано-нахскому этническому массиву⁶².

При этом не следует упускать из виду, что каждая из археологических культур, бытовавших на Северо-Восточном Кавказе со второй половины III до начала I тысячелетия до н. э., обладала «своим» набором форм и типов «обмазанной» керамики. В частности, для каякентско-хорочоевской культуры представляется возможным вслед за К. Ф. Смирновым выделить три основных типа керамики, к которым, по нашему мнению, может быть сведена и более многочисленная типология В. И. Марковина.

К первому типу (тип А К. Ф. Смирнова, 1-й и 2-й типы В. И. Марковина) относятся широкогорлые горшки с сильно отогнутым наружу венчиком, раздутым яйцевидным или округлым туловом и непропорционально узким дном⁶³. Среди довольно однообразных сосудов (с обмазанными поверхностями преимущественно серого цвета, ornamentированных либо валиками, либо горизонтальными рядами вдавлен по плечикам) этого наиболее характерного для данной культуры типа (рис. 7, 34—43), выделяется группа близких

по форме, но отличающихся техникой изготовления (с заглаженными поверхностями розового цвета и резным геометрическим узором) сосудов (рис. 7, 32, 33), представленных в Каякентском могильнике и целом ряде расположенных вблизи него других памятниках (Мамай-кутап, Берикей, Уч-Авлах, Кичи-Гамри и др.)⁶⁴.

Второй тип (тип Б или «промежуточный», по К. Ф. Смирнову. 3-й и 5-й типы В. И. Марковина), включающий широкогорлые горшки со слегка отогнутым венчиком, широко вздутым туловом и узким дном⁶⁵, может быть подразделен на два подтипа — приземистых (высота которых равна ширине горла или немного превышает ее, рис. 7, 44—46) и высоких (высота которых в 1,5—2 раза превышает ширину горла, рис. 7, 47—49). Сосуды каякентской группы могильников выделяются среди остальных горшков этого типа теми же особенностями отделки, что и у сосудов первого типа.

К третьему типу (тип В, по К. Ф. Смирнову, 6-й тип В. И. Марковина) относятся широкоустные без венчика горшки баночной формы на узком дне⁶⁶. По оформлению устья подразделяются на подтипы с прямым (рис. 7, 51—54) и слегка скошенным внутрь (рис. 7, 50) бортиком. Этот тип сосудов не представлен в керамическом комплексе могильников каякентской группы.

Как убедительно показал В. И. Марковин, все эти основные типы каякентско-хорочоевской керамики имеют глубокие местные корни⁶⁷. Прилагаемая таблица иллюстрирует это положение, наглядно демонстрируя этапы последовательного развития каждого из трех рассмотренных типов сосудов в дагестанских памятниках эпохи ранней (рис. 7, 1—12) и средней (рис. 7, 13—31) бронзы и в каякентско-хорочоевских могильниках (рис. 7, 32—54). Но, насколько можно судить по имеющимся материалам, течение данного процесса оказалось нарушенным на талгинском и зандакско-мугерганском этапах. В памятниках талгинского этапа это проявилось в заметном сокращении количественно преобладавших до того горшков первых двух типов: в Талгинском могильнике первый тип представлен единичными находками (рис. 7, 56), хотя находки горшков второго типа более многочисленны (рис. 7, 57)⁶⁸, в Кабартыкутанском могильнике найден всего один горшок первого типа (рис. 7, 55)⁶⁹, а в Мискинбулакском тоже один, но второго типа (рис. 7, 58)⁷⁰. В памятниках зандакско-мугерганского этапа оба этих типа горшков полностью исчезают, взамен них появляются образцы новых гладкостенных сложнопрофилированных сосудов, отличающихся более высоким качеством изготовления. Примечательно, что новые типы сосудов из Зандакского могильника (рис. 7, 68—71) и типологически и технологически тяготеют к керамике

⁵⁸ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1956, с. 195; Котович В. М., 1961, с. 148 и сл.; Гаджиев М. Г., 1964а, с. 121 и сл.; Он же, 1978, с. 28; Погребова М. И., 1961, с. 114—115; Агаев Д. М., Погребова М. И., 1973, с. 32, 33; Марковин В. И., 1963, с. 111 и сл.; Он же, 1963, с. 64—67.

⁵⁹ Исаков М. И., 1957, с. 131; Пикуль М. И., 1959а, с. 163; Котович В. М., 1978б, с. 83, 84.

⁶⁰ Пикуль М. И., 1961а, с. 309—310; Она же, 1973, с. 43; Марковин В. И., 1964, с. 87; Давудов О. М., 1968, с. 19, 20.

⁶¹ Котович В. Г., 1959, с. 145; Давудов О. М., 1974б, с. 58, 59, 153—164; Виноградов В. Б., Марковин В. И., с. 168—170; Виноградов В. Б., 1972, с. 272, 273.

⁶² История Дагестана, т. 1, с. 84, 85.

⁶³ Смирнов К. Ф., 1951, с. 248; Марковин В. И., 1969, с. 42—54.

⁶⁴ Круглов А. П., 1946, с. 62—66; Смирнов К. Ф., 1951, с. 254.

⁶⁵ Смирнов К. Ф., 1951, с. 248; Марковин В. И., 1969, с. 54—57.

⁶⁶ Смирнов К. Ф., 1951, с. 248; Марковин В. И., 1969, с. 58.

⁶⁷ Марковин В. И., 1969, с. 51, 52, 54, 55, 57—59, 80.

⁶⁸ Исаков М. И., 1957, с. 127—131, рис. 54.

⁶⁹ Пикуль М. И., 1959а, с. 161, рис. 3, 4.

⁷⁰ Котович В. М., 1978б, рис. 4, 1.

одновременных памятников Северного Кавказа⁷¹, а таковые из Мугерганского могильника (рис. 7, 63—67) по тем же признакам сближаются с закавказскими⁷².

Происшедшие перемены не затронули столь же радикально последний из традиционных типов керамики — баночные горшки, которые продолжают довольно часто встречаться в памятниках талгинского (рис. 7, 60—62)⁷³ и загдакско-мугерганского (рис. 7, 72—74)⁷⁴ этапов. В процессе их развития вырабатываются новые разновидности сосудов данного типа. Одни из них — небольшие приземистые горшки баночной формы. Среди каякентско-хорочоевских памятников они представлены пока только в Таркинском могильнике (рис. 7 54)⁷⁵, а в памятниках талгинского и загдакско-мугерганского этапов встречаются довольно широко (рис. 7, 75—80)⁷⁶. Типологически они обнаруживают определенное сходство с баночными сосудами из памятников срубной культуры⁷⁷.

Рассмотрим еще один тип керамических изделий, представленных только в каякентской группе могильников. Это — невысокие узкодонные плоские чаши с прямыми, широко расходящимися кверху стенками (7-й тип, по В. И. Марковину)⁷⁸. Их наружные поверхности, а иногда закраины и даже донца особенно богато украшены различными комбинациями резного елочного узора. Судя по этому, а также по следам нагара на внутренних поверхностях некоторых из них⁷⁹, они использовались в качестве курильниц. Одна из них, имевшая, по наблюдениям Е. И. Крупнова, три отдельных ножки, первоначально сопоставлялась им и А. П. Кругловым с курильницами северокавказской и катакомбной культур⁸⁰. Как известно, курильницы на отдельных ножках считаются самыми ранними⁸¹. Однако по особенностям орнаментики и отчасти по форме каякентская находка может быть сближена с более

поздними курильницами, которые происходят из Келлермеса⁸² и Эссентуков⁸³ и относятся к третьему этапу северокавказской культуры⁸⁴. Покрывающий поверхности всех трех курильниц резной елочный орнамент особенно характерен для памятников катакомбной культуры⁸⁵. Но, как уже отмечалось, подобным же образом орнаментированы и все остальные — плоскодонные — курильницы из каякентской группы могильников. Последние же пока не находят себе аналогий вне Дагестана, типологически они могут быть возведены здесь к более ранним образцам⁸⁶. И тем не менее широкое применение в орнаментике этих и других сугубо местных типов сосудов каякентской группы могильников не свойственного местной традиции резного елочного орнамента может свидетельствовать об определенном влиянии катакомбной культуры, что было справедливо отмечено еще А. П. Кругловым⁸⁷.

Заканчивая на этом рассмотрение каякентско-хорочоевской керамики, отметим, что один из его наиболее важных итогов следует считать устанавливаемый на материалах памятников талгинского этапа факт существенного нарушения длительного процесса развития ведущих типов, местной керамики, непрерывное течение которого зафиксировано в многочисленных материалах памятников эпохи ранней и средней бронзы, а также каякентско-хорочоевских могильников. Данное обстоятельство, по нашему мнению, служит весомым аргументом для того, чтобы поставить каякентско-хорочоевские памятники раньше талгинских.

Правомерность подобного определения их относительного места подтверждается и наблюдениями над металлическим инвентарем. Это — преимущественно украшения, среди которых немало место занимают принадлежности головного убора.

В числе последних представлены два типа височных подвесок в полтора оборота: 1) из круглого в сечении бронзового стержня с приостренными, иногда слегка приплюснутыми концами и 2) пластинчатые. Подвески первого типа получили в бронзовом веке чрезвычайно широкое распространение. Б. А. Куфтин справедливо связывал их появление на Кавказе с влияниями из Месопотамии⁸⁸, где они уже в III тысячелетии до н. э. встречаются во многих разновидностях, как, например, в царских гробницах Ура (рис. 8, 47—60)⁸⁹. В Дагестане такие подвески впервые появились в конце раннебронзовой эпохи⁹⁰, и с тех пор длительное время —

⁷¹ *Пикуль М. И.*, 1961а, с. 315, табл. VI; *Марковин В. И.*, 1969, с. 51, 52, рис. 22, 1, 2, 4.

⁷² *Пикуль М. И.*, 1973, с. 43, 45, 48, рис. 8, 13, 15—23, рис. 10, 3, 5, 6; *Давудов О. М.*, 1974б, с. 103.

⁷³ *Исаков М. И.*, 1957, с. 126, 127, 129, 131; *Пикуль М. И.*, 1959а, с. 161, рис. 3, 1—3, 5; *Котович В. М.*, 1978, рис. 4, 3, 5, 6.

⁷⁴ *Пикуль М. И.*, 1961а, с. 306, табл. V, 1, 2; *Она же*, 1973, с. 43, рис. 8, 1—3, 7—12; *Марковин В. И.*, 1969, с. 84, рис. 16, 1, рис. 22, 3; *Давудов О. М.*, 1974б, с. 59.

⁷⁵ *Смирнов К. Ф.*, 1951, с. 248, рис. 10, 2; рис. 12, 9, 10.

⁷⁶ *Пикуль М. И.*, 1959а, рис. 3, 1—3, 5; *Она же*, 1961а, табл. V, 1, 2; *Она же*, 1973, рис. 8, 9—11; *Котович В. М.*, 1978б, рис. 4, 2; *Марковин В. И.*, 1969, рис. 22, 3; *Давудов О. М.*, 1974б, табл. VII, 16, 21, 22; X, 17, 18.

⁷⁷ См., например: *Кривцова-Гракова О. А.*, 1955, с. 27, 28, 94, 112 и др.; *Смирнов К. Ф.*, 1959, рис. 6, 8; 8, 8, 11; 15, 18, 22, 15; 28, 9; 29, 11; 35, 14; *Синицын И. В.*, 1959, рис. 4, 2; 24, 8—10; 46, 6; 58, 6, 7; *Она же*, 1960, рис. 22, 9; 25, 3, 6, 10; 27, 4; 31, 6, 8; 34, 11, 13, 14; 44, 8; 47, 1, 4; 49, 3; 50, 3—7.

⁷⁸ *Круглов А. П.*, 1946, с. 64, 66, рис. 14, 2; 15, 2—4; *Марковин В. И.*, 1969, с. 58, 59; 25, 9—15.

⁷⁹ *Котович В. Г.*, 1959, с. 138.

⁸⁰ *Крупнов Е. И.*, 1940, с. 9, рис. 1.

⁸¹ *Крупнов Е. И.*, *Марперг Н. Я.*, 1963, с. 43, 44; *Егоров В. Г.*, 1970, с. 158, 159, 163.

⁸² *Попова Т. Б.*, 1957, рис. 9, 3.

⁸³ *Иерусалимская А. А.*, 1958, рис. 1, 49.

⁸⁴ *Марковин В. И.*, 1960, с. 69, 74.

⁸⁵ *Попова Т. Б.*, 1957, с. 176, 177.

⁸⁶ См., например: *Мунчаев Р. М.*, *Смирнов К. Ф.*, 1958, с. 166; *Она же*, 1956, с. 197, рис. 6, 4, 5; *Костюченко И. П.*, 1959, табл. III, 7; *Котович В. М.*, 1965, рис. 53, 1, 4, 8; *Гаджиев М. Г.*, 1969а, рис. 12, 3, рис. 20, 17, рис. 25, 2.

⁸⁷ *Круглов А. П.*, 1958, с. 88.

⁸⁸ *Куфтин Б. А.*, 1944, с. 94, рис. 96.

⁸⁹ *Wolley C. L.*, 1934, pl. 147, 17813, pl. 219; 10735; *Чайлд Г.*, 1956, табл. XXV, 8564, 8613.

⁹⁰ *Котович В. Г.*, 1961б, с. 30.

в эпоху средней бронзы (рис. 8, 51–55)⁹¹, на каякентско-хорочевском (рис. 8, 56–58)⁹², талгинском (рис. 8, 59, 60)⁹³, зандакско-мургерганском (рис. 8, 62–64)⁹⁴ этапах, в скифский период⁹⁵, а местами и позже⁹⁶ — служили здесь одним из наиболее излюбленных украшений женского головного убора. Однако типологически они не претерпели сколько-нибудь существенных изменений, вследствие чего, взятые сами по себе, они не могут служить ни хронологическими ни тем более «этнодифференцирующими» этапами.

К месопотамским прототипам Б. А. Куфтин возводил и пластинчатые височные подвески⁹⁷, с чем также нельзя не согласиться, имея в виду разнообразие подобных украшений в царских гробницах Ура (рис. 8, 68–71)⁹⁸. В Закавказье они начинают проникать еще в конце III тысячелетия до н. э.⁹⁹, а в эпоху средней бронзы встречаются уже на Северном Кавказе¹⁰⁰, откуда, по-видимому, проникают и к степным племенам¹⁰¹. Но значительно чаще, чем в этих областях, такие украшения встречаются в среднебронзовых памятниках на территории нынешней Юго-Осетии¹⁰² и особенно Дагестана и горных районов Чечено-Ингушетии. Здесь пластинчатые подвески малых (рис. 8, 72, 73) и крупных (рис. 8, 74, 75, 77, 78) размеров, включая и однолопастные (рис. 8, 76), уже довольно широко представлены в памятниках первой половины II тысячелетия до н. э.¹⁰³, а в каякентско-хорочевских могильниках эти украшения (рис. 8, 79–94) количественно преобладают над подвесками первого типа¹⁰⁴, становясь, таким образом, «массовым материалом, объединяющим различные памятники в единую культуру»¹⁰⁵.

Тем разительнее, контрастнее выглядит на этом фоне резкое сокращение, почти полное исчезновение подобных украшений в последующем: в инвентаре ныне известных памятников талгинского типа они вообще отсутствуют, а на последующем этапе пред-

⁹¹ См., например: Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1956, с. 201.

⁹² Круглов А. П., 1958, с. 68; Марковин В. И., 1969, с. 65, 66.

⁹³ См., например: Исаков М. И., 1957, с. 126 и сл.; Пикуль М. И., 1959а, с. 161; Когович В. М., 1978б, рис. 3, 22–29, 31–38, 48, 51.

⁹⁴ См., например: Пикуль М. И., 1967, с. 20, 25.

⁹⁵ Там же, с. 42.

⁹⁶ См., например: Смирнов К. Ф., 1951, с. 260; Он же, 1961, с. 170, 173 и др.; Когович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д., 1961, с. 279.

⁹⁷ Куфтин Б. А., 1949, с. 34, 35.

⁹⁸ Wolley C. L., 1934, pl. 128, 1237, pl. 219, type 1–4.

⁹⁹ Гуммель Я. И., 1948, с. 20.

¹⁰⁰ См., например: Круглов А. П., 1946, с. 90; Крупнов Е. И., 1950, с. 85, 88; Он же, 1951, с. 48; Марковин В. И., 1960, с. 31, 77, 79 и др.

¹⁰¹ См., например: Круглов А. П., 1946, с. 88; Крицкова-Гракова О. А., 1955, с. 65; Попова Т. Б., 1955, с. 44, 45; Сорокин В. С., 1958, с. 79; Корнюшин Г. И., 1971, с. 82.

¹⁰² Куфтин Б. А., 1949, с. 34; Джапаридзе О. М., 1955, с. 26; Техов В. В., 1962, табл. III, 5; Он же, 1974, рис. 17, 13, рис. 20, 2, 3.

¹⁰³ Мунчаев Р. М., 1958, с. 47; Канисец В. И., Березанская С. С., 1959, с. 70; Марковин В. И., 1963а, с. 126; Гаджиев М. Г., 1969а, с. 144.

¹⁰⁴ Круглов А. П., 1958, с. 68.

¹⁰⁵ Марковин В. И., 1969, с. 67.

ставлены единственной среди опубликованных материалов находкой из Зандакского могильника (рис. 8, 85)¹⁰⁶. Исчезновение пластинчатых подвесок сопровождается в памятниках названных этапов заметным увеличением числа височных подвесок первого типа, которые иногда встречаются даже в виде целых «связок»¹⁰⁷. Изредка попадаются крупные подвески, изготовленные из массивных стержней уплощенно-округлого (рис. 8, 61, 67) или гранепого (рис. 8, 65, 66) сечения¹⁰⁸.

К числу украшений головного убора относятся и налобные украшения — диадемы, появление которых в закавказских памятниках III тысячелетия до н. э. А. И. Джавахишвили и Л. И. Глонти связывают с месопотамским влиянием (Ур, Гиссар IIВ)¹⁰⁹. В Дагестане древнейшие находки бронзовых налобных пластин происходят из Таркинского и Меджалисского могильников каякентско-хорочевской культуры¹¹⁰. Последняя найдена в одном комплексе с обломком навершия булавки полукруглой формы с двумя волютами (рис. 8, 103)¹¹¹. Еще одна подобная находка сделана в окрестностях Махачкалы (рис. 3, 102)¹¹². Как известно, булавки этого чрезвычайно архаичного типа встречаются довольно редко. Они впервые появились в Закавказье еще в первой половине II тысячелетия до н. э.¹¹³ Единичные экземпляры подобных булавок известны и на Северном Кавказе, где они датируются второй четвертью II тысячелетия до н. э.¹¹⁴

В связи с этим видом украшений следует упомянуть и о найденном на Каякентском могильнике обломке бронзовой пластины, украшенной по округлому краю рядом небольших чеканных выпуклин. В свое время Е. И. Крупнов посчитал ее частью круглой бляхи и как таковую сопоставил с аналогичными изделиями из Кедабекского могильника¹¹⁵. Позднее М. Г. Гаджиев показал, что этот обломок (рис. 8, 104), вероятнее всего, является частью полукруглого навершия булавки типа гинчинских (рис. 3, 100, 101), которые он повторяет до мельчайших деталей¹¹⁶. Правомерность подобного мнения подтверждается и тем обстоятельством, что та-

¹⁰⁶ Марковин В. И., 1964, рис. 24, 11.

¹⁰⁷ Пикуль М. И., 1959б, рис. 4, 19, 20; Когович В. М., 1978а, рис. 3, 49, 52, рис. 6, 5.

¹⁰⁸ Пикуль М. И., 1959а, с. 160; Она же, 1959а, рис. 3, 15; Марковин В. И., 1969, с. 67.

¹⁰⁹ Джавахишвили А. И., Глонти Л. И., 1962, с. 42.

¹¹⁰ Смирнов К. Ф., 1951, с. 252; Круглов А. П., 1958, с. 146.

¹¹¹ Марковин В. И., 1969, с. 69, рис. 27, 18; А. П. Круглов описывает ее как секировидную подвеску, близкую по размерам рассматриваемому ниже навершию булавки из погребения № 16 Каякентского могильника; Он же, 1946, с. 72, 146.

¹¹² Марковин В. И., 1957, с. 122, рис. 51, 3.

¹¹³ Джавахишвили А. И., Глонти Л. И., 1962, с. 42; Абесадзе Ц. Н., 1969, табл. I, 17, 18; Кушларева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970, с. 127; Ханзадян Э. В., 1969, с. 172, рис. 73.

¹¹⁴ Деген Б. Е., 1941, с. 249; Марковин В. И., 1963а, с. 124.

¹¹⁵ Крупнов Е. И., 1940, с. 12, рис. 2.

¹¹⁶ Гаджиев М. Г., 1969а, с. 139, 140.

кие же находки в других кавказских памятниках интерпретируются именно как навершия головных булавок¹¹⁷.

Как явствует из сказанного, в инвентаре каякентско-хорочоевских памятников встречаются булавки довольно архаического облика, характерные для кавказских памятников эпохи средней бронзы. Их дальнейшее развитие зафиксировано находкой из Талгинского могильника (рис. 8, 105)¹¹⁸, являющейся как бы реликтом древних форм булавок. На зандакско-мугерганском этапе получают распространение совершенно иные типы булавок, в том числе образцы с раскованными, свернутыми в трубочку навершиями (рис. 8, 106), иногда имеющими характерные подтреугольные очертания (рис. 8, 107), — прообраз позднейших булавок с треугольным навершием¹¹⁹.

Возвратимся к рассмотрению принадлежностей головного убора. В каякентско-хорочоевских памятниках нередко находки накосных украшений, обычно состоящих из трубочек и колпачков. Как показал А. П. Круглов, накосные украшения в виде трубочек довольно широко встречаются в средне- и позднебронзовых памятниках Северного Кавказа и степных культур¹²⁰. Подвески в виде колпачков полушарной формы, иногда с вырезами в основании, пока известны только на Северо-Восточном Кавказе, где они представлены в памятниках гинчинско-гатынкалинского (рис. 8, 88—90)¹²¹ и каякентско-хорочоевского (рис. 8, 92—94)¹²² этапов. В памятниках последующего времени они здесь полностью исчезают¹²³.

Массовую категорию инвентаря каякентско-хорочоевских памятников составляют бронзовые браслеты, изготовлявшиеся из массивных стержней круглого (рис. 8, 40) и реже — уплощенного (рис. 8, 39) сечения¹²⁴. Обе эти разновидности известны и в дагестанских памятниках предшествующего времени (рис. 8, 36—38), где, однако, браслеты круглого сечения встречаются много реже¹²⁵. Немногочисленные находки последних засвидетельствованы и в памятниках триалетской культуры¹²⁶, через которые они, вероятно, могут быть возведены к месопотамским образцам, в большом числе представленным, например, в царских гробницах Ура

(рис. 8, 34, 35)¹²⁷. Примечательно, что браслеты круглого сечения до сих пор неизвестны в северокавказских памятниках эпохи средней бронзы, хотя, и это уже отмечалось специалистами, они встречаются в близких по времени памятниках степных культур¹²⁸. В Дагестане браслеты круглого и уплощенного сечения встречаются и позднее. На талгинском этапе некоторые из них становятся особенно массивными (рис. 8, 41, 42)¹²⁹, а на зандакско-мугерганском — к столь же массивным бронзовым браслетам, иногда ornamentированным подобно закавказским образцам (рис. 8, 43, 44), прибавляются таковые же, но изготовленные из железа (рис. 8, 45, 46)¹³⁰.

Среди других украшений отметим подвески каплевидной формы (рис. 8, 91), иногда выступавшие в роли хронологических эталонов для доказательства относительно позднего возраста каякентско-хорочоевской культуры¹³¹. Однако подобные украшения встречены сейчас в среднебронзовых памятниках Дагестана (рис. 8, 86, 87)¹³² и Северного Кавказа¹³³, а в Закавказье они засвидетельствованы даже в памятниках первой половины III тысячелетия до н. э.¹³⁴. В Дагестане же такие украшения найдены и в памятниках талгинского этапа (рис. 8, 95, 96)¹³⁵. В несколько более усложненной форме встречаются они и позднее (рис. 8, 97—99)¹³⁶.

Большое разнообразие присуще многочисленным сурьмяным привескам — характерным образцам местного металлопроизводства каякентско-хорочоевского этапа¹³⁷. Многие из них (рис. 9, 11—13, 17, 18) отличаются оригинальной формой и пока не находят себе аналогий вне памятников данной культуры. Параллели другим могут быть намечены среди подобных же, но изготовленных из бронзы украшений в северокавказских памятниках эпохи средней бронзы. Такие параллели уже были подмечены А. П. Кругловым, указавшим при этом, что замена одного металла другим определяет в некоторых случаях (как, например, рис. 9, 9, 10) и небольшие различия одностипных по существу привесок¹³⁸. С учетом новых материалов количество подобных примеров можно умножить

¹¹⁷ Крупнов Е. И., 1951б, рис. 14, 8.

¹¹⁸ Исаков М. И., 1957, с. 126.

¹¹⁹ Давудов О. М., 1974б, с. 70, 71.

¹²⁰ Круглов А. П., 1958, с. 67.

¹²¹ Гаджиев М. Г., 1974б, с. 26, рис. 4, 7, 8, 19, 20. Отметим попутно, что единичные украшения этого типа обнаружены сравнительно недавно и за пределами Северо-Восточного Кавказа (1971, с. 39, рис. 13, 17).

¹²² Круглов А. П., 1958, с. 67.

¹²³ Невозможно согласиться с мнением В. И. Марковина, относящего к рассматриваемой категории весьма хрупких украшений массивный литой предмет полусферической формы из Талгинского могильника, возможно, подток от кося (Марковин В. И., 1969, с. 67).

¹²⁴ Круглов А. П., 1958, с. 71.

¹²⁵ Канисец В. И., 1959, с. 45; Гаджиев М. Г., 1969а, с. 123, 124.

¹²⁶ Джапаридзе О. М., 1964, с. 113, 114.

¹²⁷ Wolley C. L., 1934, pl. 147, 17912, pl. 154, 10019.

¹²⁸ Круглов А. П., 1958, с. 88; Кривцова-Гракова О. А., 1955, с. 68.

¹²⁹ Исаков М. И., 1957, с. 126 др.; Пиккуль М. И., 1959а, с. 161; Когович В. М., 1978б, рис. 3, 53, 56; рис. 6, 7.

¹³⁰ Марковин В. И., 1964, рис. 25, 1; Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 46; Давудов О. М., 1968, рис. 2, 1—4.

¹³¹ Смирнов К. Ф., 1951, с. 252—254.

¹³² Гаджиев М. Г., 1969а, с. 146—148.

¹³³ См., например: Деген Б. Е., 1941, табл. XIV, 12; Марковин В. И., 1971, с. 39; Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х., 1973, рис. 19, 19.

¹³⁴ Джавахишвили А. И., Глonti Л. И., 1962, табл. XXXIV.

¹³⁵ Исаков М. И., 1957, с. 126; Когович В. М., 1978б, рис. 3, 21, рис. 6, 3.

¹³⁶ Пиккуль М. И., 1959б, рис. 3, 13, 17; Давудов О. М., 1974б, табл. IX, 20.

¹³⁷ Крупнов Е. И., с. 11, 12; Круглов А. П., 1946, с. 72, 81—83; Когович В. Г., 1959, с. 136.

¹³⁸ Круглов А. П., 1946, с. 90; Деген Б. Е., 1941, рис. 40, 3, табл. XIV, 16; XVII, 10; Бетров Р. Ж., 1974, рис. 7, 1.

(рис. 9, 7—8, 19—25)¹³⁹. Иногда различия в металле почти не отражались на форме изделий, как это можно наблюдать, например, на так называемых «лапчатых» привесках (рис. 9, 14—16)¹⁴⁰. Отметим, кстати, что такие привески обнаружены в закавказских памятниках первой половины III тысячелетия до н. э.¹⁴¹, а также в поволжских памятниках срубной культуры¹⁴². Особо следует остановиться на ромбических привесках (рис. 9, 1—3), которые из-за их сходства с подобными же украшениями из могильников в Кедабеке и Редкином лагере, сыграли столь важную роль в определении позднего возраста каякентско-хорочоевской культуры¹⁴³. Однако к этому можно добавить, что ромбические, тоже орнаментированные с внешней стороны привески известны в Закавказье еще в первой половине III тысячелетия до н. э.¹⁴⁴, а близкие к ним по форме, но, подобно кедабекской, гладкие или украшенные выпуклыми (рис. 9, 4—6), довольно широко представлены в памятниках северокавказской культуры¹⁴⁵.

Закончив на этом рассмотрение основных типов металлических украшений каякентско-хорочоевской культуры, обратимся теперь к предметам вооружения. В свое время А. А. Иессен отметил, что в памятниках северокавказской культуры встречается значительно меньше металлического оружия, чем в курганных захоронениях Майкопа, станицы Новособольной и подобных им памятниках¹⁴⁶. Накопленные с тех пор факты подтверждают правильность этого наблюдения. Не представляет исключения в этом отношении и Дагестан, где, как, например, в каякентско-хорочоевских памятниках, находки металлического оружия чрезвычайно редки. Они представлены здесь несколькими разновидностями довольно архаичных листовидных плоскочерешковых клинков. Два из них, обнаруженные в Таркинском могильнике, отличаются подтреугольными очертаниями лезвия (рис. 8, 6)¹⁴⁷. У клинка из Кафыр-Кумуха лезвие плавно закруглено снизу (рис. 8, 7), что при-

¹³⁹ Круглов А. П., 1946, рис. 26, 15; Деген Б. Е., 1941, рис. 35, 6, рис. 36, 3, рис. 38, 9—11; Когович В. Г., 1959, табл. VI, 7, 8; Пиотровский Ю. Ю., 1977, рис. 3, 2.

¹⁴⁰ Круглов А. П., 1946, рис. 25, 18; Мунчаев Р. М., 1962, рис. 7, 1; Бетров Р. Ж., 1974, рис. 7, 5.

¹⁴¹ Джавашвили А. И., Глонги Л. И., 1962, табл. XXXIV.

¹⁴² Корньюшин Г. И., 1971, рис. 34, 3, 4; именно по этим подвескам была определена относительно поздняя дата всего памятника (с. 85).

¹⁴³ Крупнов Е. И., 1940, с. 11, 12, табл. 1, 4—8.

¹⁴⁴ Абесадзе Ц. Н., 1969, табл. II, 50.

¹⁴⁵ См., например: Деген Б. Е., 1941, рис. 36, 10, 17; 39, 11; 40, 1, табл. XII, 4; Маркович В. И., 1971, рис. 13, 6; Мизиев И. М., Бетров Р. Ж., Нагоев А. Х., 1973, рис. 19, 22.

¹⁴⁶ Иессен А. А., 1935, с. 95.

¹⁴⁷ Смирнов К. Ф., 1951, с. 254, рис. 14, 4; другой — утерянный — клинок в некоторых работах ошибочно назван «втульчатый наконечник копья» (Крупнов Е. И., 1951а, с. 222), но, по утверждению обнаружившего его в 1941 г. М. И. Исакова, это был «медный копьевидный нож с черенком», аналогичный таркинскому, манасскому, карабудахкентским плоскочерешковым клинкам (Исаков М. И., 1957, с. 131).

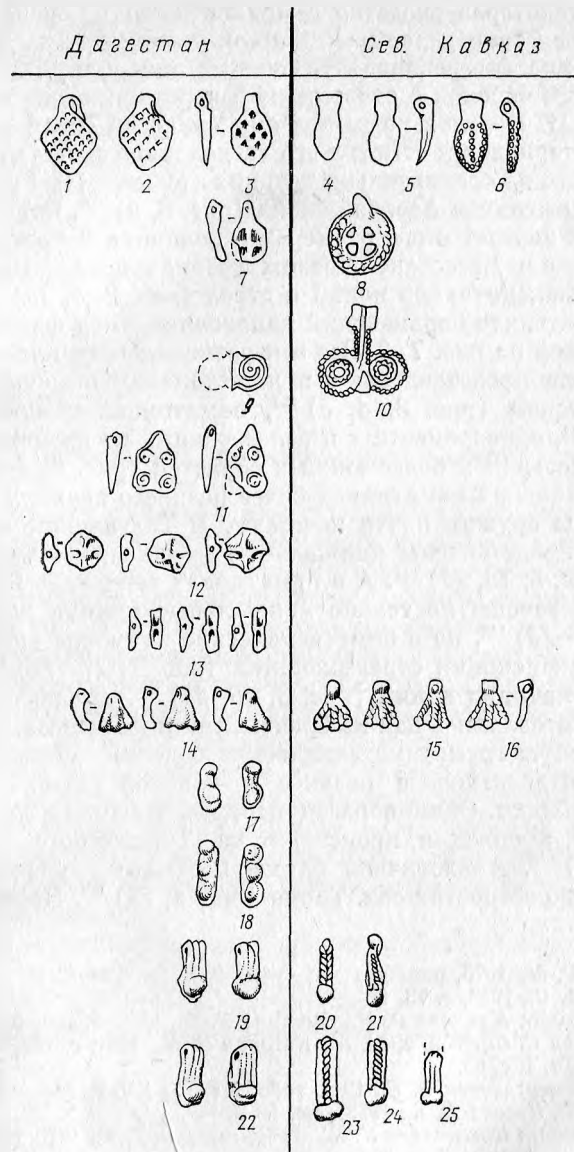

Рис. 9. Образцы металлических привесок из памятников каякентско-хорочоевской и северокавказской культур
1—2 — Каякент, 3, 7, 11—14 — Хорочой, 4, 5, 8, 20, 23, 24 — Нальчик, 6 — Чегем, 10 — Кисловодская, 15 — Нов. Аршти, 16 — Черек, 17—19, 22 — Мамай-кутан, 21, 25 — Моздок (1—3, 7, 9, 11—14, 17—19, 22 — сурьма, остальные — бронза)

дает ему некоторое сходство с майкопскими кинжалами¹⁴⁸. Еще один, впоследствии утерянный клинок происходит из Берикейского могильника (погребение 3). Судя по описанию, он имел плоский широкий черенок с отверстием и короткие шипы в основании лезвия. А. П. Круглов не нашел ему аналогий среди известных в ту пору материалов и отметил его «отдаленное сходство с наконечниками стрел из сравнительно поздних (рубежа II—I тысячелетий до н. э.) памятников Азербайджана (рис. 8, 9)¹⁴⁹. Основываясь на имеющихся данных о его размерах и привлекая известные сейчас в Дагестане образцы древних бронзовых плоскочерешковых наконечников копий и стрел (рис. 8, 5, 19), допустимо предположить, что берикейский наконечник имел форму, близкую изображенной на рис. 7, 8. Все эти разновидности плоскочерешковых клинков представлены и в дагестанских памятниках эпохи средней бронзы (рис. 8, 4, 5)¹⁵⁰, памятниках северокавказской культуры¹⁵¹, одновременных и более ранних по времени памятниках Закавказья¹⁵² и более южных областей (рис. 8, 1—3)¹⁵³.

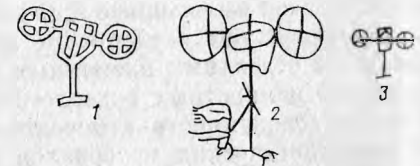
В дагестанских памятниках более позднего времени эти архаические типы оружия почти исчезают. В Талгинском могильнике, например, представлены кинжальные клинки довольно развитого облика (рис. 8, 10, 11)¹⁵⁴. А в памятниках загдакско-мугерганского типа встречены не только кинжальные клинки разных типов (рис. 8, 12—15)¹⁵⁵, но и биметаллические кинжалы (рис. 8, 16)¹⁵⁶ а также наконечники стрел-площички (рис. 7, 17—19)¹⁵⁷ и втульчатые наконечники копий (рис. 8, 20, 21)¹⁵⁸, два последних типа оружия изготовлялись как из бронзы, так и из железа.

Интересную группу металлических изделий — принадлежности одежды или доспехов, а позднее и конской узда — составляют бронзовые бляхи. Один образец небольшой бляхи с двумя отверстиями для крепления происходит из Таркинского могильника (рис. 8, 22)¹⁵⁹. Аналогичная бляха, но более крупного размера найдена в окрестностях сел. Тарки (рис. 8, 23)¹⁶⁰. Наряду с этими

неорнаментированными образцами в Дагестане обнаружены подобные же бляхи, украшенные сложным геометрическим узором (рис. 8, 24)¹⁶¹. Такие же бляхи известны по находкам в средне-бронзовых памятниках Северного Кавказа¹⁶² и Закавказья¹⁶³. В Дагестане встречаются они и позднее. Однако уже на талгинском этапе наряду с архаичными (рис. 8, 26)¹⁶⁴, представлены и более развитые виды литых пуговиц и блях с внутренней петлей (рис. 8, 25, 27)¹⁶⁵. Такие же и еще более усложненные их разновидности

Рис. 10. Изображения древних колесниц

1 — Берикей, Дагестан (по А. П. Круглову), 2 — Саратовское Заволжье (по А. А. Галкину), 3 — в этрусской надписи (по П. М. Кожину)

бытуют и в памятниках загдакско-мугерганского этапа (рис. 8, 28—33)¹⁶⁶.

В заключение нашего обзора остановимся вкратце на изображении колесницы на стенке каменного ящика № 2 Берикейского могильника. У нее — пятиугольный кузов с прямым дышлом и ярмом и два колеса с четырьмя спицами, изображенные как бы в плане (рис. 10, 1)¹⁶⁷. В послевоенные годы стало известно довольно много изображений подобного рода колесниц, иногда с запряженными в них лошадьми, выполненных в таком же стиле (рис. 10, 2, 3)¹⁶⁸. Разрабатывается и их типология, в соответствии с которой колесницы с колесами, имевшими по четыре спицы, считаются древнейшими, бытовавшими не позднее второй половины II тысячелетия до н. э.¹⁶⁹ В свете этих данных берикейское изображение колесницы следует признать одним из древнейших на Кавказе, свидетельствующим о довольно раннем использовании каякентско-хорочоевскими племенами легких, вероятно боевых, колесниц с конской запряжкой.

Таковы основные, ведущие признаки каякентско-хорочоевской культуры, опираясь на которые попытаемся теперь более четко определить ее характер и историческое место. Строго говоря, она не может быть безоговорочно признана археологической культу-

¹⁴⁸ Мунчаев Р. М., 1975, рис. 56.

¹⁴⁹ Круглов А. П., 1946, с. 73, 144.

¹⁵⁰ См., например: Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1956, с. 199; Канивец В. И., Березанская С. С., 1959, с. 64, 81; Котович В. М., 1961, с. 135, 137; История Дагестана, т. I, с. 63.

¹⁵¹ См., например: Деген Б. Е., 1941, табл. XVI, 7; XV, 6; Мизиев И. М., Бетровоз Р. Ж., Нагоев А. Х., 1973, рис. 18, 1—10.

¹⁵² См., например: Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. П., 1970, рис. 42, 12—17.

¹⁵³ Wolley C. L., 1934, p. 303—305, pl. 227, 228.

¹⁵⁴ Исаков М. И., 1957, с. 126, 129, рис. 53, 1; Марковин В. И., 1969, рис. 26, 6, 8.

¹⁵⁵ См., например: Пикуль М. И., 1967, рис. 2, 7, 8; Марковин В. И., 1964, рис. 24, 4; Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, рис. 18, 6.

¹⁵⁶ Пикуль М. И., 1959б, рис. 5, 20; Давудов О. М., 1974б, табл. XVIII, 19.

¹⁵⁷ Пикуль М. И., 1967, рис. 3, 2; Марковин В. И., 1964, рис. 24, 17; Давудов О. М., 1968, рис. 2, 8, 9, рис. 3, 7—11.

¹⁵⁸ Пикуль М. И., 1973, рис. 5, 10; Марковин В. И., 1964, рис. 24, 1; Давудов О. М., 1968, рис. 2, 5; 3, 6.

¹⁵⁹ Смирнов К. Ф., 1951, рис. 12, 4.

¹⁶⁰ Марковин В. И., 1969, рис. 30, 2.

¹⁶¹ Марковин В. И., 1969, рис. 30, 4.

¹⁶² См., например: Марковин В. И., 1960, с. 96, 97, рис. 46, 65.

¹⁶³ Купфин Б. А., 1941, с. 94—101, рис. 106, табл. СХV; Джапаридзе О. М., 1969, с. 116, рис. 12, 2.

¹⁶⁴ Исаков М. И., 1957, с. 129; Марковин В. И., 1969, рис. 30, 3.

¹⁶⁵ Пикуль М. И., с. 161; Котович В. М., 1978б, рис. 3, 19, 30, 39, 50, рис. 6, 2, 25, 7; Давудов О. М., 1968, рис. 2, 10; 3, 14.

¹⁶⁶ Пикуль М. И., 1959а, рис. 3, 18, рис. 4, 12; Марковин В. И., 1964, рис. 24, 12; 1969, с. 116, рис. 12, 2.

¹⁶⁷ Круглов А. П., 1958, с. 84, 142, рис. 69.

¹⁶⁸ См., например: Кожин П. М., 1966, с. 76—81; Он же, 1968, с. 35—42; Галкин Л. Л., 1977, с. 193—197, рис. 1 (с. 129); Чередишченко Н. Н., 1976, с. 135 и сл.; Новгородова Э. А., 1978, с. 192 и сл.

¹⁶⁹ Цитировский Б. Б., 1959, с. 121; Кожин П. М., 1968, с. 36; Отрошенко В. В., 1974, с. 75.

рой по крайней мере по двум обстоятельствам. Во-первых, из-за недостаточности археологической базы, ограниченной, как уже отмечалось, преимущественно могильниками, тогда как современное понятие археологической культуры опирается на совокупности однотипных археологических комплексов памятников (поселений и могильников)¹⁷⁰. Помимо того, очерчиваемый ныне ее ареал¹⁷¹ охватывает территорию расселения целого этнического массива — прадагестано-нахского, или прадагестанского, состоявшего, в свою очередь, из многочисленных племен и этнических групп. Однако выявленные в археологических материалах признаки характеризуют особенности культуры всего этнического массива, а не отдельных племенных групп или тем более племен — носителей конкретных археологических культур и их вариантов. Поэтому совокупность отмеченных нами в процессе рассмотрения археологических материалов специфических черт, по нашему мнению, правильнее считать отличительными признаками не какой-то одной археологической культуры, а целого этапа в культурно-историческом развитии прадагестано-нахского, или прадагестанского этнического массива. Но поскольку мы не располагаем в настоящее время необходимыми данными для выделения в рамках данного этапа конкретных археологических культур¹⁷², представляется возможным равнозначно пользоваться пока термином «каякентско-хорочоевская культура» в его расширенном понимании, т. е. применительно к целому этапу культурно-исторического развития всего этнического массива.

С учетом рассмотренных материалов ее характерными признаками следует считать одиночные или парные захоронения в каменных ящиках в сидячем или скорченном положении в сопровождении достаточно определенного набора погребального инвентаря, включающего обмазанную керамику с валиковым орнаментом (три типа горшков)¹⁷³, металлические украшения (пластинчатые и прутковые височные подвески, наконечники украшений, браслеты, преимущественно круглого сечения, булавки, разнообразных сурьмяные привески, нашивные бляхи), а также редкие находки плоскочерешковых листовидных клинков¹⁷⁴. Из всех этих признаков в роли отличительных, «этнодифференцирующих» черт, присущих каякентско-хорочоевским памятникам могут выступать

¹⁷⁰ Захарук Ю. Н., 1964, с. 18—22; Каменецкий И. С., 1970, с. 28—30.

¹⁷¹ Марковин В. И., 1969, с. 77—88, рис. 36.

¹⁷² Можно с достаточным основанием предполагать, что в таковые могут быть со временем выделены группы памятников, тяготеющие по культуре к Каякентскому и Хорочоевскому могильникам, а также других локальных групп, выделенных В. И. Марковиным (Марковин В. И., 1969, с. 85, 86).

¹⁷³ Этот признак, как отмечалось, не распространяется на керамику каякентской группы памятников — гладкостенную с резным орнаментом.

¹⁷⁴ В это же время, вероятно, употреблялись и другие виды оружия: бронзовые секиры, мечи-рапиры, втульчатые наконечники копий с четко моделированным пером, пока известные по единичным внекомплексным находкам.

только сурьмяные привески и, с некоторыми оговорками, пластинчатые височные подвески, бронзовые колпачки, а также горшки всех трех рассмотренных выше типов. Оговорки в отношении указанных категорий материальной культуры вызваны тем обстоятельством, что все они, хотя и в значительно меньшем количестве, представлены в памятниках предшествующего этапа, а керамика (особенно горшки третьего типа) еще и последующих.

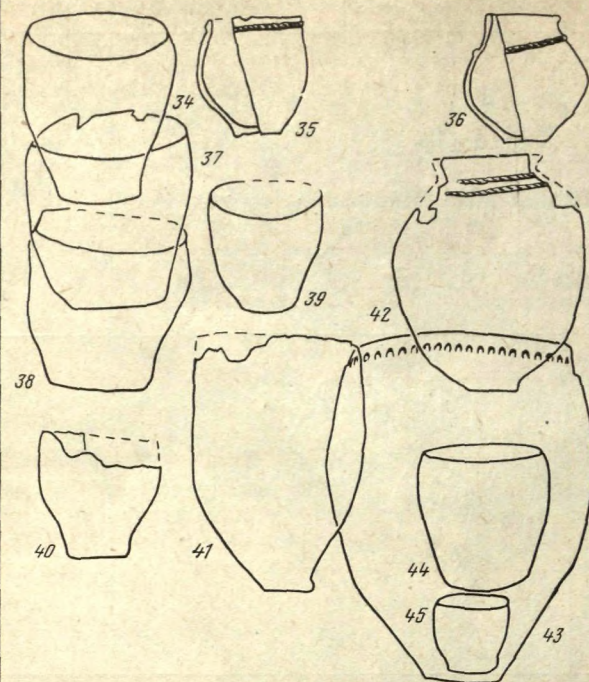
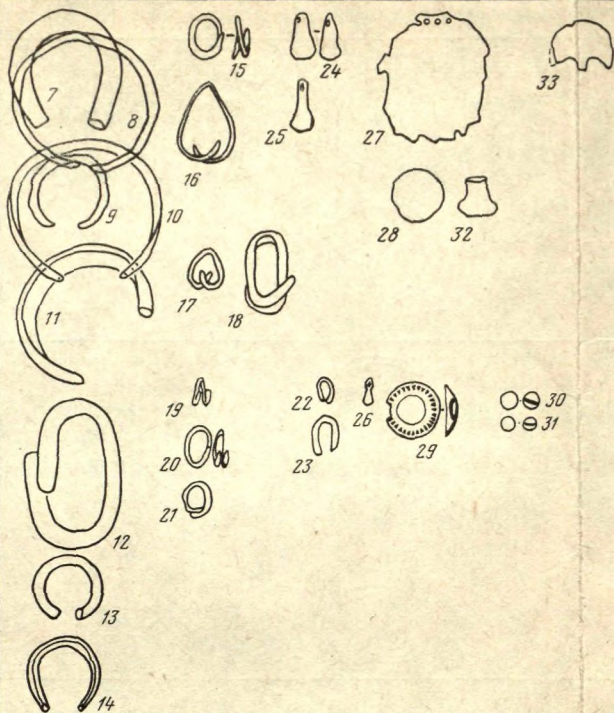
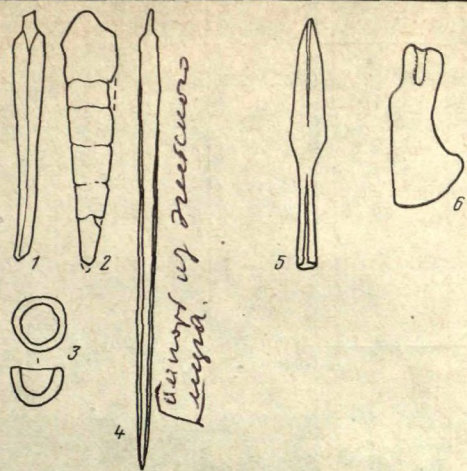
Вместе с тем отмеченные обстоятельства, свидетельствуя о преемственной связи в развитии местной культуры на разных этапах, представляют исключительно важное значение для определения исторического места каякентско-хорочоевской культуры. Всеми своими ведущими компонентами (все три типа сосудов, пластинчатые и прутковые височные подвески, колпачки от наконечных украшений, каплевидные подвески, булавки, браслеты, плоскочерешковые клинки), за исключением погребального обряда и сурьмяных привесок, она оказывается связанной с культурой предшествующего — гинчинско-гатынкалинского этапа. С памятниками же талгинского этапа ее связывают погребальный обряд и некоторые формы материальной культуры (горшки третьего типа, прутковые височные и каплевидные подвески) при четко фиксируемом разрыве или нарушении развития других ее компонентов, в том числе «этнодифференцирующих» (горшки первого и отчасти второго типов, пластинчатые височные подвески, колпачки от наконечных украшений, плоскочерешковые клинки). Сказанное определяет относительное место каякентско-хорочоевского этапа между гинчинско-гатынкалинским и талгинским этапами. Поскольку каякентско-хорочоевская культура почти всеми своими ведущими признаками оказывается неразрывно, органически связанной с культурой гинчинско-гатынкалинского этапа, представляется возможным также отнести ее к эпохе средней бронзы. Как уже отмечалось, они различаются между собой главным образом по особенностям погребального обряда.

Остановимся вкратце и на более поздних этапах. Из них талгинский соответствует, по нашему мнению, эпохе поздней бронзы, а заидакско-мугерганский — печальному этапу эпохи раннего железа или предскифскому периоду. Отметим, что, будучи несомненно связанными происхождением с каякентско-хорочоевской культурой, они утратили многие из присущих ей специфических черт и обогатились новыми, придавшими им качественно иной характер. Поэтому и талгинский и заидакско-мугерганский этапы следует считать отдельными, самостоятельными (со «своими» археологическими культурами) этапами культурно-исторического развития местного этнического массива, подобно тому как, например, отдельные этапы развития культуры сарматской этнической общности считаются самостоятельными археологическими культурами¹⁷⁵.

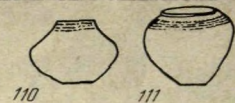
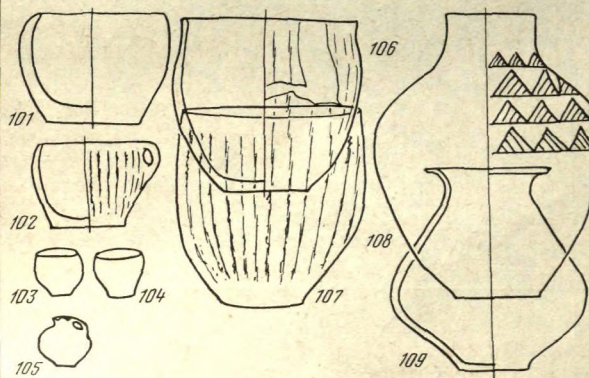
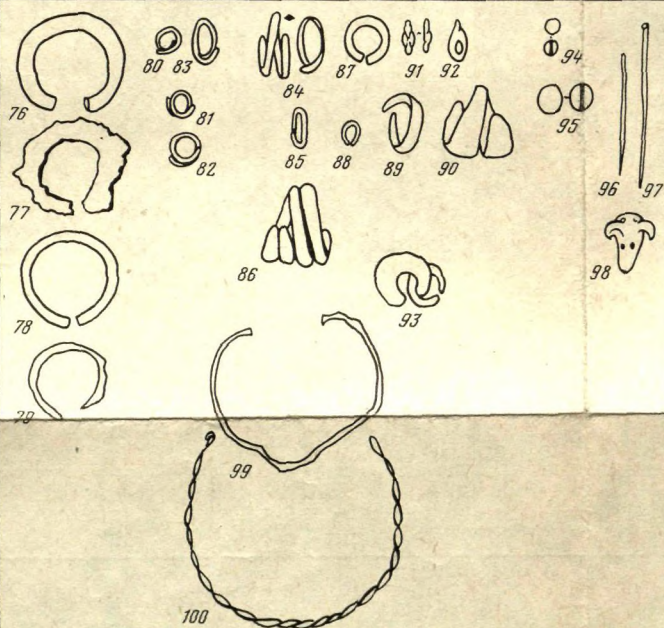
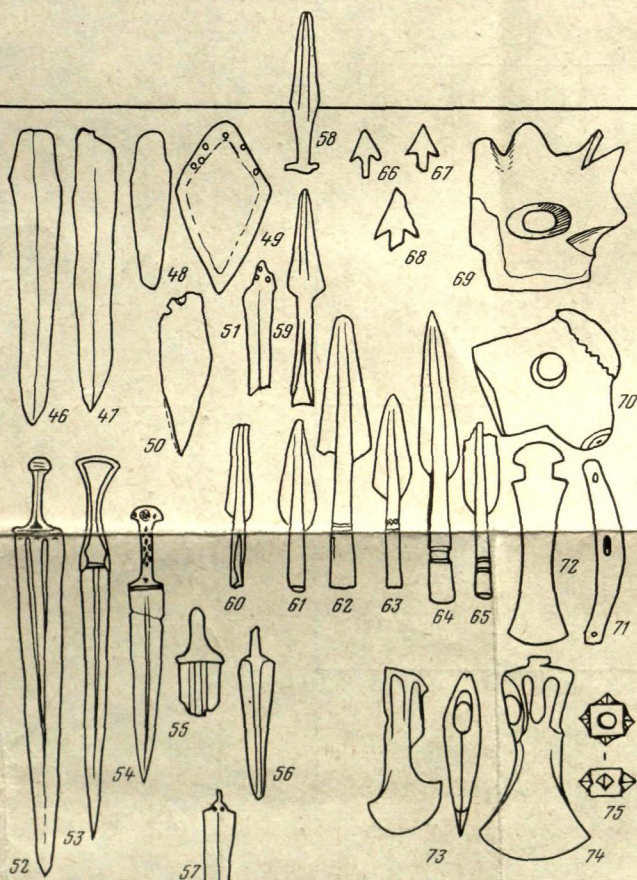
¹⁷⁵ Смирнов К. Ф., 1954, с. 199, 201; Он же, 1974, с. 36, 39; Мошкова М. Г., 1974, с. 5.

XV - XIII вв.
Талгинский этап

XII - X вв.
Зандакский этап

IX - первая пол. VIII в.
Шахсенгерский этап

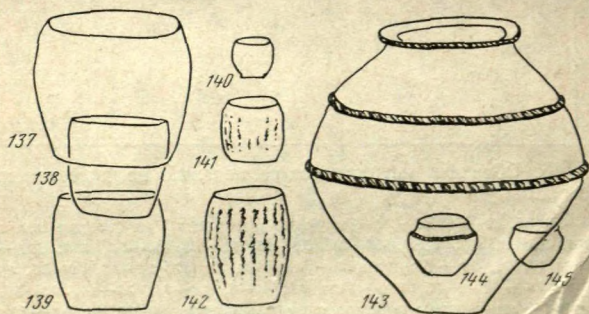
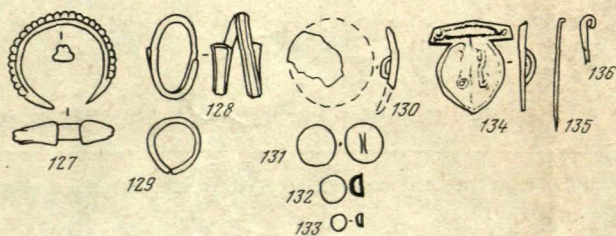
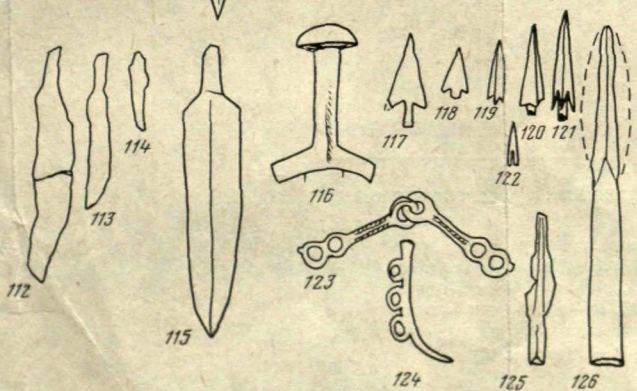

Рис. 11. Сводная таблица развития материальной культуры Дагестана в переходный период от эпохи бронзы к эпохе раннего железа

1-3, 7, 9, 10, 15, 16, 24, 27, 33, 35, 36 - Талги; 4, 52 - Хуштада; 5, 55, 57, 59, 60, 62, 65 - Турчи; 6 - Ругуджа; 11, 12, 17, 18, 28, 37-39, 42 - Кабарты-кутан; 13, 14, 19-23, 26, 29-31, 40, 41 - Мисени-булак; 25, 32, 43-45 - Тарки; 46-49, 64, 66-71, 79, 87-92, 94, 98, 100-104, 108, 109, 115, 123, 124, 127, 128, 134 - Зандак (Дарбаш); 50 - Хуна; 51, 56, 58 - бывш. Казикумухский округ; 54 - Карчаг; 53, 113, 119, 120, 125, 129, 135, 136, 137-139, 143 - Маджалис; 63, 74 - из Дагестана; 61, 76-78, 80-86, 96, 97, 99, 105-107, 110, 111, 114, 116, 142 - Мугергай; 72 - Чох; 73, 75 - Хунзах; 112, 117, 118, 121, 122, 126, 130-133, 140, 141, 144, 145 - Шахсенгер (1-33, 46-63, 72-100, 115, 117, 123, 124, 127-129, 131-136 - бронза; 112-114, 116, 118, 125, 126, 130 - железо; 69, 70 - рог; 119-122 - кость; 34-45, 101-111, 137-145 - керамика)

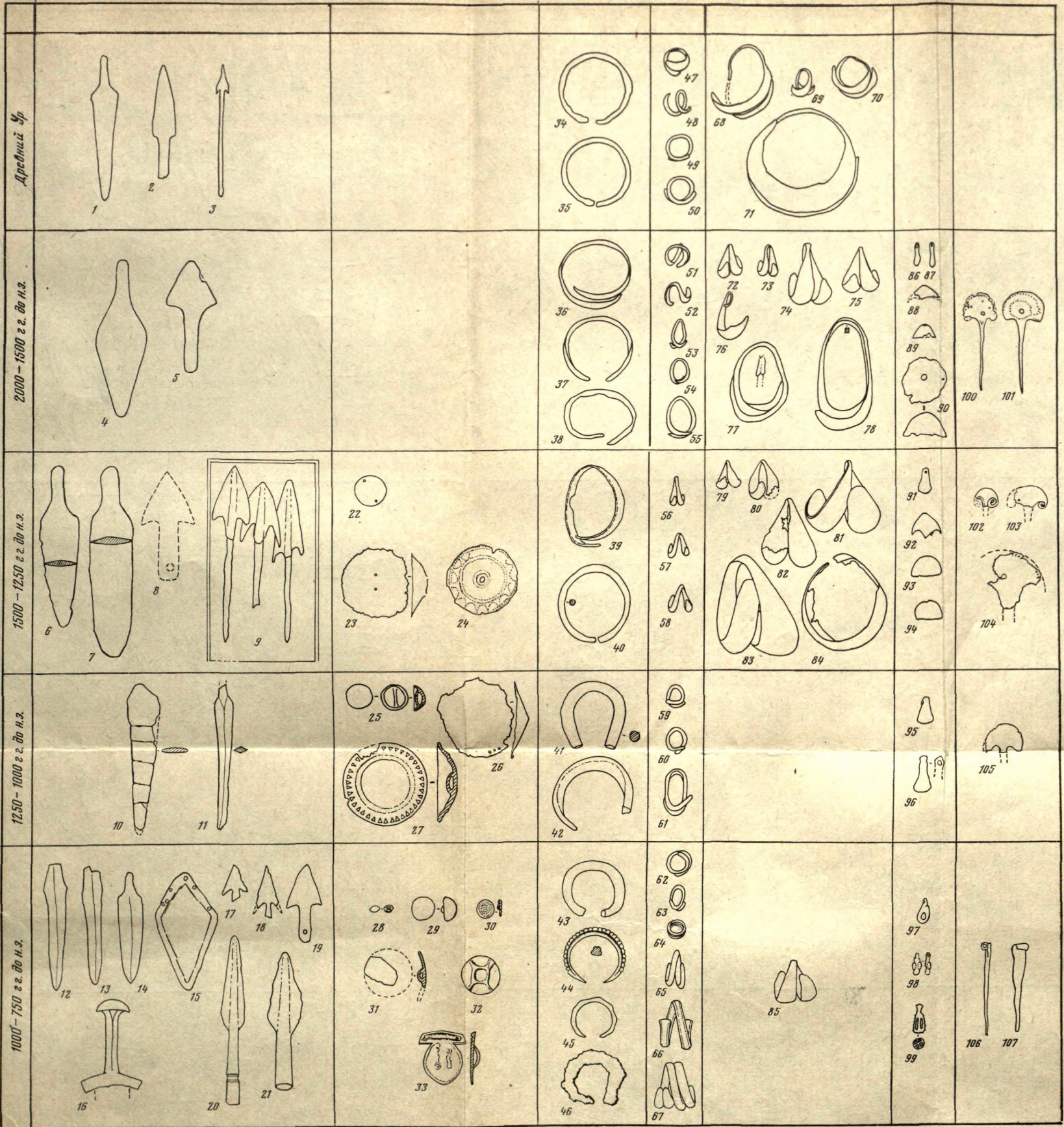

Рис. 8. Образцы металлических изделий из дагестанских памятников эпохи бронзы и предкифского периода и их вероятные передвосточные прототипы

1—3, 34, 35, 47—50, 68—71 — царские гробницы Ура (вторая половина III тысячелетия до н. э.); 4, 5, 36—38, 51—55, 72—78, 86—90, 100, 101 — эпоха средней бронзы (4, 38, 90 — Мнатли, 5 — Чиркей, 36, 37, 51—55, 72—75, 86—89, 100, 101 — Гицчи, 76 — Чох, 77, 78 — Усища); 6—8, 22—24, 39—40, 54—56, 79—84, 91—94, 102—104 — каякентско-хорочоевские памятники (6, 22, 23, 91 — Тарки, 7 — Кафыр-Кумух, 8 — Берикей, 9 — Кедабек, 24 — с территории Дагестана, 39, 40, 56—58, 79, 82, 92—94 — Хорочой, 83 — Мамай-кутан, 84 — Ведено, 102 — Тарнаир, 103 — Маджалис, 104 — Каякент); 10, 11, 25—27, 41, 42, 59—61, 95, 96, 105 — эпоха поздней бронзы (10, 11, 26, 41, 95, 105 — Талги, 25, 27, 59, 60, 96 — Мискин-Булак, 42, 61 — Кабарты-кутан); 12—21, 28, 33, 43—46, 62—67, 85, 97—99, 106, 107 — предкифский период (12—15, 17, 20, 28, 30, 32, 33, 44, 45, 62, 63, 65—67, 85, 97, 98 — Зандак, 16, 21, 43, 46, 64, 99, 106, 107 — Мугерган, 18, 29, 31 — Шахсенгер)

Как известно, время бытования памятников гинчинско-гатынкалинского этапа ограничивается сейчас первой половиной II тысячелетия до н. э.¹⁷⁶, талгинского — последней четвертью II тысячелетия до н. э.¹⁷⁷ Следовательно, в рамках существующей ныне хронологии, каякентско-хорочоевский этап может быть датирован третьей четвертью II тысячелетия до н. э., т. е. признан одновременным III этапу бытования северокавказской культуры¹⁷⁸. При этом необходимо подчеркнуть, что, если определенное таким образом историческое место каякентско-хорочоевского этапа между гинчинско-гатынкалинским и талгинским можно считать достаточно обоснованными всеми имеющимися материалами, то его абсолютная хронология представляется в известной мере условной, отражающей лишь нынешнее состояние периодизации местных культур Северо-Восточного Кавказа. Думается, что со временем могут быть удревнены как его нижняя (на что указывают находка архаичной булавки в Маджалисском могильнике и довольно ранняя — 1740 ± 60 г. до н. э. — радиоуглеродная дата — анализ ЛЕ № 1059 — кафыркумукской гробницы, где найден архаичный клинок майкопского облика), так и верхняя (в связи с возможностью удревнения абсолютной хронологии позднебронзовых и раннежелезных — раннекобанских культур Северного Кавказа) даты.

Нетрудно заметить, что при определении исторического места и хронологии каякентско-хорочоевской культуры нами почти совершенно не учитывались те закавказские аналогии, которым еще сравнительно недавно придавалось решающее значение¹⁷⁹. И это действительно так, ибо представляется единственно верным при решении подобных вопросов ставить во главу угла внутренние закономерности развития местных культур, а не внешние аналогии. Между тем сходство отдельных элементов культуры каякентско-хорочоевских и несколько более поздних по времени памятников Закавказья действительно имело место, что подтверждается и новыми фактами¹⁸⁰. Возможной причиной этого могло явиться, по нашему мнению, переселение далеко на юг какой-то части каякентско-хорочоевских племен, увлеченных туда миграционной волной древнеиранского населения, проходившей, как это признается сейчас рядом исследователей, по Прикаспийскому пути¹⁸¹. В подтверждение сказанного сошлемся на тот факт, что найденные в Закавказье предметы по своим особенностям (керамика с

¹⁷⁶ Гаджиев М. Г., 1974б, с. 28.

¹⁷⁷ Мунчаев Р. М., 1953, с. 13; Исаков М. И., 1957, с. 139; Капицев В. И., 1959, с. 50.

¹⁷⁸ Напомним, что к материалам именно этого этапа ведут многие аналогии металлическому инвентарю каякентско-хорочоевских памятников; большинство этих аналогий было отмечено еще А. П. Кругловым (Круглов А. П., 1958, с. 88—90).

¹⁷⁹ Крупнов Е. И., 1940, с. 11—16; Круглов А. П., 1958, с. 90—92.

¹⁸⁰ См., например: Маргиросян А. А., 1964, с. 174, 175.

¹⁸¹ Грантовский Э. А., 1970, с. 14—16, 23, 24, 352; Кувшинова Е. Е., 1973, с. 181 и сл.; Погребова М. Н., 1977, с. 65—67.

резным елочным узором, курильницы на раздельных ножках, сурьмяные подвески ромбической формы и др.) обнаруживают наибольшее сходство с материалами каякентской группы могильников, расположенной как на Приморской равнине Дагестана, так и в ближайших предгорьях, т. е. в тех местах, через которые непосредственно проходили пути этих миграций. Оказавшись в иноэтнической среде, переселенцы из Дагестана могли какое-то время сохранять многие черты своей традиционной культуры.

Этим самым снимается последний аргумент в пользу синхронизации каякентско-хорочоевской культуры с ходжалы-кедабекской и кобанской. Отметим попутно, что существовавшее до сих пор представление об одновременности названных культур возникло в условиях крайне слабой археологической изученности Северо-Восточного Кавказа, вследствие чего решающую роль в этом сыграли не столько археологические материалы, сколько «факт территориального несовпадения кобанских могильников и могильников каякентско-хорочоевского типа»¹⁸². Но, как отмечал А. А. Иессен, «смыкание неполных рядов факторов в отношении хронологии неизбежно должно привести к искусственно укороченным хронологическим схемам, к известной боязни ранних датировок»¹⁸³. Такие искусственно укороченные хронологические схемы таят в себе, по его мнению, «опасность серьезных ошибок при их использовании в историческом построении, так как при сопоставлении с хронологическими данными по лучше изученным территориям могут привести к искаженному представлению о культурной отсталости той территории, для которой пользуются укороченной, сжатой хронологией»¹⁸⁴. Как известно, именно такая — укороченная — хронология была разработана в предвоенные годы для эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа¹⁸⁵. За прошедшее с тех пор время были уточнены и пересмотрены многие ее звенья. Лишь хронология каякентско-хорочоевской культуры до сих пор оставалась, пожалуй, единственным почти нетронутым ее звеном.

Определение нового исторического места каякентско-хорочоевской культуры и в иных хронологических рамках, нежели у культуры кобанской, позволяет полностью отвергнуть тезис об отставании историко-культурного развития Дагестана по сравнению с сопредельными областями Северного Кавказа. Думается, что это, в свою очередь, может иметь немаловажное значение для правильного понимания общего процесса культурно-исторического развития населения северокавказского региона в эпоху средней бронзы, а также для освещения взаимоотношений с племенами степных культур, особенно культур «многоваликовой» керамики и срубной.

¹⁸² Круглов А. П., 1949, с. 127, 128; Он же, 1958, с. 88.

¹⁸³ Иессен А. А., 1950, с. 194.

¹⁸⁴ Иессен А. А., 1951, с. 119.

¹⁸⁵ Круглов А. П., 1946, с. 131, 132.

Об этапах развития дагестанской культуры эпохи поздней бронзы — начала эпохи раннего железа

Как уже отмечалось выше, одним из наименее разработанных применительно к конкретным дагестанским материалам представляется вопрос о сущности дагестанской культуры конца II — начала I тысячелетия до н. э., вопрос о характере переходного периода от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. И хотя существование в древней истории Дагестана этого периода в настоящее время считается общепризнанным, однако нельзя не обратить внимания на принципиально разный подход исследователей к определению его содержания.

По мнению одних, дагестанская культура переходного периода имеет своей основой культуру заключительного этапа эпохи поздней бронзы, богатой разнообразным металлическим инвентарем¹⁸⁶. Памятники этой культуры известны пока еще в небольшом числе (древнейшие захоронения Мугерганского, Зандакского-Дагбашского и Мискинбулакского могильников, случайные находки разнообразного бронзового вооружения и т. д.). Представленная в них культура, с одной стороны, сохраняет множество преемственных черт с каякентско-хорочоевской культурой (что проявляется главным образом в погребальном обряде и керамике), а с другой стороны, несет в себе ряд новых элементов, получивших развитие уже в эпоху раннего железа (преимущественно металлический инвентарь, отчасти керамика, погребальный обряд). Последняя особенность сближает ее с одновременными комплексами синхронных (конец II тысячелетия до н. э.) культур Северного Кавказа (кобанская) и Закавказья (центрально-закавказские). Если согласиться с такой точкой зрения, то тезис о сходстве путей развития производительных сил населения Дагестана с населением сопредельных областей Кавказа получает подтверждение.

Другие придерживаются иной точки зрения по данному вопросу, полагая, что той основой, на которой формировалась дагестанская культура переходного периода, являлась непосредственно сама каякентско-хорочоевская культура. Именно эта культура Дагестана синхронизируется ими с кобанской культурой Северного Кавказа и центральнозакавказскими культурами¹⁸⁷. При подобной синхронизации этих пышных, богатых металлом культур, ярко свидетельствующих о широких производственных возможностях оставивших их обществ, с явной и значительно уступающей им в данном аспекте каякентско-хорочоевской культурой становится очевидной справедливость высказанного еще А. П. Кругловым тезиса о неравномерности исторического процесса в общекавказском масштабе, выразившейся в отставании носителей каякентско-хорочоевской культуры от уровня развития, достигнутого северокавказскими и закавказскими племенами¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Котович В. Г., Шейхов Н. Б., 1960, с. 344, 348—350.

¹⁸⁷ Круглов Е. И., 1964, с. 339, 340; Марковин В. И., с. 81—85.

¹⁸⁸ Круглов А. П., 1958, с. 134.

Таким образом, специально археологический и даже частный вопрос о том, что же считать исходной основой для формирования дагестанской культуры переходного периода от бронзы к железу, неожиданно перерастает археологические рамки и приобретает важное историческое значение. Становится очевидным, что принятие того или иного из указанных выше путей его решения фактически означает также признание соответствующей оценки темпов и уровня исторического развития местного населения в конце бронзового века. Именно это обстоятельство, представляющее, на наш взгляд, первостепенный интерес, вынуждает нас вновь возвратиться к рассмотрению, казалось бы, уже решенного в дагестановедении и кавказоведении в целом вопроса о характере переходного периода от бронзы к железу в древней истории Дагестана, его роли в развитии производительных сил и общем процессе социально-экономического развития местного общества.

Чтобы избежать субъективных оценок в этом вопросе применительно к конкретным условиям Дагестана, обратим первоначально к сопредельным областям Закавказья и Северного Кавказа, где памятники конца II — начала I тысячелетия до н. э. изучены намного лучше и где главные закономерности и сущность переходного периода от бронзы к железу раскрыты глубже и полнее. В этом отношении немаловажный интерес для нашей цели представляют соответствующие археологические комплексы, обнаруженные в Азербайджане и Восточной Грузии — областях, территориально наиболее близких к Дагестану.

Ближайшим среди них является район Мингечаура, где в результате широких археологических работ было вскрыто и изучено немало разновременных памятников древности и среди них поселения и могильник, относящиеся к интересующему нас времени. Для нас особенно важны результаты изучения материальной культуры, представленной в грунтовых погребениях и курганах эпохи (поздней) бронзы¹⁸⁹. Будучи разновременными в рамках одной исторической эпохи, охватывающей отрезок времени с XIII по IX в. до н. э., материалы этих погребальных комплексов позволяют проследить изменения в материальной культуре оставившего их населения. Как известно, исследователи этого памятника выделяют два этапа эволюции культуры в пределах указанного хронологического отрезка: ранний (XIII—XI вв. до н. э.) и поздний (XI—IX вв. до н. э.). На позднем этапе появляются уже изделия из железа¹⁹⁰.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение особенностей инвентаря этой группы Мингечаурских памятников, отметим только, что на всем протяжении указанного хронологического отрезка развитие их протекало спокойно, без резких скачкообразных переходов. В процессе эволюционного развития отдельные категории инвентаря несколько видоизменялись, некоторые исчезли, другие, нао-

¹⁸⁹ Аслапов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 48—116.

¹⁹⁰ Аслапов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 119.

борот, появлялись. Но в целом процесс может быть охарактеризован как сравнительно медленное эволюционное развитие данной культуры. Следует при этом особенно подчеркнуть, что и самое появление первых железных изделий не повлекло за собой быстрых и радикальных изменений. Напротив, железные изделия органически «вписываются» в общую картину постепенного, но неуклонного развития культуры, представленной в рассматриваемых памятниках.

Аналогичная картина прослеживается и на материалах памятников ходжалы-кедабекской культуры. Как показывают результаты новейших исследований этих материалов, происходящих из территориально различных групп памятников Азербайджана, данная культура на протяжении XIII—VII вв. до н. э. прошла три этапа своего развития¹⁹¹. И здесь железные изделия появляются в процессе эволюционного развития данной культуры, не внося в него своим появлением резких скачкообразных изменений. Время первых железных изделий в ходжалы-кедабекских памятниках Азербайджана определяется различными исследованиями по-разному. Одни относят его к позднему этапу данной культуры (IX—VII вв. до н. э.)¹⁹², другие — к середине (XI—X вв. до н. э.)¹⁹³.

Подобным же образом развивалась и синхронная культура Северной Армении. Именно в рамках этой культуры, как показывают материалы хорошо изученных могильников Ворнака, Головино, Хртаноца и др.¹⁹⁴, появляются первые железные изделия. Основываясь на этом, А. А. Мартиросян считает II позднебронзовый этап (XII—XI вв. до н. э.) периодом первоначального освоения железа, а III этап позднебронзовой эпохи (XI—X вв. до н. э.) — уже периодом раннего железа¹⁹⁵.

Сходными путями шло развитие синхронной культуры Восточной Грузии. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы Бешташенского, Самтаврского и других могильников, обнимающие значительный хронологический диапазон, куда входит и период перехода от бронзы к железу¹⁹⁶. Правда, в определении абсолютных дат появления первых железных изделий в этих памятниках между исследователями нет единства¹⁹⁷, но все они отмечают постепенный эволюционный характер развития представленной в памятниках культуры на протяжении указанной эпохи.

Констатируя совпадение интересующего нас факта — «незаметного» на первых порах появления единичных железных изделий в процессе эволюционного развития местных культур в разных областях Центрального и Восточного Закавказья, можно за-

даться вопросом: является ли отмеченная особенность характерным признаком только этих культур, нередко рассматриваемых кавказоведами как варианты единой центрально-закавказской культуры эпохи поздней бронзы и первого железа¹⁹⁸. Либо она отражает какие-то общие закономерности, присущие и другим кавказским культурам рассматриваемого времени? Последнее, по нашему мнению, более вероятно. В подтверждение можно сослаться на примеры, которые дают нам другие памятники того периода, но с несколько иной материальной культурой.

В Закавказье яркий пример развития культуры рассматриваемого времени дает замечательный могильник у сел. Тли в Юго-Осетии. Материалы из богатых разнообразным инвентарем разновременных захоронений Тлийского могильника рисуют нам все ту же, знакомую по рассмотренным выше памятникам, картину непрерывной эволюции местной культуры в эпохи поздней бронзы и раннего железа. Первые железные изделия обнаружены в комплексах, хронологически относящихся к концу II (с XIII в. до н. э.) — началу I тысячелетия до н. э., не вызывая резких скачкообразных изменений в эволюции местной культуры¹⁹⁹.

Если же мы обратимся к культурам Северного Кавказа, то здесь наиболее полно процесс перехода от бронзы к железу изучен на примере известной кобанской культуры, бытовавшей главным образом в его центральной части. Не вдаваясь в детальное рассмотрение вопросов, связанных с кобанской культурой, отметим, что первые железные изделия появляются здесь в употреблении также постепенно, по мере ее эволюционного развития²⁰⁰.

Не касаясь других областей Северного Кавказа, отметим, что в особенно интересной для нас его северо-восточной части, главным образом на территории нынешней Чечено-Ингушетии, в последние годы стали известными памятники рассматриваемого времени. Наиболее изученными среди них являются, пожалуй, Сержень-Юртовское поселение и могильник и Зандакский (Дагбашский) могильник, где по образному выражению Е. И. Крупнова, «какаентско-хороцоевская посуда сочетается с кобанским металлом...»²⁰¹.

Раскопки Сержень-Юртовского поселения²⁰² и могильника²⁰³ познакомили нас с яркой и своеобразной культурой местного населения, бытовавшей в X—VII вв. до н. э.²⁰⁴ Носителям этой куль-

¹⁹¹ Минкевич-Мустафаева Н. В., 1962, с. 109—139.

¹⁹² Минкевич-Мустафаева Н. В., 1962, с. 115, 122, 126, 132, 137.

¹⁹³ Даниелян О. А., 1969, с. 14, 15.

¹⁹⁴ Мартиросян А. А., 1954; *Он же*, 1964, с. 81—192.

¹⁹⁵ Мартиросян А. А., 1964, с. 302, 303.

¹⁹⁶ Куфтин Б. А., 1941, с. 65—75; Чубинишвили Т. Н., 1957, с. 120—123.

¹⁹⁷ Куфтин Б. А., 1941, с. 72; Чубинишвили Т. Н., 1957, с. 123; Абрамшвили Р. М., 1957, с. 139; Пицхелаури К. Е., 1973, с. 220.

¹⁹⁸ Крупнов Е. И., 1964, с. 328.

¹⁹⁹ Телов В. В., 1957, с. 128—151; *Он же*, 1963, с. 44—103; *Он же*, 1972, № 3, с. 20 и сл.; *Он же*, 1977, с. 4 и сл.

²⁰⁰ Крупнов Е. И., 1957, с. 56—82; *Он же*, 1960; *Он же*, с. 16.

²⁰¹ Крупнов Е. И., 1964, с. 340.

²⁰² Мулдаев Р. М., 1962, с. 182—187; Мерперт П. Я., 1962, с. 33, 34; Перусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И., 1963, с. 42—53; Козенкова В. И., Крупнов Е. И., 1966, с. 81—87; Козенкова В. И., 1967, с. 82—89.

²⁰³ Козенкова В. И., 1969, с. 171—183.

²⁰⁴ Нижняя дата Сержень-Юртовского поселения определена посредством радиоуглеродного анализа как 1190±95 гг. до н. э. (т. е. в пределах

туры уже на раннем этапе (X—VIII вв. до н.э.) становится известным железом, правда появившееся первоначально в виде единичных, возможно привозных, изделий²⁰⁵.

Во многом сходная культура представлена и на Западском (Дагбашском) могильнике, разновременные захоронения которого охватывают значительный хронологический диапазон от конца II тысячелетия до VIII в. до н.э.²⁰⁶ Этот памятник пока полностью не издан. Судя по имеющимся публикациям, наиболее ранние комплексы этого памятника относятся к значительному этапу эпохи поздней бронзы, а последующие — уже к переходному периоду от бронзы к железу²⁰⁷. Причем железные изделия и здесь появляются сначала в небольшом количестве, мало что изменяя в общем процессе эволюции местной культуры, несущей на себе следы воздействия кобанской культуры (особенно в металле), пережиточные элементы каякентско-хорочоевской культуры (некоторые типы керамического и металлического инвентаря), а также черты местного своеобразия.

В интерпретации культуры этого этапа на территории Чечено-Ингушетии между исследователями нет единства. Некоторые считают ее одним из поздних этапов эволюции каякентско-хорочоевской культуры²⁰⁸, другие — восточным вариантом раннекобанской культуры²⁰⁹. При этом В. И. Козенкова специально подчеркивает, что памятники этого типа (она причисляет к ним Сержень-Юртовские поселения и могильник, но, очевидно, сюда же тяготеет и одновременный Западский могильник) «отражают не дальнейшее развитие каякентско-хорочоевской культуры, как думали прежде, а утверждают существование раннего этапа самостоятельной культуры»²¹⁰. Подобная оценка данной культуры нам представляется наиболее отвечающей действительности.

И в Закавказье и на Северном Кавказе первое знакомство с железом произошло в пределах одного и того же исторического периода, нижняя хронологическая грань которого определяется разными исследователями по-разному — от XIV — до XI вв. до н.э., а верхняя проводится главным образом в пределах IX—VIII вв. до н.э. При этом появление первых железных изделий происходило на Кавказе в конце II тысячелетия до н.э. в рамках позднебронзовых культур и их локальных вариантов и не внесло на первых

XII—XI вв. до н.э.). Однако исследователи памятника поставили под сомнение результаты именно этого анализа и ограничивают нижнюю дату бытования поселения и могильника у с. Сержень-Юрт X в. до н.э. См. об этом: Крупнов Е. И., 1969, с. 17; Козенкова В. И., 1969, с. 8—11.

²⁰⁵ Козенкова В. И., 1968, с. 31—33.

²⁰⁶ Марковин В. И., 1964, с. 37.

²⁰⁷ Пиккуль М. И., 1961, с. 298—319; Она же, 1959б, с. 19—22; Марковин В. И., 1964, с. 84—87; Он же, 1969, с. 82—84; Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 46.

²⁰⁸ Марковин В. И., 1969, с. 82—85; Виноградов В. Б., Рец. на кн.: Пиккуль М. И., 1969, с. 288, 289.

²⁰⁹ Крупнов Е. И., 1969, с. 17; Козенкова В. И., 1969б, с. 6—10.

²¹⁰ Козенкова В. И., 1969а, с. 183.

порах существенных качественных изменений в процесс их эволюционного развития. Из сказанного следует, что первое знакомство с железом и освоение ранней металлургии железа происходило в местной кавказской этнокультурной среде, т. е. среди тех конкретных многочисленных автохтонных племен, которые были создателями и посетителями соответствующих археологических культур. Данное обстоятельство лишней раз подтверждает правоту исследователей, связывающих зарождение железной металлургии Кавказа именно с местной этнической средой, а не с деятельностью скифов и даже урартов, влияние которых на развитие местных племен сказалось уже после того, как ими была освоена эта важнейшая отрасль металлургического производства.

Основываясь на известных кавказских материалах рассматриваемого периода, попытаемся теперь охарактеризовать вкратце его отличительные особенности. Поскольку его главным производственным достижением является освоение железной металлургии, основное внимание должно быть обращено при этом на характеристику именно металлургического производства на различных этапах переходного периода от бронзы к железу. Как известно, одной из важных предпосылок к освоению железа многие исследователи считают расцвет местного бронзо-литейного производства в конце бронзового века, ярко документируемый богатыми наборами разнообразного бронзового инвентаря, происходящими из кавказских памятников этого времени. Именно в рамках этих пышных культур, свидетельствующих о резком подъеме производительных сил местных племен и особенно о возросших производственных возможностях местной металлургии, происходит первое знакомство с железными изделиями, часть которых, возможно, были привозными. К концу этого периода количество железных изделий несколько возрастает, причем они нередко повторяют формы соответствующих бронзовых изделий, свидетельствуя о становлении местной металлургии железа, что подтверждается также и другими данными, особенно находками разнообразных отходов металлургического производства. Таким образом, период перехода от бронзы к железу представляется возможным подразделить в историко-культурном аспекте на три последовательных этапа: а) первый период эпохи поздней бронзы (ПБ — I), б) второй период эпохи поздней бронзы (ПБ — II), в) период начального освоения железа (РЖ — I).

Как показано выше, в Закавказье последовательная смена всех трех этапов происходит в рамках бытовавших здесь культур эпохи поздней бронзы — раннего железа. На Северном Кавказе, насколько можно судить по имеющимся данным, в рамках одних и тех же культур — кобанской и ее восточного, чеченского варианта — укладываются лишь два последних этапа рассматриваемого периода, тогда как их связь с первым — позднебронзовым этапом выступает менее очевидно, хотя самый факт существования такой преемственной связи не вызывает никаких сомнений, о чем говорилось выше. Предложенная схема реконструкции переходного

периода от бронзы к железу в значительной мере условна, как и всякая другая схема. Строго говоря, объединяемые в ее рамках этапы относятся к различным археологическим эпохам. И все же, признавая принадлежность выделенных этапов к различным археологическим эпохам, подчеркивая качественное своеобразие и важное значение каждого из них в отдельности, мы ставим на первый план то общее, что их объединяет в рамках единого процесса, точнее, в рамках единого исторического периода. Этим общим является не столько преемственная, эволюционная связь в последовательном развитии материальной культуры (хотя сама по себе она имеет немаловажное значение), сколько тот, отмечаемый всеми кавказскими археологами взлет местного металлургического производства, который вызвал важный качественный скачок в развитии производительных сил у разных групп кавказского населения в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Он начался с расцвета бронзовой индустрии, прошел через этап первого знакомства с железными изделиями и завершился освоением местной металлургии железа. Таким образом, содержанием переходного периода является, по нашему мнению, создание предпосылок к становлению местной металлургии железа на Кавказе. Расцвет последней приходится на последующий период широкого повсеместного распространения железных изделий в производственной деятельности, военном деле и быту. Именно к этому периоду приложимо известное высказывание Ф. Энгельса о том, что «человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории...»²¹¹.

Ориентируясь на изложенные факты и вытекающие из них соображения, попытаемся проследить по имеющимся материалам, как развивалась культура местных дагестанских племен на разных этапах переходного периода от бронзы к железу. При этом необходимо подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство. Как установлено по имеющимся археологическим материалам, культура дагестанских племен в предшествующие периоды медно-бронзового века (в энеолите, в периоды древней и средней бронзы), а также в последующие периоды железного века (скифский и албанский периоды), несмотря на известный налет локального своеобразия, развивалась в тесной связи с одновременными культурами Закавказья и Северного Кавказа, обнаруживая сходство.

Из этого следует, что и общие закономерности развития культур переходного периода от бронзы к железу в Закавказье и на Северном Кавказе также должны быть в той или иной степени присущи и одновременной с ними культуре Дагестана. Иными словами, зная, как развивались культуры рассматриваемого периода и их отдельные элементы в сопредельных областях к северу и югу от Дагестана, мы можем найти им соответствующие параллели в дагестанских материалах и на этой основе воссоздать объективную картину развития одновременной им дагестанской куль-

туры, не внося в нее тем самым субъективных взглядов и оценок. Поскольку же развитие дагестанской культуры (особенно ее металлургической базы) на всем протяжении медно-бронзового века определялось главным образом импульсами, шедшими с юга — из Закавказья и через него из Передней Азии, — южные параллели дагестанским материалам приобретают особенно важное значение для типологических и хронологических построений.

С учетом сказанного переходим к конкретным археологическим материалам, относящимся к рассматриваемому времени. Простое сопоставление металлического инвентаря из закавказских и северокавказских памятников XIV—XIII вв. до н. э., относящихся к начальному этапу позднего бронзового века, с металлическими изделиями из памятников каякентско-хорочоевской культуры, рассматриваемой некоторыми исследователями в качестве дагестанской культуры эпохи поздней бронзы, дает, как это подробно рассмотрено выше, весьма интересные результаты и позволяет поставить под серьезное сомнение допустимость сопоставлений и синхронизии всех этих групп памятников между собою, особенно если иметь в виду, что все руководящие типы металлического инвентаря позднебронзовых памятников Восточного и Центрального Закавказья и Северного Кавказа отсутствуют в соответствующих материалах каякентско-хорочоевской культуры и, наоборот, руководящие типы металлических изделий из памятников каякентско-хорочоевской культуры почти не представлены в памятниках эпохи поздней бронзы из сопредельных областей Закавказья и Северного Кавказа. Все эти факты хорошо известны. Обычно они истолковываются как свидетельство локального своеобразия материальной культуры дагестанских племен в эпоху поздней бронзы (и некоторого отставания ее носителей в ходе социально-экономического развития). Подобное решение вопроса было прежде общепризнанным. Несмотря на это, его нельзя считать единственно возможным. Как уже отмечалось, возможна и другая постановка вопроса. Помимо сомнений в археологической обоснованности относительной и абсолютной хронологии памятников каякентско-хорочоевской культуры и их синхронизации с другими кавказскими памятниками эпохи поздней бронзы, необходимо установить: действительно ли среди известных в настоящее время в Дагестане древних памятников отсутствуют такие, металлический инвентарь которых находит себе прямые аналогии в надежно датированных XIV—XIII вв. до н. э. памятниках из сопредельных областей Кавказа. Если же такие памятники существуют, то каковы их характерные признаки, каковы особенности представленной в них культуры и ее основные элементы.

Чтобы ответить на поставленные вопросы нам пришлось выше вновь тщательно проанализировать все дагестанские памятники, которые исследователи относят к каякентско-хорочоевской культуре и близкие к ним по датировке и отдельным элементам культуры. В результате этого удалось выделить группу памятников, материалы которых, обнаруживая значительное сходство друг с дру-

²¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 1961, т. 21, с. 163.

гом, в то же время находят себе прямые аналогии в материалах закавказских и северокавказских памятников XIV—XIII вв. до н. э. В их число могут быть, по нашему мнению, включены Талгинский²¹², Кабартыкутанский²¹³ и Мискинбулакский могильники²¹⁴.

Приступая к характеристике материальной культуры, представленной в этих памятниках, отметим, что по устройству погребальных сооружений в виде каменных ящичков и особенностям погребального обряда — одиночных и парных захоронений в скорченном и сидячем положениях, обряду посыпки угольками, наличию погребальных кострищ и еще некоторым деталям — они весьма близко напоминают «классические» каякентско-хорочоевские памятники, представленные самими Каякентским и Хорочоевским могильниками. Данное обстоятельство свидетельствует не только о хронологической, но и о этнокультурной преемственности описываемых памятников, которую мы для удобства назовем культурой талгинского этапа с предшествующей ей по времени культурой каякентско-хорочоевской. Главные различия между ними следует искать, как нам представляется не в погребальном обряде, а в инвентаре. Последний, как отмечалось выше, состоит из металлических изделий и керамики. К их рассмотрению мы и обращаемся. Металлический инвентарь можно подразделить, в свою очередь, на предметы вооружения и украшения.

Предметы вооружения представлены главным образом находками, происходящими из Талгинского могильника. Отметим среди них плоский бронзовый клинок с небольшим утолщением посредине и округлыми плечиками (рис. 11, 2)²¹⁵. Отсутствием более или менее четко выраженного широкого черенка для насадки он отличается от бытовавших в предшествующие периоды, в том числе представленных и в каякентско-хорочоевских комплексах, плоских черешковых клинков, употреблявшихся и в качестве наконечников копий, и в качестве ножей. В сопредельных областях Кавказа они получили особенно широкое распространение с конца III, особенно в первой половине II тысячелетия до н. э. Их массовое бытование заканчивается примерно в XV—XIV вв. до н. э., хотя спорадически они встречаются и позднее, свидетельствуя о длительном переживании древних традиций. Их сменяют специализированные типы кинжальных клинков более удлиненные, с узкими черенками для насадки рукоятки и нередко с четко выраженной нервюрой, а также клинки без черенка, с округлым основанием, имеющим несколько отверстий для закрепления рукоятки.

Талгинский клинок относится именно ко второй безчеренковой разновидности, массовое появление которых, судя по закавказским параллелям, начинается примерно с XIII в. до н. э.²¹⁶

²¹² Исаков М. И., 1957.

²¹³ Пикуль М. И., 1959, т. I, с. 157—164.

²¹⁴ Когович В. М., 1978а, с. 77—98.

²¹⁵ Исаков М. И., 1957, рис. 53, I.

²¹⁶ Чубинишвили Т., 1957, с. 120, рис. 7, 5540, 5005; 8, 6104; 16; Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 76, рис. 63, 6; Есаян С. А., 1966, с. 61, 62, табл. XI, 5—8.

По-видимому, с того же времени подобные клинки появляются и на Северном Кавказе. Примерами этого могут служить кинжалы из могильника «Беахни-куп» в Северной Осетии, относимого Е. И. Крупиным к докобанскому периоду эпохи поздней бронзы²¹⁷, и из кургана у Чамлыкской станицы, датированного А. А. Иессеном концом среднекубанского периода²¹⁸. Оба кинжала относятся к докобанскому периоду эпохи поздней бронзы, абсолютная дата которого с учетом уточненной датировки начала раннекобанского времени XI и даже XII в. до н. э.²¹⁹ может быть определена в рамках XIII — начала XII в. до н. э.

Правда, в отличие от упомянутых закавказских и северокавказских клинков талгинский экземпляр не имеет отверстий для прикрепления рукоятки. Аналогичным образом оформлены плечики несколько более поздних по времени бронзовых клинков из Зандакского (Дагбашского) могильника²²⁰. И эта особенность, по-видимому, не случайна, так как на Северо-Восточном Кавказе известны и безчеренковые клинки, имевшие отверстия для прикрепления рукоятки (находки в с. Хуна²²¹ и Зандакском могильнике²²²). В свете этих фактов отмеченная особенность может расцениваться как признак локального своеобразия подобного рода клинков, распространившихся на Северо-Восточном Кавказе. Можно допустить, основываясь на чисто формальном, типологическом сходстве, что их прототипами служили кинжальные безчеренковые клинки, не имевшие отверстий для прикрепления рукоятей, которые обнаружены в нальчикских курганах в «садках», относящихся к концу майкопской культуры²²³. В таком случае промежуточными звеньями, свидетельствующими о длительном бытовании клинков на Северном Кавказе, могут служить находки клинков в курганах у станицы Андрюковской, датируемые XVII—XV вв. до н. э.²²⁴ и клинка из верховьев р. Большой Зеленчук, относимого к середине II тысячелетия до н. э.²²⁵

Столь же допустимо предположить, что подобные клинки возникли в результате эволюции более древних форм плоских клинков, у которых постепенно видоизменялся сам черенок, укорачивавшийся и расширявшийся, а затем перешедший в плечики. Возможным примером такой эволюции могут служить некоторые кинжалы из Кироваканского кургана, относящегося к концу эпохи средней бронзы²²⁶ и Квасатальского могильника того же времени²²⁷. Процесс этот, вероятно, происходил на обширной территории,

²¹⁷ Крупнов Е. И., 1951, с. 60, рис. 21, 4.

²¹⁸ Иессен А. А., 1951, с. 114, рис. 52, 3.

²¹⁹ Крупнов Е. И., 1969, с. 16.

²²⁰ Пикуль М. И., 1961а, табл. III, 1, 3; Марковин В. И., 1964, рис. 24, 5.

²²¹ Исаков М. И., 1966, с. 66, табл. 2, 10.

²²² Марковин В. И., 1964, рис. 24, 4.

²²³ Иессен А. А., 1941, рис. 2, 4, 5; Крупнов Е. И., 1957, с. 56, рис. 6, 9.

²²⁴ ОАК, 1900, с. 22, рис. 82; Марковин В. И., 1960, с. 51, 52.

²²⁵ Кузнецов В. А., 1968, с. 65, 66, рис. 22, 3.

²²⁶ Маргирисян А. А., 1964, с. 64, рис. 30.

²²⁷ Джапаридзе О. М., 1955а, рис. 2, 3, 5, 10.

свидетельством чему являются находки бесчерешковых клинков, не имеющих отверстий на плечиках, в позднебронзовых комплексах Передней Азии²²⁸.

Второй клинок из Талгинского могильника отличается еще более удлинёнными пропорциями обоюдоострого лезвия с четко выраженной срединной гранью и наличием черенка для насаживания рукояти (рис. 10, 1). На схематическом рисунке М. И. Исакова лезвие этого клинка показано равномерно суживающимся от плечиков к концу²²⁹, тогда как в издании В. И. Марковина на конце обозначен небольшой изгиб²³⁰. В последнем случае этот экземпляр может быть сопоставлен с бронзовыми ножами с загнутыми концами, обнаруженными в Мингечаурских грунтовых захоронениях, где они представлены и в ранних и в поздних комплексах²³¹. Своеобразие Талгинского экземпляра заключается в том, что он имеет обоюдоострое лезвие, тогда как у мингечаурских ножей спинка заглажена.

Вне пределов Кавказа клинки обоих рассмотренных типов встречаются в более ранние периоды. Примером этого может служить, например, Троя II, где представлены как клинки с округлыми плечиками, так и ножи с загнутыми носами²³².

Среди инвентаря Талгинского могильника встречен небольшой, но массивный бронзовый предмет полусферической формы (рис. 2, 3)²³³. Типологически он может быть сопоставлен с одной из разновидностей подтоков для древков дротиков, представленной в грунтовых и курганных погребениях Мингечаура. Правда, в Мингечауре подобные изделия, названные исследователями «коронкообразными» литыми навершиями, зачастую украшались сложным рельефным узором²³⁴, тогда как поверхность талгинского экземпляра лишена орнамента. Возможно, перед нами — простейший образец подобного рода изделий.

Приведенными весьма скудными материалами ограничиваются наши знания о предметах вооружения, происходящих из стратифицированных комплексов выделяемой культуры. Хронологически и типологически сюда же могут быть отнесены и некоторые предметы вооружения из случайных находок с территории Дагестана²³⁵. Все они обычно суммарно датировались поздним бронзовым веком и рассматривались как импортные предметы вооружения, характерные для времени бытования каякентско-хорочоевской культуры²³⁶. Между тем в свете новых археологических материалов такой подход нам представляется несколько односторонним. Во-первых,

потому, что среди находок однотипного вооружения (наконечников копий, кинжалных клинков, мечей и т. п.) наблюдаются также различия, которые не могут быть объяснены иначе, как их разнообразием. Во-вторых, сходство, порою даже тождество некоторых типов крупного металлического литья, получившего в ту пору широкое распространение на больших территориях Кавказа, было настолько велико, что это дало повод исследователям считать их общекавказскими формами.

В числе предметов вооружения, которые хронологически могут соответствовать времени бытования талгинской культуры, нам представляется возможным выделить три предмета. Первый из них это длинный (77,5 см) обоюдоострый меч-рапира с черенком для насаживания рукояти (рис. 11, 4) и отверстием для закрепляющего штифта (конец обломан). Он происходит из окрестностей сел. Хуштада Цумадинского района, где был случайно обнаружен в 1925 г. при строительных работах²³⁷. Уже А. П. Круглов подчеркнул его сходство с подобного рода колющими мечами-рапирами из Талыша²³⁸. Хронологические рамки бытования мечей-рапир разными исследователями определяются по-разному. Это в значительной мере объясняется их малочисленностью, а также обстоятельствами нахождения. За исключением одного экземпляра, происходящего из погребения 243 Самтаврского могильника, все они обнаружены вне археологических комплексов. Некоторые исследователи относят кавказские мечи-рапиры к эпохе поздней бронзы²³⁹, другие — датируют их эпохой средней бронзы (XVIII—XVI вв. до н. э.)²⁴⁰, в настоящее время большинство исследователей принимает мнение Б. А. Куфтина, датировавшего закавказские мечи-рапиры XV—XIV вв. до н. э.²⁴¹ Обе разновидности известных в Закавказье мечей-рапир — с приподнятыми и опущенными плечиками (к числу последних относится и дагестанский экземпляр) — находят себе прямые аналогии в памятниках среднеминойского периода на Крите²⁴² и в Микенах, что (наряду с их малочисленностью) позволяет исследователям считать их импортными из Эгейского мира. Примечательно, что этот древнейший и весьма редкий на Кавказе тип привозного оружия ближнего боя встречен в Дагестане (кстати сказать, это пока единственная находка подобного рода вооружения, известная к северу от Главного Кавказского хребта). Это свидетельствует не только о существовании налаженных связей местного населения со странами Эгейского мира, но также об их сравнительно быстром ознакомлении с новинками военного дела своего времени, появившимися в центрах древнейшей цивилизации.

²²⁸ Schaeffer C., 1948, tabl. 141, D; 224, A.

²²⁹ Исаков М. И., 1964, табл. 4, 4.

²³⁰ Марковин В. И., 1969, рис. 26, 8.

²³¹ Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 119, рис. 63, в — Ж.

²³² Чайлд Г., 1952, рис. 20, 1, 4.

²³³ Исаков М. И., 1957, с. 126, рис. 53, 8.

²³⁴ Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 80, 81, табл. XVII, 1—19.

²³⁵ Круглов А. П., 1958, с. 73—77, рис. 18; Марковин В. И., 1969, с. 99—103, рис. 41.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Исаков М. И., 1966, с. 89, табл. 3, 6; (А. П. Круглов ошибочно указывает, что он происходит из с. Кабир, 1958, с. 76).

²³⁸ Круглов А. П., 1958, с. 76.

²³⁹ Иессен А. А., 1935, с. 150, рис. 24, 5; Кушнарева К. Х., 1957, с. 160, 161.

²⁴⁰ Чубинишвили Т. Н., 1955, с. 24, табл. 2.

²⁴¹ Куфтин Б. А., 1941, с. 99; Мартиросян А. А., 1964, с. 70, 71, рис. 35; Есян С. А., 1966, с. 78—80; Schaeffer C., 1952, с. 418, табл. IX.

²⁴² Чайлд Г., 1952, с. 58, 59, рис. 14, 1, 2; Мартиросян А. А., 1964, с. 71.

Учитывая сказанное о хронологии мечей-рапир в Закавказье, считаем возможным датировать дагестанский экземпляр тем же временем, т. е. XV—XIV вв. до н. э. Однако такие мечи, будучи привозными, а потому ценными предметами вооружения, могли сохраняться и использоваться весьма продолжительное время. Сказанное в полной мере может быть отнесено и к хуштадинской рапире, найденной, насколько об этом можно судить по имеющимся сведениям²⁴³, вместе с мечом более позднего типа. Все это позволяет нам согласиться с предложенной В. И. Марковиным датировкой хуштадинского меча-рапиры XIII—XII вв. до н. э.²⁴⁴, оговорив при этом вероятность его появления в предшествующее время.

Вторая находка бронзового оружия — это наконечник копья с разрезной втулкой, переходящей в четко очерченное удлиненное лезвие с резко выступающим ребром посередине (рис. 10, 5)²⁴⁵. Отмеченная особенность отличает его от более поздних по времени наконечников копий разных типов, объединяемых общей чертой, а именно тем, что продолжение втулки проходит у них через все перо. Вместе с тем эта же особенность наряду с четкой изящной формой сближает его с немногочисленными находками подобных наконечников копий, встреченными в памятниках эпохи средней бронзы Закавказья (Квасатальский могильник)²⁴⁶ и Северного Кавказа (могильник у с. Галашки, бывшее Первомайское)²⁴⁷. Исследователи названных памятников в качестве аналогий этим находкам указывают бронзовые наконечники копий из Триалетского кургана № 15 и Кироваканского кургана²⁴⁸. Последние по характерным особенностям разработанной формы и тщательности отделки обычно считаются импортными²⁴⁹ и выводятся либо из Эгейского мира²⁵⁰, либо из Сирии²⁵¹. Дагестанский наконечник копья аналогичен, почти тождествен некоторым подобным же наконечникам из Микен, характеризующимся Г. Чайлдом как «классическая форма минойского наконечника копья, восходящая к среднеминойскому III периоду»²⁵².

Триалетский и Кироваканский курганы, откуда происходят эти наконечники копий, датируются большинством исследователей XVI—XV вв. до н. э. К несколько более позднему времени относится их появление на Северном Кавказе. Упомянутый могильник у с. Галашки датируется Е. И. Крупновым не ранее середины II тысячелетия до н. э.²⁵³. По уточненной хронологии бронзового топора,

встреченного в одном комплексе с копьем, оно может быть датировано серединой XIV—XIII вв. до н. э.²⁵⁴ Основываясь на этих крайних датах, нам представляется возможным датировать рассмотренное копьё из с. Турчи в пределах XV—XIII вв. до н. э. и считать его в соответствии с отмеченными особенностями и параллелями также импортным изделием, происходящим, вероятнее всего, как и хуштадинский меч-рапира, из стран Восточного Средиземноморья.

Последней находкой, которая может быть отнесена к рассматриваемому времени, является бронзовый топор удлиненных пропорций со слегка оттянутым лезвием, овально-проушным обухом, украшенным горизонтальным желобком (рис. 11, 6)²⁵⁵. Топор найден в окрестностях с. Ругуджа Гунибского района. Обстоятельства находки неизвестны. Прямых аналогий не имеет. Однако по особенностям обработки обуха и сильно вытянутому тулову он может быть сопоставлен с некоторыми типами бронзовых топоров, бытовавших на Северном Кавказе в докобанский период поздней бронзы (т. е. до XII—XI вв. до н. э.)²⁵⁶.

Помимо предметов вооружения, металлический инвентарь представлен в это время преимущественно украшениями: браслетами, принадлежностями головного убора и одежды.

Браслеты, сохраняя в основном форму каякентско-хорочевских, стали значительно массивнее. В инвентаре рассматриваемых памятников встречены три новых разновидности браслетов. Первая представлена массивными экземплярами круглой или подковообразной формы, изготовленными из круглого в сечении стержня с незамкнутыми, резко обрубленными концами (иногда несколько суживающимися). Такие браслеты происходят из Талгинского (рис. 11, 7)²⁵⁷ и Мискинбулакского (рис. 11, 13)²⁵⁸ могильников. К ним относится также и подковообразный браслет из Манасского могильника (погребение 1, курган 1)²⁵⁹ и случайно найденные еще в дореволюционное время в окрестностях сел. Кафыр-Кумух два браслета²⁶⁰. Вторая — браслетами аналогичной формы, изготовленными из массивного прокованного стержня, имеющего подтреугольное (Кабартыкутанский могильник, рис. 11, 11)²⁶¹ либо подквадратное сечение (Мискинбулакский могильник, рис. 11, 14)²⁶². Обе разновидности браслетов своей формой близко напоминают наиболее

²⁴³ Исаков М. И., 1966, с. 89.

²⁴⁴ Марковин В. И., 1969, с. 99.

²⁴⁵ Круглов А. П., 1958, рис. 18, 1.

²⁴⁶ Джапаридзе О. М., 1955а, с. 24, рис. 2, 6—8.

²⁴⁷ Крупнов Е. И., 1950, с. 90, рис. 25, 3.

²⁴⁸ Крупнов Е. И., 1950, с. 90; Джапаридзе О. М., 1955а, с. 24.

²⁴⁹ Есаян С. А., 1966, с. 26.

²⁵⁰ Куфтин Б. А., 1941, с. 96, табл. CVI.

²⁵¹ Мартиросян А. А., 1964, с. 64, рис. 28.

²⁵² Чайлд Г., 1952, с. 59, рис. 15.

²⁵³ Крупнов Е. И., 1950, с. 92, 94.

²⁵⁴ Сафронов В. А., 1968, с. 113. Правда, в другой работе того же автора для галашкинского топора-секиры предложена еще более высокая дата — XII вв. до н. э. (Сафронов В. А., 1966, с. 29), на наш взгляд, не соответствующая всему комплексу найденного там инвентаря, тяготеющего не к эпохе поздней, а к эпохе средней бронзы, как это справедливо отметил Е. И. Крупнов.

²⁵⁵ Котович В. Г., Котович В. М., 1973, с. 81, рис. 3, 1.

²⁵⁶ Крупнов Е. И., 1951б, с. 62, рис. 21, 5, 7; Пессен А. А., 1951, с. 96, 97, рис. 25, 27, 28; Котович В. Г., Котович В. М., 1973, с. 81.

²⁵⁷ Исаков М. И., 1957, рис. 53, 2.

²⁵⁸ Котович В. М., 1978б, рис. 3, 5б.

²⁵⁹ Марковин В. И., 1969, с. 65, рис. 28, 4.

²⁶⁰ Марковин В. И., 1969, с. 65, рис. 28, 2—3.

²⁶¹ Пиккуль М. И., 1959а, с. 161, рис. 2, 1.

²⁶² Котович В. М., 1978б, рис. 3, 5а.

распространенный тип каякентско-хорочоевских браслетов, среди которых есть как круглые в сечении, так и гранелые, (в частности, подтреугольные) экземпляры, но отличаются от них значительно большей массивностью. Возможно, в этом проявляется их эволюционная преемственность. Между тем как отмеченная особенность — резкое возрастание массивности браслетов — повсеместно наблюдается на Кавказе именно в этот период. Широкое распространение массивных браслетов, ножных колец, шейных гривеп на Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннего железа многие исследователи склонны вслед за Ж. де Морганом объяснять тем, что они представляли собой заготовки или слитки металла, возможно имевшие определенную меновую стоимость²⁶³. Дагестанские экземпляры обеих рассмотренных разновидностей скорее всего представляют собой местное подражание подобного рода массивным «браслетам», часть которых отличалась еще и строго определенным весом²⁶⁴. Третья разновидность браслетов, обнаруженных в памятниках талгинского этапа, представлена единственным экземпляром из Кабартыкутанского могильника (рис. 11, 12)²⁶⁵, он изготовлен из массивного круглого в сечении прута; форма овальная, концы несомкнуты, несколько заходят друг за друга. В памятниках этого периода встречаются также браслеты, типичные для каякентско-хорочоевской культуры. Примером этого может служить круглый браслет с несомкнутыми, приостренными концами из Талгинского могильника (рис. 11, 9)²⁶⁶.

Украшения головного убора представлены височными подвесками и навершием головной булавки. Последняя известна пока по единственному экземпляру из Талгинского могильника (рис. 10, 33)²⁶⁷. Типологически она соответствует головным булавкам предшествующей среднебронзовой эпохи, где подобного рода изделия встречаются, в частности, в памятниках северокавказской культуры²⁶⁸.

Височные подвески могут быть подразделены на три типа. К первому относятся подвески, изготовленные из тонкого металлического прута, изогнутого в полтора оборота. Подобного рода подвески сначала круглой, позднее овальной формы, бытовали в Дагестане весьма продолжительное время. Впервые появившись в памятниках конца древнебронзовой эпохи (конец III тысячелетия до н. э.), они прошли через все периоды эпохи бронзы и раннего железа и дожили вплоть до раннесредневекового времени. В рассматриваемый период они бытовали довольно широко, о чем свидетельствует их нахождение во всех без исключения памятниках: Талгинском (рис. 11, 15)²⁶⁹, Кабартыкутанском (рис. 11, 17)²⁷⁰, Ми-

скинбулакском (рис. 11, 19—21)²⁷¹ могильниках. Второй тип — совершенно новые привески, изготовленные из весьма массивного, иногда прокованного стержня овально изогнутого в полтора оборота. Находки подобного рода колец немногочисленны. В рассматриваемое время этот тип представлен единственным экземпляром, происходящим из Кабартыкутанского могильника (рис. 11, 18)²⁷².

За пределами Северо-Восточного Кавказа находки массивных височных подвесок данного типа нам известны в срубных захоронениях Нижнего Поволжья²⁷³.

И наконец, третий тип, также впервые представленный на этом этапе, — височные подвески, изготовленные из тонкой проволоки, изогнутой в форме круга или подковы с несомкнутыми концами (один иногда бывает раскован). Такие подвески в довольно большом числе встречены пока только в Мискинбулакском могильнике (рис. 11, 22, 23)²⁷⁴. Однако они нередко встречаются в инвентаре более поздних по времени дагестанских памятников. В нашей типологии совершенно не представлены крупные пластинчатые подвески овальной формы — массовая категория находок каякентско-хорочоевских комплексов. Подобные подвески практически совершенно исчезают из употребления, начиная с талгинского этапа. Единичные находки подобных украшений в Зандакском могильнике²⁷⁵ и на Сержень-Юртовском поселении²⁷⁶, свидетельствуя о некотором переживании этой когда-то популярной формы украшения, еще контрастнее оттеняют их полное отсутствие в других памятниках этого времени.

Среди шейных украшений, характерных для культуры талгинского этапа, отметим небольшие литые подвески каплевидной формы. Впервые подобные украшения были встречены среди погребений каякентско-хорочоевской культуры Таркинского могильника (рис. 11, 25)²⁷⁷. О них уже была речь. Позднее такие подвески были найдены в Талгинском (рис. 11, 7, 24)²⁷⁸ и Мискинбулакском (рис. 11, 26)²⁷⁹ могильниках.

Последний вид украшений — это украшения одежды. В рассматриваемой группе памятников они представлены главным образом крупными бляхами и небольшими бляшками, нередко называемыми в археологической литературе также пуговицами. Важно подчеркнуть почти полное исчезновение разнообразных сурьмяных украшений одежды, широко распространенных в классических памятниках каякентско-хорочоевской культуры.

²⁷¹ Котович В. М., 1978б, рис. 3, 31—36.

²⁷² Пикуль М. И., 1959а, с. 160, рис. 2, 3.

²⁷³ Сеницын В. И., 1959, рис. 6, 5.

²⁷⁴ Котович В. М., 1978б, рис. 3, 42—43.

²⁷⁵ Марковин В. И., 1964, рис. 24, 11.

²⁷⁶ Козенкова В. И., 1969б, с. 10.

²⁷⁷ Смирнов К. Ф., 1951, с. 252, рис. 12, 6.

²⁷⁸ Исаков М. И., 1957, с. 126, рис. 53, 5.

²⁷⁹ Котович В. М., 1978б, рис. 3, 21.

²⁶³ Иессен А. А., 1935б, с. 158, 159, 184.

²⁶⁴ Иессен А. А., 1935б, с. 184.

²⁶⁵ Пикуль М. И., 1959а, с. 161, рис. 2, 4.

²⁶⁶ Исаков М. И., 1957, с. 126, рис. 53, 3.

²⁶⁷ Исаков М. И., 1957, с. 126, рис. 53, 6.

²⁶⁸ Марковин В. И., 1963, с. 126.

²⁶⁹ Исаков М. И., 1957, с. 126, рис. 53, 4.

²⁷⁰ Пикуль М. И., 1959а, с. 161, рис. 2, 2.

Крупные бляхи могут быть разделены на две разновидности. Первая, более архаичная, представлена единственным экземпляром из Талгинского могильника (рис. 11, 27)²⁸⁰. Она имеет характерную умбоновидную форму. По краям сохранилось несколько отверстий, за которые она, вероятнее всего, прикреплялась к одежде. По своей форме и назначению она может быть сопоставлена с подобными же бляхами из каякентско-хорочоевских комплексов, служивших, по справедливому утверждению В. И. Марковина, пагрудными украшениями мужской одежды²⁸¹.

Другая разновидность подобного рода изделий отличается более развитым обликом, который придает им припаянная с тыльной стороны планка, или петелька, предназначенная для прикрепления к одежде. Бляхи этой разновидности отличаются несколько меньшими размерами, но они более массивны. Подобного рода бляхи представлены в Кабартыкутанском²⁸² и Мискибулакском (рис. 10, 29)²⁸³ могильниках. Последняя украшена по краю ажурным узором в виде круга, образованного симметрично расположенными прорезями, имеющими форму вытянутых треугольников, обращенных вершинами к центру. Центральная часть бляхи представляет собой гладкий массивный диск, слегка выпуклый наружу. Изнутри имеется небольшая петля, предназначенная для прикрепления к одежде. Как известно, литые ажурные изделия (украшения, бляхи, навершия рукоятей кинжалов и мечей и т. п. поделки), широко распространившиеся в Закавказье в эпоху поздней бронзы, нередко украшались орнаментом, образованным разнообразными сочетаниями треугольных прорезей. Небольшие бляшки, или пуговицы, являются как бы уменьшенной копией круглых блях с полусферической гладкой поверхностью, снабженных с тыльной стороны планочкой для прикрепления к одежде. В памятниках талгинского этапа они представлены пока только в Мискибулакском могильнике (рис. 11, 30, 31)²⁸⁴.

Как известно, и крупные литые бляхи с ушками на тыльной стороне, и мелкие бляшки описанного типа получают широкое распространение в кавказских памятниках, начиная с эпохи поздней бронзы. Часть их несомненно служила украшениями одежды. Однако некоторые, типологически ничем не отличавшиеся от украшений, использовались для иного назначения. Как показали находки в могильнике Головино, относящиеся к эпохе раннего железа и хронологически близком талгинскому этапу могильника в Артике, подобного рода крупные бляхи и мелкие бляшки нашивались на кожаные панцири или прикреплялись к деревянным дискам, которые, в свою очередь, крепились к таким панцирям²⁸⁵.

²⁸⁰ Исаков М. И., 1957, с. 129; *Он же*, 1966, табл. 4, 6.

²⁸¹ Марковин В. И., 1969, с. 69, рис. 30, 1, 3, 4.

²⁸² Пижуль М. И., 1959а, с. 161 («круглый плоский бронзовый диск с ушком на обратной стороне»).

²⁸³ Котович В. М., 19786, рис. 3, 50.

²⁸⁴ Там же, рис. 3, 30, 39.

²⁸⁵ Мпачаканян А. О., 1952, с. 68, 69, рис. 17, 18; Хачатрян Т. С., 1963, с. 60, 61, рис. 9.

В свете этих находок специалисты в области древнего вооружения расценивают теперь упомянутые выше крупные бронзовые бляхи и небольшие бляшки не только как украшения одежды, но и как дополнительные средства защиты воина — необходимые элементы своеобразных лат с нашивными бляхами, усиливавшими их защитные качества²⁸⁶.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные пока материалы позволяют вместе с тем хотя бы отчасти проследить те качественные сдвиги, которые произошли в дагестанской металлургии в XIV—XIII вв. до н. э. В области вооружения это отмечено появлением новых специализированных типов кинжалов, клинков, распространением некоторых типов импортного вооружения (мечи-рапиры, наконечники копий). Аналогичную картину можно проследить и на примере украшений, ассортимент которых возрастает за счет появления новых типов браслетов, височных подвесок, украшений одежды. Все эти изменения в металлическом инвентаре дагестанских памятников талгинского этапа находят себе многочисленные параллели в соответствующих материалах закавказских и северокавказских памятников XIV—XIII вв. до н. э. (ПБ — I), где формируется культура эпохи поздней бронзы, вбирающая в себя многие элементы предшествующего этапа эпохи средней бронзы и обогатившаяся целой серией качественно новых изделий. Аналогичным образом формируется и дагестанская культура талгинского этапа, впитавшая в себя многие элементы предшествующего каякентско-хорочоевского этапа (особенно в погребальном обряде, и отчасти в металлическом инвентаре) и значительно расширившая по сравнению с ним ассортимент металлического инвентаря. Последнее обстоятельство свидетельствует по нашему мнению, о качественных сдвигах в развитии самой местной металлургии бронзы, что, в свою очередь, послужило важной предпосылкой для ее подъема на следующем этапе, в XII—X вв. до н. э. (ПБ — II).

Говоря о качественных различиях между каякентско-хорочоевским и талгинским этапами, мы опирались до сих пор на те характерные изменения, которые прослеживаются в металлическом инвентаре. Однако не менее яркие и очевидные различия между этими этапами прослеживаются по керамике. Как известно, наиболее распространенными типами сосудов в классических памятниках каякентско-хорочоевской культуры — Каякентском и Хорочоевском могильниках — являются крупные сосуды с широко вздутым туловом, непропорционально узким дном, широким горлом, оканчивающимся более или менее разложистым венчиком. Несколько различаясь по отделке тулова (обмазанного и заглаженного) и орнаментации (врезной елочный и геометрический узор, комбинации расчлененных валиков), они удивительно схожи по форме и имеют глубокие местные корни²⁸⁷.

²⁸⁶ Есаян С. А., 1966, с. 100; Черненко Е. В., 1968, с. 124—126.

²⁸⁷ Марковин В. И., 1969, с. 42—54, рис. 18—20.

Керамические комплексы памятников талгинского этапа характеризуются почти полным исчезновением этого классического для каякентско-хорочевской культуры типа керамики. Исключением являются единичные находки сосудов, восходящих по форме к этому типу, обнаруженные в Талгинском (рис. 11, 36)²⁸⁸ и Кабартыкутанском (рис. 11, 42)²⁸⁹ могильниках.

Руководящим типом керамики в памятниках талгинского этапа становятся сосуды баночной формы. Они также могут быть подразделены на несколько типов. К первому мы относим крупные высокие сосуды на неустойчивом дне, стенки которых, расширяясь в нижней трети или посредине высоты, переходят в широкое тулово, и незаметно (иногда, слегка суживаясь) — в горловину. Этот тип сосудов также относится к числу древнейших местных керамических форм, бытовавших на Северо-Восточном Кавказе, начиная с древнебронзовой эпохи вплоть до каякентско-хорочевского времени²⁹⁰. На талгинском этапе сосуды этого типа немногочисленны, два из них происходят из Мискинбулакского могильника (рис. 11, 41)²⁹¹.

Совершенно новым является второй тип сосудов, отличающихся сравнительно небольшими размерами, почти полным отсутствием орнамента и некоторыми особенностями формы. Техника формовки сосудов весьма небрежна; почти все они асимметричны, стенки имеют неодинаковую толщину. У некоторых сосудов наружные поверхности обмазаны жидкой глиной. У других — грубо сглажены. Баночная форма характеризуется коротким, широким, слегка выпуклым (иногда суживающимся поверху) туловом, заканчивающимся грубо моделированной закраиной. Внизу тулово в большей или меньшей степени суживается у донца, имеющего характерный, слегка выступающий край. Подобного рода сосуды происходят из Кабартыкутанского (рис. 11, 34, 37—39)²⁹² и Мискинбулакского (рис. 11, 40)²⁹³ могильников. В Талгинском могильнике встречен сосуд баночной формы, отличающийся более тщательной моделировкой и наличием орнаментального валика с защитами под венчиком (рис. 11, 35)²⁹⁴. Однако там же найдено еще несколько сосудов баночной формы без орнамента²⁹⁵.

По технике обработки, устойчиво повторяющимся формам, отсутствию орнамента сосуды этого типа как бы выпадают из традиционного набора керамических изделий, характерных для дагестанских памятников бронзового века, за исключением керамических комплексов некоторых могильников конца каякентско-хорочевского времени, о которых говорилось выше.

²⁸⁸ Исаков М. И., 1957, с. 130, рис. 54, 2.

²⁸⁹ Пиккуль М. И., 1959а, с. 161, рис. 3, 4.

²⁹⁰ Марковин В. И., 1969, с. 58, рис. 25, 1, 2, 4.

²⁹¹ Котович В. М., 1978б, рис. 4, 5, 6.

²⁹² Пиккуль М. И., 1959а, с. 161, рис. 3, 1—3, 5.

²⁹³ Котович В. М., 1978б, рис. 4, 2.

²⁹⁴ Исаков М. И., 1957, с. 128, рис. 54, 1.

²⁹⁵ Исаков М. И., 1957, с. 126, 127, 129.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Вместе с тем все или почти все отмеченные особенности сближают их с некоторыми типами керамических изделий более северных, степных районов, представленными в памятниках срубной культуры. Большое сходство с рассматриваемой группой дагестанских сосудов обнаруживают, например, сосуды баночной формы, происходящие из срубных захоронений в Нижнем Поволжье²⁹⁶. Подобного рода сосуды баночной формы нередко встречаются в памятниках срубной культуры в Среднем Поволжье²⁹⁷ и Южном Приуралье²⁹⁸. Приведем здесь мнение О. А. Кривцовой-Граковой, рассматривающей баночный тип сосудов как одну из руководящих форм керамики племен срубной культуры на всей территории их расселения²⁹⁹.

Вопроса о существовании связей между племенами, населявшими Дагестан в эпоху поздней бронзы, и племенами срубной культуры исследователи касались неоднократно³⁰⁰. Однако он не подвергался специальному рассмотрению в том объеме, как он того заслуживает. Между тем имеющиеся факты, в том числе приведенный нами пример радикальных изменений керамического комплекса дагестанских памятников талгинского этапа, несомненно происшедших под влиянием культуры срубных племен³⁰¹, убедительно свидетельствует не только о самом факте существования связей между населением Северо-Восточного Кавказа и степных областей междуречья Волги и Дона, но и о том сильном влиянии, которое они оказали на ход развития местной дагестанской культуры. Думается, что специальное изучение поставленного вопроса позволит раскрыть характер и степень обратного влияния культуры дагестанских племен на степные племена³⁰². В частности, именно этому влиянию, вероятно, обязана широким распространением в полтавкинской и срубной культурах керамика с валиковой орнаментацией, в том числе украшенная незамкнутыми, округло загнутыми в разные стороны валиками³⁰³. Подобного рода приемы

²⁹⁶ Силицын И. В., 1959, рис. 4, 2, рис. 24, 8—10; 46, 6; 58, 6, 7; Смирнов К. Ф., 1959, рис. 6, 8; 8, 9, 11; 15, 18; 22, 15; 28, 9; 29, 11; 35, 14; Шилов В. П., 1959, рис. 36, 1, 3; Силицын И. В., 1960, рис. 22, 9; рис. 25, 3, 6, 10; рис. 27, 4; рис. 31, 6, 8; рис. 34, 11, 13, 14; 44, 8; 47, 1, 4; 49, 3; 50, 3—7.

²⁹⁷ Мерперт Н. Я., 1958, рис. 17, 1, 2, 5, 6; Халиков А. Х., 1969, рис. 50, 7.

²⁹⁸ Сальников К. В., 1967, с. 199, 201, рис. 18, 2, 15, 16; 25, 13.

²⁹⁹ Кривцова-Гракова О. А., 1955, с. 27, 28, 94, 112 и др.

³⁰⁰ Круглов А. П., 1946, с. 88; Бредэ К. А., 1959, с. 27.

³⁰¹ Здесь следует оговориться, что приведенная характеристика справедлива только по отношению к территории Прикаспийского Дагестана (приморской равнине и тяготеющим к ним предгорьям), где расположены известные нам немногочисленные памятники талгинского этапа. О том, как развивалась в это время культура горных районов, трудно сказать что-либо определенное ввиду отсутствия соответствующих археологических данных. Сказанное относится только к керамике, но не затрагивает металлического инвентаря.

³⁰² Этот вопрос затрагивался в работе: Котович В. М., 1965, с. 204; см. также: Котович В. Г., Котович В. М., 1979, с. 16, 17; Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. (в печати).

³⁰³ Кривцова-Гракова О. А., 1948, с. 138, 139, рис. 61, 71; Она же, 1955, рис. 9, 1, 7; рис. 27, 5, 9; рис. 29, 1; Мерперт Н. Я., 1958, рис. 24; Алихова А. Е., 1958, рис. 12, 2.

валиковой орнаментации появились в Дагестане еще в энеолите (IV тысячелетие до н. э.)³⁰⁴, а в древнебронзовую и среднебронзовую эпохи здесь нередко можно встретить орнамент в виде незамкнутого валика с округло загнутыми в противоположные стороны концами³⁰⁵. Много сходных черт прослеживается также в погребальном обряде, металлическом и ином инвентаре. Все эти факты настоятельно свидетельствуют о необходимости специального исследования данного вопроса.

Влияние носителей срубной культуры на население Прикаспийского Дагестана, вероятно, начало сказываться в конце каякентско-хорочевского этапа. Это подтверждается, в частности, материалами некоторых погребений Таркинских могильников 1 и 2, в керамических комплексах которых наряду с традиционными каякентско-хорочевскими типами сосудов появляются также баночные формы сосудов обоих охарактеризованных выше типов, т. е. крупных, местного происхождения, и небольших, появление которых связано, по нашему мнению, с влиянием племен срубной культуры (рис. 11, 43, 44, 45)³⁰⁶. В инвентаре этих погребений встречены некоторые металлические изделия, напоминающие образцы, свойственные талгинскому этапу. Это — подвеска каплевидной формы (рис. 11, 25)³⁰⁷, напоминающая аналогичные украшения Талгинского и Мискинбулакского могильников. А около одной из каменных гробниц были встречены остатки челюсти лошади с бронзовой ворворкой (рис. 2, 32), послужившей одним из аргументов для обоснования верхней даты памятника и всей культуры, отнесенной к началу раннескифского и раннежелезного века³⁰⁸. Между тем бронзовая ворворка близкой формы была найдена М. И. Пикуль в одном из наиболее ранних (не содержащих железных изделий) комплексов Зандакского могильника, который датируется не позднее XII—X вв. до н. э.³⁰⁹ Становится очевидным, что эта принадлежность конской сбруи появилась задолго до раннескифского времени. Во всяком случае, вопрос о времени требует дополнительной разработки и уточнения, но не исключено, что оно связано с началом использования коней для верховой езды, с всадничеством. находка ворворки, так же как баночных сосудов и бронзовой каплевидной подвески, указывает на относительно поздний возраст таркинских погребений среди каякентско-хорочевских памятников, а инвентарь их, сочетающий классические каякентско-хорочевские элементы с элементами, получившими распространение на последующем этапе, свидетельствует о промежуточном положении этих памятников, связывающих два последова-

тельных этапа развития культуры населения Прикаспийского Дагестана.

Анализ инвентаря дагестанских памятников талгинского этапа свидетельствует, что в развитии материальной культуры в XIV—XIII вв. до н. э. (ПБ — I) происходят важные качественные изменения. Расширяется и видоизменяется характер металлических изделий, в развитии разных категорий которых отчетливо выступают такие же тенденции, что и в других областях Кавказа. Иными словами, качественные изменения в металлическом инвентаре этого времени отражают общекавказские закономерности эволюции металлических изделий в эпоху поздней бронзы. Поэтому правомерно допустить, что сходными путями развивался на данном этапе металлический инвентарь и в других, главным образом горных, районах Дагестана, где памятники этого времени пока еще не выявлены.

На талгинском этапе изменяется и керамический комплекс. Поскольку эти изменения произошли под влиянием культуры некавказских, степных срубных племен, т. е. были порождены не общекавказскими закономерностями эволюции материальной культуры, а скорее всего явились следствием каких-то конкретных исторических событий, мы не имеем достаточных оснований полагать, что и в горных районах Дагестана на данном этапе непременно имели место подобные же изменения керамического комплекса.

Прослеженные изменения в облике материальной культуры, представленной в памятниках талгинского этапа, с учетом факта почти полного исчезновения из их инвентаря многих руководящих форм металлических изделий каякентско-хорочевского времени (полушарные подвески, сурьмяные украшения) свидетельствуют о существовании значительных различий в культуре этих двух этапов, подтверждая тем самым правильность их разделения.

Абсолютные даты для Талгинского этапа (ПБ — I) устанавливаются на основе сделанного выше анализа металлического инвентаря в пределах XIV—XIII вв. до н. э. Культура следующего этапа (ПБ — II), условно названного зандакским³¹⁰, характеризуется материалами древнейших (где еще отсутствует железо) захоронений Зандакского (Дагбашского) могильника из раскопок М. И. Пикуль³¹¹ и В. И. Марковина³¹² (последние опубликованы лишь частично) и Мутерганского могильника (также опубликованы лишь частично)³¹³, а также довольно многочисленными случайными

³⁰⁴ Гаджиев М. Г., 1966, с. 57, 59, рис. 19, 11.

³⁰⁵ Когович В. Г., 1959, табл. III, 2; табл. IV, 2, 3; Костюченко И. П., 1959, рис. 11, 1; Когович В. М., 1961, рис. 55, 1, 4; Марковин В. И., 1969, рис. 18, 4; 19, 1; 20, 2.

³⁰⁶ Смирнов К. Ф., 1951, рис. 20, 2, 6; 11, 8, 9, 10.

³⁰⁷ Смирнов К. Ф., 1951, с. 12, 6.

³⁰⁸ Смирнов К. Ф., 1951, с. 254.

³⁰⁹ Пикуль М. И., 1961а, с. 302, 318, табл. IV, 3.

³¹⁰ Несмотря на то что Зандакский (Дагбашский) могильник находится на территории не Дагестана, а Чечено-Ингушетии, считаем возможным называть данный этап эволюции дагестанской культуры по имени этого памятника, так как территориально он весьма близок Дагестану, а в его культуре наиболее ярко воплощены характерные особенности, присущие рассматриваемому времени.

³¹¹ Пикуль М. И., 1961а, с. 298—305.

³¹² Марковин В. И., 1964, с. 84, 86; Он же, 1969, с. 82, 84; Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 46, 47.

³¹³ Пикуль М. И., 1967, с. 23—32; раскопки О. М. Давудова (погребение № 6, 1975, конское погребение 1974 г.).

находками с территории Дагестана) Погребальный обряд характеризуется одиночными и парными захоронениями в каменных ящиках и грунтовых могилах, что находит себе параллели в Закавказье, где многократно зафиксировано сосуществование обоих типов погребальных сооружений в XI—X вв. до н. э.³¹⁴ Причины подобного разнообразия в устройстве погребальных сооружений освещены еще недостаточно, хотя не вызывает сомнений, что они порождены главным образом различиями этнокультурного порядка.

Металлический инвентарь из названных памятников представлен преимущественно предметами вооружения и украшения.

Наиболее многочисленную категорию предметов вооружения образуют кинжальные клинки нескольких типов, кинжалы с цельнолитыми рукоятями и мечи.

Кинжальные клинки представлены несколькими разновидностями. К первой относятся три бесчеренковых клинка, не имеющих отверстий на плечиках, происходящие из Зандакского могильника (рис. 11, 46—48)³¹⁵. Типологически они продолжают линию развития подобного рода оружия, появившегося еще на предшествующем талгинском этапе (рис. 11, 2). Наряду с ними бытуют бесчеренковые клинки, имевшие отверстия для крепления рукояти. Выше уже говорилось, что подобные клинки, вероятно, появились еще на предшествующем этапе. В рассматриваемое время они представлены находками из Зандакского могильника (рис. 11, 49)³¹⁶, из с. Хуна (рис. 10, 50)³¹⁷ и из бывшего Казикумухского округа (рис. 11, 51)³¹⁸. Все они, различаясь в деталях, относятся к одной и той же разновидности описываемых клинков. При этом клинок из Хуна выглядит наиболее архаично. Своей формой он близко напоминает клинок из Армавира (Армения), датированный около середины II тысячелетия до н. э.³¹⁹ Вероятно, что и хунинский экземпляр относится к предыдущему этапу. Более развитый облик

³¹⁴ См., например: Гуммель Я. И., 1940, с. 7, 128, 129; Куфтин Б. А., 1941, с. 65; Чубинишвили Т. Н., 1957, с. 118; Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. М., 1959, с. 118; Минькевич-Мустафаева Н. В., 1962, с. 110; Даниелян О. А., 1969, с. 10.

³¹⁵ Пикуль М. И., 1961а, табл. III, 1, 3; Марковин В. И., 1964, рис. 24, 5. По мнению М. И. Пикуль, на плечиках одного из клинков сохранились следы железа, из чего она сделала вывод о том, что он имел железную рукоять (Пикуль М. И., 1961а, с. 305, 318). Это ее заключение довольно широко распространилось в дагестановедческой литературе. Между тем, на наш взгляд, для подобного заключения нет достаточных оснований. На самом деле на упомянутом клинке сохранился рыжеватый тлен от деревянной рукояти, ошибочно распененный исследовательницей как следы железной ржавчины. Помимо этого факта, против подобного истолкования особенностей зандакского клинка может свидетельствовать еще одно обстоятельство. Дело в том, что на Кавказе ни в эту, ни в другие эпохи не встречено ни одного бронзового кинжала с железной рукоятью. Все это свидетельствует, по нашему мнению, о том, что и рассматриваемый зандакский клинок имел не железную, а обычную деревянную рукоять.

³¹⁶ Марковин В. И., 1964, с. 4, 4.

³¹⁷ Исаков М. И., 1966, табл. 2, 10.

³¹⁸ Марковин В. И., 1969, рис. 41, 7.

³¹⁹ Есаян С. А., 1966, с. 59, 60, табл. XI, 5.

имеет зандакский клинок, напоминающий своей формой подобное же оружие из докобанского могильника Беахни-Куп в Северной Осетии³²⁰. Однако эта форма клинков встречается в Закавказье и в рассматриваемое время³²¹. Последний клинок из эрмитажной коллекции, приобретенной в бывшем Казикумухском округе А. Л. Млокосевич еще до Октябрьской революции, по наличию продольной грани и характерной вогнутости середины лезвийной части может быть сопоставлен с кобанскими клинками первого и второго типов, по Е. И. Крупнову³²².

Другой тип кинжальных клинков имеет черенки для насаживания рукояти. Подобных клинков найдено 2 экз. Один из них (рис. 10, 57)³²³, происходящий из с. Турчи, имеет слегка округлые очертания лезвия, четкую грань по оси лезвия, короткий стержень для насадки рукояти и два отверстия на плечиках для ее закрепления. Он представляет собой, вероятно, дальнейшее развитие одного из древних типов северокавказских кинжальных клинков³²⁴, которые в последнее время рассматриваются некоторыми исследователями как талышские³²⁵. Другой экземпляр, происходящий из бывшего Казикумухского округа (рис. 11, 56)³²⁶, типологически несколько отличается от предыдущего. Он имеет прямые грани лезвия, весьма значительное утолщение по продольной оси, массивный стержень для насаживания рукояти. Его отличительной особенностью является утолщение на плечиках, как бы имитирующее рикассо у кинжальных клинков. Эта особенность находит себе прямые аналоги в подобных же изделиях Иранского Талыша, где они датируются несколько более ранним временем³²⁷.

Еще один тип рассматриваемого оружия — это кинжалы с цельнолитыми рукоятями. Наибольшую известность среди них приобрел Маджалисский кинжал переднеазиатского типа (рис. 11, 53)³²⁸. Подобные кинжалы рассматриваются сейчас как иранский импорт конца II тысячелетия до н. э.³²⁹ Иная разновидность подобного же оружия представлена находкой из окрестностей сел. Карчаг Касумкентского района (рис. 11, 54)³³⁰, который может быть датирован тем же временем. По таким признакам, как наличие рикассо и сложное оформление наверхшия, имеющего сегментовидную форму со стороны плоскостей лезвия и характерное веерообразное расширение в профиле, этот кинжал может быть сближен с одним из типов кинжалов с рамочной рукоятью, широко распространенным в Закавказье и в Талыше в данное время. Однако в отличие от них у карчагского кинжала не рамочная, а цельнолитая подквадратная

³²⁰ Крупнов Е. И., 19516, рис. 21, 4.

³²¹ Куфтин Б. А., 1941, рис. 76, 77, 3, 6.

³²² Крупнов Е. И., 1957, с. 75, рис. 9, 3, 4.

³²³ Круглов А. П., 1946, с. 74, рис. 18, 6.

³²⁴ Крупнов Е. И., 1957, с. 74, 75, рис., рис. 8, 1, 2.

³²⁵ Сафронов В. А., 1966, с. 26, рис. 9, 10—15.

³²⁶ Круглов А. П., 1946, с. 74, рис. 18, 7.

³²⁷ Schaeffer C., 1952, S. 219.

³²⁸ Иссен А. А., 1935, с. 162, 163, рис. 27.

³²⁹ Погребова М. Н., 1965, с. 11—18.

³³⁰ История Дагестана, 1967, с. 65.

в сечении трубчатая рукоять. Ее внутреннее пространство было заполнено битумной массой. На «лицевых» сторонах рукояти сделаны фигурные прорезы в виде треугольников и ромбов, которые, по-видимому, были в древности инкрустированы вставками из дерева или кости. Эта особенность отличает карчагский кинжал среди подобного рода предметов вооружения, распространенных в Закавказье и за его пределами³³¹. Своеобразна и округло-приостренная форма его лезвия, приближающаяся к форме современных дагестанских кинжалов. Наконец, своеобразно выглядит и украшение павершия карчагского кинжала в виде спирали с коротко расходящимися лучами. Совокупность отмеченных особенностей описанной находки отличает ее среди множества других подобных видов оружия. Наш образец, таким образом, во многом напоминает закавказские и талышские кинжалы, но также обладает и неповторимыми чертами своеобразия, вероятно свидетельствующими о его местном производстве³³².

В числе кинжалов с цельнолитыми рукоятями отметим еще две находки, происходящие из с. Турчи в Горном Дагестане (нынешний Лакский район). Один из них — обломок верхней части лезвия с рикассо и частью трубчатой (круглого сечения) рукояти (рис. 10, 55)³³³. Клинок массивный, имеет по продольной оси значительное утолщение, по которому с обеих сторон проведено по паре глубоких желобков, благодаря чему лезвие приобрело особенную прочность.

Не менее интересна выделка другого кинжала, от которого сохранилась лишь верхняя часть лезвия, отлитого вместе с круглой рукоятью (обломок). Клинок имеет широкое утолщение по середине, округло переходящее к тонким краям лезвия. По утолщенной части проходят три валика³³⁴, вероятно предназначенные для придания ему дополнительной прочности. Оба описанных экземпляра из Турчи не имеют себе прямых аналогий среди предметов вооружения из других областей Кавказа. Основываясь на этом, можно считать их предметами местного производства либо, учитывая их совершенный облик и высокое мастерство изготовления, можно видеть в них импортные изделия. В технике отделки лезвийной части обоих клинков получают свое развитие приемы, впервые зафиксированные на мече-рапире из Хуштады (рис. 11, 4). Поэтому импортное происхождение обоих рассмотренных клинков нам представляется более вероятным. В то же время следует подчеркнуть, что прием усиления крепости лезвия путем проведения желобков или валиков по продольной части клинков был воспринят местными дагестанскими оружейниками и широко практиковался ими вплоть до недавнего времени.

³³¹ Мартиросян А. А., 1964, с. 155, 156, рис. 63, 1, 2, 4—6.

³³² Параметры карчагского кинжала: общая длина 39,3 см, длина рукояти с рикассо 11,8 см, ширина рикассо 5,5 см, наибольшая ширина лезвия 5,1 см.

³³³ Марковин В. И., 1969, с. 99, рис. 41, 4.

³³⁴ Круглов А. П., 1946, с. 74, рис. 18, 5.

К той же категории предметов вооружения — оружию рукопашного боя — могут быть отнесены и бронзовые мечи.

Один из них (рис. 11, 52)³³⁵ происходит из окрестностей с. Хуштада, где он был найден при строительных работах вместе с рассмотренным выше мечом-рапирой. (Неизвестно, составляли ли они единый археологический комплекс или обнаружены порознь.) Хуштадинская находка представляет цельнолитой меч с рукоятью. Широкое подтреугольное лезвие скруглено на конце. Клинок с обеих сторон ornamentирован врезными желобчатыми линиями, сходящимися книзу. Рукоять с рикассо. Столб рукояти рамочный, со свернутыми наружу, заходящими друг за друга краями, сечение его округлое. Типологически он относится к категории закавказских мечей второго типа, по классификации К. Х. Кушнаревой, широко распространенных в позднебронзовую эпоху, главным образом в юго-восточных и восточных районах Закавказья³³⁶. Севернее Дагестана, насколько нам известно, подобного рода широколезвийные мечи не встречаются. Примечательно, что подобного рода мечи исчезают сразу же с появлением железа, что позволяет считать их своеобразным хронологическим эталоном. Время их бытования определяется по-разному, в зависимости от хронологических построений того или иного исследователя. В последнее время верхняя хронологическая грань их бытования определяется XI в. до н. э.³³⁷, X в. до н. э.³³⁸, IX в. до н. э.³³⁹, хотя все исследователи отмечают кратковременность их бытования и связывают их исчезновение с распространением железа.

Весьма значительную категорию предметов вооружения образуют втульчатые наконечники копий с широким листовидным пером и утолщением по середине, образованным продолжением втулки. По характеру втулки они могут быть подразделены на несколько разновидностей. Два экземпляра (рис. 11, 59, 60), происходящие из с. Турчи³⁴⁰, имеют характерную продольно разрезанную втулку. Подобного рода копья широко распространены в эпоху поздней бронзы в Центральном и Восточном Закавказье. Остальные наконечники имеют цельнолитую втулку. Четыре из них, два из которых происходят из с. Турчи (рис. 11, 62, 65)³⁴¹, один из погребения № 10 Зандакского могильника (рис. 11, 64)³⁴² и еще один — беспаспортная находка с территории Дагестана (рис. 11, 63)³⁴³, опоясаны поперек втулки парными валиками, расположенными на небольшом расстоянии друг от друга. Подобного рода наконечники

³³⁵ Исаков М. И., 1966, с. 89, табл. 3, 7.

³³⁶ Кушнарева К. Х., 1957, с. 160, рис. 7, 1; Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., с. 118, табл. XIII, 1—3.

³³⁷ Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 161.

³³⁸ Даниелян О. А., 1969, с. 14, 15.

³³⁹ Минкевич-Мустафаева Н. В., 1962, с. 115, 121, 122, 126, 131, 132.

³⁴⁰ Круглов А. П., 1946, с. 74, рис. 18, 3; Марковин В. И., 1964, с. 102, рис. 41, 9.

³⁴¹ Круглов А. П., 1946, с. 74, рис. 18, 4; Марковин В. И., 1964, с. 102, рис. 41, 10.

³⁴² Марковин В. И., 1964, с. 84, рис. 24, 1.

³⁴³ Исаков М. И., 1966, с. 92, табл. 3, 4.

копий известны преимущественно по находкам в древних захоронениях Самтаврского могильника, где они датируются XV—XIV вв. до н. э. (погребение 240)³⁴⁴. Однако такая дата для этого комплекса, где найдены также короткий широколезвийный меч с цельнолитой рукоятью, украшенной полусферическим ажурным набалдашником, массивная секира, головная булава с гвоздеобразной головкой, характерные для памятников развитой культуры эпохи поздней бронзы, представляется значительно заниженной³⁴⁵. Более приемлемыми кажутся суммарные датировки этих захоронений, относящихся к концу позднебронзовой эпохи и началу эпохи раннего железа — в пределах XIII—X вв. до н. э.³⁴⁶ Близкую дату — XII—XI вв. до н. э. — предлагает В. И. Марковин для Зандакского наконечника копья³⁴⁷. По-видимому, тем же временем следует датировать и остальные находки подобного рода наконечников копий с территории Дагестана. Их сравнительная многочисленность и широкий ареал распространения на Северо-Восточном Кавказе наводят на мысль о возможности местного изготовления части подобных наконечников по зандакским образцам.

Типологически и хронологически близок к описанным наконечникам наконечник копья из Мутерганского могильника с цельной гладкой втулкой (рис. 11, 61)³⁴⁸. Могильник суммарно датирован М. И. Пикуль IX—VIII вв. до н. э.³⁴⁹, но его хронологические рамки должны быть несколько расширены за счет нижней даты, поскольку в памятнике представлены комплексы, совершенно не имеющие железа. К числу их относится и комплекс с рассмотренным наконечником, который может быть датирован, по нашему мнению, не позднее X в. до н. э.

Еще один наконечник копья с цельной втулкой происходит из бывшего Казикумухского округа (рис. 11, 58)³⁵⁰. Он имеет по основанию втулки расширение или выступ, что отличает его от других кавказских наконечников копий и позволяет предполагать местное производство.

Среди других предметов вооружения отметим впервые бронзовые наконечники стрел. Как известно, металлические наконечники стрел впервые появляются в Закавказье в эпоху поздней бронзы. Они представлены здесь несколькими разновидностями, одна из которых так называемые площадки представлены в древнейших захоронениях Зандакского могильника (рис. 11, 66—68)³⁵¹.

К рассматриваемому этапу хронологически могут быть отнесены и несколько (боевых и рабочих) топоров, происходящих с тер-

ритории Дагестана. Наибольшую известность среди них получил плоский секирообразный топор-пальстав из с. Чох (рис. 11, 72)³⁵². Несмотря на обилие подобного рода изделий в позднебронзовых памятниках Закавказья и Северного Кавказа, аналогии чохской находке весьма немногочисленны. Преобладающее большинство подобного рода орудий имеет характерные выступы на боковых гранях, предназначенные для его закрепления в рукояти. У чохского пальстава для этой цели служат выемки подквадратных очертаний. Данная особенность позволяет сблизить описанную находку с пальставами с выемками, обнаруженными в Армении — в Ворнакском могильнике и Ахталинском кладе, где они относятся ко II позднебронзовому периоду и датируются концом XII—XI вв. до н. э.³⁵³, и в позднебронзовом могильнике в Бакурцихе (Грузия)³⁵⁴. Некоторое сходство с ними обнаруживает более поздний по времени пальстав из могильника у с. Казахбейли в Азербайджане³⁵⁵.

Весьма интересной находкой, также документирующей связи с Закавказьем, является бронзовый боевой топор колхидского типа из с. Хунзах (рис. 11, 73)³⁵⁶. По своей форме он может быть отнесен к I типу колхидских топоров с граненым обухом, по классификации О. М. Джапаридзе, который датировал их от XIII до VIII вв. до н. э.³⁵⁷.

На рассматриваемом этапе получает распространение своеобразная разновидность проушных топоров, представленная пока двумя находками. Одна из них (рис. 11, 74) — беспаспортная находка с территории Дагестана³⁵⁸; другой подобный же топор, хранящийся в Эрмитаже, происходит из аула Кубачи³⁵⁹. По мнению А. П. Круглова, оба топора резко выделяются из всего известного в настоящее время кавказского материала, представляя промежуточную форму между топором кобанского типа и закавказской секирой³⁶⁰. Правда, в последнее время похожий по форме топор обнаружен в могильнике Артик в Армении³⁶¹. Но и по сравнению с ним дагестанские топоры отличаются чертами своеобразия, что позволяет предполагать их местное производство.

В единственном пока числе представлена симметричная секира закавказского типа, обнаруженная в 1969 г. в окрестностях г. Дербента³⁶². Она имеет массивную, несколько удлинненную лопасть,

³⁵² Круглов А. П., 1946, с. 74, 76, рис. 18, 8.

³⁵³ Мартиросян А. А., 1964, с. 115, 116, табл. XI, 4; XII, 2—4.

³⁵⁴ Куфтин Б. А., 1944, с. 30, рис. 23, б.

³⁵⁵ Халилов Д. А., 1958, с. 40, табл. IV, 2.

³⁵⁶ Марковин В. И., 1969, с. 103, рис. 42, 2.

³⁵⁷ Джапаридзе О. М., 1953, с. 285, 300.

³⁵⁸ Исаков М. И., 1966, с. 92, табл. IV, 7. В монографии А. П. Круглова ошибочно указано, что этот топор происходит из окрестностей села Бабил-хади близ Дербента (Круглов А. И., 1958, с. 76; Котович В. Г., Котович В. М., 1973, с. 81, рис. 3, 2).

³⁵⁹ Круглов А. П., 1946, с. 76.

³⁶⁰ Круглов А. П., 1946.

³⁶¹ Хачатрян Т. С., 1963, с. 55, 57, табл. 3, 2.

³⁶² Котович В. Г., Котович В. М., 1973, с. 81, рис. 3, 3.

³⁴⁴ Чубинишвили Т. Н., 1957, с. 123, рис. 13.

³⁴⁵ А. А. Мартиросян датирует погребение 240 Самтаврского могильника XIII—XII вв. до н. э. (Мартиросян А. А., 1964, с. 110).

³⁴⁶ Абрамишвили Р. М., 1961, с. 377—379, табл. III.

³⁴⁷ Марковин В. И., 1969, с. 82, примеч. 53.

³⁴⁸ Пикуль М. И., 1959б, с. 26, рис. 4, 3.

³⁴⁹ Пикуль М. И., 1959б, с. 31.

³⁵⁰ Круглов А. П., 1946, с. 74, рис. 18, 2.

³⁵¹ Пикуль М. И., 1961а, с. 312, табл. III, 2; Марковин В. И., 1964, с. 84, рис. 24, 13.

короткий перехват обуха, заметно расширяющегося к тыльной части. Края и боковые поверхности обуха украшены рельефными валиками; такой же валик проходит и по его тыльной стороне. Подобная орнаментация впервые встречена на секирах этого типа, широкое распространение которых приходится, по мнению большинства исследователей, на рубеж II—I тысячелетий до н. э.³⁶³

Среди других видов вооружения рассматриваемого этапа отметим металлическое навершие булавы из с. Хунзах (рис. 11, 75)³⁶⁴, не имеющее себе аналогий, и навершие булавы, изготовленные из основания оленьих рогов (рис. 11, 69, 70), происходящие из Зандакского могильника³⁶⁵. Последние имеют себе аналогии в позднебронзовых памятниках Закавказья³⁶⁶ и на Сержень-Юртовском поселении начала эпохи раннего железа³⁶⁷. На Зандакском могильнике обнаружен и костяной трехдырчатый псалий (рис. 11, 71)³⁶⁸. Находка этого и других весьма архаичных типов костяных псалиев и наличие здесь же принадлежностей конской уздечки более развитого типа, равно как и захоронений целых конских остовов, может свидетельствовать о появлении древних всадников на Северо-Восточном Кавказе, что весьма важно для понимания происходящих в эту пору процессов социально-экономического развития местного населения.

На этом этапе по-прежнему широко распространены массивные браслеты с незамкнутыми концами, изготовленные из бронзового прута (Мугерганский могильник, рис. 11, 76, 78)³⁶⁹. Возможно, в это же время получают распространение и подобные же браслеты, изготовленные из железа и происходящие из богатых инвентарем захоронений Мугерганского и Зандакского могильников (рис. 11, 77, 79)³⁷⁰. Позднее, когда железо стало широко использоваться в быту, железные браслеты носила беднота, тогда как состоятельные общинники предпочитали браслеты, изготовленные из бронзы и благородных металлов.

Височные подвески представлены теми же типами. Это прежде всего колечки, свернутые из тонкой проволоки, изогнутой в полтора оборота (рис. 11, 80, 81, 83), а иногда — многовитковые (рис. 11, 82). Они обнаружены в Мугерганском³⁷¹ и Зандакском³⁷² могильниках. В тех же памятниках найдены и более крупные височные

³⁶³ См., например: *Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.*, 1959, с. 76; *Минкевич-Мустафаева Н. В.*, 1962, с. 121, 131; *Мартиросян А. А.*, 1964, с. 101, 111, 129, 133; *Пицхелаури К. Н.*, 1969, с. 170, 171.

³⁶⁴ *Марковин В. И.*, 1969, с. 103, рис. 42, 3.

³⁶⁵ *Пикуль М. И.*, 1961а, с. 312, табл. III, 4, б.

³⁶⁶ *Куфтин Б. А.*, 1941, с. 72, рис. 78; *Чубинишвили Т. Н.*, 1957, табл. XVII, 2085, 5532.

³⁶⁷ *Козенкова В. И.*, 1977б, с. 18.

³⁶⁸ *Пикуль М. И.*, 1961а, с. 306, табл. IV, 2.

³⁶⁹ *Марковин В. И.*, 1964, с. 84, рис. 24, б.

³⁷⁰ *Пикуль М. И.*, 1967, с. 25, рис. 4, 8; *Давудов О. М.*, 1968, с. 7, рис. 2, 3.

³⁷¹ *Пикуль М. И.*, 1961а, табл. IV, 17, 18.

³⁷² *Пикуль М. И.*, 1961а, табл. IV, 13, 16; *Она же*, 1967, рис. 4, 10; *Марковин В. И.*, 1964, рис. 24, 8; *Марковин В. И., Мунчаев Р. М.*, 1965, с. 46, рис. 18, 2.

подвески овальной формы, изготовленные из массивного, иногда прокованного стержня (рис. 11, 84—86)³⁷³. Напомним, что именно эти подвески сменили на Талгинском этапе пластинчатые подвески каякентско-хорочоевского типа, хотя последние пережиточно сохраняются в единичных экземплярах вплоть до рассматриваемого времени (рис. 11, 89, 90)³⁷⁴.

Продолжают употребляться и подвески в виде круглого колечка с незамкнутыми концами (рис. 11, 87, 88), появившиеся на предшествующем этапе.

Усложняются формы металлических привесок, использовавшихся в качестве шейных украшений, появляются прорезные и трехдольчатые подвески с ушками (рис. 11, 91, 92)³⁷⁵, возможно, восходящие к бытовавшим ранее каплевидным формам украшений, пластинчатые подвески в форме лунниц (рис. 11, 93)³⁷⁶, гладкие и витые гривны (рис. 11, 99, 100)³⁷⁷.

Из украшений одежды отметим бронзовые бляшки полусферической формы с перекладной на тыльной стороне (рис. 11, 94, 95)³⁷⁸, фигурные бляшки с зооморфным орнаментом на лицевой стороне (рис. 11, 98)³⁷⁹.

Появляются новые типы бронзовых головных булавок с гвоздевидной шляпкой, украшенные гравированным орнаментом в верхней части стержня (рис. 11, 97)³⁸⁰, и менее сложные — в виде длинных игл (рис. 11, 96)³⁸¹. Все эти типы украшений наряду с множеством других пока еще не представленных в известных дагестанских материалах, широко распространились в быту населения Закавказья в рассматриваемое время.

Одними из руководящих образцов керамических изделий Зандакского и Мугерганского могильников по-прежнему являются сосуды баночной формы. Правда, они несколько видоизменились: приобрели более вытянутые или, напротив, приземистые (чаши) пропорции, улучшилась формовка, что проявляется в большей симметричности сосудов, равномерной толщине стенок, легкому сгибанию краев внутрь сосудов, почти все обмазаны снаружи жидкой глиной, которой нередко придавался характер своеобразного декора.

Крупные, несколько вытянутые в высоту баночные сосуды представлены в инвентаре Зандакского³⁸² и Мугерганского³⁸³ могильников (рис. 11, 103, 104, 106, 107). Приземистые чаши (рис. 11, 101, 102) только в Зандакском могильнике, причем на некоторых

³⁷³ *Пикуль М. И.*, 1961а, табл. IV, 14; *Марковин В. И.*, 1964, рис. 24, 11.

³⁷⁴ *Пикуль М. И.*, 1961а, табл. IV, 5; *Она же*, 1967, рис. 4, 16.

³⁷⁵ *Пикуль М. И.*, 1961а, табл. IV, 8, 10.

³⁷⁶ *Пикуль М. И.*, 1967, с. 26, рис. 4, 14.

³⁷⁷ *Пикуль М. И.*, 1961, с. 305, табл. IV, 12; *Она же*, 1967, с. 25, рис. 4, 7.

³⁷⁸ *Пикуль М. И.*, 1961, табл. IV, 7; *Она же*, 1967, рис. 4, 12.

³⁷⁹ *Марковин В. И.*, 1964, с. 87, рис. 25, 2.

³⁸⁰ *Пикуль М. И.*, 1967, с. 26, рис. 4, 6.

³⁸¹ *Пикуль М. И.*, 1967, рис. 4, 5.

³⁸² *Пикуль М. И.*, 1961а, табл. V, 2; *Марковин В. И.*, 1969, рис. 22, 3.

³⁸³ *Пикуль М. И.*, 1967, рис. 5, 24, 25.

из них имеются ручки³⁸⁴. Примечательно, что некоторые сосуды из Зандакского могильника³⁸⁵ обнаруживают поразительное сходство с сосудами из памятников срубной культуры в Нижнем Поволжье (из курганов у сел Иловатка и Политотдельское)³⁸⁶.

Наряду с баночными сосудами, свидетельствующими о преемственной традиции с керамическими комплексами предшествующего талгинского этапа, в обоих рассматриваемых памятниках представлены и новые типы сосудов, форма и отделка которых не имеют истоков на предшествующем этапе. В Зандакском могильнике это сравнительно крупные гладкостенные сосуды с широко (иногда — биконически) вздутым туловом, переходящим в узкое горло, заканчивающееся отогнутым венчиком³⁸⁷. Некоторые из сосудов имеют прочерченный геометрический орнамент по плечикам³⁸⁸. Все они обнаруживают сходство с одновременными сосудами, бытовавшими на Северном Кавказе, где можно найти их исходные формы в керамике докобанского времени³⁸⁹. Подобного рода сосуды представлены только в Зандакском могильнике.

Что же касается Мугерганского могильника, расположенного в Южном Дагестане, то здесь тоже наряду с баночными формами появляются новые формы сосудов. Они тоже гладкостенны, но имеют совершенно иную форму. Это — одноручные кувшины с сильно вздутым туловом, короткой шейкой, заканчивающейся разложистым венчиком со сливом (рис. 11, 105)³⁹⁰. Наряду с ними встречаются и крупные сосуды-хранилища с сильно вздутым (иногда биконическим) туловом, суживающимся к устью, не имеющему моделированной горловины и оканчивающимся венчиком, ниже которого обычно располагается несколько поясков налепного и вдавленного ленточного орнамента (рис. 11, 110, 111)³⁹¹. И одноручные кувшины, и крупные «безгорлые» сосуды-хранилища находят себе аналогии в закавказских памятниках эпохи поздней бронзы³⁹². Очевидно, эти типы сосудов проникают из Закавказья.

Таким образом, в керамике зандакского этапа прослеживаются две тенденции: сохранение более древних форм баночных сосудов и появление новых форм посуды, заимствованной у ближайших соседей.

Как ни малы и фрагментарны материалы, полученные из дагестанских стратифицированных комплексов, они находят себе прямые параллели в соответствующих материалах из закавказских и северокавказских памятников; подобные же параллели устанавливаются и для случайных находок предметов вооружения, происхо-

³⁸⁴ Пижуль М. И., 1961а, табл. V, 1; Марковин В. И., 1964, рис. 25, 4.

³⁸⁵ Пижуль М. И., 1961а, табл. V, 2; Марковин В. И., 1969, рис. 22, 3.

³⁸⁶ Смирнов К. Ф., 1959, с. 212, 264, рис. 3, 6; 22, 6.

³⁸⁷ Марковин В. И., 1969, рис. 22, 1, 2.

³⁸⁸ Пижуль М. И., 1961а, табл. VI.

³⁸⁹ Крупнов Е. И., 1960, с. 92, 93; Полтавцева-Артамонова О. А., 1950, с. 61—66.

³⁹⁰ Пижуль М. И., 1959б, рис. 5, 12.

³⁹¹ Пижуль М. И., 1959б, рис. 5, 16, 27.

³⁹² Пижуль М. И., 1959б, с. 26, 32.

дящих с территории Дагестана. С учетом этих параллелей определяется относительное место рассмотренной группы дагестанских древностей и намечаются хронологические рамки их бытования в пределах XII—X вв. до н. э. (ПБ—П). Этим самым мы получаем хотя и фрагментарные, но объективные данные для суждения о характере дагестанской культуры этого времени. Как явствует из приведенных материалов, металлический инвентарь имеет мало чего общего (за исключением переживания отдельных элементов) с комплексом металлических изделий, характерных для каякентско-хорочоевского времени. Вместе с тем он генетически, эволюционно связан с металлическим инвентарем предшествующего талгинского этапа, многие формы которого представлены порою в более развитом облике и на данном этапе.

Приведенные материалы показывают, что в развитии производительных сил местного общества в XII—X вв. до н. э. происходит тот качественный скачок, который проявился, в частности, в подъеме местной металлургии бронзы, и который, в свою очередь, послужил реальной предпосылкой для зарождения местной металлургии железа.

Характеризуя зандакский этап развития культуры Дагестана в целом, нельзя не отметить еще одного обстоятельства. В отличие от местной металлургии, развивавшейся под сильным южным влиянием, развитие местного керамического производства шло несколько иначе. Наряду с более древними формами баночных сосудов, изготовленных с помощью традиционных для местного керамического производства способов и приемов, появляются новые типы керамики, отличающиеся от традиционных не только формой, но и техникой изготовления. Последние возникли явно под влиянием керамического производства ближайших соседей, на севере (Зандакский могильник) со стороны населения Северного Кавказа, на юге (Мугерганский могильник) со стороны населения Закавказья.

Остановимся вкратце на материалах, характеризующих заключительный этап (РЖ—I) рассматриваемого периода, который условно можно назвать шахсенгерским, по имени наиболее яркого археологического комплекса этого времени, образованного городищем Шах-Сенгер и одновременным ему могильником. Помимо упомянутых городища и могильника³⁹³, к шахсенгерскому этапу могут быть отнесены часть захоронений Мугерганского³⁹⁴ и Зандакского³⁹⁵ могильников, находки из Маджалисского поселения и могильника³⁹⁶ и Согратлинского поселения Гургур-Рагала³⁹⁷.

Металлический инвентарь этих памятников также может быть подразделен на две категории. К первой относятся орудия труда и предметы вооружения, ко второй — украшения.

³⁹³ Котович В. Г., Давудов О. М., д. 3735.

³⁹⁴ Пижуль М. И., 1959б, с. 30.

³⁹⁵ Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 46, 47.

³⁹⁶ Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М., д. 3395, л. 95—97.

³⁹⁷ Котович В. Г., д. 3777.

Состояние первой категории металлических изделий на рассматриваемом этапе характеризуется резким сокращением количества бронзовых изделий и заметным возрастанием числа железных изделий. Это относится прежде всего к оружию ближнего боя — кинжалам и мечам. Разнообразный ассортимент подобного рода вооружения, богато представленного на предыдущем этапе, почти полностью исчезает. Единичные находки простейших типов бронзовых кинжальных клинков (рис. 11, 115)³⁹⁸ лишь подчеркивают этот факт. Взамен бронзовых клинков появляются однолезвийные железные ножи архаического облика, со слегка изогнутой спиной и черешком для насада (рис. 11, 112—114). Подобные ножи найдены на Шахсенгерском городище и могильнике³⁹⁹, на Маджалисском⁴⁰⁰ и Мугерганском⁴⁰¹ могильниках. Железные ножи с изогнутой спиной являются, как известно, одним из древнейших типов железных изделий, получившим довольно широкое распространение в переходный период от бронзы к железу⁴⁰².

На Мугерганском могильнике обнаружены остатки железного меча или кинжала с бронзовой литой рукоятью (рис. 11, 116)⁴⁰³. Как известно, в IX—VII вв. до н. э. в Закавказье широко распространяются биметаллические мечи и кинжалы с бронзовыми рукоятями нескольких разновидностей⁴⁰⁴. Однако мугерганская рукоять типологически совершенно отличается от закавказских. Ближайшими аналогами ей могут служить биметаллические кинжалы Северного Кавказа, известные под именем «кабардино-пятигорских», о чем подробно писалось выше. Напомним только, что мугерганская находка характеризует самые ранние этапы развития гладкоручкоятных биметаллических кинжалов с перекрестием и хронологически и территориально находится вне «сферы влияния» киммерийцев, охватывавшей, по утверждению А. И. Тереножкина, «исключительно лишь племена кобанской и протомеотской культур Северного Кавказа»⁴⁰⁵, а потому ее следует признать местной кавказской формой.

Находкой Мугерганского эфеса не ограничиваются наши данные о распространении биметаллического вооружения на данном этапе. В археологических фондах Института ИЯЛ хранится еще один экземпляр подобного орудия⁴⁰⁶. Это железный кинжал или

406 орудия

³⁹⁸ Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, рис. 18, 6.

³⁹⁹ Котович В. Г., Давудов О. М., д. 3735.

⁴⁰⁰ Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М., д. 3395, л. 96, 97.

⁴⁰¹ Пикуль М. И., 1959б, с. 25, рис. 4, 4.

⁴⁰² Абаршвили Р. М., 1961, табл. I, 2; IV, 1, 2, 5, 14; Мартиросян А. А., 1964, с. 208, 210, рис. 82, 4; Даниелян О. А., 1969, с. 14, 15.

⁴⁰³ Пикуль М. И., 1959б, с. 26, рис. 5, 20.

⁴⁰⁴ Куфтин Б. А., 1941, с. 64, рис. 56, 60; Абрамшвили Р. М., 1961, табл. I, 1; II, 1; VII, 1; IX, 1; X, 1; XI, 2; XII, 2, 1—3; XIII, 23; XIV, 2; Мартиросян А. А., 1964, с. 214, 215, 225, рис. 86; Даниелян О. А., 1965, с. 99—113.

⁴⁰⁵ Тереножкин А. И., 1971б, с. 38.

⁴⁰⁶ Обстоятельства и место находки этого кинжала не установлены. Известно только, что он происходит с территории Дагестана.

нож с бронзовым перекрытием. Клинок представляет собой лезвие длинного ножа с изогнутой («горбатой») спинкой и стержнем для насаживания рукояти. На стержень надето упомянутое бронзовое перекрестие. Оно, подобно мугерганскому, имеет изогнутые, опущенные книзу крылья, заканчивающиеся круглыми шариками. Перекрестие литое, лицевая сторона орнаментирована гравированным геометрическим узором. На шариках по краям перекрестия изображены четырехлепестковые розетки, окруженные кругами, обрамленными треугольными фестонами. Аналогичная розетка, но без круга, украшает выпуклость в центральной части перекрестия, а его крылья орнаментированы двумя полосками, образованными небольшими прямоугольниками, рассеянными горизонтальными черточками. Тыльная сторона перекрестия не имеет орнамента.

Наружная и тыльная пластины перекрестия соединены перемычкой, располагавшейся примерно посредине их высоты. В центре ее имеется небольшое отверстие, а ближе к краям — два коротких вертикальных отросточка с приостренными краями. Такое устройство перекрестия обеспечивало прочность соединения лезвия с рукоятью. При этом плечики клинка упирались в основание перемычки, насадочный стержень пропускался через специально оставленное отверстие, а нижняя часть пластин перекрестия плотно обжимала плечики клинка наподобие рикассо, тогда как верхняя — столь же плотно охватывала основание деревянной или костяной рукояти, через ствол которой проходил насадочный стержень, а нижняя грань удерживалась от смещения на перемычке. Вполне возможно, что верхний конец рукояти увенчивало бронзовое навершие.

Описанный кинжал не имеет себе прямых аналогий среди известных в настоящее время находок биметаллического оружия в других областях Кавказа, что позволяет считать его местной разновидностью подобного рода вооружения. У нас отсутствуют какие-либо данные об условиях его нахождения, ориентируясь на которые можно было бы установить его возраст. Для этой цели приходится ориентироваться только на типологические особенности данного экземпляра. Он характеризуется, с одной стороны, архаическим обликом самого клинка, имеющего вогнутое лезвие и выгнутую спинку. Эта черта сочетается с другими, также архаическими элементами, а именно с устройством перекрестия не из железа, а из бронзы. И хотя из бронзы изготовлена не вся рукоять, а только перекрестие и, возможно, навершие данного кинжала, отмеченная особенность, совершенно несвойственна подобному оружию, бытовавшему в Дагестане в последующие периоды — от скифского до средневекового включительно. Все это позволяет отнести его к кругу биметаллических мечей и кинжалов, широко бытовавших в Закавказье в IX—VIII вв. до н. э.⁴⁰⁷, а на Северном Кавказе в VIII—VII вв. до н. э.⁴⁰⁸ Их верхняя хронологическая граница точно не

⁴⁰⁷ Мартиросян А. А., 1964, с. 214.

⁴⁰⁸ Крупнов Е. И., 1960, с. 324.

определена. На Северном Кавказе, по мнению Е. И. Крупнова, они встречаются до VI в. до н. э.⁴⁰⁹ Учитывая, что хронологические рамки бытования железных мечей с бронзовыми рукоятями в основном совпадают с рамками шахсенгерского периода, мы считаем возможным отнести к нему и описанную находку.

На этом этапе продолжают употребляться плоские наконечники стрел, появившиеся еще на предыдущем этапе. В Шахсенгерском могильнике встречены бронзовые и железные плошки (рис. 2, 117, 118) в одном комплексе⁴¹⁰, а на Согратлинском поселении Гургур-Рагалла обнаружена каменная литейная формочка, предназначенная для отливки бронзовых плошечек⁴¹¹.

Новой категорией вооружения (хотя и не металлического) являются костяные наконечники стрел, также представленные в памятниках этого этапа несколькими разновидностями. Это прежде всего (рис. 11, 119, 122) наконечники в форме трех- или четырехгранной пирамидки с ровным или зубчато вырезанным основанием и скрытой втулкой (Маджалисский могильник⁴¹² и Шахсенгерское городище⁴¹³). Другая разновидность наконечников этого типа (рис. 11, 120, 121) имеет аналогичную по форме головку, но выступающую трубчатую втулку (Маджалисский⁴¹⁴, Шахсенгерский⁴¹⁵ могильники). Обе разновидности втульчатых костяных наконечников стрел отличаются от бытовавших в Дагестане и в других областях Кавказа в эпоху бронзы костяных наконечников стрел, имевших независимо от формы головки не втулку, а стержень для закрепления в древке. Однако подобные наконечники широко распространены в степях Юго-Восточной Европы. Насколько можно судить по имеющимся материалам, они впервые появились в Поволжье на ранней стадии срубной культуры⁴¹⁶ и отсюда по мере расселения срубных племен — в причерноморские степи, где стали одним из характерных атрибутов киммерийской культуры⁴¹⁷. Подобные наконечники стрел в памятниках Прикаспийского Дагестана в IX—VIII вв. до н. э. могут служить еще одним аргументом в пользу высказанного выше предположения о существовании в то время контактов между автохтонным населением Северо-Восточного Кавказа со степными, в том числе и киммерийскими племенами.

Широко употреблялись на данном этапе и наконечники копий. При этом наряду с бронзовыми наконечниками типа, найденного в Мугерганском могильнике (рис. 11, 61)⁴¹⁸, получают распростра-

нение и железные наконечники копий (рис. 11, 125, 126). Последние найдены в Маджалисском⁴¹⁹, Шахсенгерском⁴²⁰ и Зандакском⁴²¹ могильниках. Как известно, железные наконечники копий являются наряду с ножами с изогнутой спинкой древнейшим видом железного вооружения.

В Зандакском могильнике встречены бронзовые принадлежности конской уздечки — трехдырчатый псалий с грибовидной головкой и лопастевидным изогнутым нижним концом и двукольчатые удила (рис. 11, 123, 124)⁴²². Как уже отмечалось, обе эти находки относятся к древнейшим местным типам набора бронзовых принадлежностей конской уздечки, появившимся на Северном Кавказе в VIII—VII вв. до н. э. и широко распространившимся отсюда в результате связей со степными киммерийскими и киммеро-фракийскими племенами на обширные пространства Северного Причерноморья и Средней Европы⁴²³.

Металлические украшения характеризуются в основном теми же категориями изделий, что и на предыдущем этапе.

Браслеты сохраняют ту же форму круглого кольца с незамкнутыми концами, однако массивные гладкие экземпляры исчезают почти полностью. В Зандакском могильнике встречен массивный браслет с чеканным узором по наружному краю (рис. 11, 127).

Украшения головного убора представлены височными кольцами. Наряду с обычными кольцами из тонкой проволоки, изогнутой в полтора оборота, найдены крупные овалы кольца, изготовленные из массивного прокованного прута (рис. 11, 128)⁴²⁴. В Маджалисском могильнике обнаружена височная подвеска в виде колечка с незамкнутыми концами (один — приострен), орнаментированная по наружному краю косыми насечками (рис. 11, 129).

К украшениям головного убора следует отнести булавки в виде стержня с прокованным, загнутым в колечко навершием (рис. 10, 135, 136). Такие головные булавки встречаются в памятниках переходного периода в Закавказье⁴²⁵.

По-прежнему встречаются в это время и шейные украшения в виде гривен⁴²⁶.

Довольно широко представлены на данном этапе металлические бляхи. Среди них крупные бляхи из железа (рис. 11, 130)⁴²⁷ и из бронзы (рис. 11, 134)⁴²⁸, последние отличаются довольно сложной

⁴⁰⁹ Крупнов Е. И., с. 203.

⁴¹⁰ Котович В. Г., Давудов О. М., д. 3735.

⁴¹¹ Котович В. Г., д. 3777.

⁴¹² Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М., д. 3395.

⁴¹³ Котович В. Г., Давудов О. М., д. 3735.

⁴¹⁴ Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М., д. 3395.

⁴¹⁵ Котович В. Г., Давудов О. М., д. 3735.

⁴¹⁶ Крицкова-Гракова О. А., 1955, с. 64.

⁴¹⁷ Тереножкин А. И., 1954, с. 100, рис. 9, 4; Он же, 1971б, с. 2; Щепи-

ский А. А., 1962, с. 60, рис. 3, 33.

⁴¹⁸ Пикуль М. И., 1959б, рис. 4, 3.

⁴¹⁹ Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М., д. 3735.

⁴²⁰ Котович В. Г., Давудов О. М., д. 3735.

⁴²¹ Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 46.

⁴²² Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 46, рис. 18, 3, 4.

⁴²³ Иссен А. А., 1953, с. 104, 105; Крупнов Е. И., с. 124—128; Тереножкин А. И., 1971б, с. 2, 3.

⁴²⁴ Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 46, рис. 18, 5; Там же, с. 46, рис. 18, 2.

⁴²⁵ См., например: Чубинишвили Т. Н., 1957, табл. XVIII, 629, 263, XIX, 2084, 3817.

⁴²⁶ Пикуль М. И., 1959б, рис. 4, 7.

⁴²⁷ Давудов О. М., 1968, с. 8, рис. 2, 10. Аналогичная железная бляха найдена и в Мугерганском могильнике: см.: Пикуль М. И., 1959б, с. 25.

⁴²⁸ Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, рис. 18, 1.

конфигурацией и орнаментом на лицевой стороне. Наряду с ними продолжают бытовать небольшие полусферические и плоские бляшки-пуговицы с планочкой или петелькой на тыльной стороне (рис. 11, 131—133)⁴²⁹.

Развитие керамики в указанное время характеризуется теми же тенденциями, что и на предыдущем этапе.

Одной из руководящих форм сосудов по-прежнему являются сосуды баночной формы. Они найдены на Шахсенгерском городище и могильнике (рис. 11, 140—141)⁴³⁰, на Маджалиском (рис. 11, 137—139) и Мугерганском⁴³¹ могильниках. Их наружные поверхности в большинстве случаев обмазаны жидкой глиной.

Наряду с баночными формами, восходящими к традициям предшествующих этапов, продолжают развиваться типы керамики, появившиеся на Зандакском этапе. При этом на севере — в Зандакском могильнике — гладкостенная керамика тяготеет типологически к керамическим комплексам северокавказских памятников, а на юге — в Шахсенгерском, Маджалиском и Мугерганском могильниках — продолжают развиваться формы, явно проникшие из Закавказья. Среди новых форм южного варианта отметим крупные сосуды с сильно расширенным туловом, увенчанные массивным венчиком, украшенным в нижней части зацепами. Их тулово орнаментировано несколькими наклепными расчлененными валиками, имитирующими веревочный орнамент (рис. 11, 143)⁴³². Подобные сосуды, развиваясь, бытуют в Дагестане вплоть до позднескифского времени (V—IV вв. до н. э.)⁴³³. Наряду с ними распространены черношпелые сосуды типа горшков закавказского облика (рис. 11, 144, 145). На Шахсенгерском городище и Согратлинском поселении встречена в небольшом количестве и розовоглиняная керамика⁴³⁴.

Заканчивая на этом рассмотрение отдельных элементов материальной культуры шахсенгерского этапа (РЖ — I), отметим, что, несмотря на известную фрагментарность имеющихся материалов, они дают определенное представление о сдвиге в развитии производительных сил, особенно металлургии в рассматриваемое время. Последняя характеризуется довольно широким распространением железных изделий, быстро вытеснивших из употребления соответствующие категории бронзового инвентаря, в первую очередь предметы вооружения. Это могло произойти только в результате освоения искусства железной металлургии. Как отмечалось при рассмотрении материалов талгинского и зандакского этапов, основная масса изделий местных металлургов изготавливалась по закавказ-

ским и еще более южным, талышским, образцам⁴³⁵. На шахсенгерском этапе положение изменилось. Выше уже отмечалось, что такие предметы вооружения, как железный меч с бронзовой рукоятью из Мугергана, воспроизводят не южные, а северные образцы. То же самое следует сказать и в отношении бронзовых принадлежностей конской сбруи, псаля и удила, происходящих из Зандакского могильника. Они резко отличаются от несколько более ранних по времени закавказских принадлежностей конской сбруи арчадорского и других типов, повторяя северокавказские образцы подобных изделий. Все эти данные указывают на усилившееся влияние северных — северокавказских и степных, киммерийских — элементов на развитие местной культуры Дагестана в рассматриваемый период.

Шахсенгерский этап сменился последующим этапом развития местной материальной культуры, датируемым со второй половины VII по IV в до н. э. (РЖ—II). Он характеризуется уже широким использованием железных орудий труда и предметов вооружения, о чем свидетельствуют материалы Макинского могильника, древнейших комплексов Хабдинского, Шаракунского и Урпекского могильников, городища у с. Аркас и других памятников⁴³⁶.

Материалы ранее известных и вновь открытых дагестанских памятников переходного периода находят аналогии в одновременных материалах северокавказских и закавказских памятников, что позволяет синхронизировать каждый из трех выделенных этапов — талгинский (ПБ—I), зандакский (ПБ—II) и шахсенгерский (РЖ—I) — с соответствующими этапами развития местных культур в других областях Кавказа. По этим, к сожалению, пока немногочисленным материалам представляется возможность установить, что в развитии местных производительных сил, особенно металлургии, прослеживаются те же тенденции, что и в развитии таковых у населения соседних областей Кавказа. Следовательно, не может быть и речи о сколько-нибудь значительном отставании в ходе социально-экономического развития населения Дагестана в этот период по сравнению с соседними областями Кавказа, что важнейшее производственное достижение этого периода — овладение металлургией железа — произошло здесь в рамках развития местной культуры, очевидно, в силу тех же закономерностей, которые обусловили расцвет местной металлургии в эпоху поздней бронзы в Закавказье, приведший к созданию предпосылок для возникновения железной металлургии.

Как явствует из приведенных материалов, на территории Дагестана бытовала в эпоху поздней бронзы — начала эпохи раннего железа самостоятельная культура, отличная от каякентско-хорочевской и прошедшая в своем развитии на протяжении переходного периода три этапа. Культура каждого из них характеризуется

⁴²⁹ Давудов О. М., 1968, с. 19, рис. 14; более двадцати такого рода бляшек-пуговиц найдено в упоминавшемся Маджалиском могильнике.

⁴³⁰ Котович В. Г., Давудов О. М., д. 3735; Давудов О. М., 1968, с. 18, рис. 3, 3; рис. 4, 1, 2.

⁴³¹ Пиккуль М. И., 1959б, с. 28.

⁴³² Сосуд из Маджалиского могильника.

⁴³³ Котович В. Г., 1959, с. 132, рис. 6.

⁴³⁴ Котович В. Г., Давудов О. М., д. 3735; Котович В. Г., д. 3777.

⁴³⁵ Куфтин Б. А., 1941, с. 58—63; Пиотровский Б. Б., 1959, с. 154—156; Кушарева К. Х., 1957, с. 165—167; Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Поне Г. П., 1959, с. 110, табл. XXXIX; Маргироян А. А., 1964, с. 142—146.

⁴³⁶ Котович В. Г., 1959, с. 139—145; Пиккуль М. И., 1967, с. 34—114.

многими элементами, сходными с одновременными изделиями, бытовавшими в Закавказье и на Северном Кавказе. В свое время А. А. Иессен, ориентируясь на известные находки образцов металлического оружия из горного Дагестана, прозорливо предсказывал возможность выявления в Дагестане богатой бронзовыми изделиями культуры, близкой к кобанской⁴³⁷. Имеющиеся материалы знакомят нас с некоторыми сторонами этой своеобразной культуры, хотя потребуется еще немало времени для накопления новых данных, которые позволят охарактеризовать ее с необходимой полнотой. Разумеется, предложенная схема, основанная только на имеющихся материалах, также потребует доработки и уточнения в свете новых данных. Пока же можно сказать, что на протяжении существования этой культуры ее металлургическая база развивалась первоначально в тесной связи не с северными, а с южными районами Кавказа. В то же время оставившие ее племена поддерживали установившиеся еще в эпоху средней бронзы⁴³⁸ связи с населением степных районов, сначала — со срубными, а затем и киммерийскими племенами. Об этом, помимо приведенных выше данных, свидетельствует также факт выявления в окрестностях нынешней Махачкалы К. А. Бейером в начале 80-х годов XIX в. срубного захоронения⁴³⁹. Очевидно, срубные племена проникали далеко на юг не только в Средней Азии⁴⁴⁰, но и на Кавказе.

О периодизации и хронологии дагестанских памятников II — начала I тысячелетия до н. э.

Предложенное нами решение вопроса об относительном месте каякентско-хорочоевских памятников существенно отличается от общепринятого мнения, в соответствии с которым они относятся к переходному периоду от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (по археологической периодизации — эпоха поздней бронзы и начальные этапы раннего железа), т. е. к значительно более позднему времени. Подобное мнение сложилось еще в довоенные годы и полностью отвечало состоянию изученности дагестанских памятников медно-бронзового века, хронологические рамки которого определялись в пределах II — начала I тысячелетия до н. э. При этом древнебронзовая эпоха, представленная Каякентским поселением, датировалась первой половиной II тысячелетия до н. э., следующий период, представленный материалами Джемикентского поселения, — второй половиной II тысячелетия до н. э., а последний период — эпоха поздней бронзы или предскифский период, представленный материалами каякентско-хорочоевских памятников, — началом I тысячелетия до н. э.⁴⁴¹. Подобная уже укороченная хронология была принята в то время и по отношению к памятникам бронзового века

⁴³⁷ Иессен А. А., 1935, с. 37.

⁴³⁸ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1956, с. 188.

⁴³⁹ Атаев Д. М., 1970, с. 351—358.

⁴⁴⁰ Мандельштам А. М., 1966, с. 105—108.

⁴⁴¹ Круглов А. П., 1958, с. 131—133.

Закавказья⁴⁴². Нет необходимости доказывать то бесспорно положительное значение, которое имела эта классификация, правильно определившая относительную хронологию известных в то время археологических памятников Дагестана и позволившая впервые научно охарактеризовать отдельные этапы развития местной культуры в продолжение медно-бронзового века. Однако при этом не была учтена неполнота и отрывочность имевшихся археологических данных; тем не менее по ним реконструировался последовательный и единый (без лакун) процесс историко-культурного развития местного населения в медно-бронзовом веке. И, как предостерегал в свое время А. А. Иессен, это неизбежно привело к укороченным хронологическим схемам и ошибочным, неверным, временным построениям⁴⁴³.

Сказанное целиком относится к рассматриваемой схеме, в которую в послевоенные годы были внесены существенные изменения и коррективы, коснувшиеся почти всех ее звеньев.

Начать с того, что был доказан значительно более древний, чем представлялось прежде, возраст раннеземледельческих памятников северо-восточного варианта закавказской, куро-аракской культуры III тысячелетия до н. э. Поскольку эта культура долгое время считалась энеолитической, данное обстоятельство внесло известную разногласию в определение историко-культурной принадлежности разновременных групп памятников II тысячелетия до н. э., рамками которого долгое время ограничивался собственно бронзовый век Дагестана. Круг памятников, относимых к эпохе бронзы, в послевоенные годы значительно расширился. Полученные при их исследовании археологические материалы позволили выделить два новых этапа развития местной культуры, о которых до того ничего не было известно и которые по этой причине совершенно не могли быть учтены в принятой ранее хронологической схеме. Располагаясь между древнебронзовой (считавшейся тогда энеолитической) и позднебронзовой (каякентско-хорочоевской) эпохами, эти этапы определялись как эпоха ранней бронзы (в последнее время дагестанские археологи называли его карабудахкентско-гонобским этапом) и как эпоха средней бронзы (или же гинчинско-гатынкалинский этап). Хронологические рамки каждого из них определялись по-разному, в зависимости от конкретных схем, предлагавшихся разными авторами и несколько варьировавшимися по мере накопления новых данных. Не вдаваясь в их детальное рассмотрение, отметим только, что все исследователи ограничивали обе эти эпохи хронологическими рамками от конца III тысячелетия до н. э. или рубежа III—II тысячелетий до н. э. до середины или третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Не остались неизменными и представления о позднебронзовой культуре Дагестана. После раскопок Таркинского и особенно Талгинского могильников были получены весьма надежные материалы

⁴⁴² Пиотровский Б. Б., 1949, с. 42, 50, 59.

⁴⁴³ Иессен А. А., 1950, с. 194.

для датировки этих близких друг другу по времени памятников последней четвертью или концом II тысячелетия до н. э. В результате довоенные оценки сохранили свою силу только по отношению к классическим памятникам каякентско-хорочоевской культуры, которые образовали как бы позднюю группу и по-прежнему относились к предскифскому времени и датировались либо началом, либо даже первой половиной I тысячелетия до н. э. По этой причине в трудах некоторых исследователей именно эти памятники поставлены после упомянутых Таркинского и Талгинского могильников⁴⁴⁴. Между тем в последние годы в Дагестане и соседних районах Чечено-Ингушетии были выявлены новые памятники — Зандакский и Мугерганский могильники, Шахсенгерское городище и могильник и другие, материалы которых неоспоримо свидетельствуют об их хронологической принадлежности к тому же самому отрезку времени, т. е. к началу I тысячелетия до н. э. Создалось парадоксальное положение: в пределах одного и того же непродолжительного отрезка времени в Дагестане будто бы бытовали, с одной стороны, Каякентский, Хорочоевский и другие могильники с характерным набором бронзового инвентаря, не содержащего никакого намека на железо, а с другой — Зандакский, Мугерганский, Шахсенгерский могильники, где железо представлено уже довольно широко. Несовместимость помещения этих двух групп памятников в пределах одного и того же хронологического отрезка более чем очевидна. Также безусловна любая попытка втиснуть в прокрустово ложе прежней схемы новые археологические материалы. Это неизбежно ведет к искажению исторической перспективы, о чем подробно говорилось в начале данной работы. Этим и была продиктована необходимость пересмотра общепринятой хронологии каякентско-хорочоевских памятников, единственного, оставшегося в основном неизменным звена прежней схемы.

Предлагаемое нами новое определение относительного места и хронологии этих памятников устраняет, казалось бы, неразрешимые противоречия между ранее известным и новым археологическим материалом и позволяет обрисовать последовательные этапы эволюции местной культуры в эпохи средней и поздней бронзы, установить на множестве конкретных фактов и примеров преемственную связь различных категорий инвентаря и обрядности каякентско-хорочоевских памятников.

Приводимая ниже новая схема периодизации медно-бронзового и раннежелезного века Дагестана отражает не только относительное место памятников каякентско-хорочоевского и талгинского этапов, но также представляет собой попытку определить относительное место известных в настоящее время памятников, принадлежащих как к предшествующим этапам медно-бронзового века, так и к последующим этапам эпохи раннего железа. Для каждого из выделяемых этапов намечены и абсолютные даты, которые, учитывая недостаточную, на наш взгляд, разработанность

⁴⁴⁴ Исаков М. И., 1957, с. 132; Мунчаев Р. М., 1953, с. 13; Капицев В. И., 1959, с. 163; Марковин В. И., 1969, с. 81—85.

абсолютной хронологии кавказских древностей III—II тысячелетий до н. э., носят довольно условный, предварительный характер, и ориентируются главным образом на соответствующие хронологические рубрики, принятые для других районов Кавказа.

В соответствии с общепринятыми принципами периодизации в рамках медно-бронзового века Дагестана должны быть выделены три эпохи: эпоха древней, средней и поздней бронзы.

Эпоха древней бронзы, в свою очередь, может быть подразделена на три последовательных этапа. Наиболее ранний из них, назовем его великентским, объединяет группу памятников, где обнаружена керамика с характерной спирально-концентрической валиковой орнаментацией. Такими памятниками являются пока только Великентское, Мамайкутанское, Каякентское, Башлыкентское и Махачкалинское поселения. Как известно, керамика с валиковой орнаментацией отличает наиболее раннюю группу памятников и в Закавказье⁴⁴⁵. На Великентском поселении, помимо того, обнаружена керамика с примесью соломы в тесте. Подобные находки могут послужить связующим звеном между памятниками великентского этапа и предшествующей энеолитической культурой, где керамика с примесью соломы в тесте получила довольно широкое распространение⁴⁴⁶.

Второй этап древнебронзовой эпохи, назовем его мекегинским, может быть охарактеризован как период бытования в основном неорнаментированной гладкостенной керамики. К этому этапу, помимо Мекегинского поселения, представляется возможным отнести также памятники, как Шаракунское и Гильярское поселения в Южном Дагестане, поселение Чинна и верхний слой Гинчинского поселения — в горных районах Дагестана.

К третьему этапу древнебронзовой эпохи должна быть отнесена, по нашему мнению, группа памятников, объединенных в рамках так называемого карабудахкентско-гонобского этапа, рассматриваемого нередко в качестве раннего периода собственно бронзового века⁴⁴⁷. Между тем материалы этих памятников — керамика и особенно металлический инвентарь, а также некоторые черты погребального обряда — находят себе широкий круг аналогий среди материалов закавказских памятников конца древнебронзовой эпохи, с одной стороны, и памятников новосвободненского этапа Майкопской культуры Северного Кавказа, с другой стороны. Последние обычно датированы 2300—2000 гг. до н. э.⁴⁴⁸ Основываясь на этом, представляется возможным отнести к тому же времени и соответ-

⁴⁴⁵ Куфтин Б. А., 1941, с. 115; Пиотровский Б. Б., 1949, с. 34—36; Мунчаев Р. М., 1964, с. 158—160; Чубинишвили Т., 1965, с. 129—130; Кушнарва К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970, с. 140—142 и сл.

⁴⁴⁶ См., например: Абибуллаев О. А., 1963, с. 112, 163; Иессен А. А., 1965, с. 15; Нариманов И. Г., 1965, с. 37; Он же, 1966, с. 121—126; Гаджиев М. Г., 1966, вып. 108, с. 57—59; Чубинишвили Т. Н., Кушнарва К. Х., 1967, с. 349.

⁴⁴⁷ История Дагестана, т. 1, с. 54.

⁴⁴⁸ Иессен А. А., 1962, с. 21.

вующие дагестанские памятники: Второй Карабудахкентский и Гобоский могильники, нижний слой Верхнегунибского поселения, Сигитминское скальное, Чиркейское (Тад-Шоб), Усишинское, Хучинское, Галгалатлинское (?) поселения.

Общепринятой датировкой дневнобронзовой эпохи на Кавказе является III тысячелетие до н. э. Это в равной степени относится как к закавказским (куро-аракским)⁴⁴⁹, так и к северокавказским (майкопским)⁴⁵⁰ памятникам. Этим же временем, очевидно, должны быть датированы памятники эпохи древней бронзы и в Дагестане. Что же касается хронологических рамок выделяемых в ней этапов, то они могут быть более или менее четко определены лишь для позднего, карабудахкентско-гонобского этапа, одновременно новосвободненскому этапу, датированному А. А. Иессеном 2300—2000 гг. до н. э. Что же касается двух предшествующих этапов, то определение их абсолютного возраста требует специальных исследований с привлечением широкого круга кавказских и переднеазиатских параллелей. До проведения таких исследований считаем возможным по аналогии с другими областями Кавказа ограничить хронологические рамки великентского и мекетинского этапов соответственно первой и второй третями III тысячелетия до н. э., оговорив при этом предварительный, условный характер предложенных рубрикаций.

Эпоху средней бронзы на Кавказе долгое время датировали серединой II тысячелетия до н. э.⁴⁵¹ Однако в последнее время ее хронологические рамки значительно расширены. Нижним рубежом эпохи средней бронзы является, по мнению большинства исследователей, начало II тысячелетия до н. э., или 2000 г. до н. э., в определении верхней границы нет единого мнения. Для закавказских памятников, например, одни исследователи принимают за нее середину II тысячелетия до н. э.⁴⁵², другие ограничивают ее концом XVI в. до н. э.⁴⁵³ или XV—XIV вв. до н. э.⁴⁵⁴, а некоторые, определяя эту границу концом XV в. до н. э., выделяют переходный этап от средней к поздней бронзе, но включают его в рамки среднебронзовой эпохи, расширяя их тем самым до XIV в. до н. э.⁴⁵⁵ Близка этим схемам и периодизация К. Шеффера, где эпоха средней бронзы на Кавказе ограничена 2000—1550 гг. до н. э., после чего по его схеме идут памятники железного века⁴⁵⁶.

Немало сделано и для разработки периодизации северокавказских памятников эпохи средней и поздней бронзы. В соответствии с одной из равных хронологических схем А. А. Иессена эпохе сред-

ней бронзы должны соответствовать ранний (привольненский) и поздний (костромской) этапы среднекубанской группы «больших кубанских курганов», хронологические рамки которых обнимают период от 1700 до 1000 гг. до н. э.⁴⁵⁷ В более поздней периодизации того же автора хронологические рамки среднего периода бронзового века определены от XIX—XVIII до XIII—XII вв. до н. э.⁴⁵⁸ В одной из последних хронологических схем А. А. Иессена средний период бронзы датирован первой половиной и серединой II тысячелетия до н. э., а период поздней или развитой бронзы охватывает, по его мнению, значительную часть второй половины II и начало I тысячелетия до н. э.⁴⁵⁹

Е. И. Крупнов предложил свою периодизацию памятников бронзового века, в соответствии с которой к эпохе средней бронзы отнесена северокавказская культура, датируемая II тысячелетием до н. э. Внутри же, на примере памятников Северной Осетии, он выделяет четыре этапа: 1— первая половина II тысячелетия до н. э., 2— середина II тысячелетия до н. э., 3— вторая половина II тысячелетия до н. э., 4— конец II тысячелетия до н. э.⁴⁶⁰ Северокавказскую культуру по схеме Е. И. Крупнова сменяет на рубеже XII—XI вв. до н. э. кобанская культура, ранние (предскифские) этапы бытования которой относятся к позднебронзовому веку⁴⁶¹ или к переходному периоду от бронзы к железу⁴⁶².

В основном той же схемы придерживается и В. И. Марковин, объединивший, однако, два последних этапа периодизации Е. И. Крупнова в один. Он наметил следующие хронологические рамки для выделенных им периодов: 1— начало II тысячелетия до н. э.— 1700 г. до н. э., 2— 1700—1500 гг. до н. э., 3— 1500—конец II тысячелетия до н. э.⁴⁶³

В последнее время работу по разработке периодизации и определению абсолютной хронологии северокавказских памятников эпохи средней бронзы проводит В. А. Сафронов. Им предложена весьма интересная пятичленная периодизация северокавказской культуры от ее начала, относимого им к XVII в. до н. э., до раннекубанского времени (XI в. до н. э.)⁴⁶⁴. Несомненным ее достоинством является привлечение южных, переднеазиатских параллелей, позволяющих довольно обоснованно проследить общий ход развития различных категорий находок. Однако он недостаточно учитывает внутренние закономерности развития местных кавказских культур, значительно увеличивает разрыв между культурно-историческими явлениями в Передней Азии и на Кавказе, что приводит к искажению исторической перспективы, о чем подробно говорилось выше.

⁴⁴⁹ Мунчаев Р. М., 1961, с. 158, 159; Иессен А. А., 1963, с. 13; Кушнарeva К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1963, с. 10—23.

⁴⁵⁰ Иессен А. А., 1962, с. 21, 22; Формозов А. А., 1962, с. 31—42; Он же, 1965, с. 74—86.

⁴⁵¹ Куфтин Б. А., 1941, с. 78—100.

⁴⁵² Кушнарeva К. Х., 1959, с. 98, 99.

⁴⁵³ Чубинишвили Т. Н., 1957, с. 123; Джапаридзе О. М., 1969, с. 271, 272.

⁴⁵⁴ Иессен А. А., 1965, с. 18.

⁴⁵⁵ Мартиросян А. А., 1964, с. 47, 48, табл. XXXIV.

⁴⁵⁶ Schaeffer C., 1952, с. 532, 533, табл. VII.

⁴⁵⁷ Иессен А. А., 1950, с. 199.

⁴⁵⁸ Иессен А. А., 1956, с. 14.

⁴⁵⁹ Иессен А. А., 1958, с. 8.

⁴⁶⁰ Крупнов Е. И., 1951б, с. 31—70.

⁴⁶¹ Крупнов Е. И., 1957, с. 76—109.

⁴⁶² Крупнов Е. И., 1969, с. 15, 16.

⁴⁶³ Марковин В. И., с. 84, 86.

⁴⁶⁴ Сафронов В. А., 1968, с. 108—114, прилож., рис. 4.

В Дагестане памятники эпохи средней бронзы сначала датировались серединой и третьей четвертью II тысячелетия до н. э. (курганная группа у ст. Манас)⁴⁶⁵. Позднее, после исследований на Миатлинском курганном поле, хронологические рамки бытования памятников эпохи средней бронзы в Дагестане были несколько передвинуты вглубь. Две ранние группы миатлинских курганов были датированы первой половиной и серединой II тысячелетия до н. э. и помещены между памятниками типа Сигитминского скального поселения (рубеж III—II тысячелетий до н. э.— начала II тысячелетия до н. э.), с одной стороны, и каякентско-хорочоевскими памятниками (среди которых самыми ранними считались Таркинский и Талгинский могильники, датированные не позднее последней трети II тысячелетия до н. э.)— с другой⁴⁶⁶. т. е. в пределах 1800—1300 гг. до н. э.⁴⁶⁷

В последующих трудах часть памятников, обнаруживших преемственную связь с культурой карабудахкентско-гонобского этапа (ранние группы миатлинских и чиркейских курганов) были отнесены к этому этапу, вследствие чего его хронологические рамки оказались чрезмерно растянутыми (последние века III— начало II тысячелетия до н. э.), а границы среднебронзовой эпохи (гинчинско-гатынкалинский этап), напротив, сужены (1700—1400 гг. до н. э.)⁴⁶⁸. Правда, в последней монографии М. Г. Гаджиева нижний хронологический рубеж эпохи средней бронзы вновь был занижен до XIX—XVIII вв. до н. э.⁴⁶⁹, а затем — до начала II тысячелетия до н. э.⁴⁷⁰

Как видим, даты, принятые для эпохи средней бронзы Дагестана, стоят ближе к закавказским. В соответствии с нашей схемой в эти даты необходимо внести лишь некоторые коррективы. Они касаются прежде всего хронологических рамок, которые, как нам представляется, необходимо несколько расширить. Нижней датой эпохи средней бронзы Дагестана будет правильнее считать 2000 г. до н. э., как это общепринято по отношению к среднебронзовым памятникам Кавказа в целом, верхней XIV в. до н. э., с которого начинается уже позднебронзовая эпоха. Внутри этих рамок следует выделить три последовательных этапа: миатлинский, гинчинско-гатынкалинский и каякентско-хорочоевский, связанные единой линией непрерывного эволюционного развития материальной культуры. К миатлинскому этапу (ориентировочно XX—XVIII вв. до н. э.) могут быть отнесены миатлинские курганы первого типа, одновременные им курганы Чиркейского могильника, ранняя группа захоронений в круглопланых склепах Гинчинского могильника и второй слой Верхнегунибского поселения. В материалах этих памятников ощутимо прослеживается преемственная связь с куль-

турой предшествующего карабудахкентско-гонобского этапа эпохи древней бронзы. К гинчинско-гатынкалинскому этапу (ориентировочно XVII—XVI вв. до н. э.) относятся миатлинские курганы второго типа и одновременные им захоронения Чиркейского курганного поля, Мапасский, Огнинский, Ирганайский, Чохский, Ругуджинский и Галгалатлинский могильники, Гатынкалинский и основная группа захоронений Гинчинского могильника, второй слой Верхнегунибского поселения, Ирганайские поселения и некоторые другие памятники. Круг памятников каякентско-хорочоевского этапа (ориентировочно XV—XIV вв. до н. э.) очерчен выше.

К эпохе поздней бронзы могут быть отнесены, по нашему мнению, памятники талгинского (ПБ—I—XIV—XIII вв. до н. э.) и зандакского (ПБ—II—XII—X вв. до н. э.) этапов.

Эпоха раннего железа нами подразделяется на два этапа: шахсенгерский этап (РЖ—I) — период широкого освоения железа — IX— первая половина VII вв. до н. э. и предалбанский (скифский) этап — вторая половина VII—IV вв. до н. э.

И наконец, албанская эпоха также подразделяется на два этапа: раннеалбанский (III—I вв. до н. э.) и позднеалбанский (I—IV вв. н. э.).

В целом периодизация дагестанских памятников меднобронзового и железного века представляется в следующем виде.

СХЕМА периодизации и хронологии памятников медно-бронзового и железного века Дагестана		
Эпоха древней бронзы	1. Великентский этап	Первая треть (?) III тысячелетия до н. э.
	2. Мекегинский этап	Вторая треть (?) III тысячелетия до н. э.
	3. Карабудахкентско-гонобский этап	XXIII—XX вв. до н. э.
Эпоха средней бронзы	1. Миатлинский этап	XX—XVIII вв. до н. э.
	2. Гинчинско-гатынкалинский этап	XVII—XVI вв. до н. э.
	3. Каякентско-хорочоевский этап	XV—XIV вв. до н. э.
Эпоха поздней бронзы	1. Талгинский этап (ПБ—I)	XIV—XIII вв. до н. э.
	2. Зандакский этап (ПБ—II) (период начального освоения железа)	XII—X в. до н. э.
Эпоха раннего железа	1. Шахсенгерский этап (РЖ—I) (период широкого освоения железа)	IX—первая половина VII в. до н. э.
	2. Предалбанский этап (РЖ—II) (скифский)	вторая половина VII— IV в. до н. э.
Албанская эпоха	1. Раннеалбанский этап	III—I вв. до н. э.
	2. Позднеалбанский этап	I—III вв. н. э.

⁴⁶⁵ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1956, с. 203.

⁴⁶⁶ Канивец В. И., 1959, с. 49—51.

⁴⁶⁷ Канивец В. И., д. № 2409, лл. 126, 127.

⁴⁶⁸ Котович В. М., 1961, с. 246, 248; История Дагестана, 1967, с. 54.

⁴⁶⁹ Гаджиев М. Г., 1969а, с. 152—156, 173.

⁴⁷⁰ Гаджиев М. Г., 1954, с. 28.

Предлагаемая схема, как и всякая периодизация, в достаточной мере условна и отражает нынешнее состояние археологической изученности Дагестана и сопредельных областей Кавказа⁴⁷¹. Но в ней по-новому определены историческое место и хронологические рамки каякентско-хорочоевских памятников, равно как и памятников последующих периодов эпохи поздней бронзы и раннего железа, и тем самым намечена иная, чем прежде, перспектива исторического развития местных племен с середины II тысячелетия до н. э. до VII в. до н. э.

Наблюдения над эволюцией местной материальной культуры в той последовательности, как это определено данной схемой, показывают, что на протяжении указанного хронологического отрезка в ее развитии прослеживаются закономерности, присущие культуре соответствующих хронологических этапов в сопредельных областях Кавказа. Из этого, в свою очередь, следует, что материальная культура местных племен, а с нею и их производительные силы, развивались в основном теми же темпами и в те же исторические сроки, что и у их соседей. Иными словами, с углублением абсолютной даты каякентско-хорочоевских памятников автоматически снимается тезис о якобы имевшем место отставании в социально-экономическом развитии оставившего их населения.

Из наблюдений над эволюцией материальной культуры Дагестана на разных этапах средней и поздней бронзы вытекает, что почти все элементы культуры, представленные в каякентско-хорочоевских памятниках, находят себе параллели в культуре предшествующих этапов. Поэтому мы вправе расценивать их не как некое изолированное, специфическое явление, а как совершенно необходимое связующее звено в преемственном, эволюционном развитии местной материальной культуры. Данное обстоятельство, на наш взгляд, весьма весомо подтверждает правоту тех исследователей, которые считают каякентско-хорочоевский период одним из этапов развития местной культуры эпохи бронзы⁴⁷², а не тех, кто выделяет этот период в самостоятельную культуру⁴⁷³. Известно, правда, что в ареал этих памятников входит не только территория Дагестана, но и горная Чечено-Ингушетия. Но ведь культура чечено-ингушских памятников предшествующих этапов (Луговое поселение, могильник Гатын-Кале) и последующих этапов (Серженьюртовское поселение, Серженьюртовский и Зандакский могильники, а также могильники Яман-Су и Балап-Су) обнаруживает столь же

значительное сходство с культурой одновременных памятников Дагестана. Очевидно, ее развитие на значительной части территории Северо-Восточного Кавказа определялось одними и теми же закономерностями, обусловленными достаточно тесными культурными и, вероятно, этническими связями оставившего их населения, в которых мы вправе видеть носителей восточнокавказской (дагестано-нахской) языковой общности.

То обстоятельство, что мы рассматриваем культуру, представленную в каякентско-хорочоевских памятниках не как самостоятельную культуру бронзового века, а как один из этапов развития местной культуры Дагестана (и горных районов Чечено-Ингушетии) в бронзовом веке, несколько не умаляет ее исторической значимости. Напротив, после того как по-новому определено ее место среди памятников среднебронзовой эпохи Дагестана и сопредельных областей Кавказа, появляется возможность обрисовать ее роль в передаче важных культурных импульсов, шедших с юга — из Закавказья и стран Передней Азии, — на север — к северокавказским племенам и степным племенам Предкавказья и Юго-Восточной Европы. Примером этого может служить появление браслетов с несомкнутыми концами, изготовленных из круглого в сечении прута, в памятниках раннего периода срубной культуры⁴⁷⁴. В памятниках северокавказской культуры подобные браслеты отсутствуют, тогда как они являются одними из характерных элементов культуры каякентско-хорочоевского этапа. Учитывая не только типологическое сходство, но и теперь уже и хронологическую одновременность этих групп памятников, мы вправе предположить, что упомянутые браслеты проникли к срубным племенам в результате контактов с каякентско-хорочоевскими племенами. В силу тех же причин могли появиться в металлическом инвентаре срубных племен пластинчатые височные подвески, сурьмяные подвески, возможно бляхи. Как результат подобных связей мы можем рассматривать и появившиеся в это же время у срубных племен новые приемы металлообработки — расковывание, чекап, пунсонный орнамент. Все эти приемы металлообработки, как мы помним, широко практиковались мастерами металлообработки Дагестана на протяжении всей эпохи средней бронзы. А они, в свою очередь, восприняли эти приемы с юга, из Закавказья, где они появились под влиянием переднеазиатской, особенно месопотамской металлургии, несколько раньше и достигли на протяжении среднебронзовой эпохи весьма высокого уровня.

Проведенные при рассмотрении различных категорий металлического инвентаря каякентско-хорочоевских памятников параллели к материалам среднебронзовых памятников Закавказья, Северного Кавказа и близких по времени памятников степных племен еще раз подтверждают правомерность предложенной схемы.

⁴⁷¹ В самое последнее время как результат исследования вновь открытых материалов М. Г. Гаджиев предложил в рукописной плановой работе 1980 г. «Горный Дагестан в эпоху энеолита и ранней бронзы» несколько иную схему периодизации и относительной хронологии дагестанских памятников эпохи энеолита и ранней бронзы, где последняя подразделяется на 2 периода и несколько этапов (примеч. редактора).

⁴⁷² *Каливец В. И.*, 1959, с. 50—51; *Котович В. М.*, 1961, с. 249—252.

⁴⁷³ *Маркович В. И.*, 1969, с. 88.

⁴⁷⁴ *Кривцова-Гракова О. А.*, 1955, с. 68, рис. 15, 10—16.

Проблемы истории развития хозяйства у населения древнего Дагестана

Накопленные к настоящему времени археологические данные свидетельствуют, что у древних племен, населявших территорию Дагестана уже в начале эпохи бронзы было достаточно развитое, многоотраслевое производящее хозяйство, которое затем развивалось и усложнялось на протяжении последующих периодов эпохи бронзы и раннего железа. Основу их экономики в продолжение названных эпох здесь повсеместно составляли, по мнению дагестанских археологов, земледелие и скотоводство. Наряду с ними развивались также местная металлургия и металлообработка, керамическое производство, ткачество, каменное и турлучное строительство, обработка дерева, камня, кости и др. Большинство из них носило характер домашних производств, а некоторые, например металлургия и металлообработка сначала меди и бронзы, а позднее — и железа, достигли уровня ремесленной специализации.

Все эти отрасли хозяйственной деятельности древних дагестанских племен достаточно подробно освещены в специальной литературе, а высказанные в связи с этим оценки получили широкое признание в дагестановедении. Однако далеко не все взгляды и оценки дагестанских археологов встречают поддержку со стороны специалистов по смежной проблематике. Принципиальные разногласия проявляются в подходе к освещению двух проблем, особенно важных для понимания и раскрытия закономерностей исторического развития коренного населения края: древности производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства в Дагестане и возникновения здесь железной металлургии. Этим проблемам и посвящены последующие главы.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДЯЩЕГО ХОЗЯЙСТВА

Историографический обзор

До середины 50-х годов в дагестановедении сосуществовали две почти диаметрально противоположные оценки основных занятий древнего населения края. Одна из них была впервые сформулирована выдающимся отечественным биологом акад. Н. И. Вавиловым, который относил Закавказье и Дагестан к числу важнейших и древнейших очагов окультуривания злаков¹, а горный Дагестан считал еще и одним из мировых центров террасного земледелия².

Однако эта оценка была лишь частично подтверждена археологическими материалами, полученными в результате первых целенаправленных многолетних исследований, проведенных в Дагестане в 1936—1939 и 1947—1951 гг. Существование древнего земледелия было документировано ими лишь для приморских районов края, тогда как в горном Дагестане подобного рода археологические материалы вообще не были в те годы обнаружены. Основываясь на этих фактах, А. П. Круглов еще в предвоенные годы пришел к заключению, что оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство существовало на Прикаспийской равнине Дагестана уже в эпоху ранней бронзы (первоначально считавшаяся энеолитической эпохой), тогда как хозяйственное освоение горных районов Дагестана племенами — носителями каякентско-хорочевской культуры было обусловлено, по его мнению, почти исключительно потребностями развивавшегося скотоводства³. Позднее предложенная им дата освоения горного Дагестана скотоводческими племенами была по аналогии с Северным Кавказом удревлена до III тысячелетия до н. э.⁴ В окончательной формулировке тезис о специализации путей хозяйственного развития древнего населения равнины на земледелии и скотоводстве, а горных районов — на скотоводстве, преимущественно полукочевом или отгонном, получил чрезвычайно широкое признание⁵.

Между тем начавшееся в середине 50-х годов интенсивное изучение разновременных археологических памятников горного Дагестана принесло много новых материалов, позволивших совершенно по-новому подойти к освещению ряда важных вопросов древней истории коренного населения края и среди них к вопросу о времени и путях хозяйственного освоения горных районов. Стало очевидным, что человеческая деятельность началась здесь не в

¹ Вавилов Н. И., 1957, с. 87, 88.

² Вавилов Н. И., 1936, с. 80.

³ Круглов А. П., 1946, с. 131—134; Он же, 1958, с. 23—25, 35—38, 77—79, 93—96.

⁴ Мунчаев Р. М., 1953, с. 14, 15.

⁵ См., например: Енил Т. К., 1946, с. 111—117; Очерки истории СССР, 1956, с. 200; Очерки истории Дагестана, 1957, с. 12—14, 17; Мунчаев Р. М., 1961, с. 162, 163; Магомедов Р. М., 1961, с. 13.

эпоху поздней бронзы, а значительно раньше — еще в каменном веке, тогда как в эпоху бронзы здесь уже существовало сложившееся в своих основных чертах первобытное земледельческо-скотоводческое хозяйство⁶. Весомые доказательства этому появились уже в 1958 г. с началом раскопок Верхнегунибского поселения — первого научно-исследованного бытового памятника древних земледельцев горного Дагестана. В ходе этих раскопок были получены не только многочисленные и разнообразные орудия труда и остеологические материалы, документировавшие земледельческо-скотоводческую направленность хозяйственной деятельности древних обитателей данного памятника, но также выявлены характерные атрибуты их устоявшегося оседло-земледельческого быта: монументальное каменное домостроительство, наличие мощных свит разновременных культурных напластований, оборотных стен, специальных печей для выпечки хлеба и сушки зерна и др.⁷

Накопленные таким образом данные были обобщены в нашем докладе «О древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане», прочитанном в апреле 1959 г. на заседании кавказской археолого-этнографической секции Пленума ИИМК АН СССР. Доклад этот был признан дискуссионным⁸, а впервые сформулированные в нем выводы о возникновении земледельческо-скотоводческого хозяйства в горном Дагестане в финальном неолите и о его интенсивном развитии здесь в последующие периоды вплоть до раннего средневековья, а также об оседлом (а не полукочевом) характере местного скотоводства встретили возражения видных кавказоведов, особенно Е. И. Крупнова. С опубликованием расширенного текста этого доклада⁹ были введены в научный оборот принципиально новые оценки путей развития основных отраслей хозяйства древнего населения горного Дагестана, которые были поддержаны многими специалистами, в частности дагестанскими археологами и этнографами.

Продолжавшиеся тем временем археологические исследования приносили новые данные, подтверждавшие правомерность этих оценок. Так, в разных пунктах горного Дагестана был выявлен ряд оседло-земледельческих поселений, относившихся к разным периодам эпохи бронзы¹⁰. Особенно важное значение приобрело открытие первого в горном Дагестане энеолитического Гинчинского поселения, документировавшего существование здесь уже в IV тысячелетии до н. э. развитого оседлого быта, основанного на вполне сложившемся земледельческо-скотоводческом хозяйстве¹¹. Оно явилось именно тем недостававшим прежде звеном, которое позволило связать в рамках единого процесса соответствующие

материалы из памятников финального неолита, энеолита и эпохи бронзы и охарактеризовать, таким образом, последовательные этапы развития местной производящей экономики.

Дальнейшее изучение все более возрастающего количества археологических источников по данной проблеме не только подтвердило правомерность новых оценок истории производящего хозяйства в горном Дагестане, но и позволило в ряде случаев еще более конкретизировать, уточнить или расширить их некоторые аспекты. В частности, на основе сравнительного анализа материалов, характеризующих особенности процесса развития каменных орудий труда, стало возможным заключить, что переход к производящей экономике начался в Дагестане еще в раннем неолите и завершился сложением земледельческо-скотоводческого хозяйства в конце неолитической эпохи.¹²

Но, пожалуй, особенно ощутимый вклад в разработку данной проблемы внесли в ту пору материалы Верхнегунибского поселения, позволившие впервые на конкретном примере многослойного бытового памятника представить со всей полнотой и надлежащим образом оценить состояние местного земледельческо-скотоводческого хозяйства, существовавшего в дагестанских высокогорьях (на высоте свыше 2000 м над уровнем моря) уже в конце III тысячелетия до н. э., и проследить его последующее развитие на протяжении первой половины II тысячелетия до н. э.¹³ Особо важное значение имели находки богато орнаментированных глиняных рельефов, справедливо истолкованных как доказательства существования у древних обитателей развитого культа пашни и быка-пахаря, иными словами, — существование самого пашенного земледелия¹⁴. Столь же важными представляются и другие, выявленные на этом памятнике факты, документирующие строительство небольших искусственных террасных полей в эпоху бронзы¹⁵, а также характеризующие основную тенденцию развития местного скотоводства в сторону увеличения поголовья крупного рогатого скота¹⁶.

Заслуживает внимания и плодотворная деятельность известного зоолога К. Н. Золотова, выполнившего значительный объем работ по разработке и видовому определению огромного остеологического материала из археологических раскопок и обобщившего результаты этих исследований в ряде специальных статей, сыгравших важную роль в освещении истории скотоводства в древнем Дагестане¹⁷.

⁶ Котович В. Г., 1964, с. 211—223.

⁷ Котович В. М., 1965, с. 101—103, 106—111, 211—222.

⁸ Там же, с. 160—169.

⁹ Там же, с. 215, 216.

¹⁰ Там же, с. 217—222.

¹¹ Золотов К. Н., 1961, с. 287—292; Он же, 1964, с. 81, 82; Золотов К. Н., Балдина К. А., Фролова А. С., 1964, с. 87—91; Золотов К. Н., 1965, с. 102—104, с. 109—112, с. 117, 118; Он же, 1965, с. 101—102; Он же, 1966, с. 37, 38, с. 76, 77; Он же, 1966, с. 39; Он же, 1968, с. 154—181; Он же, 1968б, с. 222—252.

На основе всех этих данных стало возможным еще более полно и аргументированно обрисовать картину сложения и развития древнего земледельческо-скотоводческого хозяйства в Дагестане, показать не только начальные этапы его становления, но также последующие качественные изменения: относительно ранний переход к пашенному земледелию и строительству искусственных земледельческих участков в виде террас, широкое применение разных сортов злаков (мягких и твердых пшениц, пленчатых и голозерных ячменей), разведение основных видов крупного и мелкого рогатого скота и свиней¹⁸.

В целом накопленные к середине 60-х годов археологические материалы надежно документировали прочную оседлость древнего местного населения не только на равнинных и в предгорных, но также и в горных районах Дагестана, исследованиями этих материалов было доказано, что экономическую основу этой оседлости уже в IV—II тысячелетиях до н. э. здесь повсеместно составляло земледельческо-скотоводческое хозяйство¹⁹. Тем самым блестяще подтвердилась правота Н. И. Вавилова, прозорливо указывавшего в свое время на глубокую древность дагестанского земледелия²⁰. Все эти обстоятельства во многом обусловили начавшееся с середины 60-х годов широкое признание в дагестановедении новых оценок путей становления и развития производящего хозяйства в древнем Дагестане, что нашло отражение как в общих трудах по истории края²¹, так и в специальных статьях и монографиях по археологии²² и этнографии²³. Со временем к этим оценкам присоединились и многие видные советские кавказоведы²⁴.

Между тем исследования раннеземледельческих памятников на территории Дагестана продолжались. М. Г. Гаджиевым были выявлены и изучены новые поселения эпохи ранней бронзы в предгорных (Чиркейское поселение Тад-Шоб²⁵) и горных (поселение Галгалатли и могильник Шебоха вблизи с. Гогатль²⁶) районах, проведены новые раскопки ряда ранее выявленных поселений на приморской равнине (Великентское и Мамайкутанское поселе-

ние, поселения Геме-тубе I и II вблизи с. Каякент²⁷). Напластования энеолитической и раннебронзовой эпох были обнаружены и при раскопках многослойных бытовых памятников в горной (городище у с. Верхне Лобкомахи²⁸) и предгорной (городище Таргу на среднем течении р. Гамри-озень²⁹), частях территории Дагестана.

Во второй половине 60-х и 70-х годов продолжалась дальнейшая разработка разных аспектов проблемы становления и развития производящего хозяйства в Дагестане. В частности, автором данной работы была предпринята попытка обрисовать процесс зарождения элементов производящей экономики в недрах присваивающего хозяйства охотничье-собираетельских племен, населявших Дагестан в конце верхнего палеолита — раннем мезолите, а также увязать начальные этапы сложившегося здесь позднее земледельческо-скотоводческого хозяйства с определенными системами земледелия³⁰. Правомерность предположения о чрезвычайно глубокой древности зарождения элементов производящей экономики в горных районах Дагестана вскоре получила весомое подтверждение: среди кремневых изделий из мезолитических слоев Чохской стоянки были трасологически определены каменная рукоять от жатвенного ножа и микролитические пластинки со следами использования их в качестве лезвий жатвенных ножей³¹. Этот важный факт был по достоинству оценен многими специалистами³².

Много внимания уделялось в эти годы и изучению раннеземледельческих культур Дагестана, особенно разработке вопросов истории хозяйства, периодизации и хронологии соответствующих памятников³³, а также освещению идеологических представлений древних земледельцев³⁴. Проводились и другие исследования. Заслуживает внимания следующий факт: на проведенной в 1974 г. Институтом археологии АН СССР Всесоюзной конференции по проблеме «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» дагестанскими специалистами было представлено 5 докладов, в которых приводилось немало новых данных (археологических, этнографических, лингвистических), свидетельствующих о глубокой древно-

¹⁸ Котович В. Г., 1965а, с. 5—13.

¹⁹ Котович В. М., 1965, с. 217, 221; Котович В. Г., 1965а, с. 13; Гаджиев М. Г., 1966, с. 56.

²⁰ Вавилов Н. И., 1957, с. 121.

²¹ См., например: *История Дагестана*, 1967, с. 32—34, 45—48, 71, 72; Магомедов Р. М., Дзагурова В. П., 1969, с. 5—7; Алиев Б. Г., 1972, с. 46.

²² См., например: Атаев Д. М., 1963, с. 218; Пикуль М. И., 1967, с. 99—102; Давудов О. М., 1974, с. 111—118.

²³ См., например: Агларов М., 1964, с. 183; *Он же*, 1974, с. 221; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г., 1967, с. 18—19; *Материальная культура аварцев*, 1967, с. 20, 21, 278, 292; Асиятилов С. Х., 1967, с. 16—18; Булатова А. Лакцы, 1971, с. 44; Агаширинова С. С., 1978, с. 23—24.

²⁴ См., например: Джaparидзе О. М., 1969, с. 215—222; *Он же*, 1976, с. 41, 42, 161—163; Марковин В. И., 1969, с. 91—93; Мунчаев Р. М., 1971, с. 31—32, 40; *Он же*, 1975, с. 60, 113—114, 175—180, 378; Чубиншвили Т., 1971, с. 149—153; Кушнарёва К. Х., 1977, с. 93—97.

²⁵ Гаджиев М. Г., 1971, с. 46—48.

²⁶ Гаджиев М. Г., 1969, с. 102, 103; Мунчаев Р. М., 1975, с. 176—180.

²⁷ Гаджиев М. Г., Маммаев М. М., 1978, с. 112, 113.

²⁸ Давудов О. М., 1973, с. 122, 123.

²⁹ Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М., Мирзоев Р. Н., Расулова М. М., 1976, с. 129, 130. Энеолитические материалы обнаружены при раскопках этого памятника в 1978 г.

³⁰ Котович В. Г., 1967, с. 52—205.

³¹ Гаджиев М. Г., Котович В. Г., Котович В. М., 1972, с. 218.

³² Массон В. М., 1971, с. 317, рис. 34 (в число отмеченных на карте мезолитических памятников с элементами производящей экономики включена и дагестанская стоянка у с. Чох); Кушнарёва К. Х., Джaparидзе О. М., 1978, с. 270.

³³ Гаджиев М. Г., 1975, с. 18—22; *Он же*, 1978, с. 26—28; *Он же*, 1978, с. 1—3; *Он же*, 1978, с. 7—38; *Он же* (в печати).

³⁴ Котович В. М., 1974, с. 38, 44—45; *Она же*, 1975, с. 22—24; *Она же*, 1976, с. 65—90, 96, 97; *Она же*, 1976, с. 63—65; *Она же*, 1978, с. 67—69; *Она же* (в печати).

сти земледельческо-скотоводческого хозяйства в Дагестане и характеризующих различные аспекты генезиса этих важнейших отраслей хозяйства в разные эпохи, их отражение на ходе социально-экономического развития местных племен, их быте, культуре, верованиях³⁵.

Казалось бы, после всех этих исследований вопрос о древности производящего хозяйства в Дагестане, и особенно земледелия в его горных районах, уже не должен вызывать сомнений. Однако прежняя концепция о различии путей хозяйственного развития древнего населения равнинных и горных районов Дагестана до сих пор встречается поддержку со стороны отдельных исследователей. Так, А. А. Формозов заново интерпретировал Верхнегунибское поселение как памятник скотоводов, разводивших преимущественно овец и коз³⁶. Подобная оценка находится в явном противоречии со всеми археологическими материалами, добытыми в результате многолетних раскопок этого памятника³⁷, зато она соответствует постулируемому А. А. Формозовым тезису о том, что кавказские земледельцы жили в плодородных долинах, а горные поселения — это каменные крепости скотоводов³⁸. По той же причине он отказывается признать и неолитический возраст земледелия в горном Дагестане³⁹. А в последней своей работе А. А. Формозов ставит под сомнение возможность самостоятельного становления производящего хозяйства («неолитической революции») и в масштабах всего Кавказа, где, по его мнению, оно сложилось только в энеолите и под определяющим воздействием раннеземледельческих культур Переднего Востока⁴⁰.

Наличие подобных расхождений определяет необходимость рассмотрения всей суммы накопленных к настоящему времени археологических данных по проблеме истории производящего хозяйства в Дагестане. При этом следует особо подчеркнуть, что имеющиеся материалы количественно пока еще немногочисленны. Их, разумеется, совершенно недостаточно для проведения широких палеоэкономических реконструкций. Но одно это не может послужить основанием для недооценки их значения при выяснении конкретных способов производства продуктов питания, практиковавшихся в древнем Дагестане в ту или иную историческую эпоху. Напротив, только с помощью этих материалов и могут быть разрешены нынешние расхождения между исследователями в определении типа исторически сложившегося к эпохе средней бронзы в горном Дагестане производящего хозяйства как земледельческо-скотоводческого или только скотоводческого, основанного на разведении мелкого рогатого скота.

³⁵ Гаджиев М. Г., 1974, с. 55—58; Котович В. Г., 1974, с. 58—62; Агларов М. П., 1974б, с. 62—64; Котович В. М., 1974б, с. 65—68; Османов М. О., 1964, с. 68—72.

³⁶ Формозов А. А., 1974, с. 30, 31.

³⁷ Котович В. М., 1965, с. 101—111, 211—222.

³⁸ Формозов А. А., 1974, с. 29—31.

³⁹ Формозов А. А., Рец.: 1978, с. 272.

⁴⁰ Формозов А. А., 1977, с. 46—53.

Правда, анализ этих материалов, относящихся к значительно более ранним эпохам — от мезолита до ранней бронзы, — далеко выходит за те хронологические рамки, в которые заключены рассмотренные нами выше памятники эпох средней и поздней бронзы и раннего железа. И тем не менее вставшая перед нами задача — осветить конкретные формы производящего хозяйства, практиковавшиеся в Дагестане в различные периоды древности и определившие в конечном счете характерные особенности хозяйственного комплекса, существовавшего здесь в интересующие нас периоды бронзы и раннего железа, требует последовательного рассмотрения всех имеющихся материалов в столь широком хронологическом диапазоне. Но предпринимаемый нами опыт выделения и характеристики последовательных этапов становления производящего хозяйства в Дагестане имеет и самостоятельное значение, определяемое в первую очередь недостаточной разработанностью данной проблемы в масштабах всего Кавказа.

О времени зарождения производящего хозяйства

Одним из первых вопрос о глубокой древности кавказского земледелия поставил акад. Н. И. Вавилов. Основываясь на геоботанических данных, он еще в середине 20-х годов отнес Кавказ к числу тех горных районов, которые являлись очагами первоначальной земледельческой культуры⁴¹. «Обширная территория Кавказа..., включая горные и предгорные районы как Главного хребта, так и Малого Кавказа... представляет исключительное явление в смысле видовых и сортовых ресурсов... По разнообразию видов культурных и диких пшениц Кавказ занимает первое место на земном шаре, конкурируя в этом отношении даже с Анатolieй»⁴². Он утверждал, что наиболее древние области возделывания хлебных злаков, зерновых бобовых и льна сосредоточены на Кавказе, в Юго-Западной Азии и сопредельных территориях и в этой связи особо подчеркивал: «Закавказье, Дагестан непосредственно входят в очаги происхождения данных культур»⁴³.

Высоко оценивая значение кавказского очага («со множеством оригинальных видов пшеницы, ржи и плодовых. По пшенице и ржи... это наиболее важный мировой очаг их видового происхождения...») Н. И. Вавилов включал его наряду с переднеазиатским и другими очагами в выделенный им юго-западноазиатский центр происхождения культурных растений⁴⁴. Но, как известно, оценки Н. И. Вавилова о первичном характере разных очагов этого центра подтвердились лишь в отношении некоторых из них, в частности переднеазиатского, справедливо считаемого ныне древнейшим в мире очагом земледелия⁴⁵.

⁴¹ Вавилов Н. И., 1967, с. 169—172.

⁴² Вавилов Н. И., 1957, с. 116.

⁴³ Там же, с. 87, 88.

⁴⁴ Вавилов Н. И., 1962, с. 24.

⁴⁵ Массон В. М., 1964, с. 82—120; Он же, 1967, с. 7—11; Семенов С. А., 1974, с. 30—46; Лисицына Г. Н., 1978.

О кавказском же очаге до сих пор нет единого мнения; одни исследователи считают его относительно поздним⁴⁶, по мнению других, зарождение предпосылок перехода к производящей экономике началось здесь еще в мезолите⁴⁷.

К сторонникам первой точки зрения недавно присоединился и А. А. Формозов. Основываясь на обзоре материалов из разновременных кавказских памятников, он пришел к заключению, «что по крайней мере в западной половине Кавказа прослеживается прямой эволюционный ряд в развитии кремневого инвентаря от мустье до неолита. Только в энеолитическую эпоху наблюдается (и то не повсюду) резкий разрыв, объясняющийся проникновением в Закавказье населения из более южных районов, обладавшего уже сложившимся земледельческо-скотоводческим хозяйством»⁴⁸. Это важное и ответственное заключение нельзя признать бесспорным. Вполне справедливая в своей основе констатация существования «прямого эволюционного ряда в развитии кремневого инвентаря», свидетельствующая о чрезвычайно глубоких истоках непрерывного преемственного культурно-исторического, а по мнению некоторых исследователей, еще и этнокультурного⁴⁹ развития обитавших здесь первобытных общин, не может однако, послужить основанием для недооценки различий между образующими этот «эволюционный ряд» отдельными звеньями. Общеизвестно, что каждое из этих звеньев — культуры мустье, верхнего палеолита, мезолита и неолита — отличаются не только характерными наборами кремневых орудий, но также своеобразием приемов расщепления и вторичной обработки кремня. Вольное и невольное нивелирование, тем более отрицание принципиальных различий между последовательно сменявшими друг друга каменными индустриями названных эпох, может лишить нас того чрезвычайно важного, порою единственного критерия, с помощью которого до сих пор удавалось разграничивать эти эпохи, оценивать уровень развития производительных сил в рамках каждой из них и характеризовать на этой основе динамику исторического развития первобытного общества в целом.

Не требует особых доказательств важность сравнительного изучения подобных различий между разновременными комплексами каменных орудий труда для нашей темы, главная задача которой сводится к выявлению новых прогрессивных элементов в недрах охотничье-собирающего хозяйства. Очевидно и другое: для освещения всей картины в общекавказском масштабе необходимы

⁴⁶ Массон В. М., 1964, с. 238—241; Семенов С. А., 1974, с. 48—50; Лисицына Г. Н., 1978, с. 19.

⁴⁷ Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970, с. 102, 103; Нариманов И. Г., 1971, с. 14 (автор сообщает также о найденном Дж. Н. Рустамовым в одном из подкальных убежищ Кобыстана еще одном «жатвенном приспособлении» мезолитического периода); Гаджиев М. Г., Котович В. Г., Котович В. М., 1972, с. 218; Кушнарёва К. Х., Джапаридзе О. М., 1978, с. 270.

⁴⁸ Формозов А. А., 1977, с. 53.

⁴⁹ Джапаридзе О. М., 1976, с. 316—320.

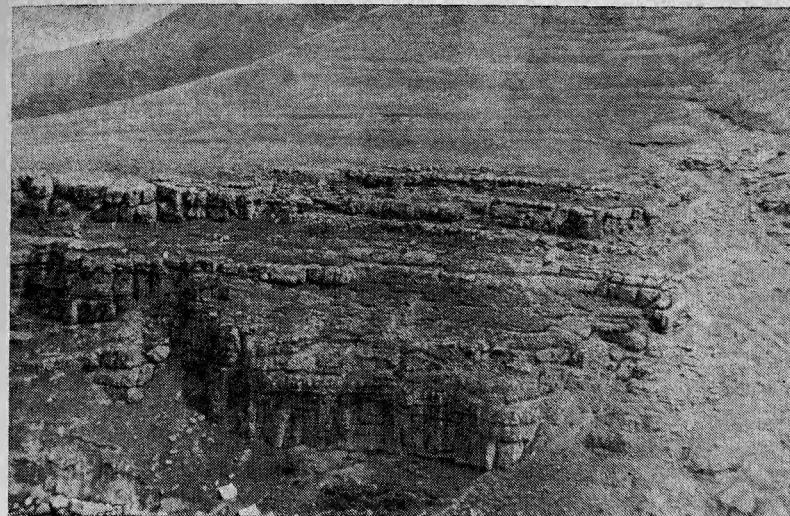

Рис. 12. Чохская стоянка

и региональные разработки, отражающие специфику становления и развития производящего хозяйства в разных частях Кавказа, порою заметно различающихся по своим естественногеографическим условиям. Последнее особенно существенно для районов Северного Кавказа, недооценка значения которых в становлении производящего хозяйства все более отчетливо выступает в последнее время.

Обратимся в этой связи к археологическим материалам из дагестанских памятников и попытаемся с их помощью представить уровень технической вооруженности тех первобытных коллективов, которые сделали первые шаги по пути становления производящего хозяйства, ибо не природные условия, какими бы благоприятными они не были, а социальные факторы определяли в конечном счете предпосылки перехода к новой экономике⁵⁰.

Важное значение в этом аспекте приобретают материалы многослойной Чохской стоянки, расположенной в самом центре горного Дагестана (рис. 12). Кремневый инвентарь ее нижних слоев, относящихся к концу верхнего палеолита — раннему мезолиту, обнаруживает много общих черт с инвентарем стоянок Имеретии, а через них — и с комплексами зарзийской культуры Северного Ирака. Во всяком случае почти все ведущие типы орудий, определяющие близость закавказской и зарзийской культур: косо-площадочные нуклеусы с двумя противолежащими площадками, передко использовавшиеся в качестве скребков высокой формы, скребки на пластинах (концевые, двойные, округлые), боковые и

⁵⁰ Массон В. М., 1971, с. 133.

угловые резцы на пластинах, ножевидные пластины с выемками, разнообразные орудия с притупленным краем: массивные острия, особенно типа граветт — с обработанными крутой ретушью спинками, тонкие мелкие острия подтреугольных и сегментовидных очертаний, острия с закругленным основанием, пластинки с притупленной спинкой и, наконец, геометрические вкладыши в форме асимметричных треугольников и сегментов⁵¹, — довольно полно представлены наряду с многофасеточными резцами и некоторыми другими архаическими типами орудий в кремневом инвентаре из V—III слоев Чохской стоянки⁵². Очевидно, именно этот набор ведущих типов орудий труда, а не специфические формы отдельных микролитов следует принимать во внимание при характеристике кремневой индустрии данного памятника, прекрасно вписывающейся в рамки единой кавказской этнокультурной области⁵³.

Некоторые исследователи усматривают в широком сходстве позднелепестчатых и мезолитических культур Ближнего Востока и Кавказа отражение каких-то общих исторических процессов, а появление в пределах этого обширного региона небольших групп тождественных по культуре памятников объясняют постоянными контактами оставившего их населения, образовывавшего исторически сложившиеся общности, возможно племенные единства⁵⁴. К этой в целом верной оценке хотелось бы добавить, что сходство кремневого, т. е. производственного инвентаря могло быть порождено также и одинаковыми или близкими условиями хозяйственной деятельности обитавших здесь в ту пору первобытных коллективов.

Как известно, в естественногеографическом отношении Кавказ является частью Передней Азии⁵⁵. Близость экологических условий этой обширной географической провинции проявляется прежде всего в особенностях природной обстановки многочисленных здесь горных областей, которые, несмотря на региональные климатические различия, объединяют сходные особенности рельефа, фауны и флоры. Фаунистический комплекс характеризуется обилием нестатных, преимущественно парнокопытных жвачных: оленей, различных видов баранов (в том числе и муфлюнообразных), козлов, а также диких свиней. Охота на таких животных, как отмечал С. Н. Замятин, хотя и не приносила одновременно больших количеств пищи, но доставляла ее регулярно, к тому же она была вполне посильна небольшим охотничьим группам и даже отдельным охотникам⁵⁶. Флора этих областей изобилует многочис-

лешными и разнообразными съедобными растениями: дикими фруктами, ягодами, корнеплодами, а также дикорастущими злаками. Столь благоприятные экологические условия решающим образом определяли специфику хозяйственной деятельности населявших горные районы первобытных общин, в которой охота и собирательство играли почти одинаковую роль в обеспечении пищей, экономически стимулируя продолжительную оседлость.

Одним из примеров подобной оседлости может служить уже упоминавшаяся Чохская стоянка⁵⁷. Материалы раскопок этого памятника во многом дополняются относящимися к тому же времени росписями расположенного неподалеку грота Чинна-Хитта, знаковыми с некоторыми сторонами довольно сложных мировоззренческих представлений мезолитических охотников⁵⁸. Обитатели Чохской стоянки специализировались в охоте на муфлюнообразных баранов и козлов, что подтверждается как остеологическими материалами⁵⁹, так и тематикой росписей грота Чинна-Хитта⁶⁰. О некоторых морфологических особенностях найденных здесь костных остатков этих животных Н. К. Верещагин, пишет: «По имеющемуся материалу (астрагалы, фаланги) нельзя утверждать категорически, что мы имеем дело с дикой, а не одомашненной формой»⁶¹. Разумеется, это предварительное крайне осторожное суждение не может послужить основой для важных и ответственных выводов, но его не следует упускать из виду, определяя перспективы будущих работ в этом направлении.

На занятия собирательством указывают происходящие из верхних, позднемезолитических слоев Чохской стоянки микропластинки, служившие лезвиями жатвенных ножей (рис. 13, 1—4), и обломок сланцевой основы прямого жатвенного ножа со следами характерной изношенности (рис. 13, 8)⁶². Типологически и отчасти по орнаментации она напоминает каменную рукоять жатвенного ножа из неолитических слоев Сялка I (рис. 13, 9)⁶³.

Это не первая находка подобных орудий на Северном Кавказе: еще один костяной нож обнаружен в позднемезолитическом слое M—I грота Сосруко в Кабардино-Балкарии. В его прямом рабочем крае сохранились две закрепленные в пазу микропластинки (рис. 13, 7)⁶⁴. С. Н. Бибииков интерпретировал эту находку как жатвенный нож и подчеркнул, что она представляет собой «первое наиболее раннее достоверное жатвенное приспособление, найденное в СССР»⁶⁵. С подобной оценкой согласились и другие исследо-

⁵¹ Котович В. Г., 1964, с. 100—162.

⁵² Котович В. М., 1976а, с. 12—45.

⁵³ Верещагин Н. К., 1959, с. 195, табл. 42.

⁵⁴ Котович В. М., 1976а, с. 37 и сл.

⁵⁵ Котович В. Г., 1957, с. 153.

⁵⁶ Пользуясь случаем выразить глубокую признательность Г. Ф. Коробковой за трасологическое определение этих орудий.

⁵⁷ Ghirshman R., 1938, p. 22.

⁵⁸ Замятин С. Н., Акритас П. Г., 1957, с. 440—442, рис. 7.

⁵⁹ Бибииков С. Н., 1962, с. 23, 24, примеч. 96.

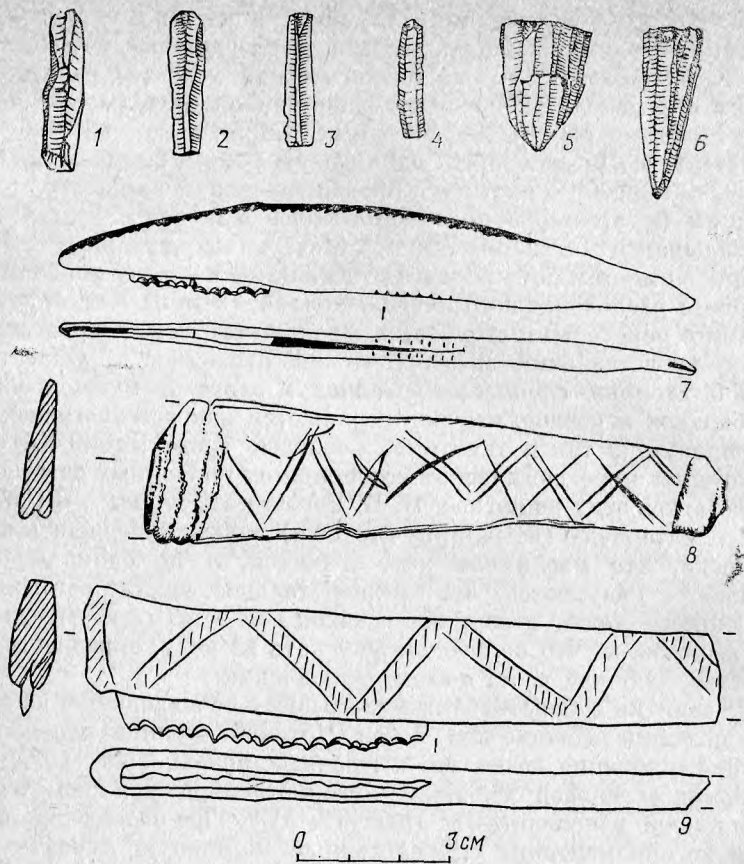

Рис. 13. Микропластинки со следами использования в качестве лезвий жатвенных ножей (1—4) и нуклеусы для скалывания таких пластинок (5—6) из верхних слоев Чоха, жатвенные ножи из Сосруко (7), Чоха (8) и Спалка-1 (9); (7 — по С. Н. Замятину и П. Г. Акритасу, 9 — по Р. Гиршману)

ватели⁶⁶. Типологически нож из Сосруко близко напоминает костяные основы жатвенных ножей из стоянки Зави-Чеми-Шанидар в Северном Ираке⁶⁷.

Значение этих находок исследователями истолковывается по-разному. Как полагает А. А. Формозов, нож из Сосруко мог служить для сбора диких злаков, но такое собирательство, по его мнению, подготавливало переход к возделыванию культурных злаков⁶⁸. Ю. А. Краснов считает подобные взгляды заблуждением.

⁶⁶ Формозов А. А., 1965, с. 61; История СССР, 1966, с. 37; Нариманов И. Г., 1971, с. 14; Гаджиев М. Г., Котович В. Г., Котович В. М., 1972, с. 218; Кушнарёва К. Х., Джапаридзе О. М., 1978, с. 270.

⁶⁷ Soleski R. S., Soleski R. L., 1960, p. 60; Массон В. И., 1971, с. 112, рис. 27.

⁶⁸ Формозов А. А., 1965, с. 61; История СССР, 1966, с. 37.

В обоснование своей позиции он отмечает, что «дикие злаки убирать серпом или жатвенным ножом нельзя из-за большой ломкости их колосковых стержней и крайне легкой самоосыпаемости зерен еще до полного созревания. Это является биологически важным и необходимым для диких растений признаком, приспособлением для самосева. Утрата этого признака должна рассматриваться как скачкообразное новообразование, появившееся, вероятно, под влиянием культивации. Очевидно, таким образом, наличие жатвенных ножей должно свидетельствовать об определенной, отнюдь не начальной фазе в истории культурных растений, а следовательно — и земледелия» (Курсив наш. — В. К.)⁶⁹. Аргументация Ю. А. Краснова представляется исчерпывающей, а данная им оценка значения жатвенных ножей — убедительной. Основываясь на ней, мы вправе расценить находки жатвенных ножей в позднемезолитических комплексах Чоха и Сосруко — древнейших на территории нашей страны — как весомое доказательство вхождения по крайней мере некоторых областей Северного Кавказа в очаги окультуривания, т. е. первоначального происхождения злаков.

Обратимся теперь к рассмотрению неолитических материалов. К сожалению, неолитические памятники Дагестана, как и ряда других областей Кавказа, изучены еще крайне недостаточно⁷⁰. В настоящее время мы располагаем в основном подьемным материалом, собранным на нескольких неолитических селищах, но лишенным каких-либо сведений о строительных и иных культурных остатках, которые могли бы иметь важное значение для нашей темы. Но и по имеющимся данным — каменным орудиям труда и условиям расположения самих памятников — можно определить их возраст, проследить главные тенденции развития производственного инвентаря и составить на этой основе представления об основных направлениях хозяйственной деятельности их обитателей.

Производственный инвентарь наиболее ранних среди них Буйнакского и Тарнаирского поселений сочетает многие архаические, восходящие еще к мезолиту типы изделий — микропластинки и миниатюрные призматические и карандашевидные нуклеусы, с которых они скалывались, резцы, пластины с притупленным краем, разнообразные скребки, трапециевидные микролиты, с новыми, типично неолитическими орудиями в виде крупных ножевидных пластин и их сечений, острий, наконечников стрел, обработанных отжимной ретушью, а также клиновидных топоров-тесел с подшлифованными лезвиями и пестов⁷¹. Многочисленность и разнообразие типов архаических орудий, применявшихся для оснащения охотничьего оружия, разделывания туш убитых животных и обработки шкур, неоспоримо свидетельствует о том, что

⁶⁹ Краснов Ю. А., 1969, с. 64.

⁷⁰ Котович В. Г., 1964, с. 184; Мунчаев Р. М., 1975, с. 55.

⁷¹ Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1957, с. 78—82; Марковин В. И., 1957, с. 117—124; Он же, 1959, с. 21—30; Котович В. Г., 1964, с. 184—188.

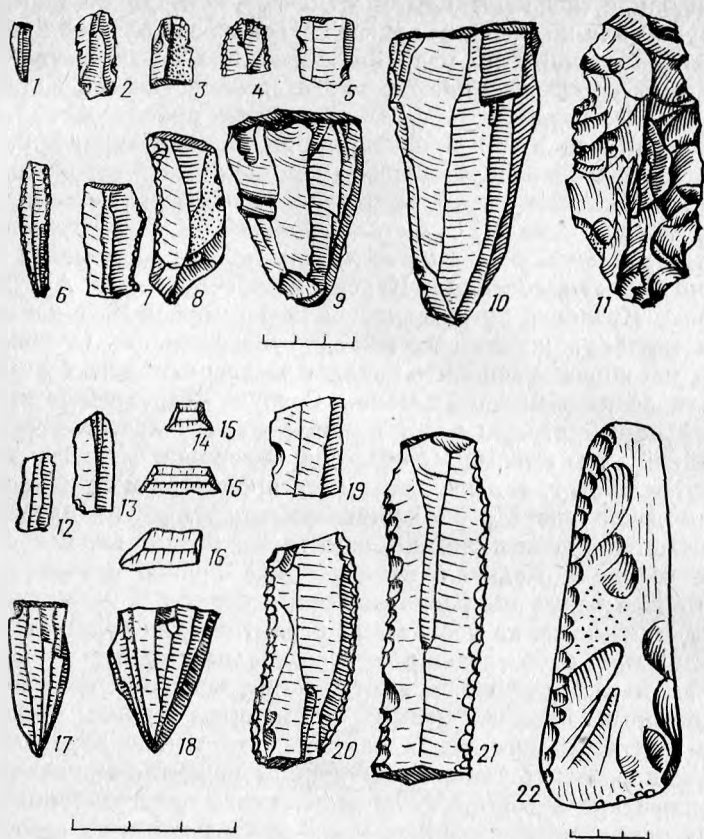

Рис. 14. Некоторые типы каменных орудий из неолитических стоянок Сага-Цука (1–11), Тарнаира (12, 14, 16, 18–21) и около г. Буйнакск (13, 15, 17, 22); (12–22 — по В. И. Марковину и Р. М. Мунчаеву)

как и в предшествующие эпохи, все эти виды хозяйственной деятельности имели важное значение в жизни обитателей обоих сел.

Качественно новыми категориями инвентаря являются топоры — тесла с подшлифованными лезвиями (рис. 14, 22). Появление шлифованных орудий традиционно считается одним из характерных признаков неолита вообще. Но, как все более проясняется исследователями первобытных культур, особенно важную роль эти поистине универсальные орудия играли в хозяйстве и быту ранних земледельцев, уже перешедших к прочной оседлости: с их помощью очищались от древесной растительности участки для жилья и посевов, сооружались жилые и хозяйственные постройки, изготавливалась различная бытовая утварь, а в случае необходимости они могли использоваться и как наконечники мотыг для ры-

ления почвы, рытья ям, добычи глины и других операций⁷². Поэтому не случайно некоторые исследователи усматривают «в изобретении шлифованных орудий, сделавших возможным подсечно-огневое земледелие» один из технологических аспектов «неолитической революции»⁷³.

Столь же важным, качественно новым явлением, очевидно, следует считать и переход к крупнопластинчатой технике, также фиксируемый в кремневом инвентаре обоих дагестанских памятников (рис. 14, 19–21)⁷⁴. Как установлено на многочисленных примерах, крупные ножевидные пластины и их сечения (нередко без дополнительной обработки) особенно часто употреблялись в неолите — раннем энеолите для оснащения лезвий жатвенных орудий⁷⁵. Для таких же целей по традиции, восходящей еще к мезолиту, могли применяться и микропластины (рис. 14, 12, 13), совершенно аналогичные тем, которыми оснащались лезвия жатвенных ножей из Чоха и Сосруко. Однако в инвентаре дагестанских памятников последующих периодов неолита количество микропластинок резко сокращается при заметном увеличении числа крупных ножевидных пластин (рис. 14, 1–10)⁷⁶, а к концу этой эпохи они оказываются почти полностью вытесненными последними. Очевидно, это было обусловлено невысокой эффективностью жатвенных ножей типа Чоха и Сосруко с наборными лезвиями из миниатюрных и хрупких вкладышей.

Во многом сходная картина развития каменной индустрии прослежена и на материалах ранне-неолитических памятников Западного Закавказья (Анасеули — I, Дарквети — IV, Махвилаури и др.), обитатели которых наряду с другими видами хозяйственной деятельности уже практиковали и земледелие⁷⁷.

Комплексы близких по составу, но уже стратифицированных находок орудий труда обнаружены и при раскопках неолитических памятников Кавказа и сопредельных территорий. В Прикубанье это — Нижне-Шиловское поселение и Каменноостская пещера⁷⁸, инвентарь которых, как отмечает А. А. Формозов, не только наследовал микролитическую технику мезолита, но и обогатился каменными топорами, новыми приемами двусторонней обработки и шлифовки каменных орудий, а также керамикой. Чрезвычайно важны найденные в Каменноостской пещере костные остатки домашних животных: быка, козы или овцы, свиньи и собаки. Все

⁷² См., например: Кларк Г., 1953, с. 102; Липс Ю., 1954, с. 109; Косвен М. О., 1957, с. 70, 74; Багга В. М., 1968, с. 276–277, 281; Коробкова Г. Ф., 1969, с. 26, 27; Массон В. М., 1971, с. 93.

⁷³ Кабо В. Р., 1974, с. 32–33.

⁷⁴ Котович В. Г., 1964, с. 212–214.

⁷⁵ См., например: Коробкова Г. Ф., 1969, с. 58, 59; Массон В. М., 1971, с. 90, 92; Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. В., 1972, с. 55; Арапова Р. Б., 1974, с. 18, 23, 26.

⁷⁶ Котович В. Г., 1964, с. 189–203, 212.

⁷⁷ Неберидзе Л. Д., 1972, с. 111–112; Она же, 1978, с. 96–100; Гогитидзе С., 1978, с. 132–135.

⁷⁸ Формозов А. А., 1962, с. 129–147; Он же, 1965, с. 56–63.

это, по справедливому заключению исследователя, принципиально отличает неолит Прикубанья от мезолита и свидетельствует об уже происшедшем здесь в неолите важном качественном скачке от присваивающего хозяйства к производящему⁷⁹.

Отмеченные особенности в той или иной степени присущи также орудиям труда из поселений двух ранних этапов шулавершомутепинской культуры Восточного Закавказья, относимых некоторыми исследователями к неолитической эпохе⁸⁰, а также из других хронологически и стадияльно близких раннеземледельческих памятников Передней и Средней Азии⁸¹. В. М. Массон считает их характерными признаками первого периода развития раннеземледельческих обществ, называемого им также «периодом архаической экономики», когда элементы старого были еще довольно сильны в хозяйстве и особенно в культуре, когда еще не были окончательно выработаны специализированные виды орудий труда, а старые их формы использовались в новой функции⁸².

Основываясь на этом, можно полагать, что сочетание архаических и прогрессивных черт в производственном инвентаре Буйнакского, Тарнаирского и других неолитических селищ Дагестана, вероятно всего, было обусловлено особенностями хозяйственной деятельности их обитателей, сочетавшей элементы присваивающей и производящей экономики.

Существенные, качественные изменения произошли в ту эпоху не только в производственном инвентаре, но затронули и другие сферы материальной культуры. В частности, они проявились и в особенностях местоположения дагестанских неолитических селищ, которые в отличие от стоянок предшествующих эпох стали располагаться в открытых неукрепленных местах, преимущественно по берегам рек⁸³. Можно полагать, что в этом нашло свое яркое выражение одно из важнейших последствий начавшегося перехода к производящей экономике, а именно резкое сокращение размеров территории, необходимой для обеспечения человеческих коллективов продуктами питания⁸⁴. Тем самым высвобождались значительные ресурсы оставленных охотниками и собирателями, но еще не освоенных земледельцами территорий, что способствовало ослаблению угрозы военных столкновений за обладание ими. В этих условиях решающее значение при выборе мест для поселений стало придаваться уже не фактору безопасности, а потребностям развивающегося земледелия.

⁷⁹ Формозов А. А., 1965, с. 56, 57, 63. Правда, в последней работе А. А. Формозов без объяснения причин отошел в этом вопросе от собственных выводов, см.: *Он же*, 1977, с. 48.

⁸⁰ Кигурадзе Т. В., 1976, с. 157—160.

⁸¹ Массон В. М., 1964, с. 42, 44, 69; *Он же*, 1971, с. 27—34, 63—70; Коробкова Г. Ф., 1969, с. 17—27, 57—59; Кигурадзе Т. В., 1976, с. 168—172; Коробкова Г. Ф., Массон В. М., 1978, с. 103, 104.

⁸² Массон В. М., 1976, с. 181.

⁸³ Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1957, с. 78; Котович В. Г., 1964, с. 189, 195, 203.

⁸⁴ Массон В. М., 1971, с. 141, 142.

Как известно, одной из его начальных форм считается лиманное земледелие, основанное на использовании таких земельных участков в горах и предгорьях, которые благодаря особенностям своего расположения ежегодно аккумулировали на своей поверхности иллыстые отложения речных паводков и весенних дождей, смывавших с близлежащих горных склонов плодородную почву. Лиманное земледелие не требовало ни обработки, ни поддержания плодородия почв⁸⁵. Однако пригодные для этой цели участки сравнительно немногочисленны. Поэтому уже в глубокой древности складывается и другая форма земледелия — паловая, перерастающая затем в подсечно-огневую. Эта форма земледелия более трудоемка, нежели лиманная, но она не столь зависима от специфики естественного географических условий, вследствие чего получила в древности наиболее широкое распространение⁸⁶. Некоторые исследователи считают подсечно-огневое земледелие «исходным способом возделывания растений, ибо другие способы практически не были осуществимы на такой базе хозяйства, как собирательство, охота и рыболовство»⁸⁷. Основываясь на этом и судя по ярко выраженному тяготению дагестанских неолитических селищ к речным долинам, можно полагать, что эта особенность их расположения была обусловлена потребностями именно таких, древнейших форм земледелия — подсечно-огневого и лиманного, для развития которых здесь имелись необходимые условия.

Таковы данные, характеризующие некоторые стороны процесса развития хозяйства у первобытных коллективов, населявших Дагестан на первом из выделяемых нами этапов, обнимавшем мезолит и ранний неолит. Разумеется, имеющихся ныне данных совершенно недостаточно, чтобы обрисовать по ним течение этого чрезвычайно длительного процесса во всей его полноте и сложности. Скорее это — пока еще довольно редкие, далеко отстоящие друг от друга вехи, документирующие самый факт охвата Дагестана этим процессом и фиксирующие отдельные стадии его развития. Однако по ним можно составить некоторое представление о начальной стадии этого процесса, когда в недрах высокоспециализированного охотничье-собирательного хозяйства стали зарождаться элементы производящей экономики, и о заключительной стадии, на которой земледелие и, вероятно, скотоводство, уже сложились в самостоятельные отрасли хозяйства, сосуществовавшие с охотой и другими видами производственной деятельности, воспринятыми от предшествующих эпох. Они документируют чрезвычайно глубокую (мезолитическую) древность начала окультуривания злаков в некоторых областях Кавказа и тем самым подтверждают правоту прозорливых оценок Н. И. Вавилова, считавшего, что «очагами первоначальной земледельческой культуры были горные районы»⁸⁸, и относившего к числу именно таких горных районов

⁸⁵ Новиков Ю. Ф., 1959, с. 39—41.

⁸⁶ Семенов С. А., 1974а, с. 121—123 и сл.; *Он же*, 1974, с. 4, 5.

⁸⁷ Семенов С. А., 1974а, с. 122.

⁸⁸ Вавилов Н. И., 1967, с. 170—171.

Закавказье и Дагестан⁸⁹. Наконец, основываясь, на том, что уже в неолитических и энеолитических памятниках Кавказа представлены практически все основные виды домашних животных — крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи, а в палеофаунистических комплексах — их дикие предки, нельзя не присоединиться к мнению тех исследователей, которые предполагают возможность доместикации этих животных непосредственно на Кавказе⁹⁰. Блестящим подтверждением правомерности такого предположения служат недавно опубликованные материалы из Дарквета — IV (Западная Грузия), документирующие наличие домашних животных: крупного и мелкого рогатого скота, свиней и собаки — уже в раннем неолите⁹¹. Не исключено, что столь раннему зарождению скотоводства на Кавказе могло способствовать также знакомство с положительным опытом племен горного Загроса, поддерживавших тесные контакты с населением Закавказья в предшествующую мезолитическую эпоху.

В итоге нашего рассмотрения представляется оправданным поставить вопрос о возможности отнесения горного Дагестана, как, по-видимому, и некоторых других частей Кавказа, к числу тех горных областей, где протекала «неолитическая революция» — чрезвычайно длительный и сложный процесс зарождения и постепенного вызревания элементов производящей экономики в недрах высокоспециализированного охотничье-собирающего хозяйства⁹².

Становление земледелия и скотоводства

Дальнейшее развитие производящего хозяйства в Дагестане освещают материалы известных здесь пока в небольшом числе памятников позднего неолита и энеолита.

В кремневом инвентаре Ругуджинских селищ финального неолита определяющее место принадлежит уже крупным ножевидным пластинам, в большинстве своем неретушированным, тогда как архаические типы орудий количественно немногочисленны, а микропластины и изделия из них вообще отсутствуют. Здесь впервые для Дагестана зафиксировано применение небольших зернотерок и керамики (рис. 15, 7—10)⁹³. Отмеченные обстоятельства, наряду с расположением этих селищ в речных долинах с весьма благоприятными для земледелия аллювиальными почвами, свидетельствуют, что эта отрасль хозяйства становится уже основной. Наряду с земледелием развивается и скотоводство, в частности разведение крупного рогатого скота документировано остео-

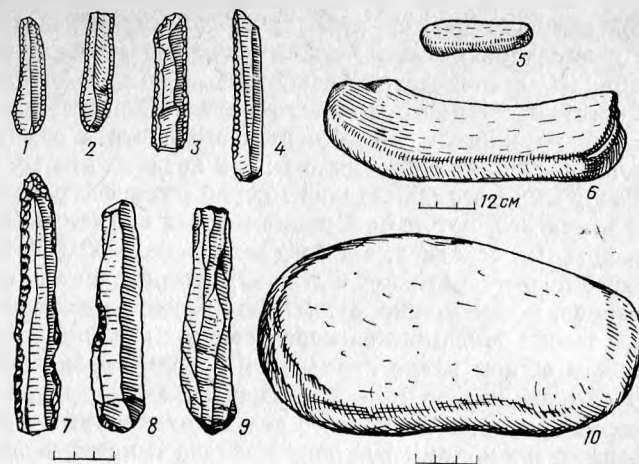

Рис. 15. Некоторые типы каменных орудий из поздненеолитического поселения Малин-Карат (7—10) и энеолитического поселения Гинчи (1—6); (1—6 — по М. Г. Гаджиеву)

логическими находками из селища Малин-Карат⁹⁴. Земледельческо-скотоводческая направленность хозяйства местных племен подтверждается и тематикой росписей относящегося к этому же времени святилища Харитани — I, находящей себе параллели в круге памятников изобразительного искусства раннеземледельческого населения более южных областей⁹⁵. Материалы поздненеолитических памятников Дагестана обнаруживают немало общих черт с культурой известного Агубековского поселения у Нальчика⁹⁶, к которому они, по-видимому, наиболее близки и хронологически и стадияльно. У исследователей этого памятника, как убедительно показал Р. М. Мунчаев, также получило развитие оседлое земледельческое хозяйство⁹⁷.

Более яркие картины прочного оседлого быта рисуют материалы Гинчинского энеолитического поселения (IV тысячелетие до н. э.). Расположенное в одной из речных долин в глубине горных районов, оно еще сохраняет характерные особенности топографии неолитических селищ. Экономическую основу здесь составляли уже сложившиеся в своих основных чертах земледелие и скотоводство. Прочная оседлость документируется довольно мощными для горных условий (0,6—1,2 м) культурными напластованиями, наличием монументальных каменных построек прямоугольной формы с толщиной стен до 1,5 м и каменной же оборонительной стены толщиной до 2 м. Среди орудий труда заметно преобладают земледельческие: крупные ножевидные пластины, служившие лез-

⁸⁹ Вавилов Н. И., 1957, с. 87—88.

⁹⁰ Мунчаев Р. М., 1975, с. 77.

⁹¹ Небиеридзе Л. Д., 1978, с. 91, табл. 2, с. 99.

⁹² Массон В. М., 1966, с. 150, 160; Он же, 1971, с. 107—159; Кабо В. Р., 1974, с. 30—34.

⁹³ Котович В. Г., 1964, с. 203—210.

⁹⁴ Там же, с. 207.

⁹⁵ Котович В. М., 1976а, с. 65—90.

⁹⁶ Кричевский Е. Ю., Круглов А. П., 1941, с. 51—66.

⁹⁷ Мунчаев Р. М., 1975, с. 74.

виями жатвенных ножей, небольшие и крупные зернотерки (рис. 15, 1—6), терочки, мотыжки из кости и рога⁹⁸. О возросшем значении скотоводства свидетельствуют многочисленные костные остатки крупного рогатого скота, овец, коз и свиней. Соотношение крупного и мелкого рогатого скота в ранних слоях Гинчинского поселения составляло 1 : 9, в поздних — 1 : 4. Важную роль в обеспечении его обитателей мясной пищей играла охота на оленей и диких коз, которым в ранних слоях принадлежало более 50% всех костных остатков, а в поздних — около 30%⁹⁹. Культура Гинчинского поселения может быть охарактеризована как местная в своей основе, о чем можно судить по своеобразию строительной техники, а также большинства керамических изделий. Однако она развивалась в общем русле кавказской энеолитической культуры, на что указывает весь комплекс найденных здесь орудий труда, и при наличии культурных связей с весьма отдаленными раннеземледельческими племенами Южного Кавказа и прилегающих областей¹⁰⁰.

В целом, материалы памятников рассматриваемого этапа, который, по нашему мнению, может быть назван раннеземледельческим, свидетельствуют о сохранении преемственных связей с предшествующей культурой. Это проявляется прежде всего в наследовании и дальнейшем развитии крупнопластинчатой кремневой индустрии, сложившейся еще в раннем неолите и доминировавшей в последующие периоды неолита и в энеолите. Сохраняются ранее выработанные традиции расположения позднеолитических и энеолитических поселений в речных долинах. Можно предполагать существование глубоко местных истоков и у других категорий материальной культуры: выявленные на Гинчинском энеолитическом поселении монументальные строительные остатки пока не находят себе параллелей в близких по времени памятниках Кавказа и сопредельных областей, что позволяет считать горный Дагестан древнейшим в нашей стране очагом бытового и фортификационного каменного строительства.

Сказанное характеризует культуру данного этапа как важное звено в единой цепи непрерывного преемственного развития местных культур. Как известно, во многом сходные оценки уже высказывались в отношении культуры неолитических и сменивших их памятников центральной части Северного Кавказа¹⁰¹. Аналогичными путями складывалась, по мнению большинства специалистов-кавказоведов, и энеолитическая культура Закавказья, воспринявшая от предшествующих культур многие традиции каменной индустрии, керамического производства и строительного дела (сырцово-круглопланые постройки с применением плоско-выпуклого кирпича) и развивавшаяся при наличии достаточно широких

⁹⁸ Гаджиев М. Г., 1978а, с. 55—56.

⁹⁹ Гаджиев М. Г., 1980, с. 55, 56.

¹⁰⁰ Гаджиев М. Г., 1978а, с. 59, 60; Мунчаев Р. М., 1975, с. 113, 114, 128—130.

¹⁰¹ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В., 1941, с. 197.

налаженных контактов с близкими по времени раннеземледельческими культурами Переднего Востока¹⁰². Совершенно иную позицию по данному вопросу занимает А. А. Формозов, усматривающий резкий разрыв в эволюционном развитии местных культур (особенно кремневого инвентаря), происшедший в энеолитическую эпоху в результате проникновения в Закавказье из более южных районов населения с уже сложившимся земледельческо-скотоводческим хозяйством¹⁰³. Однако эта оценка явно расходится с картиной становления энеолитической культуры Закавказья, рисуемой по известным здесь ныне археологическим материалам, вследствие чего с нею невозможно согласиться.

Возвращаясь к материалам дагестанских памятников раннеземледельческого этапа, отметим, что представленная в них культура не только заимствовала многие элементы предшествующей культуры, но и обогатила их рядом качественно новых достижений, которые могли быть выработаны только в условиях длительной оседлости, основанной на производящем земледельческо-скотоводческом хозяйстве (рис. 16). Зародившееся в позднем неолите керамическое производство, достигло в энеолите заметных успехов, о чем свидетельствуют находки разнообразной высококачественной керамики на Гинчинском поселении. А обнаруженные там же строительные остатки документируют довольно высокий уровень местного строительного дела. Можно полагать, что в энеолитическую эпоху местные племена стали осваивать и металлургию меди. Свидетельством последнего может служить находка здесь костяного орудия, обработанного металлическим ножом¹⁰⁴.

Прогрессивные изменения претерпевают и орудия, связанные с земледельческим производством. Выше уже говорилось о появлении в позднем неолите зернотерок с небольшими рабочими поверхностями, а в энеолите наряду с ними стали употребляться зернотерки значительно более крупных размеров. Эти факты свидетельствуют

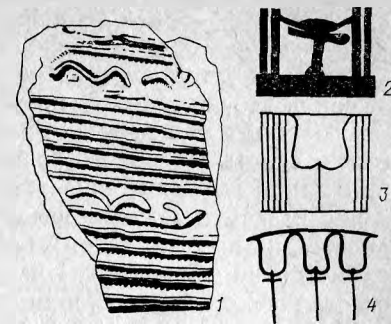

Рис. 16. Стилизованные изображения пахоты на глиняном рельефе из Верхнегунибского поселения (1) и в росписях керамики из Тель-Арпачийа (2—4); (1 — по В. М. Котович, 2—4 — по А. Перро, подборка материалов В. М. Котович)

¹⁰² См., например: Нариманов И. Г., 1966, с. 121—126; Кушнарева К. Х., Чубиншвили Т. Н., 1970, с. 54—58; Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И., 1971, с. 109—113; Джавахишвили А. И., 1973, с. 199—223; Мунчаев Р. М., 1975, с. 114—132; Джапаридзе О. М., 1976, с. 319—321; Кигурадзе Т. В., 1976, с. 172, 173.

¹⁰³ Формозов А. А., 1977, с. 53.

¹⁰⁴ Определение Г. Ф. Коробковой. Пользуюсь случаем выразить признательность М. Г. Гаджиеву, любезно познакомившему меня с этим фактом.

об увеличении количества перерабатываемого с их помощью зерна, а вместе с тем и о непрерывно возрастающем значении пищи, приготавливаемой из сельскохозяйственных продуктов.

Совершенствуются приемы изготовления и обработки крупных ножевидных пластин, с помощью которых оснащались лезвия всех режущих инструментов того периода, в том числе жатвенные ножи и серпы. Подобного рода пластины из позднеэнеолитических памятников выглядят еще сравнительно архаично: они нередко сильно изогнуты по длинной оси, края неровные, размеры неодинаковые, к тому же такие пластины часто употреблялись без дополнительной обработки. Пластины из энеолитических памятников отличаются более стандартными формой и размерами: у них более ровные края, зачастую ретушированные, а иногда и зазубренные, меньшая изогнутость. Все эти изменения были связаны с совершенствованием жатвенных орудий, повышением их эффективности и производительности, что недавно было подтверждено экспериментально¹⁰⁵. Но в конце энеолитической эпохи, как установлено М. Г. Гаджиевым на дагестанских материалах, происходит упадок крупнопластинчатой кремневой индустрии¹⁰⁶. По-видимому, он был обусловлен переходом к использованию нового типа серпов с наборными лезвиями, оснащенными двусторонне обработанными вкладышами, для изготовления которых применялись значительно более крупные и массивные по сравнению с ножевидными пластинами заготовки обычно в виде отщепов. Как известно, серпы с такими вкладышами получили особенно широкое распространение на Кавказе в последующую эпоху — в эпоху бронзы (рис. 17, 1—6).

Основными орудиями для вскапывания земли оставались на данном этапе деревянные «палки-копалки», иногда оснащенные каменными утяжелителями, мотыги с каменными, а в энеолите еще и с роговыми и костяными наконечниками. Но наряду с ними появляются и более усовершенствованные орудия для вспашки земли. В последнее время К. Х. Кушнаревой поставлен и обоснован вопрос о возможности возникновения пашенного земледелия на Кавказе уже в энеолите¹⁰⁷. Приведенная в связи с этим аргументация представляется достаточно убедительной. Однако невозможно безоговорочно принять интерпретацию найденного на поселении Арухло—I (в Грузии) орудия из оленьего рога как древнейшего на Кавказе упряжного пахотного орудия, своего рода сохи¹⁰⁸. Ю. А. Краснов решительно отвергает возможность применения роговых деталей для упряжных пахотных орудий из-за их небольших размеров и считает, что роговые орудия были ручными и применялись для проведения борозд и бороздчатой обработки

земли¹⁰⁹. По его мнению, именно от подобных орудий произошли упряжные пахотные орудия типа однорукояточных прямогрядильных рал¹¹⁰. Сказанное относится лишь к определению функционального назначения рогового орудия из Арухло—I и отнюдь не означает отрицания возможности применения пахотных орудий в энеолите. Напротив, нам представляется вероятным, что древнейшие земледельцы Кавказа (и Дагестана) наряду с бороздящими роговыми орудиями могли также пользоваться и более простыми «бороздящими мотыгами» в виде палки с отроостком, из которых, как полагают, развились градильные рала¹¹¹. Отметим попутно,

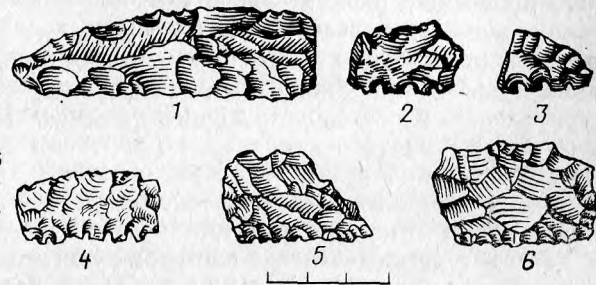

Рис. 17. Кремневые вкладыши серпов (1—3 — Верхний Гуниб первый слой), 4 — Мегрели, 5 — Мамай-Кутан, 6 — Великент)

что наиболее архаичные типы рал, у которых полоз и градиль состоят из одного куска дерева, сохранились кое-где в Дагестане до этнографической современности¹¹².

Мы не располагаем в настоящее время данными о сортах злаков, возделывавшихся древнейшими земледельцами Дагестана. По-видимому, они пользовались в основном теми же злаками, что и их современники в Закавказье, включая ячмень и рожь¹¹³. Названия этих культур в восточнокавказских языках восходят к дагестано-нахскому хронологическому уровню¹¹⁴ — древнейшему из восстанавливаемых по лингвистическим данным, предшествовавшему времени бытования общедагестанского языка-основы, который, как это доказывается по методу Сводеша, существовал в III тысячелетии до н. э. и начал распадаться не позднее XXIII в. до н. э.¹¹⁵ Данное обстоятельство может свидетельствовать в пользу предположения о весьма глубокой древности возделывания ячменя и ржи на Северо-Восточном Кавказе.

Динамика развития скотоводства на данном этапе ярко отражена в материалах Гинчинского поселения, свидетельствующих о происшедшем в энеолите резком возрастании удельного веса крупного рогатого скота в общем поголовье¹¹⁶. Вероятно, это было

¹⁰⁵ Коробкова Г. Ф., 1978, с. 36—52.

¹⁰⁶ Гаджиев М. Г., 1978б.

¹⁰⁷ Кушнарева К. Х., 1977, с. 83—91.

¹⁰⁸ Чубиншвили Т. Н., Небиеридзе Л. Д., Пхакадзе Г. Г., Мирцхулава Г. И., 1976, с. 58, табл. XXV; Чубиншвили Т. Н., Чулидзе Л. М., 1978, с. 57—58, табл. 1, 5, 6; Кушнарева К. Х., 1977, с. 90, 91.

¹⁰⁹ Краснов Ю. А., 1975, с. 157—158.

¹¹⁰ Там же, с. 168, рис. 60, II.

¹¹¹ Там же, с. 174, рис. 60, III.

¹¹² Никольская З. А., Шиллинг Е. М., 1952, с. 94, 95; Гаджиева С. Ш., Османов М. З., Пашаева А. Г., с. 25, 26; Материальная культура аварцев, с. 35.

¹¹³ Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В., 1977, с. 76—82.

¹¹⁴ Хайдаков С. М., 1973, с. 61, 62.

¹¹⁵ Бокарев Е. А., 1961, с. 17, 18; Гигинейшвили В. К., 1977, с. 21, 22, 25, 26.

¹¹⁶ Гаджиев М. Г., 1980, с. 55, 56; Золотов К. Н., 1968б, с. 240, 241.

обусловлено начавшимся в ту пору использованием его в качестве основной тягловой силы в хозяйстве. Важным подтверждением сказанному может служить, по нашему мнению, то обстоятельство, что названия ярма в восточнокавказских языках восходят к общедагестанско-нахскому слову¹¹⁷.

На этом мы заканчиваем рассмотрение имеющихся данных, характеризующих главные направления хозяйственной деятельности населения Дагестана в конце неолита — энеолита. Основываясь на них, преимущественно на наблюдениях за эволюцией орудий труда, мы вправе заключить, что именно на рассматриваемом этапе произошло окончательное становление и упрочение производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства. Этим самым здесь завершилась и неолитическая революция, произведшая «коренные перемены в области экономики, выразившиеся в переходе к земледелию и скотоводству как к основным способам производства пищи»¹¹⁸. Обусловленный этим переход к постоянной оседлости стимулировал развитие новых отраслей хозяйства, включая специализированные, — керамического производства, строительного дела и, вероятно, металлургии.

Развитие земледельческо-скотоводческого хозяйства способствовало быстрому возрастанию численности населения в областях раннеземледельческих культур, а это, в свою очередь, активизировало процессы сегментации древних общин, влекло за собой образование новых поселений и в конечном счете приводило к увеличению плотности населения, к сплошному освоению территорий, пригодных для земледелия¹¹⁹. Вместе с ростом народонаселения увеличивалась и потребность в земледельческих угодьях. Величина таких угодий, необходимых для обеспечения минимальных потребностей членов общины в пище при практиковавшихся в ту пору формах экстенсивного земледелия (особенно подсечно-огневого), все еще оставалась значительной¹²⁰. В этих условиях у отдельных общин возникают затруднения в пользовании земельными угодьями, вызываемые, как отмечал К. Маркс, «только другими общинами, которые либо уже раньше захватили земли, либо беспокоят общину в захваченных ею землях. Поэтому война является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить»¹²¹. Одним из проявлений данной закономерности, свидетельством уже начавшихся межплеменных столкновений за обладание земельными угодьями принято считать появление укреплений вокруг раннеземледельческих поселений¹²². В Закавказье

¹¹⁷ Хайдаков С. М., 1973, с. 69.

¹¹⁸ Массон В. М., 1971, с. 109.

¹¹⁹ Хлопин И. Н., 1964, с. 134—136; Массон В. М., 1976, с. 100—108.

¹²⁰ Бибииков С. Н., 1953, с. 281, 282; Он же, 1965, с. 48—62; Массон В. М., 1976, с. 102—104.

¹²¹ Маркс К., Энгельс Ф., т. 46, ч. I, с. 465.

¹²² Массон В. М., 1976, с. 137—138.

окрыженные рвами поселки ранних земледельцев появились уже в энеолите¹²³. В горном Дагестане энеолитическое поселение Гинчи также оказалось укрепленным с наиболее доступной стороны мощной (около 2 м толщиной) оборонительной стеной, сооруженной из камня¹²⁴, также истолковываемой как свидетельство остро проявившейся нехватки земельных угодий, уже начавшихся междоусобных столкновений за обладание ими¹²⁵. В условиях Дагестана, особенно его горных районов, отличающихся крайней ограниченностью пригодных для земледелия площадей, воздействие этого, впервые зафиксированного в энеолите фактора с неослабевающей силой сказывалось и в последующие исторические эпохи.

Расцвет первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства в эпоху ранней бронзы

На следующем этапе — в рамках эпохи ранней бронзы — состояние земледельческо-скотоводческого хозяйства в Дагестане может быть обрисовано более детально: лучше изучены памятники этой эпохи, к тому же археологические данные в ряде случаев существенно дополняются данными лингвистики.

Бытовые памятники III тысячелетия до н. э. известны сейчас во всех естественно-географических районах Дагестана. На равнине — это Каякентские, Великентское, Гильярское, Джемикентское и другие поселения¹²⁶, в предгорьях — Верхнесигитминское, Чиркейское и Мекегинское поселения¹²⁷, в горных долинах — Гапшиминское поселение¹²⁸, в высокогорьях, вне зоны естественного произрастания злаков, на высоте 1700—2000 м над уровнем моря, — Галгалатлинское, Усишинское, Кулинское поселения, в конце III тысячелетия до н. э. возникло и Верхнегунибское поселение¹²⁹. Повсеместно на этих памятниках имеются мощные (1—2 м и более) свиты культурных отложений, свидетельствующие о прочной и длительной оседлости. Жилища равнинных поселений были в основном турлучными, тогда как в предгорьях и в горах господствовало монументальное каменное домостроительство. Экономическую основу прочной оседлости во всех естественно-географических районах Дагестана составляли земледелие и скотоводство.

О развитии земледелия свидетельствует расширение ассортимента соответствующих орудий труда, включающего каменные зернотерки разных размеров, специализированные вкладыши для

¹²³ Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970, с. 53.

¹²⁴ Гаджиев М. Г., 1966, с. 56.

¹²⁵ История Дагестана, 1967, с. 35.

¹²⁶ Круглов А. П., 1946, с. 20—44; Котович В. Г., 1959, с. 121—136; Мунчаев Р. М., 1961, с. 21—26; Гаджиев М. Г., Маммаев М. М., 1978, с. 112, 113.

¹²⁷ Канивец В. И., 1957, с. 158, 159; Котович В. Г., 1961а, с. 285, 286; Гаджиев М. Г., 1971, с. 46—48.

¹²⁸ Котович В. Г., 1961, с. 23—24.

¹²⁹ Котович В. М., 1961, с. 15—20; Гаджиев М. Г., 1969б, с. 102—103.

серпов со слегка изогнутыми, нередко зазубренными лезвиями, уже в III тысячелетии до н. э. сменившие употреблявшиеся еще с неолита крупные пожевидные пластины, камешные и роговые мотыги. Широко распространяются в быту специальные двухкамерные печи для сушки и обжаривания зерна и выпечки хлеба, зерновые ямы и вкопанные в землю сосуды, предназначенные для хранения запасов зерна. Находки зерен злаков и их отпечатков документируют возделывание полбы, твердой и мягкой пшениц, плечатого и голозерного ячменя, льна¹³⁰.

Важный качественный сдвиг в развитии земледелия произошел в III тысячелетии до н. э. в связи со все более широким применением пахотных орудий. И хотя остатки таких, обычно полностью деревянных орудий ни в Дагестане, ни на Кавказе пока еще не встречены, имеющиеся археологические материалы надежно документируют довольно широкое распространение колесного транспорта в III тысячелетии до н. э. и повсеместно происшедшую здесь замену воспринятых еще с неолита жатвенных орудий с лезвиями из крупных пожевидных пластин на более совершенные и эффективные серпы с изогнутыми лезвиями, оснащенными более массивными вкладышами со специально обработанными, нередко — зазубренными рабочими краями (рис. 17, 4—6). Сочетание отмеченных факторов является, по мнению Ю. А. Краснова, показателем знакомства с пашенным земледелием¹³¹. В Дагестане оно подтверждается еще и найденными в третьем слое Верхнегунибского поселения глиняными рельефами, в орнаментации которых запечатлен культ пашни и быка-пахаря¹³². Примечательно, что во многом сходные сюжеты со столь же стилизованными и более реалистично исполненными изображениями быков на пашне встречаются и в росписях халафской керамики (рис. 16, 1—4)¹³³. О древности пашенного земледелия в Дагестане свидетельствуют также и лингвистические данные. Нам уже приходилось отмечать, что к общедагестанскому языку-основе, существовавшему в III тысячелетии до н. э., восходят бытующие почти во всех дагестанских языках названия плуга, пашни-села, быка, а также гумна, соломы, мякны и др.¹³⁴

Наряду с земледелием в бронзовом веке активно развивается и скотоводство, на что указывает прежде всего количественное возрастание остеологических остатков в памятниках этой эпохи. Примечательно и относительное уменьшение среди них костных остатков диких животных (в верхнем слое Гинчинского поселения они составляют 30% общего количества)¹³⁵, а в третьем слое Верхнегунибского поселения — всего 4,67%¹³⁶, свидетельствующее о

значительном падении роли охоты. В составе стада представлены почти все виды домашних животных, которых разводили в Дагестане и позднее: крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, а в памятниках равнины и прилегающих к ней предгорий также и лошади¹³⁷. По сравнению с предшествующим этапом возрастает поголовье крупного рогатого скота, что подтверждается такими данными: в верхнем слое Гинчинского поселения соотношение крупного и мелкого скота составляло 1:4¹³⁸, на Каякентском поселении — 1:2,8¹³⁹, а в третьем слое Верхнегунибского поселения — 1:2¹⁴⁰. Учитывая более высокую мясную и молочную продуктивность крупного рогатого скота, использовавшегося еще и в качестве основной тягловой силы в земледелии, подобное соотношение свидетельствует о его преобладающем значении в местном животноводстве. Отмеченная черта определяет специфику древнего скотоводства в Дагестане, его существенное отличие от скотоводства в Закавказье и некоторых других областях Северного Кавказа, где в эту эпоху происходит увеличение поголовья мелкого рогатого скота, вследствие чего оно приобретает здесь отгонный, полукочевой характер¹⁴¹.

Специфика дагестанского скотоводства в первую очередь определялась естественногеографическими условиями страны гор. Особенности ее орографии обусловили специализацию хозяйственного развития не по вертикальным зонам, как в других областях Кавказа¹⁴², а по естественноисторическим зонам и округам, соответствующим конкретным геоморфологическим областям и районам¹⁴³. Именно эти обстоятельства определили оседлый, стационарный характер дагестанского скотоводства в бронзовом веке. Его кормовой базой служили достаточно обширные угодья по склонам гор вблизи поселений, в пределах родовых и племенных территорий¹⁴⁴. Практиковалось в ту пору и стойловое содержание животных, что подтверждается употреблением кизяка, зафиксированным для конца III тысячелетия до н. э. в погребальном обряде на Гонобском могильнике в горном Дагестане¹⁴⁵.

Помимо земледелия и скотоводства в III тысячелетии до н. э. интенсивно развивались металлургия и металлообработка, строительство, керамическое производство, обработка дерева и кости, ткачество и другие производства, часть которых на протяжении бронзового века достигла уровня ремесленной специализации¹⁴⁶.

¹³⁷ Золотов К. Н., 1961, с. 288, 289.

¹³⁸ Гаджиев М. Г., 1974а, с. 56.

¹³⁹ Круглов А. П., 1958, с. 25, табл. I (пересчет наш.— В. К.).

¹⁴⁰ Котович В. М., 1961, с. 219.

¹⁴¹ См., например: Пиотровский Б. Б., 1955, с. 6; Крупнов Е. И., 1957, с. 83; Бунятов Т. А., 1957, с. 118, 119; Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970, с. 109—111.

¹⁴² Миллер А. А., 1933, с. 51.

¹⁴³ Добрынин Б. Ф., 1926, с. 60—66; Зонн С. В., 1946, с. 49—51, 60—62.

¹⁴⁴ Котович В. Г., 1961а, с. 294—296; Гаджиев М. Г., 1974а, с. 57, 58.

¹⁴⁵ Котович В. Г., 1961б, с. 32.

¹⁴⁶ История Дагестана, 1967, с. 50—53.

¹³⁰ Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В., 1976, с. 63—66, 76—79, 81, 83.

¹³¹ Краснов Ю. А., 1971, с. 35—37.

¹³² Котович В. М., 1961, с. 160—169.

¹³³ Parrot A., 1953, p. 149, fig. 37; Котович В. М., 1981, рис. 1, 22—29.

¹³⁴ Котович В. Г., 1965а, с. 10; История Дагестана, 1967, с. 45.

¹³⁵ Гаджиев М. Г., 1974а, с. 56.

¹³⁶ Котович В. М., 1961, с. 222.

Наконец, в этот же период начинает складываться своеобразный тип горского поселения с характерным «ступенчатым» расположением рядов каменных построек¹⁴⁷.

Экономическую основу всех этих достижений составляли, как уже отмечалось, земледелие и скотоводство, переживавшие свой подлинный расцвет в условиях первобытнообщинного строя. Весьма примечательно, что этот расцвет происходит на территории сравнительно небольшой области, отдельные части которой разительно отличаются друг от друга не только высотными отметками, колеблющимися в значительной амплитуде от 0 до 2000 м над уровнем моря, но в не меньшей степени и своеобразием своих почвенных и климатических условий. Засвидетельствованный таким образом в Дагестане и пока единственный для бронзового века нашей страны пример параллельного развития одинакового в своих основных компонентах земледельческо-скотоводческого хозяйства в резко различающихся по экологическим условиям естественногеографических районах как нельзя более ярко свидетельствует не только о достигнутом им в ту пору достаточно высоком уровне в целом, но также и о его значительных успехах в зональной специализации. Последнее предполагает накопление немалого практического опыта в области селекции растений и животных, применение разных агроприемов, форм и систем земледелия.

В этой связи уместно напомнить, что на приморской равнине с ее сухим аридным климатом и почти полным отсутствием осадков в летнее время исторически сложилось орошаемое земледелие с возделыванием озимых культур. В более увлажненных южных районах и некоторых районах внутреннего горного Дагестана также преобладали озимые культуры, тогда как в предгорье, большей части внутренних горных районов и в высокогорье доминировали посевы яровых¹⁴⁸. Учитывая, что во всех этих столь различных по естественногеографическим условиям частях территории Дагестана земледелие стало особенно активно развиваться в эпоху ранней бронзы, можно полагать, что тогда же начали закладываться и основы наиболее приспособленных к каждой из них систем земледелия, которые, развиваясь на протяжении последующих эпох, сохранились до этнографической современности.

Примечательной особенностью дореволуционного земледелия являлось исключительное сортовое разнообразие злаков, удивительно приспособленных к разнообразию климатических и почвенных условий разных районов Дагестана. Здесь возделывалось 55 ботанических разновидностей пшеницы, 14 разновидностей и 30 рас ячменя, 5 разновидностей и большое (?) разнообразие рас ржи, не менее 7 родов и видов с множеством разновидностей зерновых бобовых культур. Многие из этих злаков являлись эндемичными¹⁴⁹. Очевидно, создание устойчивых эколого-морфологи-

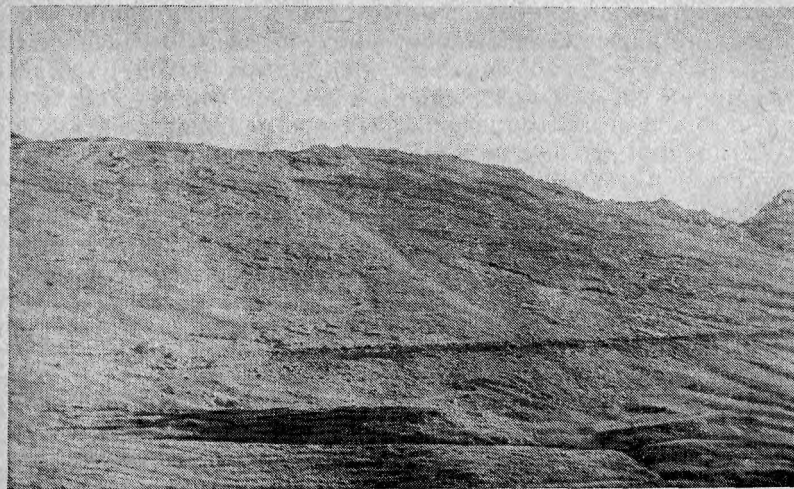

Рис. 18. Верхнегунибское поселение

ческих популяций зерновых, наиболее приспособленных к произрастанию в различных естественногеографических условиях разных районов Дагестана, явилось результатом весьма продолжительного и целенаправленного процесса, в котором естественный отбор и селекционная деятельность человека сыграли решающую роль. Можно предполагать, что процесс активно протекал здесь и в рассматриваемую эпоху. В этой связи уместно вновь процитировать Н. И. Вавилова: «Входя в основную область видообразования пшениц, ячменя, ржи и льна, Кавказ, благодаря разнообразным условиям, горному характеру, древней культуре, в особенности в Закавказье и Дагестане, выработал чрезвычайно разнообразие экотипов, представляющих собой разительные контрасты при сопоставлении их в одних и тех же условиях... Многие из эндемичных кавказских видов пшениц, ржи, диких и культурных плодовых не вышли за пределы начальной родины... Земледелие в Грузии, Армении и Дагестане является весьма древним, начало его уходит в глубь тысячелетий»¹⁵⁰.

Как уже отмечалось, другая отличительная особенность естественногеографических условий Дагестана, во многом определявшая своеобразие путей развития здесь древнего земледелия, — это крайняя ограниченность пригодных для него земельных ресурсов.

Воздействие указанных факторов: малоземелья и приспособленности всего хозяйственного комплекса (особенно земледелия) к конкретным естественногеографическим условиям конкретных естественноисторических районов — раньше всего проявилось в горном Дагестане. Как уже отмечалось, нехватка земледельче-

¹⁴⁷ Канивец В. И., 1957, с. 158—160; Котович В. М., 1961, с. 78, 98.

¹⁴⁸ Добрынин Б. Ф., 1926, с. 77—85.

¹⁴⁹ Енин С. Т., 1946, с. 72—120.

¹⁵⁰ Вавилов Н. И., 1957, с. 121.

ских угодий впервые сказала здесь еще в энеолите, о чем свидетельствует укрепленный характер Гинчинского поселения. Насколько можно судить по имеющимся данным, выход из создавшегося таким образом положения был найден за счет перехода к интенсивным формам земледелия, чему в немалой степени способствовало применение пахотных орудий, а также земледельческого освоения высокогорий. Свидетельством этому являются особенности расположения таких, несомненно земледельческих, памятников, как Галгалатлинское, Верхнегунибское (рис. 18), Кулинское и Усишинское поселения. Все они возникли в разные промежутки III тысячелетия до н. э. (преимущественно во второй его половине) и располагались в местах с высотными отметками 1700—2000 и более м над уровнем моря — вне зоны естественного произрастания злаков, где ведение земледельческого хозяйства встречалось поэтому с особенно серьезными трудностями. Однако вблизи этих мест имеется немало естественно выровненных площадей, пригодных для земледелия, но еще оставшихся, по-видимому, в ту пору не освоенными. Очевидно, именно это обстоятельство и сыграло решающую роль в выборе места расположения для всех названных поселений.

Но и начавшееся в III тысячелетии до н. э. в горном Дагестане земледельческое освоение высокогорий давало лишь временный выход из трудной ситуации, а отнюдь не обеспечивало радикального решения проблемы малоземелья. По мере дальнейшего хозяйственного развития, особенно с распространением пашенного земледелия, продолжался и, вероятно, активизировался рост численности населения, продолжались и, вероятно, учащались обусловленные этим сегментации земледельческих общин. А это в конечном счете приводило к образованию избыточного населения, которое в условиях первобытнообщинного строя обычно переселялось в новые, не освоенные области¹⁵¹. Однако в конкретных условиях горного Дагестана какая-то (по нашему мнению, значительная) часть избыточного населения удерживалась в местах своего постоянного обитания спецификой земледельческо-скотоводческого хозяйства, приспособленного в каждом отдельном случае к строго определенным условиям конкретных естественноисторических районов. Поэтому здесь сохраняется давление избытка населения на производительные силы, чему мы находим подтверждения и в археологических материалах.

Это прежде всего достаточно четко выраженный укрепленный характер всех названных выше раннебронзовых поселений в высокогорном Дагестане, расположенных обычно в естественно защищенных труднодоступных местах, что свидетельствует о постоянной угрозе нападений, непрекращавшихся междуособных столкновениях.

Теми же причинами было вызвано, по нашему мнению, и террасостроительство, начавшееся здесь не позднее второй половины

Рис. 19. Древние террасы в окрестностях с. Усиша

III тысячелетия до н. э. — практически в те же исторические сроки, что и в соседнем Закавказье¹⁵² и в некоторых странах Восточного Средиземноморья¹⁵³. В горном Дагестане остатки древнейших террас выявлены около Усишинского¹⁵⁴ и Верхнегунибского¹⁵⁵ поселений, а также на Турчидагском плато около с. Чох¹⁵⁶ (рис. 19, 20). Высотные отметки всех трех названных пунктов превышают 1800 м над уровнем моря. Тем самым подтверждается правомерность высказанного выше положения о том, что последствия малоземелья должны были прежде всего сказаться именно в горных районах Дагестана. Но важное значение приведенных фактов не только в этом. Они свидетельствуют также о найденном уже в ту пору выходе из создавшейся ситуации, поскольку переход к террасостроительству открывал единственную возможность для увеличения земельных площадей, необходимых для развивающегося земледелия. Не случайно террасостроительство, несмотря на его чрезвычайную трудоемкость, широко практиковалось в Дагестане и в последующие эпохи вплоть до средневековья¹⁵⁷.

¹⁵² Гегешидзе М. К., 1964, с. 3; Чиджавадзе Н. Ш., 1976, с. 111.

¹⁵³ Андреев Ю. В., 1976, с. 19—22.

¹⁵⁴ Котович В. Г., 1959, с. 64, 65.

¹⁵⁵ Котович В. М., 1961, с. 216.

¹⁵⁶ Мунчаев Р. М., 1958, с. 43, 44. На Чохском могильнике были зафиксированы факты сооружения круглопланных склепов эпохи средней бронзы, к тому времени заброшенных, а следовательно, и более древних земледельческих террасах.

¹⁵⁷ Котович В. Г., 1961а, с. 288, 289; Османов М. И., 1974, с. 72.

¹⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф., т. 8, с. 567, 568; Мерперт Н. Я., 1968, с. 10—12.

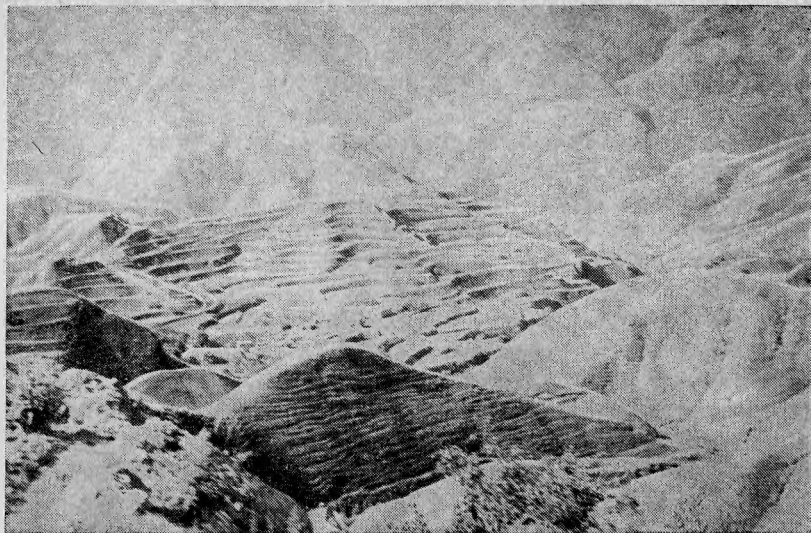

Рис. 20. Древние террасы с. Чох

И еще об одном важном аспекте данной темы. Эксплуатация террасных участков, первоначально отличавшихся весьма небольшими размерами и обычно располагавшихся в виде ступеней по горным склонам, возможна только в условиях применения разных форм интенсивного земледелия. По нашему мнению, эмпирические поиски таких форм начались значительно раньше террасостроительства, когда в горном Дагестане впервые сказалась нехватка свободных земельных угодий. И, по-видимому, довольно рано они привели к положительным результатам, косвенным подтверждением чему может служить археологически фиксируемая на примере памятников III тысячелетия до н. э. прочная и длительная оседлость земледельческого населения в разных частях территории Дагестана, включая его горные районы. Каждая из общин, оставивших эти памятники, владела определенным, довольно ограниченным количеством земельных площадей. Длительная эксплуатация этих участков, которые регулярно давали определенное количество зерна, удовлетворявшее хотя бы минимальные потребности всех членов общины, не могла практиковаться без применения уже сложившихся и достаточно эффективных мер по сравнительно быстрому восстановлению плодородия почв. Важнейшим среди них, по-видимому, стало применение плуга, обеспечившее возможность производить частое и интенсивное рыхление земли и тем самым способствовать сохранению в ней влаги. Не исключено поэтому, что здесь, как и в некоторых других раннезем-

ледельческих очагах¹⁵⁸, стала рано применяться паровая (сначала двупольная) система земледелия, постепенно выросшая на основе залежной и особенно переложной систем, сопутствовавших подсечно-огневному земледелию. Начало террасостроительства и обусловленный этим переход к достаточно эффективной эксплуатации искусственных земледельческих участков, отличавшихся крайне незначительными размерами полезной площади, ознаменовал собой, по нашему мнению, коренной перелом в становлении интенсивных форм земледелия в горном Дагестане.

В целом приведенные данные характеризуют рассматриваемый период как важный этап в процессе развития земледельческо-скотоводческого хозяйства в Дагестане, ознаменовавшийся целым рядом значительных по масштабам той эпохи производственных достижений. Главнейшим среди них несомненно был переход к пашенному земледелию, отразившийся во всех сферах сельскохозяйственного производства своего времени и прежде всего обеспечивший возможность развития интенсивных форм земледелия, наиболее приспособленных практически ко всем естественного географического районам Дагестана, а также определивший направление развития скотоводства в сторону все большего увеличения удельного веса крупного рогатого скота — основной тягловой силы в хозяйстве. Все это позволяет считать эпоху ранней бронзы — периодом расцвета первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства в Дагестане.

Основы хозяйства в эпохи средней и поздней бронзы и в начале эпохи раннего железа

В заключение нашего обзора обратимся к материалам, характеризующим основные направления хозяйственной деятельности населения Дагестана в эпохи средней и поздней бронзы и в начале эпохи раннего железа, т. е. того именно хронологического периода, в рамках которого нами рассматривалось выше развитие местной материальной культуры. Напомним, что наибольшие расхождения между исследователями проявляется в отношении именно этого периода: как полагают дагестанские археологи, на протяжении II — начала I тысячелетия до н. э. в Дагестане продолжается развитие исторически сложившегося в предшествующие эпохи земледельческо-скотоводческого хозяйства, тогда как, по мнению других исследователей, главным занятием населения горного Дагестана в этот период было скотоводство, основу которого составляло разведение мелкого рогатого скота. Следует особо подчеркнуть, что правомерность обоих предлагаемых решений не может быть подвергнута сомнению априори. А если рассматривать их в чисто теоретическом аспекте, второе решение может сначала показаться даже более предпочтительным. Как хорошо известно, в конце эпохи ранней бронзы почти повсеместно на Кавказе происходит забрасывание (нередко, как, например, в Дагестане, вынужденное) процветавших до того земледельческих поселений. Некото-

¹⁵⁸ Массон В. М., 1976, с. 54, 55.

рые исследователи склонны объяснять этот факт значительными изменениями в хозяйственной деятельности кавказских племен, которые привели к выдвиганию на первый план именно полукочевого, ййлажного скотоводства¹⁵⁹.

Суждение о достоверности той или иной оценки главных направлений хозяйственной деятельности населения Дагестана во II — начале I тысячелетия до н. э. может быть вынесено только на основе тщательного ознакомления с соответствующими археологическими данными. Следует оговориться, что дагестанские памятники этого времени изучены значительно слабее, нежели памятники предшествующей и последующей эпох. Особенно это относится к бытовым памятникам II — начала I тысячелетия до н. э., известным пока в Дагестане в небольшом числе. Все это, естественно, ограничивает наши возможности.

Тем не менее археологические памятники указанного периода выявлены почти во всех естественногеографических районах Дагестана. На равнине они представлены пока только могильниками раннего (Манас¹⁶⁰, Кяхулай¹⁶¹) и позднего (Каякент, Май-кутан, Берикей¹⁶²) этапов эпохи средней бронзы. В предгорьях наряду с памятниками обоих названных этапов (Миатли¹⁶³, Черкей¹⁶⁴, Утамыш¹⁶⁵, Нижняя Сигитма¹⁶⁶, Кичи-Гамри¹⁶⁷, Маджалис¹⁶⁸, Тарки¹⁶⁹ и др.), известны также могильники эпохи поздней бронзы (Талги¹⁷⁰, Мискин-Булак¹⁷¹, Кабарты-кутан¹⁷²) и памятники начала эпохи раннего железа (Зандак¹⁷³, Шах-Сенгер¹⁷⁴, Мугерган¹⁷⁵). В горных районах также пока известны только памятники раннего и позднего этапов эпохи средней бронзы, обнаруженные как в горных долинах (Ирганай¹⁷⁶, Гинчи¹⁷⁷), так и в высокогорьях (поселения Верхний Гуниб¹⁷⁸, Ингердах и

Местерух¹⁷⁹, могильники Чох¹⁸⁰, Галгалатли¹⁸¹, Хорочой, Гагатль, Урма¹⁸² и др.). О возможности существования здесь и памятников более позднего времени свидетельствуют происходящие из горных районов случайные находки орудий труда и предметов вооружения эпохи поздней бронзы и начала эпохи раннего железа, о которых подробнее говорилось выше.

Итак, судя по географическому нахождению названных и других археологических памятников II — начала I тысячелетия до н. э., в этот период, как и в предшествовавшую эпоху, продолжали обживать те же части территории Дагестана от равнины до высокогорий. К сожалению, данные о хозяйственной деятельности оставивших эти памятники племен невелики и разрозненны, и по ним невозможно в настоящее время обрисовать с необходимой полнотой развитие земледелия и скотоводства в каждом из естественногеографических районов Дагестана.

Сказанное прежде всего относится к равнинным и предгорным районам Дагестана, где особенно слабо изучены бытовые памятники. К тому же в некоторых случаях имеющиеся данные неравномерно освещают пути развития хозяйства в этих районах. Так, небольшими раскопками на Новолакском поселении каякентско-хорочоевской культуры установлено, что основу прочной оседлости оставившего его населения составляли земледелие и скотоводство, документированные находками двусторонне обработанных вкладышей от серпов, зернотерок, остатков печи для выпечки хлеба, а также костей крупного и мелкого рогатого скота¹⁸³.

К востоку от названного памятника находится близкое ему по времени и по культуре Нижнесигитминское поселение, в материалах которого почти не представлено находок, так или иначе связанных с земледелием (в раскопанных здесь четырех многокамерных строительных комплексах найдена всего одна зернотерка). Основываясь на результатах изучения этих материалов, К. А. Бредэ пришел к выводу, что основу хозяйства обитателей Нижнесигитминского поселения составляло скотоводство, в котором преобладал крупный рогатый скот, а земледелие играло подсобную роль¹⁸⁴. Остеологические находки из этого памятника принадлежали крупному (36,8%) и мелкому (25,4%) рогатому скоту, свиньям (15,8%), лошадям (12,7%), собакам (3,2%) и другим животным¹⁸⁵.

Южнее названных памятников находится городище Шах-Сенгер, относимое к началу эпохи раннего железа (рис. 24). При его

¹⁵⁹ Пиотровский Б. Б., 1949, с. 40; *Он же*, 1955, с. 6; Кушларева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970, с. 108—110.

¹⁶⁰ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1956, с. 167—203.

¹⁶¹ Смирнов К. Ф., 1951, с. 226—230.

¹⁶² Круглов А. П., 1958, с. 140—144.

¹⁶³ Канивец В. И., 1959, с. 32—51.

¹⁶⁴ Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М., 1965; *Они же*, 1966.

¹⁶⁵ Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. И., 1972, с. 154, 155.

¹⁶⁶ Бредэ К. А., 1959, с. 25—27.

¹⁶⁷ Пикуль М. И., 1953.

¹⁶⁸ Круглов А. П., 1958, с. 144—146.

¹⁶⁹ Крупнов Е. И., 1951, с. 221, 222; Смирнов К. Ф., 1951, с. 240—257.

¹⁷⁰ Исаков М. И., 1957, с. 126—132.

¹⁷¹ Котович В. М., 1978, с. 77—93.

¹⁷² Пикуль М. И., 1959, с. 157—164.

¹⁷³ Пикуль М. И., 1961, с. 298—319.

¹⁷⁴ Котович В. Г., Давудов О. М. Отчет о работе 1-го отряда ДАЭ в 1966 г.—РФИИЯЛ, д. 3735.

¹⁷⁵ Пикуль М. И., 1973, с. 35—50; Давудов О. М., 1976, с. 4—6.

¹⁷⁶ Погребова М. Н., 1961, с. 109—123; Атаев Д. М., Погребова М. Н., 1973, с. 28—34.

¹⁷⁷ Гаджиев М. Г., 1969.

¹⁷⁸ Котович В. М., 1961, с. 170—186.

¹⁷⁹ Атаев Д. М., Котович В. М. Отчет о работе 2-го горного отряда ДАЭ в 1957 г.—РФИИЯЛ, д. 2478.

¹⁸⁰ Мунчаев Р. М., 1958, с. 43—47.

¹⁸¹ Гаджиев М. Г., 1976, с. 13, 14.

¹⁸² Круглов А. П., 1958, с. 100—140.

¹⁸³ Пикуль М. И. Отчет по археологическим работам за 1952 год.—РФ ИИЯЛ, д. 1988.

¹⁸⁴ Бредэ К. А., 1959, с. 26.

¹⁸⁵ Золотов К. Е., 1968б, с. 238.

Рис. 21. Городище Шах-Сенгер

раскопках обнаружено множество песчаниковых зернотерок и курантов, кремневые вкладыши от серпов, а также кости крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и свиней¹⁸⁶. Примечательно, что прилегающие непосредственно к древнему поселению земледельческие угодья общей площадью 10—11 га были обведены оборонительными сооружениями в виде валов и рвов, а оказавшиеся в пределах огражденной таким образом территории участки с крутым рельефом были сплошь покрыты искусственными земледельческими террасами небольших размеров¹⁸⁷. Все это свидетельствует о той важной роли, которую земледельческие участки (а с ними, очевидно, и само земледелие) играли в хозяйстве древних обитателей данного городища. К тому же они представляют собой наиболее раннее среди известных ныне свидетельство начала террасостроительства в дагестанских предгорьях не позднее IX—первой половины VII в. до н. э.

Все три названных бытовых памятника располагались в нижних предгорьях, в непосредственной близости от равнины практически в почти совершенно одинаковых естественногеографических условиях. Поэтому отмеченное своеобразие хозяйственной деятельности обитателей Нижнесигитминского поселения, по нашему мнению, ни в коей степени не могло быть вызвано экологическими причинами. В этой связи уместно вспомнить, что среди

¹⁸⁶ Предварительные определения К. Е. Золотова, более детальное изучение остеологических материалов данного памятника не производилось.

¹⁸⁷ Котович В. Г., Давудов О. М. Отчет о работе 1-го отряда ДАЭ в 1966 г.—РИ ИИЯЛ, д. 3735.

материалов выявленных здесь же и на равнине могильников рассматриваемого периода представлено немало таких, которые так или иначе связаны с земледелием. Отметим среди них найденную в катакомбе № 2 кургана № 3 Манасского могильника крупную глиняную миску, на внутренней полости которой сохранились отпечатки зерен от заупокойной пищи¹⁸⁸, находки кремневых вкладышей от серпов в инвентаре некоторых погребений в могильниках у сел Берикей¹⁸⁹, Кичи-Гамри¹⁹⁰, Зандак¹⁹¹. Не исключено, что в этом же ряду найдет свое место и погребение с молотильной доской, обнаруженное еще в дореволюционные годы в одном из подкурганых захоронений вблизи Дербента¹⁹².

Остеологические находки из этих могильников представляют определенный интерес для характеристики скотоводства того времени. В погребениях Манасского могильника были встречены только кости барана¹⁹³. В каменных ящиках у с. Берикей обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота и свиньи (?)¹⁹⁴. В каякентско-хорочоевских захоронениях Таркинского могильника в качестве заупокойной пищи клали мясо крупного и мелкого рогатого скота, а в одном случае около каменной гробницы находилось ритуальное захоронение черепа лошади¹⁹⁵. Кости крупного и мелкого рогатого скота встречены также в Кабартыкутанском¹⁹⁶ и Мискинбулакском¹⁹⁷ могильниках эпохи поздней бронзы, а также в Шахсенгерском могильнике начала эпохи раннего железа¹⁹⁸, тогда как в Мутерганском могильнике той же эпохи обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, свиней и лошадей¹⁹⁹.

Таким образом, земледелие наряду со скотоводством составляло основу хозяйства у большей части населения дагестанской равнины и предгорий во II—начале I тысячелетия до н. э. На этом фоне хозяйственная деятельность древних обитателей Нижнесигитминского поселения, где ведущая роль принадлежала скотоводству, а земледелие имело подчиненное, второстепенное значение, представляется явлением весьма специфическим, нехарак-

¹⁸⁸ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1956, с. 176, рис. 8, 3.

¹⁸⁹ Круглов А. П., 1958, с. 77, 144.

¹⁹⁰ Пиккуль М. И. Отчет о работе Северного отряда ДАЭ в 1953 г.—РФ ИИЯЛ, д. 1918.

¹⁹¹ Пиккуль М. И., 1961а, табл. III, 7—9; Марковин В. И., 1964, с. 87, рис. 24, 7.

¹⁹² Русов А. А., 1882, с. 543, 544. Судя по описаниям А. А. Русова, захоронение с молотильной доской (№ 6), стратиграфически находилось ниже другого захоронения (№ 5), в инвентаре которого был каменный наконечник косяка; последние встречались в Дагестане в разные периоды эпохи бронзы и в предшествующие эпохи.

¹⁹³ Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1956, с. 176, 179, 184.

¹⁹⁴ Круглов А. П., 1958, с. 78.

¹⁹⁵ Смирнов К. Ф., 1951, с. 232, 238, 240.

¹⁹⁶ Пиккуль М. И., 1959, с. 161.

¹⁹⁷ Котович В. М., 1978б, с. 81, 83, 84.

¹⁹⁸ Давудов О. М., 1968, с. 17.

¹⁹⁹ Пиккуль М. И., 1973, с. 48. В 1974 г. О. М. Давудовым было раскопано на этом памятнике конское захоронение.

терным для Дагестана той эпохи. Однако при нынешнем состоянии наших знаний мы не можем дать ему удовлетворительного объяснения.

Немногим лучше нынешнее состояние изученности памятников II — начала I тысячелетия до н. э. в горном Дагестане. Основными источниками для освещения нашей темы здесь служат материалы раскопок Ирганайского и Верхнегуньбского поселений, правда охватывающие лишь первую половину изучаемого периода. К сожалению, мы не располагаем пока данными о хозяйственной деятельности населения горного Дагестана во второй половине II — начала I тысячелетия до н. э.

На Ирганайском поселении выявлены остатки монументальных каменных жилищ с мощными культурными отложениями раннего этапа эпохи средней бронзы. Здесь наряду с керамикой встречены многочисленные зернотерки, кости животных, свидетельствующие об оседло-земледельческом характере данного памятника. Основу хозяйства составляли земледелие и скотоводство, а найденные здесь фруктовые косточки — древнейшие среди известных ныне в Дагестане — указывают на уже состоявшееся знакомство с садоводством²⁰⁰. Костные остатки принадлежали крупному (40,1%) и мелкому (34,3%) рогатому скоту, свиньям (12,4%, часть из них — дикие)²⁰¹. Как видим, и на Ирганайском поселении ведущая роль в скотоводстве отводилась крупному рогатому скоту. Немаловажное значение в обеспечении его обитателей мясной пищей играла и охота: почти четверть всех костных остатков (24,8%) принадлежала диким животным²⁰².

Обратимся теперь к Верхнегуньбскому поселению, где к интересующему нас периоду относятся второй (ранний этап эпохи средней бронзы) и первый (поздний, каякентско-хорчоевский этап эпохи средней бронзы) культурные слои. В них представлены все те же атрибуты оседло-земледельческого быта, что и в древнейшем на этом памятнике третьем культурном слое: монументальное каменное домостроительство с элементами фортификации, довольно мощные свиты последовательно нараставших культурных напластований, разнообразный «земледельческий» инвентарь, включавший зернотерки, терочки, ступки с пестами, наконечники мотыг, кремневые вкладыши от серпов (рис. 17, 1—3)²⁰³. В составе стада количественно преобладали овцы и козы (60,19% — во втором слое, 54,35% — в первом), примерно наполовину меньше было у них крупного рогатого скота (31,26% — во втором слое, 34,74% — в первом), совсем немного свиней (1,37% — во втором слое, 0,8% — в первом), а на заключительном этапе бытования данного памятника здесь появляется и лошадь (0,21% — в первом слое)²⁰⁴. Учитывая значительно более высокую мясную и

молочную продуктивность крупного рогатого скота по сравнению с мелким, В. М. Котович, исследовавшая Верхнегуньбское поселение, пришла к заключению, что выявленное здесь количественное соотношение крупного и мелкого рогатого скота (по общему количеству костей — 1:1,9 — во втором слое, 1:1,6 — в первом, а по особям — 1:1,9 во втором слое, 1:1,5 — в первом) свидетельствует не только о преобладающем хозяйственном значении крупного рогатого скота, но и отражает непрерывное возрастание его роли в местном скотоводстве, носившем оседлый придомный характер²⁰⁵.

Но, как уже отмечалось, в последние годы А. А. Формозовым была предпринята попытка заново интерпретировать Верхнегуньбское поселение как поселок скотоводов, разводивших преимущественно овец и коз²⁰⁶. Из приводившихся выше данных явствует, что мелкий рогатый скот действительно количественно преобладал среди других видов домашних животных, представленных на этом памятнике. Но так ли уж велика значимость этого факта, чтобы он мог не только противостоять, но и свести на нет значение многочисленных и разнообразных находок, так или иначе связанных с земледелием, которое фактически полностью отрицается в оценке А. А. Формозова? И так ли уж велико количественное преобладание мелкого рогатого скота над крупным, чтобы последнему также не нашлось места в новой оценке скотоводства на Верхнегуньбском поселении?

В поисках ответа на последний вопрос, очевидно, следует опираться на мнение специалистов-палеозоологов, отмечающих, что в подобных случаях необходимо учитывать не столько общее количество того или иного вида скота, сколько и, главным образом, мясную продуктивность каждого вида в отдельности²⁰⁷. При определении мясной продуктивности крупного и мелкого рогатого скота нами было предложено в качестве эквивалента соотношение 1:4²⁰⁸. Дагестанские этнографы, ориентируясь на коэффициенты, разработанные ЦСУ, принимают еще более высокое соотношение — 1:5, 7—5,8²⁰⁹. При всех обстоятельствах соотношение поголовья на Верхнегуньбском поселении, где на 1 голову крупного рогатого скота приходилось всего 1,5—2 головы мелкого, самым недвусмысленным образом свидетельствует, что основу скотоводства здесь составляло именно разведение крупного рогатого скота. Недооценка данного обстоятельства, равно как и игнорирование значения найденных на Верхнегуньбском поселении многочисленных земледельческих орудий и иных приспособлений, связанных с обработкой продуктов земледелия, объективно способствует выработке неверного, искаженного представления об исторической действительности

²⁰⁵ Там же, с. 219.

²⁰⁶ Формозов А. А., 1974, с. 30, 31.

²⁰⁷ Цалкин В. И., 1958, с. 269.

²⁰⁸ Котович В. Г., 1961а, с. 292.

²⁰⁹ История Дагестана, 1968, с. 178, примеч. 3. При определении мясной продуктивности скота, принят следующий коэффициент: лошадь — 1, крупный рогатый скот — 0,75, овцы — козы — 0,13, свиньи — 0,2.

²⁰⁰ Атаев Д. М., Погребова М. Н., 1973, с. 34.

²⁰¹ Золотов К. Н., 1968б, с. 238.

²⁰² Там же.

²⁰³ Котович В. М., 1965, с. 27—70, 101—111.

²⁰⁴ Там же, с. 217, табл.

той эпохи. Все это побуждает нас не согласиться с предложенной А. А. Формозовым новой интерпретацией Верхнегунбского поселения, учитывающей всего лишь одно, и притом не самое главное, из направлений хозяйственной деятельности его древних обитателей и по-прежнему считать его уникальным памятником самобытной и яркой оседло-земледельческой культуры дагестанских высокогорий конца III — первой половины II тысячелетия до н. э. На протяжении его длительного бытования здесь сложилось довольно развитое для той эпохи многоотраслевое хозяйство, включавшее наряду с земледелием и скотоводством также металлообработку, керамическое производство, строительное дело, ткачество и т. д. Однако ведущее положение в хозяйстве, его основу составляли земледелие и оседлое или стационарное скотоводство, удивительно приспособленные к условиям своего микрорайона, расположенного на высоте свыше 2 тыс. м над уровнем моря.

С рассмотренными данными и основанными на них оценками согласуются немногочисленные материалы из могильников рассматриваемого периода. Так, в склепах Гинчинского могильника встречена керамика с отпечатками зерен злаков, а также кости домашних животных, большая часть которых (179) принадлежала крупному рогатому скоту, а остальные — овцам и козам (39) и собакам (14)²¹⁰. По справедливому заключению исследовавшего этот памятник М. Г. Гаджиева, столь заметное место, отведенное в погребальном обряде крупному рогатому скоту, «свидетельствует о большой его роли в хозяйстве и, следовательно, об оседлом его характере»²¹¹. В целом же основу хозяйства древнего населения Гидатлинской долины, оставившего названный памятник, составляли, по его мнению, земледелие и скотоводство²¹².

В несколько более позднем по времени Хорочоевском могильнике подавляющее большинство костных остатков принадлежало мелкому рогатому скоту, наряду с ними здесь были также найдены кости теленка, домашней свиньи и лошади²¹³. Анализовавший эти данные А. П. Круглов обратил особое внимание на «количественное преобладание костей мелкого рогатого скота над костями быка» в погребениях Хорочоевского могильника, но проявил известную осторожность в оценке этого факта. «Невольно напрашивающийся вывод, — писал он, — что таково же количественное соотношение этих животных и в составе стада, должен быть подкреплён массовым материалом из поселений»²¹⁴. Справедливость подобного подхода к оценке данного факта была подтверждена исследованиями.

Последующее развитие земледелия и скотоводства в горных районах Дагестана в настоящее время не может быть освещено

²¹⁰ Гаджиев М. Г., 1969а, с. 158.

²¹¹ Там же, с. 159.

²¹² Там же, с. 158, 159.

²¹³ Круглов А. П., 1958, с. 78.

²¹⁴ Там же, с. 79.

из-за отсутствия здесь изученных памятников второй половины II — начала I тысячелетия до н. э. Однако материалы из памятников несколько более позднего времени (VII—IV вв. до н. э.) — Макинского²¹⁵, Гинчинского (№ 2)²¹⁶, Турчидагского²¹⁷ поселений и соответствующих слоев Верхнелабкомахинского городища²¹⁸ — свидетельствуют, что основой хозяйства населения горных районов в этот период по-прежнему являлись земледелие и скотоводство. Основываясь на этом, мы вправе полагать, что аналогичная ситуация существовала здесь и во второй половине рассматриваемого нами периода, не освещенного пока археологическими источниками.

На этом мы заканчиваем рассмотрение имеющихся данных, характеризующих основы хозяйства населения Дагестана во II — начале I тысячелетия до н. э. Опираясь на них, можно заключить, что, как и в предшествующие эпохи, в качестве таковых здесь в преобладающем большинстве случаев (единственное пока исключение — Нижнесигитмилское поселение) служили земледелие и скотоводство.

Важная роль земледелия документируется многочисленными в бытовых памятниках находками разнообразных орудий труда и иных приспособлений, связанных с земледелием и обработкой земледельческих продуктов, а также проникновением некоторых из них в погребальный обряд (заупокойная пища из зерен злаков, кремневые вкладыши от серпов и молотильная доска в погребальном инвентаре). К сожалению, данные о динамике земледелия на протяжении рассматриваемого периода довольно скудны и фрагментарны.

Особенно важное значение среди них имеет, по нашему мнению, зафиксированный на городище Шах-Сенгер факт обведения оборонительными сооружениями не только поселения, но и прилегающих к нему земледельческих угодий. Подобная необходимость обычно возникала в определенных условиях: «Рост численности... племени приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства»²¹⁹. Приведенный факт свидетельствует о больших затратах общественного труда на защиту от притязаний соседей именно пахотных угодий — главной предпосылки, основы земледельческого производства. Защищенные таким образом земельные угодья представляли особенную ценность в глазах древних земледельцев: в пределах обведенной оборонительными стенами территории Шахсенгерского городища не оставалось ни одного клочка неводеланной земли, даже участки с крутым рельефом были сплошь террасированы и благодаря этому приспособлены для нужд земледельческого производства.

²¹⁵ Пикуль М. И., 1967, с. 81—83, 101—103.

²¹⁶ Гаджиев М. Г. Отчет о работе Гинчинского отряда ДАЭ в 1962 г. — РФ ИИЯЛ, д. 3253.

²¹⁷ Магомедов М. Г. Отчет о работе 1-го разведочного отряда — ДАЭ в 1965 г. — РФ ИИЯЛ, д. 3512.

²¹⁸ Давудов О. М., 1973, с. 122, 123.

²¹⁹ Маркс К., т. 8, с. 568.

Но городище Шах-Сенгер относится уже к заключительному отрезку рассматриваемого нами периода. Очевидно, представленная здесь картина была подготовлена предшествующим развитием хозяйства на протяжении II тысячелетия до н. э., а последнее, в свою очередь, наследовало и активизировало процессы, наметившиеся еще в III тысячелетии до н. э. Основываясь на этом, можно полагать, что во II тысячелетии до н. э. в Дагестане продолжалось развитие пашенного земледелия и его специализация по естественно-географическим районам и зонам, увеличивалась численность населения и по мере сегментации общин еще более возрастала его плотность, все более остро проявлялась нехватка земельных, в первую очередь пахотных угодий и, обусловленные ею, усиливались межплеменные и межобщинные столкновения за обладание этими угодьями. Совокупность всех этих и, вероятно, других, неучтенных здесь факторов привела в конечном счете к еще более широкому распространению террасостроительства (захватившего в начале I тысячелетия до н. э. уже и полосу предгорий), а также к появлению обведенных оборонительными стенами земельных участков, примером чего и служит городище Шах-Сенгер.

Последнее обстоятельство чрезвычайно важно еще и потому, что на этом памятнике собственно населенный пункт и прилегающие к нему пахотные угодья, обведенные совершенно одинаковыми по устройству оборонительными сооружениями, образуют единое целое, в котором пашня выступает как неотъемлемый структурный элемент территории городища. Данная особенность чрезвычайно близка структуре городов античного типа. К. Маркс писал: «Пашня является здесь территорией города...»²²⁰. Эта же черта прослеживается также в структуре некоторых дагестанских городищ скифского времени, разросшихся затем — уже в албанскую эпоху — в древние города (Урцеки, Таргу)²²¹. Таким образом, основываясь на всем изложенном, можно полагать, что по мере развития земледелия на протяжении II — начала I тысячелетия до н. э. в Дагестане сложилась совокупность социально-экономических предпосылок, которые во многом определили последующие пути становления здесь древних городов по модели, близкой к античной, т. е. как городов, основанных на земледелии.

Во II — начале I тысячелетия до н. э., как и прежде, сохранялась зональная специализация земледелия, практиковавшегося как в предгорьях вблизи равнины (Новолакское, Шах-Сенгер), так и в горных долинах (Ирганай) и в высокогорьях (Верхний Гуниб, Ингердах, Местерух). Из возделывавшихся в ту пору злаков известны твердая (Манас) и мягкая (Верхний Гуниб) пшеницы, голозерный ячмень (Верхний Гуниб), отпечаток зерна пшеницы (?) встречен на одном из сосудов Миатлинского могильника²²².

²²⁰ Маркс К., Энгельс Ф., т. 46, ч. I, с. 465.

²²¹ Котович В. Г., 1968, д. 3947.

²²² Лисицына Г. П., Прищепенко Л. В., 1977, с. 67, 68.

Качественно новым достижением рассматриваемого периода является садоводство (Ирганай)²²³.

О технической оснащенности земледельческого труда в рассматриваемый период нам известно немного. Можно полагать, что, как и в III тысячелетии до н. э., обработка земли производилась с помощью простейших типов пахотных орудий, вероятно целиком изготовленных из дерева. Для ручной обработки земли и рыхления пашни употреблялись мотыги с каменными наконечниками²²⁴. Основными жатвенными орудиями являлись костяные или деревянные серпы с двусторонне обработанными кремневыми вкладышами, лезвиям которых нередко придавались характерные зубчатые очертания (рис. 16, 2, 3).

Подобные серпы применялись в Дагестане и позднее²²⁵. Однако не исключено, что наряду с ними в конце II — начале I тысячелетия до н. э. здесь стали употребляться и металлические серпы, сначала бронзовые, а затем и железные, подобные тем, которые встречены на памятниках этого периода в соседних областях Чечено-Ингушетии и Северной Осетии²²⁶. Для обработки зерна служили каменные зернотерки. На Верхнегунибском поселении зафиксировано количественное возрастание этих орудий и увеличение их рабочих поверхностей от нижних слоев к верхним, этот факт справедливо поставлен в связь с увеличением количества производимого и потребляемого зерна²²⁷.

Среди других приспособлений, связанных с земледелием, отметим находки своеобразных по устройству двухкамерных печей, предназначенных для выпечки хлеба, обжаривания зерна (Верхний Гуниб, Новолакское). Подобные печи выявлены и в памятниках скифского времени (Мака)²²⁸. В несколько видоизмененном виде они доживают в Дагестане до этнографической современности²²⁹.

Наряду с земледелием во II — начале I тысячелетия до н. э. продолжало развиваться и скотоводство, носившее, как и в предшествующее время, оседлый придомный характер, с преобладающим хозяйственным значением крупного рогатого скота.

* * *

Итак, накопленные к настоящему времени археологические материалы позволяют наметить три последовательных этапа становления и развития производящего хозяйства в Дагестане.

Первый, охватывающий эпохи мезолита и раннего неолита, — период зарождения и становления производящей экономики. Судя по материалам многослойной Чохской стоянки, в конце верхнего палеолита — мезолите в горном Дагестане существовала

²²³ Атаев Д. М., Погребова М. Н., 1973, с. 34.

²²⁴ Котович В. М., 1965, с. 101—104.

²²⁵ Давудов О. М., 1978.

²²⁶ Деопик Д. В., Крупнов Е. И., 1961, с. 27; Магомедов А. Р., 1972, с. 124, 125; Козенкова В. И., 1977, с. 15, 16.

²²⁷ Котович В. М., 1965, с. 106, 107.

²²⁸ Пикуль М. И., 1967, с. 81—82.

²²⁹ Котович В. М., 1965, с. 38—39.

высокоспециализированная культура охотников и собирателей, в недрах которой стали зарождаться элементы производящего хозяйства. В раннем неолите земледелие уже сложилось в Дагестане в самостоятельную отрасль хозяйства, существовавшую наряду с охотой и, вероятно, скотоводством.

На протяжении *второго этапа*, характеризуемого материалами памятников финального неолита — энеолита, земледелие и скотоводство становятся ведущими отраслями хозяйства дагестанских племен. В условиях прочной оседлости развиваются каменное домостроительство и фортификация, гончарное производство, а позднее, вероятно, и металлургия.

Третий этап — период расцвета первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства в Дагестане в бронзовом веке. Среди его главных достижений — развитие местного очага металлургии, использование пахотных орудий, террасостроительство, земледельческое освоение высокогорий, появление горских поселений со ступенчатым расположением каменных построек. Однотипное в своей основе земледельческо-скотоводческое хозяйство развивалось и в последующее время во всех естественного географических районах Дагестана, различающихся по высоте (от 0 до 2000 м над уровнем моря), своеобразию климатических и почвенных условий, свидетельствуя о весьма высоком уровне его зональной специализации.

Завершая характеристику последовательных этапов зарождения и становления, упрочения и расцвета производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства в Дагестане в рамках первобытнообщинного строя, следует еще раз подчеркнуть, что имеющиеся археологические данные подтверждают правомерность взглядов Н. И. Вавилова на Дагестан как на один из древнейших в нашей стране очагов земледелия вообще, террасного земледелия в частности и позволяют поставить вопрос о возможности отнесения его к числу первичных очагов мирового земледелия. Становится очевидным, что последовательное развитие производящего хозяйства здесь определялось как общими закономерностями, присутствующими и другим горным районам переднеазиатско-кавказского региона, так и специфически местными особенностями. Дав первоначальный импульс зарождению и становлению производящей экономики, население горных районов было вынуждено затем затрачивать огромный труд на дальнейшее развитие своего земледельческо-скотоводческого хозяйства, получая при этом значительно меньший выход полезной продукции, особенно прибавочного продукта, по сравнению со вторичными по происхождению, но гораздо более быстро развивавшимися очагами раннеземледельческих культур и, позднее, цивилизаций, основанных на применении регулярного искусственного орошения. Указанные обстоятельства, во многом определившие более медленные исторические темпы не только хозяйственного, но и социального развития первичных очагов, в условиях Дагестана были осложнены еще и рядом отмеченных выше сугубо местных факторов.

К ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ И СТАНОВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Состояние проблемы

Освещение сложной и все еще недостаточно разработанной проблемы возникновения железной металлургии в Дагестане имеет немаловажное значение как в специальном археологическом, так и в общеисторическом аспекте. Определение путей, которые привели дагестанские племена к знакомству с железом и овладению секретами железоделательного производства и тем самым обозначили важнейший рубеж их социально-экономического и культурно-исторического развития, с которого они начинают «свою героическую эпоху, — эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора», когда им «стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории»¹, наконец, прояснение их собственной роли в распространении достижений железоделательного производства среди населения сопредельных областей — все эти задачи одинаково важны и масштабны и для археологов, и для историков.

Необходимость разработки данной проблемы в чисто археологическом плане определяется еще, по крайней мере, двумя существенными обстоятельствами. Как уже отмечалось в предыдущих главах, в кавказской археологии длительное время бытовало представление об одновременности пышной, богатой бронзовыми изделиями кобанской культуры и явно уступающей в этом отношении, весьма бедной металлом каякентско-хорочоевской культуры, что и послужило А. П. Круглову основанием для заключения о значительном — стадийном — отставании процесса исторического развития населения Северо-Восточного Кавказа².

Но, как известно, обе названные культуры отличались друг от друга не только качественно различными наборами бронзовых изделий, а также и тем, что кобанцам уже было известно железо, употреблявшееся на первом этапе бытования культуры в виде редких небольших изделий и для инкрустаций по бронзе, а на втором — для изготовления орудий труда и предметов вооружения в относительно широких масштабах³. Данная особенность была ярко отражена в известной трехчленной периодизации раннего железного века Северного Кавказа, разработанной Е. И. Крупновым. К ее первому (XI—X вв. до н. э.) и даже второму (IX—VIII вв. до н. э.) этапам он отнес наряду с соответствующими кобанскими памятниками также целый ряд таких памятников Дагестана и Чечено-Ингушетии (каякентско-хорочоевские могильники, Талгинский могильник), где железо вообще не было представ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф., т. 21, с. 162, 163.

² Круглов А. П., 1946, с. 134.

³ Крупнов Е. И., 1960, с. 107, 108.

лено⁴. Подобное объединение памятников названных культур в рамках единой периодизации раннего железного века не только заново подтвердило тезис об их одновременности, но свелось по существу к признанию того, что значительное историческое отставание населения Северо-Восточного Кавказа от племен, населявших центральную часть Северного Кавказа, проявлялось прежде всего и главным образом в таком важнейшем производственном достижении древности, каким являлось овладение железом.

Разумеется, подобная оценка в настоящее время не может быть безоговорочно принята. В частности, дагестанскими специалистами уже немало сделано для ее уточнения и пересмотра, что нашло свое отражение в ряде общих⁵ и специальных работ⁶. И все же научный авторитет А. П. Круглова и Е. И. Крупнова до сих пор давляет в этом вопросе над многими кавказскими археологами, в основе собственных построений и концепций которых — их суждения⁷. Сказанное определяет необходимость нового рассмотрения проблемы возникновения железной металлургии в Дагестане с учетом накопленных к настоящему времени археологических материалов и новых взглядов на хронологию кобанской и кякентско-хорочоевской культур.

В то же время новые разработки по проблеме возникновения железной металлургии в Дагестане и в целом на Северо-Восточном Кавказе представляют немаловажное значение не только сами по себе, но и для освещения данной проблемы в общекавказском масштабе. Иными словами, локальные разработки по данной проблеме неотделимы от общерегиональных.

Сказанным определяется и наш подход к освещению проблемы, предполагающей рассмотрение дагестанских материалов не изолированно, а в тесной связи с материалами из других областей Кавказа, т. е. в едином русле общекавказского процесса зарождения и развития местной металлургии железа.

Проблема возникновения железной металлургии на Кавказе уже давно стоит в науке. Рассмотрение ее историографии не входит в нашу задачу⁸. Отметим лишь, что в поисках путей для ее решения исследователи обычно пользуются данными о возрасте тех или иных находок железных изделий из древних памятников Кав-

каза (особенно Закавказья) и сопредельных территорий, а также привлекают сведения письменных источников. Однако пользование всеми этими данными до сих пор не принесло желаемых результатов, свидетельством чему может служить нынешняя ситуация в кавказской археологии, характеризующаяся сосуществованием двух противоположных точек зрения.

Согласно одной из них, восходящей еще к Ж. де Моргану⁹ и запово поставленной в наше время исследователями грузинской школы¹⁰, Кавказ (или только Закавказье) рассматривается как один из древнейших мировых очагов возникновения железной металлургии. Она обосновывается главным образом ссылками на хронологию наиболее ранних находок отдельных железных и стальных изделий, а также целых производственных комплексов по обработке железа, выявленных в разных частях территории Грузии. Но, как известно, абсолютная хронология кавказских древностей разработана еще крайне недостаточно, поэтому достоверность основанных на них суждений в некоторых случаях требует дополнительных подтверждений.

Сторонники противоположной точки зрения, впервые сформулированной Б. А. Куфтиным¹¹, настаивают на переднеазиатском происхождении железной металлургии Кавказа¹². В доказательство обычно ссылаются на то обстоятельство, что железные изделия sporadически встречаются в переднеазиатских памятниках уже в IV—II тысячелетиях до н. э., тогда как на Кавказе они появляются лишь со второй половины, особенно с конца II тысячелетия до н. э. А некоторые из исследователей в подтверждение позднего возраста и привнесенного характера железной металлургии Кавказа высказывают мнение о том, что обилие цветных металлов вряд ли могло стимулировать здесь очень ранний переход к металлургии железа¹³.

Но и эти доводы нельзя признать бесспорными. Напомним в этой связи, что на поселении Геой-тепе (Иранский Азербайджан) в слое «К», относящемся к III тысячелетию до н. э. и неотделимом в историко-культурном отношении от других раннебронзовых памятников Южного Кавказа¹⁴, найдены кусочки железа и белого чугуна¹⁵, свидетельствующие о весьма глубокой древности знакомства с железом, по крайней мере какой-то части южнокавказских, «куро-аракских» племен. Однако значение этого факта не следует

⁴ Круглов Е., 1962, р. 9, 10; Крупнов Е. И., 1965, с. 339, 340.

⁵ Очерки истории Дагестана, 1957, с. 19—22; Магомедов Р. М., 1961, с. 17, 18; История Дагестана, 1967, с. 86—98.

⁶ Котович В. Г., Шейхов Н. Б., 1960, с. 346—351; Пиккуль М. И., 1967, с. 13—33 и сл.; Давудов О. М., 1974, с. 27—31 и сл.

⁷ См., например: Виноградов В. Б. Рец.: 1969, с. 288, 289; Он же, 1972, с. 245—265; Чеченов И. М., 1974, с. 32, 33 и сл.; Козенкова В. И., 1977, с. 6—10; Она же, 1978, с. 154—166; Она же, 1978, с. 99—109.

⁸ Подробнее см. об этом: Пиотровский Б. Б., 1949, с. 114—120; Абрамишвили Р. М., 1957, с. 116—124; Он же, 1961, с. 305, 306; Крупнов Е. И., 1960, с. 28—52; Он же, 1964, с. 325—341; Шрамко Б. А., 1965, с. 222, 223; Даниелян О. А., 1971, с. 80—83; Арешян Г. Е., 1974, с. 192—211; Он же, 1974, с. 124—138; Он же, 1975, с. 5—11; Погребова М. Н., 1977, с. 22—28, 141—148; Хазугайшвили Д. А., 1977, с. 29—33; Котович В. Г., 1977, с. 69—78; Он же, 1978, с. 17—23.

⁹ De Morgan J., 1889, р. 97—132.

¹⁰ Абрамишвили Р. М., 1957, с. 116—124; Он же, 1961, с. 377—379; Меликишвили Г. А., 1959, с. 198—200; Тавадзе Ф. Н., 1963, с. 33, 34; Гзелишвили И. А., 1964; Хазугайшвили Д. А., 1973, с. 170—179; Он же, 1977, с. 30—33.

¹¹ Куфтин Б. А., 1941, с. 70—72.

¹² Пиотровский Б. Б., 1949, с. 115, 116; Крупнов Е. И., 1957, с. 8, 9; Мартиросян А. А., 1964, с. 131—132; Шрамко Б. А., 1965, с. 222, 223; Даниелян О. А., 1969, с. 13—15.

¹³ Шрамко Б. А., 1965, с. 222.

¹⁴ Мунчаев Р. М., 1961, с. 151; Он же, 1975, с. 172; Кушнарева К. Х., Чубишвили Т. Н., 1970, с. 89, 180.

¹⁵ Burton Brown G., 1950, р. 7—9.

преувеличивать. По нашему мнению, дальнейшие поиски решения данной проблемы путем сопоставления хронологии отдельных находок железных изделий в памятниках Передней Азии и Кавказа при нынешнем состоянии их изученности не сулят сколько-нибудь широких перспектив, поскольку имеющиеся материалы крайне разрозненны и фрагментарны и не могут объективно отражать динамику процесса становления железной металлургии в названных регионах. Более того, взятые сами по себе, все эти факты появления изделий из металлургического железа в памятниках бронзового века представляются достаточно парадоксальными, а потому заслуживающими не только констатации, но и специального рассмотрения и объяснения.

Невозможно согласиться и с упоминавшимся выше мнением, будто развитие цветной металлургии могло препятствовать раннему возникновению металлургии железа: оно полностью опровергается на примере Передней Азии, где металлургия меди и бронзы возникла раньше, чем на Кавказе, где в III—II тысячелетиях до н. э. она также переживала свой расцвет, но где тем не менее чрезвычайно рано начинают появляться железные изделия и возникает железная металлургия.

Как видим, ни одна из существующих точек зрения на происхождение железной металлургии Кавказа не может быть признана в настоящее время ни окончательно утвердившейся, ни тем более единственно возможной. Правда, среди археологов-кавказоведов все более проявляется тенденция к признанию в той или иной форме существования закавказского (или армено-кавказского) очага железной металлургии¹⁶. Но в то же время на страницах специальных археологических изданий появляются призывы развеять «археологический миф» о глубокой древности начала железного века на Кавказе¹⁷, вновь постулируется тезис о привнесенном характере железной металлургии, на этот раз только Северного Кавказа, население которого якобы заимствовало ее с севера, от степняков-киммерийцев¹⁸.

Таково в общих чертах нынешнее состояние рассматриваемой проблемы, которое во многом определяет необходимость и актуальность ее дальнейших разработок по разным направлениям. Несомненно, важнейшими среди них по-прежнему остаются работы по накоплению новых данных, особенно относящихся к ранним этапам развития железоделательного производства в разных областях Кавказа, уточнению хронологии находок древнейших железных предметов, выделению наиболее характерных типов продукции местных железоделательных центров, начавших функционировать еще в доурартский и доскифский периоды, — эти исследования должны способствовать созданию надежной фактологической базы, без которой невозможно всестороннее освещение проблемы воз-

никновения древней металлургии Кавказа. Проведение подобных исследований потребует немалых затрат времени и труда.

Подчеркивая это, хотелось бы также отметить, что еще далеко не полностью исчерпаны возможности изучения уже накопленных к настоящему времени материалов, так или иначе связанных с данной проблемой. Достаточно сказать, что не все они введены в научный оборот, что до сих пор не было предпринято попытки подойти к ее решению не с узколокальных, а с общерегиональных позиций, что недостаточно внимания уделялось освещению ее технико-технологического аспекта. Все эти и другие аспекты проблемы происхождения железной металлургии Кавказа могут стать объектами исследований уже в ближайшее время.

Некоторым из них, связанным с выявлением условий и предпосылок, способствовавших зарождению железной металлургии на Кавказе и попыткой охарактеризовать ранние этапы становления местного железоделательного производства, посвящены следующие разделы данной работы.

О путях зарождения железной металлургии

Находимые в памятниках бронзового века Передней Азии, Восточного Средиземноморья, Юго-Восточной Европы железные поделки нередко изготовлялись из метеоритного и теллурического самородного железа. Но наряду с ними встречаются отдельные предметы, изготовленные из железа, полученного металлургическим способом, а также шлаки и другие производственные отходы, содержащие большие примеси железа. Эти находки обычно истолковываются и как вещественные доказательства начавшегося в бронзовом веке освоения нового металла и даже как свидетельства успешного овладения уже в ту пору приемами получения железа из руд посредством сыродутного процесса¹⁹.

Между тем подобное истолкование причин появления изделий из металлургического железа в памятниках бронзового века не является единственно возможным. Нам уже приходилось давать принципиально иное объяснение данному явлению, отмечая возможность получения небольших количеств железа при выплавке меди²⁰, т. е. вне всякой зависимости от сыродутного способа добычи железа. Этим самым открывается и принципиально новый подход к проблеме зарождения металлургии железа, оказывающийся таким образом непосредственно связанной с древней металлургией меди и бронзы. Именно такую возможность предполагал видный советский металлург В. А. Пазухин, отмечавший, что способ вы-

¹⁹ См., например: Граков В. Н., 1958, с. 3—9; Он же, 1977, с. 13—22; Шрамко Б. А., 1965, с. 219—222; Солнцева Л. А., Степанская Р. Б., Фокин Л. Д., Шрамко Б. А., 1969, с. 40.

²⁰ Такая возможность впервые отмечена нами в плановой работе 1970 г. «О времени и путях возникновения железной металлургии в Дагестане» (рукопись, РФ ИИЯЛ, д. 4449), а затем и в публикациях; см.: Котович В. Г., 1975, с. 33—37; Он же, 1977, с. 69—78.

¹⁶ Арешян Г. Е., 1975, с. 24, 25; Хачатрян Т. С., 1975, с. 232, 233.

¹⁷ Тереножкин А. И., 1971, с. 83.

¹⁸ Тереножкин А. И., 1973, с. 18; Он же, 1976, с. 20, 200.

плавки железа возник из попыток выплавки меди из медного колчедана²¹.

Остановимся на этом подробнее. Как известно, один из наиболее древних способов плавки сульфидных руд, включая и колчеданы, известный в металлургии под названием «азиатского», весьма длительное время практиковался на обширных территориях, включая Кавказ²². Сущность этого способа и химических процессов, которые происходили в каждой из составлявших его двух последовательных операций, охарактеризована в трудах выдающегося советского металлурга академика А. А. Байкова. В результате первой операции — многократного обжига руды с целью удаления возможно большего количества серы — получался сложный по химическому составу промежуточный продукт, так называемый «штейн», или «купферштейн», образованный преимущественно окислами меди и железа. Из него и выплавлялась затем черновая медь. Эта вторая операция производилась в шахтных печах с восстановительной средой, где из окислов меди должна восстанавливаться металлическая медь, а окислы железа — переходить в закись железа, которая вместе с кремнекислотой затем образует шлаки²³.

Однако сложность состава для плавки продукта, содержащего, помимо окислов меди и железа, также их сернистые соединения и купоросы, определяла и значительно более сложный характер химических процессов, происходивших в действительности при получении меди в шахтных печах. В трудах академика А. А. Байкова обстоятельно охарактеризовано многообразие и сложность химических реакций, протекавших в восстановительной атмосфере шахтных печей и приводивших к образованию основных продуктов плавки: черновой меди и шлака²⁴.

Для наших же целей особенно важно подчеркнуть, что некоторые из этих реакций приводили к восстановлению и последующему сохранению металлического железа. Это могло происходить при шлаковании окислов в случае избытка горючего либо извести в шихте или же недостачи в ней кремнекислоты, вследствие чего нарушалось присущее нормальному ходу плавки химическое равновесие и часть закиси железа восстанавливалась до металлического железа²⁵. Аналогичный результат получался и при продолжительной плавке в сильно восстановительной среде и при высокой температуре²⁶. И, наконец, восстановление металлического железа из его закиси за счет твердого углерода происходило в наиболее горячих частях печи, недалеко от фурменных отверстий²⁷. Избе-

жать действия этих факторов до недавнего времени было чрезвычайно трудно, практически невозможно, вследствие чего, как отмечал А. А. Байков, плавка на черновую медь в шахтных печах «неизбежно должна сопровождаться образованием железистых настелей — жуков и криц»²⁸. Обычно эти жуки и крицы на 76—90% состояли из железа и механически удерживаемого им некоторого количества меди и серы²⁹.

Очевидно, в древности, когда возможности ограничения или регулирования отмеченных факторов на процессе плавки практически отсутствовали, их воздействие должно было проявляться в значительно большей степени. Следовательно, с переходом к выплавке меди из колчеданов древние металлурги должны были более или менее регулярно получать и металлическое железо в качестве побочного, поначалу нежелательного, но неизбежного продукта этого процесса. Для наших целей особенно важно отметить, что при этом процессе образовывались железистые крицы, содержавшие большое количество металлического железа. Допустимо предположить, что по мере освоения плавки сульфидных руд древними металлургами были предприняты и первые попытки использования для практических целей нового металла — железа.

Возникает естественный вопрос: в какие исторические сроки началась или могла начаться разработка сульфидных руд, в особенности колчеданов? Разные исследователи дают на него разные ответы. По мнению одних, получение меди из большинства сульфидных руд, особенно железистых сульфидов, было непосильной задачей для древних металлургов³⁰. Другие специалисты в качестве серьезного технического препятствия плавке сульфидных руд указывают на будто бы недоступную в древности необходимость высокоогнеупорной футеровки печей³¹. Но многие исследователи, принимавшие во внимание практиковавшиеся еще недавно способы плавки сульфидных руд (включая колчеданы) с помощью простейших, вполне доступных и первобытным металлургам технологических приемов и технических приспособлений или, просто считаясь с известными археологическими фактами, относят освоение сульфидов для нужд металлургии еще к медно-бронзовому веку³².

Общепризнанно, что использование сульфидов начиналось лишь после исчерпания запасов окисленных руд, более доступных для разработки и легкоплавких. Подобная ситуация, очевидно, могла скорее всего возникнуть в областях, относительно бедных окисленными или вторичными рудами и богатыми рудами сульфидными.

²¹ Пазухин В. А., Aitchison L., 1963, с. 268.

²² Иессен А. А., 1935, с. 64, 65, 67; Абесадзе Ц. Н., 1969, с. 136; Черных Е. Н., 1972, с. 152, 153.

²³ Байков А. А., 1949, с. 14, 15, 54—60.

²⁴ Байков А. А., 1949, с. 222—253.

²⁵ Байков А. А., 1949а, с. 34. Он же, 1949б, с. 250.

²⁶ Байков А. А., 1949а, с. 74; Он же, 1949б, с. 247.

²⁷ Байков А. А., 1949а, с. 85; Он же, 1949б, с. 247.

²⁸ Байков А. А., 1949, с. 260, 262.

²⁹ Там же, с. 262, табл. 2В.

³⁰ Forbes R., 1964, t. IX, p. 28—34.

³¹ Сарияниди В. И., Панарин С. А. Рец.: 1971, с. 278.

³² Иессен А. А., 1935б, с. 71; Деген Б. Е., 1941, с. 277, 278; Крупнов Е. И., 1960, с. 318; Селимханов И. Р., 1960, с. 69; Пазухин В. А., 1969, с. 239—245; Абесадзе Ц. Н., 1969, с. 136, 137; Черных Е. Н., 1972, с. 151; Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, с. 35, примеч. 1.

Среди таковых на первое место выступают области молодых складчатых гор, а в их числе прежде всего горные районы Передней Азии, являвшиеся древнейшими и крупнейшими для своего времени очагами медно-бронзовой металлургии³³. В какой-то мере это подтверждают и имеющиеся археологические материалы. Как проясняется новейшими исследованиями, развивавшаяся в VI—V тысячелетиях до н. э. древнейшая металлургия Месопотамии базировалась на использовании вторичных, окисленных руд (в основном малахитов) из небольших местных рудопроявлений³⁴. Но уже с конца хассунского периода в ряде памятников появляются первые свидетельства начавшегося перехода к использованию сульфидных руд. Это — относящиеся к концу V тысячелетия до н. э. находки кусков сульфидных руд: халькопирита на поселении Сиалк — II³⁵ и медного блеска (халькозина) в нижних слоях поселения Тали-Иблис³⁶. Это — датированный началом IV тысячелетия до н. э. поселок первобытных металлургов в Вади-Тимне, где зафиксирована древнейшая технология обработки сульфидных руд (медного блеска или халькозина), включавшая предварительный кустовый обжиг руды, механическую обработку получавшегося при этом спека и последующую его плавку³⁷. Но, пожалуй, наиболее важными в этом отношении представляются находки шлака на поселении Чатал-Гуюк в VI слое, датированном второй половиной VII тысячелетия до н. э. Как показал химический анализ, его основу составляли железо и медь. При металлографическом изучении в шлифах этого шлака были обнаружены включения кристаллов медных и железных руд. Среди медных представлены окисленные руды — тенорит, куприт, малахит, а также сульфидные — халькозин, или медный блеск и ковеллин, в том числе и железосодержащие — деляфоссит и борнит. Помимо того, в шлаках зафиксированы включения железных руд — пирита, пирротина и лимонита³⁸. По мнению производивших эти исследования австрийских специалистов, исходными продуктами плавки могли служить здесь сульфиды — медный блеск и борнит³⁹.

Все эти данные свидетельствуют о том, что первые попытки обработки сульфидных руд были сделаны на самых ранних этапах становления медно-бронзовой металлургии. Именно тогда начал практиковаться предварительный обжиг руды с целью удаления из нее серы и были изобретены плавильные печи с восстановительной средой, пригодные для выплавки меди как из окисленных, так и из предварительно обожженных сульфидных руд. Древнейшими металлургами уже были найдены и какие-то техни-

ческие решения для огнеупорной футеровки печей, обеспечившие возможность достижения в них довольно высоких температур. Для чрезвычайно глубокой древности это подтверждается уже упомянутой находкой в VI слое Чатал-Гуюка куска шлака, представлявшего собой четырехфазную твердую эвтектику, образовавшуюся при температуре 1080°⁴⁰. Позднее, с расцветом переднеазиатской металлургии, приходящимся на IV—III тысячелетия до н. э.⁴¹, заметно прогрессирует и ее техническая оснащенность. В частности, появляются обжигательные печи с принудительным дутьем⁴². В некоторых из них могла быть достигнута температура порядка 1250°⁴³. Этим самым уже в указанное время переднеазиатские металлурги практически обеспечивали себе технические возможности для выплавки меди из сульфидных руд, включая и наиболее тугоплавкие из них — колчеданы.

Что же касается Кавказа, то древнейшие из известных здесь в настоящее время находок металлических изделий датируются концом V — началом IV тысячелетия до н. э.⁴⁴. С этого же времени принято начинать сейчас историю древней кавказской металлургии⁴⁵, хотя некоторые специалисты не исключают возможности ее зарождения в те же исторические сроки, что и в соседней Восточной Анатолии⁴⁶. Подобную возможность подтверждает и то обстоятельство, что древнейшие металлические поделки (включая те из них, которые могут считаться местными) изготовлены из выплавленной меди, легированной присадками мышьяка. Это, в свою очередь, указывает не столько на зарождение металлургии Кавказа в V—IV тысячелетиях до н. э., сколько на достижение ею довольно развитого для того времени состояния⁴⁷.

Но как бы ни решился вопрос о времени зарождения и начальных этапах становления металлургии меди на Кавказе, в свете известных ныне фактов представляется совершенно очевидным, что ее расцвет приходится на III—II тысячелетия до н. э. Уже в III тысячелетии до н. э. в кавказских памятниках наблюдается количественный и качественный рост ассортимента металлических изделий, включающих орудия труда, предметы вооружения и украшения, разнообразные по форме, назначению и способам изго-

⁴⁰ Ibid., S. 108, 109.

⁴¹ Чалд Г., 1956, с. 201; Массон В. М., 1964, с. 204, 209, 434.

⁴² Perrot J., 1955, p. 79, 80. Возможно, однако, что это изобретение относится к еще более глубокой древности, о чем свидетельствует упомянутая находка шлаков из Чатал-Гуюка, образование которых происходило при температуре, вряд ли достижимой без печей с принудительным дутьем.

⁴³ Семенов С. А., 1965, с. 219.

⁴⁴ Абибуллаев О. А., 1965, с. 67, 72; Селимханов И. Р., Торосян Р. М., 1966, с. 34.

⁴⁵ См., например: Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970, с. 55; Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, с. 8, 9; Мунчаев Р. М., 1975, с. 102, 107, 392.

⁴⁶ Черных Е. Н., 1972, с. 98.

⁴⁷ Селимханов И. Р., Торосян Р. М., 1969, с. 230, 233, 235; Кушнарева К. Х., 1974, с. 57; Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. Н., 1978, с. 67—69, прим. 88.

³³ Черных Е. Н., 1972, с. 23—26, 150.

³⁴ Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., 1977, с. 157—163, примеч. 35.

³⁵ Ghirshman R., 1938, p. 206.

³⁶ Investigations at Tal-i-Iblis. 1. Illinois State Museum.— Preliminary Report, 1967, N 9, p. 17—20.

³⁷ Rothenberg B., 1962, p. 57—59.

³⁸ Neuninger H., Pittioni R., Siegl W., 1964, S. 98—107.

³⁹ Ibid., S. 109.

товления⁴⁸. Количество производимых таким образом металлических изделий было достаточно велико, о чем можно судить по их сравнительно широкому распространению на самом Кавказе и начавшемуся в тот период вывозу в степи Юго-Восточной Европы⁴⁹ и даже в страны Передней Азии⁵⁰. Столь резкий качественный скачок в развитии древней металлургии Кавказа был, очевидно, обусловлен ее окончательным выделением в самостоятельную отрасль производства, подразделявшуюся уже в первой половине III тысячелетия до н. э. на добывающую и обрабатывающую ветви⁵¹.

Техническая оснащенность первой из них характеризуется наличием специализированных типов каменных и металлических орудий горного дела⁵² и, по-видимому, также несложных деревянных инструментов и иных приспособлений, с помощью которых могла производиться не только добыча руд и их обогащение, но даже проходка наклонных и вертикальных шахт, возможность последнего, правда, в основном при добыче кремня, археологически документирована для того времени в разных районах нашей страны⁵³, а на Северном Кавказе — и при разработке медных руд⁵⁴.

Обрабатывающая ветвь также достигла в III тысячелетии до н. э. довольно высокого уровня развития, о чем свидетельствуют в первую очередь многочисленные и разнообразные находки производственного инвентаря, так или иначе связанного с литейным делом: одно- и двухстворчатые формы из камня и глины, тигли, льячки, остатки металлургических мастерских и др.⁵⁵ Как установлено, металлурги той эпохи уже свободно владели выплавкой металла из руды, совместной плавкой различных металлов с достижением нужных соотношений, отливкой изделий в формах, холодной и горячей ковкой, кузнечной сваркой, изготовлением

проволоки с помощью волочения и отливкой изделий по восковой модели⁵⁶.

Для наших же целей особенно важно отметить, что кавказские металлурги уже в III тысячелетии до н. э. довольно широко пользовались разнообразными пластичными печами с принудительным дутьем⁵⁷, позволявшими достигать высокие температуры. Лучше других сохранились печи-горны на поселении Бабадервиш. По своему устройству эти сводчатые печи с заглубленными в грунт овальными основаниями, в которых были сделаны специальные канавки для подачи воздуха⁵⁸, мало чем отличались от подобных же шахтообразных сооружений, широко применявшихся в древности и средневековье для восстановительной плавки как медных, так передко и железных руд⁵⁹. Небольшие по размерам, они обладали малым рабочим пространством, вследствие чего при сгорании большого количества угля с подачей сырого (т. е. неподогретого) воздуха в них могла достигаться чрезвычайно высокая температура порядка 1300—1350°⁶⁰. Благодаря этому обеспечивалось главное условие, при котором могли протекать химические процессы восстановления металлов из окислов, а именно образование высокотемпературной восстановительной атмосферы. Примечательно, что это достижение кавказских металлургов довольно быстро стало применяться и в керамическом производстве, где уже в III тысячелетии до н. э. нередко практиковался обжиг глиняной посуды в закрытых печах с восстановительной средой⁶¹.

Таким образом, в свете приведенных данных становится очевидным, что технико-технологическая оснащенность кавказской металлургии достигла в III тысячелетии до н. э. такого уровня развития, который вполне удовлетворял условиям, необходимым для практического осуществления выплавки меди из сульфидных руд с помощью «азиатского» или какого-либо иного простейшего способа. Конкретной побудительной причиной для этого мог послужить быстрый рост металлопроизводства, наблюдаемый на протяжении эпохи ранней бронзы во всех областях Кавказа и несомненно повлекший за собой соответствующее расширение рудной базы. В этих условиях могли оказаться сравнительно быстро истощенными количественно многочисленные, но бедные запасами выходы окисленных руд, которые, по мнению А. А. Иессена, создавали наиболее благоприятную обстановку для развития пер-

⁴⁸ См., например: *Джапаридзе О. М.*, 1955; *Ханзадян Э. В.*, 1964, с. 92—101; *Абибуллаев О. А.*, 1965, с. 67—72; *Махмудов Ф. А.*, *Мунчаев Р. М.*, *Нариманов И. Г.*, 1968, с. 16—26; *Абесадзе Ц. Н.*, 1969; *Кушнареева К. Х.*, *Чубинишвили Т. Н.*, 1970, с. 112—136; *Геворкян А. Ц.*, 1972, с. 22; *Мартиросян А. А.*, *Мнацаканян А. О.*, 1973, с. 122—127; *Кореневский С. Н.*, 1974, с. 14—32; *Он же*, 1978, с. 39—45; *Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 393—407; *Черных Е. Н.*, 1978, с. 61, 63.

⁴⁹ *Черных Е. Н.*, 1966, с. 72; *Он же*, 1969, с. 79; *Магомедов С. М.*, 1974, с. 64—79.

⁵⁰ *Иессен А. А.*, 1963, с. 6; *Крупнов Е. И.*, 1966, с. 38; *Чубинишвили Т. Н.*, 1965, с. 132.

⁵¹ *Кушнареева К. Х.*, *Чубинишвили Т. Н.*, 1970, с. 113.

⁵² *Иессен А. А.*, 19356, с. 65—67; *Коридзе Д. М.*, 1956, с. 251; *Гзелишвили И. А.*, 1967, с. 251; *Кушнареева К. Х.*, *Чубинишвили Т. Н.*, 1970, с. 113, 114.

⁵³ См., например: *Бибииков С. Н.*, 1965, с. 56—58; *Гурина Н. Н.*, 1966, с. 31—37; *Она же*, 1967, с. 121—125; *Сальников К. В.*, 1967, с. 336.

⁵⁴ *Кузнецов В. А.*, 1966, с. 62, 63.

⁵⁵ См., например: *Котович В. М.*, 1965, с. 222—227; *Махмудов Ф. А.*, *Мунчаев Р. М.*, *Нариманов И. Г.*, 1968, с. 17—20; *Ханзадян Э. В.*, 1969, с. 169—170; *Кушнареева К. Х.*, *Чубинишвили Т. Н.*, 1970, с. 114; *Кушнареева К. Х.*, 1974, с. 58, 59; *Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 393, 394.

⁵⁶ См., например: *Абесадзе Ц.*, *Бахтадзе Р.*, *Двали Т.*, *Джапаридзе О.*, 1958, с. 26; *Сакварелидзе Т.*, *Тавадзе Ф.*, 1959, с. 20; *Кушнареева К. Х.*, *Чубинишвили Т. Н.*, 1970, с. 129.

⁵⁷ *Котович В. М.*, 1965, с. 225; *Ханзадян Э. В.*, 1969, с. 169; *Кушнареева К. Х.*, *Чубинишвили Т. Н.*, 1970, с. 114; *Мунчаев Р. М.*, 1975, с. 393, 394.

⁵⁸ *Махмудов Ф. А.*, *Мунчаев Р. М.*, *Нариманов И. Г.*, 1968, с. 17—20.

⁵⁹ *Асланов Г. М.*, *Ваидов Р. М.*, *Ионе Г. И.*, 1959, с. 134, 135; *Стоксова Н. Н.*, 1960, с. 240, 241; *Гзелишвили И. А.*, 1964, с. 28, 29; *Черных Е. Н.*, 1972, с. 143—148, 151—153; *Граков Б. Н.*, 1977, с. 10—12.

⁶⁰ *Байков А. А.*, 1961, с. 70, 71.

⁶¹ *Чубинишвили Т. Н.*, 1965, с. 130.

вичной металлургии⁶². Потребность в новых источниках сырья для развивающейся металлургии могла быть покрыта в условиях Кавказа лишь с началом эксплуатации сульфидных руд (включая и колчеданы), выходы которых здесь встречаются в довольно большом количестве⁶³, а запасы несравненно богаче запасов руд окисленных. К тому же многочисленные месторождения сульфидных руд в молодых складчатых горах, как правило, сравнительно легко доступны, вследствие чего их разработка могла первоначально сводиться непосредственно к выборке необходимых минералов прямо из рудных жил или с проведением коротких неглубоких выработок⁶⁴.

И действительно, насколько можно судить по имеющимся материалам, кавказские металлурги стали использовать медно-колчеданные руды уже в глубокой древности. Наиболее яркие и достоверные материалы, указывающие и на начавшуюся в бронзовом веке добычу колчеданных руд и на использование ее в металлургии меди, выявлены пока только на Северном Кавказе. Здесь, на территории Карачаево-Черкессии, встречены остатки шахты и нескольких штолен, образовавшихся в результате почти полной выборки халькопиритовых жил, а также следы выборки отдельных линз халькопирита. Эти единственные пока в древних памятниках Кавказа выработки колчеданов датируются по находкам двух каменных желобчатых топоров и бронзового кинжала второй половиной или концом III — серединой II тысячелетия до н. э.⁶⁵

Другим подтверждением сказанному служат найденные в некоторых памятниках центральной части Северного Кавказа (на территории Кабардино-Балкарии и Ставропольского края), относящиеся к первой половине II тысячелетия до н. э. изделия, изготовленные из так называемой «серой бронзы». Последняя, как установлено микроструктурным и химическим анализами, содержала 66,02—63,30% меди с примесями «в ощутимых количествах» железа и мышьяка, следами никеля и заметным количеством серы, а также включения шлаков сернистого состава. Как отмечает Б. Е. Деген, подобный состав особенно характерен для «купферштейна» — промежуточного продукта плавки колчеданов. По его же заключению, эти находки указывают на начавшуюся в бронзовом веке выплавку «меди из местных сернистых руд типа колчеданов»⁶⁶. Подобную оценку разделяют и другие исследователи⁶⁷.

⁶² *Иссен А. А.*, 1935б, с. 30. В этой связи небезынтересно отметить, что в последние годы некоторыми исследователями сильно переоценивалось значение крупных месторождений окисленных руд в обеспечении меднорудной базы древних металлургических очагов Закавказья (*Геворкян А. Ц.*, 1973, с. 38).

⁶³ Например, только в Дагестане таких рудопроявлений известно сейчас около 600 (*Магомедов С. М.*, 1976, с. 35).

⁶⁴ *Иссен А. А.*, 1935б, с. 39—41; *Крупнов Е. И.*, 1960, с. 318; *Черных Е. Н.*, 1972, с. 150.

⁶⁵ *Кузнецов В. А.*, 1968, с. 62—65.

⁶⁶ *Деген Б. Е.*, 1944, с. 277, 278.

⁶⁷ *Крупнов Е. И.*, 1957, с. 84; *Он же*, 1960, с. 316—318.

Но, как уже отмечалось, рассмотренные факты — единственные пока в масштабах всего Кавказа свидетельства начавшегося здесь в столь глубокой древности использования колчеданов. Для Закавказья при рассмотрении этого вопроса нам приходится пользоваться косвенными данными. Таковые могут быть получены при ознакомлении с химическим составом металла из древних закавказских памятников. Как отмечал А. А. Байков, полученная при восстановительной плавке черновая медь содержит две группы примесей. Одна из них — различные металлы и металлоиды, попавшие из руды, другая группа примесей, «присутствие которых неизбежно и обусловлено сущностью самого процесса», — это сера и железо⁶⁸. Из этого свидетельства авторитетнейшего отечественного металлурга следует и обратное заключение, а именно наличие примесей серы и железа в составе меди, в свою очередь может служить указанием на ее выплавку из колчеданов. Разумеется, речь идет не о всяком, а о строго определенном, количественно лимитированном содержании обеих названных примесей. Чтобы установить, каким именно должно быть их количественное содержание, познакомимся с составом меди, действительно выплавленной из колчеданов.

Наиболее ярким примером этого могут служить изделия из клада в Сосновой Мазе, изготовленные именно из такой меди, о чем свидетельствует весьма высокое (от десяти долей до 5%) содержание в ней железа⁶⁹. Оно значительно превосходит те величины, в которых железо может попасть в состав медной патины из почв⁷⁰ или оказаться в металле от инструмента, при помощи которого из него взята проба⁷¹. К сожалению, содержание серы в металле из Сосновой Мазы не определялось. В медных слитках из Оренбургского музея, выплавленных, правда, не из колчеданов, а из халькозина (медный блеск), примеси серы колеблются в пределах 0,71—0,9%⁷². Для сравнения укажем, что в составе черновой меди, выплавленной на различных заводах в начале нынешнего столетия именно из колчеданов, железо содержалось в количестве от 0,62 до 3,60%, а сера — от 0,377 до 0,97%⁷³. Следовательно, присутствие в составе древней меди и ее сплавах примесей железа от десятых долей до 4—5% и серы в десятых долях процента может служить достаточным основанием, чтобы судить о ее выплавке из колчеданов. Пользуясь этими величинами в качестве своеобразного критерия, обратимся теперь к рассмотрению химического состава древних металлических изделий Кавказа.

Может показаться неожиданным, но уже древнейшие из них отличаются повышенным содержанием железа. Это характерно для металла из древнейшего I слоя Кюль-тепе, где все 6 проана-

⁶⁸ *Байков А. А.*, 1949в, с. 255.

⁶⁹ *Черных Е. Н.*, 1966, с. 124, 128—131.

⁷⁰ *Черных Е. Н.*, 1966б, с. 21.

⁷¹ *Селимханов И. Р.*, 1960, с. 75.

⁷² *Пазухин В. А.*, 1969, с. 240, табл. 2.

⁷³ *Байков А. А.*, 1949в, с. 261, табл. 2А.

лизированных металлических изделий содержали сравнительно большие примеси железа: 0,1% (1 экз.), 0,15% (1 экз.), 0,2% (1 экз.), 0,5% (2 экз.) и более 1% (1 экз.)⁷⁴. А в изготовленном из мышьяковистой бронзы ноже с поселения Техут примеси железа составляют 1,1%⁷⁵. М. А. Кашкай и И. Р. Селимханов объясняют данное явление прокикновением железа в окисленный слой поделок из почвы, т. е. за счет новообразований⁷⁶. Однако с этим объяснением трудно безоговорочно согласиться, поскольку примеси железа зафиксированы почти во всех известных сейчас древнейших металлических изделиях Кавказа (в 7 из 8 проанализированных предметов), а также еще и потому, что их величина достаточно велика (от десятых долей до 1% и выше) и она полностью соответствует тому уровню, который, как было показано выше, характеризует именно медь, выплавленную из колчеданов. Прояснению вопроса об исходном сырье, использованном для выплавки этого металла, могли бы послужить данные о примесях серы. Однако они, к сожалению, отсутствуют. И все же, основываясь на фактах повышенного содержания примесей железа в металле названных кавказских памятников и учитывая фиксируемый здесь относительно высокий для этого времени уровень развития металлургии, а также территориальную близость к Передней Азии, особенно к Анатолии, где, как было показано выше, первые опыты по плавке сульфидов начали проводиться в еще более глубокой древности, нельзя считать полностью исключенной возможность практического осуществления такой же плавки и кавказскими металлургами в конце V—IV тысячелетий до н. э.

Более определенно можно говорить об этом для III тысячелетия до н. э., так как в раннебронзовых памятниках из разных областей Кавказа уже сравнительно часто встречаются изделия из меди и ее сплавов с относительно высоким содержанием примесей железа. Не останавливаясь на всех известных ныне фактах, ограничимся лишь несколькими примерами. В раннебронзовых памятниках Азербайджана такие изделия встречены во II слое Кюль-тепе (примесей железа 0,1—0,4%, в одном случае — 1%)⁷⁷, степанакертском кургане (0,2—0,35%)⁷⁸, кургане у с. Тельман (0,2—0,37%)⁷⁹, в Армении — в Шенгавите (0,15%)⁸⁰ и Гарни (0,7%)⁸¹, в Грузии — в Сачхере (0,3—0,75%)⁸², Озни (0,3—

⁷⁴ Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, табл. 13, 1—4, табл. 15, 3—4; несколько иные данные о химическом составе 4 металлических изделий из I слоя Кюль-тепе см.: Абибуллаев О. А., 1965, с. 69, табл. 1.

⁷⁵ Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, табл. 15, 2; Селимханов И. Р., Торосян Р. М., 1969, с. 232, табл. 1.

⁷⁶ Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, с. 67.

⁷⁷ Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, табл. 15, 7, 9—13; Абибуллаев О. А., 1965, с. 69, табл. 2.

⁷⁸ Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, табл. 15, 58, 59.

⁷⁹ Кашкай М. А., Селимханов И. Р., табл. 15, 17—20, табл. 16, 2, 3, табл. 17, 1.

⁸⁰ Кашкай М. А., Селимханов И. Р., табл. 15, 5.

⁸¹ Абесадзе Ц. Н., 1969, табл. 6, 163.

⁸² Абесадзе Ц. Н., 1969, табл. 3, 90, 103, 104.

0,5%)⁸³, в Дагестане — на Верхнегунибском поселении (0,3%)⁸⁴ и в Гोनобском могильнике (0,27—0,4%)⁸⁵, на Северном Кавказе — в Майкопском кургане (в металле обеих групп 0,1—0,2%)⁸⁶.

Как явствует из рассмотренных данных, довольно большое число медных и бронзовых предметов из раннебронзовых памятников Закавказья и Северного Кавказа содержат примеси железа в десятых долях процента, а в некоторых случаях и выше. Это заметно превышает количественное содержание примесей других элементов (обычно составляющие сотые или тысячные доли процента), за исключением мышьяка (применявшегося в ту эпоху в качестве главной лигатуры), и в основном соответствует указанному выше критерию количественного содержания примесей железа в выплавленной из колчеданов меди, начальная граница которого составляет десятые доли процента.

Но даже такое совпадение количественных величин примесей железа само по себе не может служить неоспоримым свидетельством выплавки меди из колчеданов. В литературе уже отмечалось, что повышенные концентрации примесей железа могли попасть в металл из почвы, рудомещающих пород и даже от инструментов, при помощи которых отбирались пробы⁸⁷. Поэтому для прояснения вопроса о возможности выплавки меди колчеданов решающее значение приобретают данные о наличии другого компонента, неизбежного при такой плавке, — серы.

К сожалению, мы не располагаем в настоящий момент соответствующими данными применительно к каждому из проанализированных на содержание железа древних изделий. По суммарным оценкам И. Р. Селимханова, «сера содержится в большинстве археологических сплавов», достигая в них 0,5%; он объясняет это тем, что сера «является составной частью медно-колчеданных руд, из которых наряду с окисленными рудами уже в древнейшее время выплавлялась медь»⁸⁸. Разумеется, по столь обобщенной оценке невозможно установить, какой из упомянутых предметов с относительно высоким содержанием примесей железа действительно изготовлен из меди, выплавленной из колчеданов, но основанное на ней признание авторитетного специалиста в области кавказской металлургии о глубокой древности использования медно-колчеданных руд представляет весьма важное значение для рассматриваемого вопроса. Установленные аналитическими исследованиями И. Р. Селимханова факты наличия повышенной концентрации примесей серы дают нам недостающее звено доказательств того, что по крайней мере какая-то часть древних ме-

⁸³ Абесадзе Ц. Н., 1969, табл. 1, 12, 13.

⁸⁴ Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, табл. 15, 37.

⁸⁵ Селимханов И. Р., 1960, с. 150, 151, табл. 56, 1, 3, 6.

⁸⁶ Черных Е. Н., 19666, табл. I, 4, 5, 7, табл. II, 44, 62, 63, 65, 68, 69, 79; Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, табл. 15, 22—25, табл. 16, 7.

⁸⁷ Черных Е. Н., 19666, с. 21; Селимханов И. Р., 1960, с. 75; Кашкай М. А., Селимханов И. Р., 1973, с. 67.

⁸⁸ Селимханов И. Р., 1960, с. 69.

таллических изделий из различных памятников Кавказа (особенно — Закавказья), по всей вероятности, была действительно изготовлена из меди, выплавленной из колчеданных руд.

Таким образом, подводя итоги сказанному, можно заключить, что уровень технико-технологической оснащенности кавказской металлургии уже в III тысячелетии до н. э. обеспечивал возможность выплавки меди из сульфидных руд, включая и колчеданы, а имеющиеся ныне археологические данные о разработках халькопиритовых руд на Северном Кавказе в III—II тысячелетиях до н. э., находки украшений из купферштейна в памятниках северокавказской культуры эпохи средней бронзы, равно как и данные о химическом составе кавказских металлических изделий, свидетельствуют о действительно начавшейся в ту пору практической реализации этой возможности. С переходом к плавке колчеданов металлургии должны были более или менее регулярно получать побочный, но, как отмечает А. А. Байков, неизбежный продукт этого процесса в виде железистых настывей и даже криц⁸⁹. Разумеется, плавка колчеданов могла носить в ту пору весьма ограниченный характер, достаточный, однако, для того, чтобы познакомить древних металлургов с железом. Производственное значение нового металла было оценено не сразу: им лишь изредка пользовались для изготовления небольших предметов. Можно полагать, что именно такое происхождение имеют изготовленные из металлургического железа предметы — сначала украшения, а затем и оружие, которые начинают встречаться в переднеазиатских памятниках уже в III тысячелетии до н. э.⁹⁰

Однако в собственно кавказских памятниках, расположенных на территории, непосредственно прилегающей к Главному Кавказскому хребту и относящихся к III — первой половине II тысячелетия до н. э., подобные находки пока не обнаружены. Думается, что это отражает лишь нынешнее состояние изученности соответствующих памятников. Тем более, что с Южного Кавказа, из слоев «К» и «Д» поселения Геой-тепе в Иранском Азербайджане, происходят находки кусочков железа и белого чугуна⁹¹, что со всей очевидностью указывает на уже состоявшееся здесь знакомство с этим металлом. Эту единственную и чрезвычайно необычную для столь глубокой древности находку куска белого чугуна некоторые исследователи склонны истолковывать как одно из свидетельств того, что человек уже научился добывать железо при помощи редукции в сыродутном горне⁹². Но нельзя считать исключенным, что в отдельных случаях чугун мог получаться и в процессе плавки медных колчеданов. Как отмечал А. А. Байков, образование жидкого чугуна происходит в процессе восстановления железа твердым углеродом при температуре свыше 1140° —

1150°⁹³. Подобная ситуация могла возникнуть и при плавке предварительно обожженных халькопиритов, когда металлическое железо восстанавливается из закиси именно за счет твердого углерода; обычно это явление происходит в наиболее горячих частях печи, у фурменных отверстий⁹⁴, где скорее всего температура могла подняться выше критической точки и тем самым создать условия для расплавления зерен и комочков восстановленного металлического железа.

Древнейшие среди известных сейчас находок железных изделий с территории Кавказа датируются второй половиной II тысячелетия до н. э., преимущественно его концом, и началом I тысячелетия до н. э. Это — предметы вооружения и украшения, повторяющие форму бронзовых прототипов, различные инкрустации по бронзе и т. д.⁹⁵ Весьма примечательно, что их появление совпадает с наивысшим расцветом бронзовой металлургии в позднем бронзовом веке Кавказа, когда, по общему признанию специалистов, в его разных частях начинается широкое использование сульфидных руд, включая и колчеданы, в качестве основного металлургического сырья. И вряд ли можно признать случайным совпадение во времени массового перехода к плавке колчеданов с почти повсеместным появлением на Кавказе довольно крупных по размерам, разнообразных по формам и назначению железных изделий. По нашему мнению, оно свидетельствует о начале широкого утилитарного использования железа, образывавшегося в качестве побочного продукта при плавке медных колчеданов. Немногочисленность подобных изделий, по-видимому, первоначально лимитировалась сравнительно малым количеством железа, получавшегося при этом процессе.

В подтверждение сказанного сошлемся прежде всего на то обстоятельство, что бронзовые сплавы рассматриваемого времени содержат примеси железа в таких пропорциях⁹⁶, которые указы-

⁸⁹ Байков А. А., 1961, с. 80.

⁹⁰ Байков А. А., 1949а, с. 85; Он же, 1949б, с. 247, 250, 251.

⁹¹ См., например: Минкевич-Мустафаева Н. В., 1962, с. 109—139; Даниелян О. А., 1971, с. 80—83; Мартиросян А. А., 1964, с. 113—192; Арешян Г. Е., 1974а, с. 194—206; Куфтин Б. А., 1941, с. 65—75; Чубинишвили Т. Н., 1957, с. 120—123; Абрамишвили Р. М., 1961, с. 377—379; Авалишвили Г. Б., 1970, с. 186—189; Тегов Б. В., 1972, с. 18—37; Крупнов Е. И., 1946, с. 143—158; Он же, 1960, с. 321, 322; Гриневич К. Э., 1951, с. 134—135; Анфилов Н. В., 1961, с. 103—126; Он же, 1971, с. 170—176; Пихуль М. И., 1959б, с. 13—33; Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 46, 47; Козенкова В. И., 1968, с. 31—38; Она же, 1977а, с. 70—95; Давудов О. М., 1974б, с. 120—122.

⁹² Кашкай М. А., Селимджанов И. Р., 1973, табл. 13, 10, 14, 18, 19, табл. 15, 93—96, 98, 99, 101—104; табл. 17, 5, 7, 9, 10, табл. 18, 1, 3, 4, табл. 19, 3, 5, 6, табл. 20, 2—4, табл. 22, 9, 17, 19—23, 25—32, 34, 36, 43, 44, 46, 47, 50—52, 54, 56, 59—65, 67, 75—77, 79—81, 83—86, 88—91, 100—104, 106, 110, 111, 113—115, 120, 122, 128—135, 137—139, 141—147, 149, 151—153, 157, 158, 161—163, 165, 166, 168—171, табл. 23, 11—15, 18—23, 25—29, 31—40, 43, 44, 52—54, 56, 78—79, табл. 24, 3—12, 14—16, 25, 34, 36—38, 40—42, 45, 46, 49—51, табл. 25, 1—9, 13—15, 17, 19—21, 24, 27—29, 32—38, 40, 42—44, 46, 48—55, табл. 26, 4—10, 13—19, табл. 27, 10—19, 22—47; см. также: Асланов Г. М., Вайдов Р. М., Ионе Г. И., 1959, с. 136.

⁸⁹ Байков А. А., 1949в, с. 260—262.

⁹⁰ Куфтин Б. А., 1941, с. 71; Шрамко Б. А., с. 219, 220; Граков Б. Н., 1977, с. 16—19.

⁹¹ Burton Brown T., 1950, p. 7—9.

⁹² Солнцев Л. А., Степанская Р. Б., Фомин Л. Д., Шрамко Б. А., 1969, с. 40.

вают на вероятность их выплавки именно из колчеданов. Весьма примечательно и другое: в некоторых кавказских памятниках конца II — начала I тысячелетия до н. э., где открыты остатки бронзолитейных производственных мастерских, совершенно отсутствуют какие-либо следы железоделательного производства, хотя употребление железа убедительно документировано археологическими материалами⁹⁷.

В свете приведенных данных становится очевидным, что высокий уровень развития медно-бронзовой металлургии Кавказа в III—II тысячелетиях до н. э. не мог служить препятствием для раннего знакомства с железом, а напротив, с переходом к плавке медно-колчеданных руд он объективно способствовал этому. Из сказанного, в свою очередь, следует, что металлургия железа закономерно вырастает из медно-бронзовой металлургии. В данном аспекте весьма интересны зафиксированные в ряде доурартских и урартских памятников Армении факты «сосуществования» в одних и тех же мастерских и бронзолитейного и железоделательного производств⁹⁸, которые можно рассматривать и как своеобразное подтверждение их значительной взаимосвязи, еще до конца не преодоленной в первой половине I тысячелетия до н. э. С этим согласуются отмеченные в некоторых языках случаи употребления одинаковой терминологии для обозначения меди и железа, меднолитейной мастерской и кузницы, литейщика и кузнеца⁹⁹.

Таковым представляется один из возможных путей зарождения железной металлургии на Кавказе. В литературе уже отмечен еще один во многом сходный путь получения небольших количеств восстановленного металлургического железа при плавке свинца, когда, как это практиковалось в странах Передней Азии, металлурги добавляли в шихту до $\frac{1}{3}$ железной руды¹⁰⁰.

Как установлено, свинец стал известен древним кавказским металлургам не позднее III тысячелетия до н. э.¹⁰¹ Учитывая это, а также имея в виду вероятность применения здесь тех же технологических приемов его выплавки, что и в соседней Передней Азии, можно допустить возможность получения металлургического железа и на Кавказе таким же путем.

Помимо того, нам уже приходилось обращать внимание на еще одну возможность непреднамеренного получения металлургического железа. Подробнее об этом будет сказано ниже. Здесь же отметим лишь, что речь идет о довольно широко практиковавшемся в горном Дагестане начиная еще с мезолита костровом обжиге оболочек сферосидеритов, из которых затем изготовлялась минеральная краска — охра. Поскольку сидеритовые руды весьма легкоплавки, при проведении подобного обжига в отдельных слу-

чаях могло образовываться небольшое количество железа. Этим самым открывался еще один путь знакомства с металлургическим железом, особенно важный еще и потому, что он наглядно устанавливал связь между обжигом сидеритов и получаемым в результате этого металлом. Постепенно накапливаемый таким образом практический опыт восстановления железа из сидеритовых руд мог со временем сыграть положительную роль и в становлении железоделательного производства¹⁰².

Таковыми представляются возможные пути, которые, судя по имеющимся археологическим материалам, могли привести к весьма раннему знакомству с металлургическим железом на Кавказе. Разумеется, ими отнюдь не исчерпывается все многообразие практиковавшихся в древности технико-технологических операций, которые проводились над железосодержащими материалами в разных отраслях производств с высоким температурным режимом, что также могло создавать в отдельных случаях благоприятные условия для восстановления металлического железа. Очевидно и другое: параллельное или разновременное развитие подобных отраслей производства в различных, территориально удаленных областях объективно должно было определить и полицентрический характер и, по-видимому, разновременность самостоятельного знакомства населения каждой из них с металлургическим железом.

В условиях Кавказа главную роль в этом процессе, вероятнее всего, сыграла металлургия меди, которая с переходом к плавке медно-колчеданных руд не только создала возможности для первого знакомства с металлургическим железом, но и, что не менее важно, обеспечила прочную технико-технологическую базу для последующего развития здесь железоделательного производства.

К характеристике процесса становления железоделательного производства

Древняя металлургия железа, подобно медно-бронзовой, подразделялась на добывающую и обрабатывающую ветви. К первой, помимо добычи и обогащения руд, следует, по-видимому, относить также и заготовку топлива — древесного угля. Другая — собственно железоделательное производство — состояла из двух главных отраслей: получения железа сыродутным способом (или кричного дела) и кузнечного дела — комплекса специальных технико-технологических приемов изготовления и обработки железных изделий для придания им необходимой прочности¹⁰³.

В специальной литературе история возникновения железной металлургии, особенно ее обрабатывающей ветви — железоделательного производства, нередко рассматривается почти совершенно независимо от медно-бронзовой металлургии. Между тем, если

⁹⁷ См., например: *Козенкова В. И.*, 1968, с. 31—38.

⁹⁸ *Мартиросян А. А.*, 1964, с. 185—189; *Он же*, 1974, с. 97.

⁹⁹ *Граков Б. Н.*, 1977, с. 13, 20.

¹⁰⁰ *Колчин Б. А.*, 1976, с. 10.

¹⁰¹ *Селимханов И. Р.*, 1965, с. 144, рис. 1.

¹⁰² *Котович В. Г.*, 1977, с. 77.

¹⁰³ Подробнее об этом см.: *Деген-Ковалевский Б. Е.*, 1935, с. 238—410; *Колчин Б. А.*, 1953.

сравнить их основные производственные компоненты, нетрудно убедиться, что многие из них имеют общие черты или даже совпадают. Основываясь на этом, можно предположить, что такие «общие» производственные компоненты были восприняты железной металлургией вместе с соответствующими практическими навыками и опытом из медно-бронзовой металлургии. Для наших целей особенно важно обратить внимание на наличие подобных фактов в обрабатывающей отрасли.

В кричном деле подобная «общность» проявляется прежде всего в том, что оба основных, важнейших технико-технологических компонента сыродутного способа — плавильные печи или горны с принудительным дутьем, обеспечивавшие поддержание высоко-температурного режима, и процесс восстановления металла в высокоуглеродистой среде — были изобретены и внедрены в металлургическое производство еще в бронзовом веке.

Многие приемы кузнечной обработки металлов, вопреки утверждению некоторых исследователей, полагающих, что «основой технологии бронзового века было литье, а железного века — горячаяковка», развивавшаяся «лишь тогда, когда местные металлургии научились добывать железо из руды»¹⁰⁴, также были выработаны в глубокой древности¹⁰⁵. В частности, они зафиксированы в ряде случаев на самых ранних ступенях развития медно-бронзовой металлургии¹⁰⁶. Более того, в некоторых древних центрах медно-бронзовой металлургии литейное дело довольно рано отделилось от кузнечного¹⁰⁷, а в других — даже не литье, а именно кузнечное дело, характеризующееся богатым арсеналом разнообразных приемов термической обработки меди, включавшим и такие сложные, как сварка, составляло уже в III тысячелетии до н. э. основу металлообработки¹⁰⁸. Для выполнения таких работ эти древнейшие кузнечные, очевидно, располагали и соответствующими техническими приспособлениями, в первую очередь горном с мехами, а также необходимым инструментом, значительная часть которого изготовлялась, по-видимому, из камня и дерева подобно тому, как это еще имело место и в начале эпохи раннего железа¹⁰⁹.

Отметим, наконец, что и само железо — сначала самородное — метеоритное и теллургическое, а затем (с переходом к плавке медных колчеданов) и металлургическое, также стало известно в чрез-

¹⁰⁴ Шрамко В. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А., 1977, с. 58. Близкие взгляды высказывали и другие специалисты. См., например: Лукас А., 1958, с. 372, 373.

¹⁰⁵ В известных схемах развития древней металлургии периоды холодной и горячейковки самородных металлов предшествуют периодам выплавки меди из руд. См., например: Forbes R. J., 1950, p. 26; Coghlan H. H., 1951, p. 28, 29.

¹⁰⁶ См., например: Тавадзе Ф. Н., Сакаварелидзе Т. Н., 1967, с. 254—257; Терехова Н. Н., 1975, с. 17—50; Она же, 1975, с. 14—18; Тодорова Х., Рындина Н. В., Черных Е. Н., 1977, с. 20—25.

¹⁰⁷ Терехова Н. Н., 1975, с. 18.

¹⁰⁸ Рындина Н. В., 1969, с. 33, 34.

¹⁰⁹ Шрамко В. А., 1969, с. 53.

вычайно глубокой древности. Тогда же были сделаны и первые опыты по его обработке, свидетельством чему могут служить находки железных изделий — украшений и даже предметов вооружения, происходящие из памятников III—II тысячелетий до н. э. А это, в свою очередь, способствовало накоплению практического опыта в овладении новым металлом.

Но какими бы важными для нашей темы не показались рассмотренные факты, они не имеют прямого отношения к процессу становления железоделательного производства. Взятые сами по себе, они характеризуют лишь довольно высокий уровень технико-технологического развития древней медно-бронзовой металлургии и открываемые им немалые потенциальные возможности практического использования ее достижений в новой отрасли металлургии. Иными словами, они раскрывают перед нами те вполне существенные предпосылки, совокупность которых создавала благоприятные условия и определяла конкретные пути зарождения железной металлургии в недрах более древней и развитой металлургии — медно-бронзовой.

Начало же собственно железной металлургии, а вместе с нею и самого раннежелезного века исследователи обычно связывают с переходом к изготовлению качественных изделий из нового металла, добытого из железных руд¹¹⁰. Нетрудно убедиться, что решающее значение в данной оценке придается не первому знакомству с металлургическим железом и даже не освоению железа сыродутным способом, а достижению кузнечным производством такого уровня развития, который мог обеспечить возможность изготовления железных изделий, не уступавших по качеству бронзовым изделиям и даже превосходившим их в этом отношении. Из этой оценки со всей очевидностью вытекает также, что возникновение железной металлургии вообще и становление железоделательного производства в частности начались задолго до этого события, т. е. опять-таки в бронзовом веке.

Таким образом, основываясь на сказанном, мы вправе заключить, что именно в бронзовом веке древние металлургии ознакомились со свойствами железных руд, научились распознавать, добывать и обрабатывать их, освоили сыродутный способ получения железных криц, выработали эффективные приемы кузнечной выработки железа для придания ему необходимой прочности. Столь же очевидно и другое: процесс этот был и длительным и сложным. Ознакомимся подробнее с его отдельными сторонами.

Как отмечают некоторые исследователи, получение железа было не сложнее выплавки меди¹¹¹. Так оно, по-видимому, и стало с течением времени, когда металлургия железа достаточно развилась и окрепла. Однако на первых порах, в период становления новой отрасли металлургии переход от плавки меди и бронзы к варке железа сыродутным способом вряд ли мог быть осуществ-

¹¹⁰ Подробнее об этом см., например: Абрамшвили Р. М., 1961, с. 378; Шрамко В. А., 1965, с. 220, 221; Граков Б. Н., 1977, с. 9—13.

¹¹¹ Лукас А., 1958, с. 372, 373.

лен на практике легко и просто. При общей схожести технико-технологических принципов и их решений, положенных в основу практиковавшихся в древности способов добычи этих металлов (напомним, что и медь и железо получались посредством их прямого восстановления в высокоуглеродистой среде, достигавшейся в близких по устройству печах и горнах с принудительным сырым дутьем), они существенно различались по конкретной технологии каждого из соответствующих процессов: составу шихты, т. е. количеству в ней руды, угля и флюсов, температурному и временному режимам и др. Различались они и по характеру конечного продукта; при плавке меди и ее сплавов получался практически готовый металл, а варка железных руд в сыродутных печах завершалась образованием криц из губчатого железа, которые нуждались в дополнительной специальной обработке для получения пригодных для кузнечного производства товарных криц. Проводимые ныне опыты по моделированию сыродутного способа получения железа наглядно знакомят нас с некоторыми из тех реальных трудностей, которые пришлось преодолеть древним металлургам при разработке технико-технологических приемов кричного производства¹¹². Как оказалось, в частности, весьма сложным и трудоемким был процесс изготовления товарной крицы путем сварки губчатого железа в монолитный кусок¹¹³.

Но наибольшие трудности на пути становления железодельного производства были связаны, по общему признанию специалистов, с кузнечным делом¹¹⁴. Правда, целый ряд приемов кузнечной обработки железа, включая свободную и сложную горячую ковку и сварку, мог быть воспринят, как отмечалось выше, из медно-бронзового производства. Очевидно, все они, особенно разные способы горячейковки, сыграли весьма важную роль в развитии кузнечной обработки железа. Но, как известно, придание железу необходимой твердости достигалось не столько горячейковкой, сколько и главным образом путем науглероживания самой железной заготовки. Можно поэтому полагать, что определяющее значение в становлении кузнечного дела принадлежит разработке и внедрению в производство различных приемов науглероживания железа.

По имеющимся материалам чрезвычайно трудно составить сколько-нибудь определенное представление о том, как долго и какими путями древние мастера шли к овладению этими приемами. Возможно, определенную роль в познании особых свойств нового металла в науглероженном состоянии сыграли наблюдения над разной степенью твердости обычного кричного железа и иногда получавшейся при сыродутном способе сырой или сырцовый стали — не преднамеренно науглероженной крицы, над новыми свой-

ствами железного изделия, образовавшимися после того как оно попадало (случайно или преднамеренно) на сколько-нибудь продолжительное время в костер и т. д. Как бы то ни было, длительные эмпирические поиски древних кузнецов завершились открытием цементации — важнейшего и во многих случаях единственного в древности способа получения стали посредством науглероживания железа. Им удалось выработать и различные приемы цементации, как относительно простые, например создание тонкого прочного стального слоя на поверхности изделия или заготовки посредством поверхностной цементации, так и более сложные, примером чего может служить получение высококачественной стали путем сквозной цементации заготовок железа и железных изделий¹¹⁵.

Наряду с этим заметно расширился арсенал технических приемов обработки железных и стальных изделий, совершенствовались приемы кузнечной сварки одинаковых по составу металлов (железа с железом, стали со сталью), возникает сварка металлов разных составов (железа со сталью). Позднее других начала применяться термическая обработка стали посредством твердой и мягкой закалки¹¹⁶. Как полагают некоторые исследователи, причина подобного запоздания объясняется тем, что основные традиции, сложившиеся еще при обработке медных сплавов, не всегда были применимы к кузнечной обработке железа. В частности, докрасна раскаленная медь совершенно размягчается при быстром охлаждении в воде. Поэтому потребовало длительного времени эмпирическое выяснение способности раскаленного железа давать в подобных условиях противоположный эффект — не размягчаться, а, напротив, закаливаться¹¹⁷.

Таковы в самых общих чертах основные приемы обработки железных изделий, которые определили специфику технологии их изготовления и в конечном счете обеспечили их превосходство над бронзовыми изделиями.

Таким образом, рассмотренные данные достаточно убедительно, с нашей точки зрения, подтверждают правомерность высказанного ранее предположения об изначальной общности многих производственных компонентов медно-бронзовой и железной металлургии. Этим самым мы получаем доказательства заимствования зарождающимся железодельным производством ряда технико-технологических принципов и практических навыков и приемов медно-бронзового производства. Однако, признавая реальность подобных заимствований, не следует считать их простым механическим перенесением одних и тех же методов из одной отрасли металлургии в другую, равно как не стоит и переоценивать значение заимствованных приемов для новой технологии.

¹¹² Колчин В. А., Круг О. Ю., 1965, с. 202—215.

¹¹³ Колчин В. А., Круг О. Ю., 1965, с. 209.

¹¹⁴ См., например: Чайлд Г., 1949, с. 77—78; Абрамшвили Р. М., 1961, с. 378; Лукас А., 1958, с. 372—374; Шрамко Б. А., 1965, с. 221; Граков В. А., 1977, с. 12, 13.

¹¹⁵ Подробнее об этом см.: Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д., 1963, с. 53, 54; Вознесенская Г. А., 1975, с. 84, 85; Aitchison L. 1960, p. 112.

¹¹⁶ См., например: Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д., 1963, с. 54, 55; Они же, 1977, с. 72, 73; Вознесенская Г. А., 1975, с. 83, 84.

¹¹⁷ Вознесенская Г. А., 1975, с. 91.

Становление железодельного производства может быть охарактеризовано как вполне самостоятельный процесс, в ходе которого были органически восприняты и приспособлены к специфическим условиям и потребностям зарождавшейся отрасли многие приемы и навыки медно-бронзового производства, а также выработаны принципиально новые технико-технологические решения, которые в совокупности и обеспечили возможность получения железа из железных руд и изготовления железных изделий необходимой твердости (т. е. стальных). Иными словами, становление железодельного производства — это длительный и сложный процесс выработки новой технологии для обеих его отраслей — кричного и кузнечного дела.

К сожалению, относящиеся к нему материалы весьма скудны и фрагментарны, вследствие чего в настоящее время невозможно составить на их основе сколько-нибудь определенное представление об общем течении и хронологии данного процесса, его отдельных сторонах и этапах. По имеющимся данным можно лишь полагать, что процесс становления железодельного производства протекал более или менее параллельно на протяжении всего II тысячелетия до н. э. в разных областях и регионах и что повсеместно он носил преднамеренный целенаправленный характер. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания.

Как было показано выше, благоприятные условия для зарождения железодельного производства складывались в недрах развитой медно-бронзовой металлургии достаточно объективно, практически совершенно независимо от ее потребностей и целей. В отличие от них выработка новой технологии для зарождающейся отрасли производства, с самого начала направленная на решение конкретных практических задач по добыче железа и придания ему необходимой твердости, явилась результатом длительных и целенаправленных, т. е. «сознательных» эмпирических поисков многих поколений древних металлургов в разных регионах.

Главным стимулятором этого процесса некоторые исследователи считают ограниченность сырьевой базы медно-бронзовой металлургии, вследствие чего, по их мнению, наиболее интенсивные поиски путей освоения нового металла должны были происходить в областях, бедных месторождениями медных руд, но имевших залежи руд железных, тогда как на Кавказе с его богатой меднорудной базой потребность в железе была значительно меньшей и процесс освоения протекал здесь медленнее¹¹⁸. На первый взгляд подобная оценка может показаться логичной и убедительной. Но в действительности развитие железодельного производства, по видимому, стимулировалось не одной только указанной причиной. В частности, нам уже приходилось отмечать, что благодаря высокому уровню развития медно-бронзовой металлургии Кавказа местные мастера должны были довольно рано познакомиться с металлургическим железом и оценить его преимущества перед медью

¹¹⁸ Круппов Е. И., 1960, с. 322; Шрамко Б. А., 1965, с. 222.

и ее сплавами¹¹⁹, а это, в свою очередь, могло побудить их к поискам путей овладения новым металлом. Нельзя также недооценивать воздействия на рассматриваемый процесс не только технических, но и социальных факторов: как проясняется новейшими исследованиями, в некоторых областях Закавказья именно социальные факторы сыграли ускоряющую роль в становлении железодельного производства¹²⁰. Вероятно, существовали и другие стимулы, определяющиеся конкретными условиями культурно-исторического и социально-экономического развития древнего населения разных областей и также побуждавшие к освоению железа. Рассмотрение их не входит в нашу задачу.

Для наших целей было важно показать, что не только в областях, не располагавших своей меднорудной базой, но и на Кавказе с его древней высокоразвитой медно-бронзовой металлургией существовали объективные факторы, стимулировавшие освоение железодельного производства и тем самым вышудавшие местных металлургов участвовать в выработке новой технологии. С учетом сказанного попробуем теперь оценить реальные результаты, достигнутые на этом пути металлургами разных областей.

Специально исследовавший этот вопрос известный советский специалист по древней металлургии железа Б. А. Шрамко пришел к заключению, что на территории нашей страны существовало два наиболее древних очага, «где независимо друг от друга происходил процесс первоначального освоения добычи и обработки железа», один — в Закавказье, другой — в центральной части Восточно-европейской равнины, чрезвычайно богатой залежами железных руд¹²¹. Закавказский очаг он считает вторичным по отношению к переднеазиатским металлургическим центрам, местная выработка железных изделий началась в нем, по его мнению, лишь с IX в. до н. э.¹²² В восточноевропейском очаге достоверные следы добычи железа относятся к концу II — началу I тысячелетия до н. э., а решительный перелом в освоении железа произошел в VIII — VII вв. до н. э. с образованием приднепровского металлургического центра чернолесской культуры¹²³. Б. А. Шрамко ставит вопрос и о возможности существования в предскифский период северокавказского центра железодельного производства, снабжавшего своей продукцией обитавших в степях Северного Причерноморья киммерийцев¹²⁴. Вслед за Е. И. Крупновым и Н. В. Анфимовым он признает, что в деле освоения железа Северный Кавказ был тесно связан с Закавказьем¹²⁵.

Ввиду особой важности построения и выводов Б. А. Шрамко для рассматриваемой темы остановимся на них подробнее. Глубо-

¹¹⁹ Котович В. Г., 1977, с. 76, 77.

¹²⁰ Арешян Г. Е., 1974а, с. 205—211.

¹²¹ Шрамко Б. А., 1965, с. 222.

¹²² Шрамко Б. А., 1965, с. 223.

¹²³ Шрамко Б. А., 1965, с. 223, 224.

¹²⁴ Шрамко Б. А., 1965, с. 224, 225.

¹²⁵ Шрамко Б. А., 1965, с. 223.

кая древность восточноевропейского очага становления железной металлургии не может быть поставлена под сомнение. Однако еще Б. Н. Граков, едва ли не первым обративший внимание на то, что «секрет выработки небольших железных криц сыродутным способом был известен на территории Европейской части СССР в течение почти всего II тысячелетия до н. э.», не отрицал возможности заимствования его извне¹²⁶. По мнению Н. Н. Стосковой, подобное заимствование могло быть сделано на Кавказе¹²⁷. Б. А. Шрамко категорически отрицает возможность такого заимствования, аргументируя свою позицию отсутствием кавказских типов изделий среди древнейших (до VIII в. до н. э.) железных вещей Восточноевропейской равнины, а также своеобразием практиковавшейся здесь технологии добычи железа¹²⁸. Думается, однако, что эта его оценка справедлива только для первичного периода функционирования восточноевропейского очага, поскольку происшедший в VIII—VII вв. до н. э. решительный перелом в развитии железодельного производства произошел здесь, по-видимому, не без сильного кавказского влияния. Последнее документируется прежде всего появлением кавказских типов изделий в инвентаре восточноевропейских памятников VIII—VII вв. до н. э.

Так, например, из подвергнутых недавно специально металлографическому изучению древних изделий из Восточной Европы к их числу могут быть отнесены железные топоры из Старшего Ахмыловского могильника¹²⁹, возводимые к северокавказским прототипам¹³⁰, некоторые типы кинжалных клинков¹³¹, а также серия биметаллических кинжалов и мечей¹³², северокавказское происхождение которых становится все более очевидным¹³³. Все они, помимо чисто типологического сходства с соответствующими северокавказскими изделиями, обнаруживают близость с ними и по технике изготовления. В частности, упомянутые топоры из Старшего Ахмыловского могильника изготовлены из так называемого пакетного металла¹³⁴, широко применявшегося и древними кавказскими кузнецами¹³⁵. А распространившаяся с VIII в. до н. э. в Восточной Европе технология изготовления биметаллических кинжалов и мечей, обладавших стальными клинками и «налитыми» бронзовыми рукоятями¹³⁶, также имеют южное происхождение.

¹²⁶ Граков Б. Н., 1958, с. 9.

¹²⁷ Стоскова Н. Н., 1960, с. 233.

¹²⁸ Шрамко Б. А., 1965, с. 224.

¹²⁹ Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А., 1977, рис. 7, 8, 9.

¹³⁰ Халиков А. Х., 1977, с. 177—179.

¹³¹ Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А., 1977, с. 65, рис. 6, 1.

¹³² Там же, рис. 1, 1—5, рис. 7, 1.

¹³³ См., например: Крупнов Е. И., 1960, с. 203; Анфимов Н. В., 1965, с. 196—198; Членова Н. Л., 1975, с. 80; Козенкова В. И., 19756, с. 91—101; Котович В. Г., 1978, с. 110—123.

¹³⁴ Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А., 1977, с. 70, 71.

¹³⁵ Вознесенская Г. А., 1975, с. 83, 84.

¹³⁶ Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А., 1977, с. 60—65, 67, 69, рис. 4, 5, 9, 1.

Как полагают некоторые исследователи, она возникла в XII—XI вв. до н. э. в Иране одновременно с появлением там биметаллических кинжалов¹³⁷. Однако в Закавказье сложная технология изготовления кинжалов с «налитыми» рукоятями была освоена еще в III тысячелетии до н. э.¹³⁸ и широко применялась во II тысячелетии до н. э.¹³⁹

Таким образом, основываясь на имеющихся в настоящее время археологических данных, можно заключить, что в восточноевропейском очаге железной металлургии к рубежу II—I тысячелетий до н. э. была разработана своеобразная технология получения небольших порций железа в глиняных горшках и изготовления из него небольших по размерам изделий (преимущественно ножей и шилев) с применением горячейковки и кузнечной сварки¹⁴⁰. Нисколько не умаляя значения этих результатов для общего процесса становления решающего производства, нельзя не признать, что они не могли еще обеспечить ощутимого преимущества железным изделиям перед бронзовыми, т. е. знаменовали собой наступление железного века. Происшедший в VIII в. до н. э. решительный перелом в развитии местного железодельного производства в восточноевропейском очаге произошел, как можно полагать на основе имеющихся материалов, под определяющим кавказским влиянием. И, по-видимому, совсем не случайно он хронологически совпадает с началом интенсивных контактов степняков-киммерийцев с населением Северного Кавказа. Одним из его реальных результатов, очевидно, было довольно широкое распространение изделий северокавказских типов в различных областях Восточной Европы, по-видимому, сопровождавшееся в ряде случаев заимствованием и технологии их изготовления. Подобная оценка полностью согласуется со взглядами А. А. Иессена, прозорливо отмечавшего в свое время значительное влияние кавказской металлургии на степные культуры в начале I тысячелетия до н. э.¹⁴¹

Обратимся теперь к Закавказью. Здесь известны сравнительно многочисленные находки железных изделий и остатки производственных комплексов по добыче железа, относящиеся ко второй половине II тысячелетия до н. э. Древнейшими среди них справедливо считаются обломок биметаллического кинжала из Бешташенского могильника, найденный в комплексе с вещами конца XIV—XIII вв. до н. э., и еще несколько железных предметов из разных районов Грузии, которые относятся к XIII в. до н. э.¹⁴² Б. А. Шрамко, отметив весьма развитый характер этих немногочисленных изделий, считает их занесенными в Закавказье откуда-то извне — с территории Иранского Азербайджана или из Се-

¹³⁷ Maxwell-Hyslop K. R., Hodges W. W., 1964, p. 52, 53.

¹³⁸ Сакарелидзе Т., Тавадзе Ф., 1959, с. 24.

¹³⁹ Пицхелаури К. Н., 1959, с. 111—137.

¹⁴⁰ Шрамко Б. А., 1965, с. 224; Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А., 1977, с. 58, 59.

¹⁴¹ Иессен А. А., 1951, с. 122, 123; Он же, 1953, с. 75, 97 и сл.

¹⁴² Абрамшвили Р. М., 1957, с. 139; Он же, с. 377, 378.

верной Анатолии¹⁴³, с чем, однако, невозможно согласиться. Как проясняется новейшими исследованиями, железоделательное производство развивалось в странах Малой Азии и Ирана в основном в те же исторические сроки, что и в Закавказье¹⁴⁴.

О местном производстве упомянутого биметаллического кинжала из Бешташенского могильника свидетельствуют и особенности его изготовления. Как уже отмечалось, в Закавказье еще в III тысячелетии до н. э. появились так называемые двухэлементные кинжалы, у которых к отдельно изготовленным, тщательно прокованным бронзовым клинкам присоединялись затем (нередко путем литья по восковой модели) бронзовые же рукояти¹⁴⁵. Во второй половине II тысячелетия до н. э. подобная техника изготовления кинжалов и мечей распространилась здесь особенно широко¹⁴⁶, причем их лезвия и рукояти изготавливались обычно из различавшихся по химическому составу сортов бронзы¹⁴⁷. В этой же традиционной для Закавказья технике изготовлен и Бешташенский кинжал, у которого бронзовый клинок заменен железным. Его по праву следует считать древнейшим образцом кавказского биметаллического оружия.

Обращает внимание высокий уровень обработки древнейших железных изделий из Закавказья. Найденные в Грузии кинжалы и мечи изготовлены из сырцово-цементированной стали посредством свободнойковки иковки для получения ребер жесткости¹⁴⁸, что свидетельствует о довольно высоком уровне развития, достигнутом кузнечным делом уже в XIII в. до н. э. Но, поскольку выявленные в этой части Грузии остатки железоплавильных мастерских относятся к несколько более позднему времени (как, например, известная мастерская вблизи Квемо-Болписи, датируемая концом II тысячелетия до н. э.¹⁴⁹), некоторые исследователи склонны проявлять сдержанность при решении вопроса о существовании весьма раннего железопроизводящего очага в южных районах Центрального Закавказья¹⁵⁰. И все же положительное решение вопроса о таком очаге нельзя считать полностью исключенным, имея в виду, что еще несколько южнее — на территории Армении — выявлены остатки железоплавильной печи, датированные XIII в. до н. э. (Лчашен)¹⁵¹. Но, пожалуй, самым весомым аргу-

ментом, подтверждающим реальность его существования, могут служить довольно многочисленные и разнообразные находки железных и стальных изделий (преимущественно предметов вооружения), происходящие из памятников конца II тысячелетия до н. э. на территории Грузии¹⁵² и Армении¹⁵³.

Более масштабные известные в настоящее время данные о еще одном — древнеколхидском — очаге железоделательного производства в Закавказье. Некоторые сведения о нем сохранились в исторических источниках¹⁵⁴. Они существенно дополнены археологическими материалами, полученными главным образом при исследовании довольно многочисленных здесь разновременных мастерских по добыче железа¹⁵⁵. В результате многолетнего целенаправленного изучения подобного рода памятников исследователям удалось проследить весь технологический процесс выплавки железа, указать источники сырья и способы его добычи¹⁵⁶. Установлено, что широкое хозяйственное освоение железа началось в Колхиде с XII в. до н. э., а его первичное освоение относится к еще более раннему времени¹⁵⁷. К сожалению, остается почти совершенно не освещенным вопрос о характере производившейся в этом очаге продукции, особенно в ранний период его функционирования. Практически все наши сведения на этот счет ограничиваются данными о находке набора железных хозяйственных орудий (топоров, мотыг, ножей) в составе клада из Зенити, датируемого XII—XI вв. до н. э.¹⁵⁸ Однако в ту же пору здесь наверняка производились и предметы вооружения, но какие именно и каких типов, предстоит еще выяснить.

Таким образом, как явствует из нашего обзора, Закавказье несомненно относится к числу тех областей, где происходило первичное освоение железа. Начальные этапы процесса становления здесь железоделательного производства остаются пока не освещенными, а имеющиеся в нашем распоряжении данные в основном характеризуют его конечные результаты. Судя по ним, древние закавказские металлурги начала поиски технико-технологических приемов обработки железа и придания ему необходимой

¹⁴³ Шрамко Б. А., 1965, с. 222.

¹⁴⁴ См., например: Арешян Г. Е., 1974б, с. 124—138; *Он же*, 1975, с. 8—28; Погребова М. Н., 1977б, с. 143—148.

¹⁴⁵ Сакварелидзе Т., Тавадзе Ф., 1959, с. 24; Джапаридзе О. М., 1961, рис. 32, 1, 2.

¹⁴⁶ Пицхелаури К. Н., 1959, с. 111—137; *Он же*, 1969, т. I, с. 187—195; Ломтаидзе Г. А., 1974, с. 166, 167.

¹⁴⁷ Кашкай М. А., Селимханов И. В., 1973, табл. 22, 17, 18, 33—36, 77, 78, 82—85, 99—111, 115, 116, 119, 120, 128—132; табл. 23, 16, 27, 46, 47, табл. 25, 19, 20, табл. 26, 9, 10, табл. 27, 15—21, 33, 34.

¹⁴⁸ Абрамишвили Р. М., 1961, с. 378; Тавадзе Ф. Н., 1963, с. 34; Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н., Абесадзе Ц. Н., Двали Т. А., 1977, с. 51, 52.

¹⁴⁹ Гзелишвили И. А., 1964, с. 33.

¹⁵⁰ Хачугайшвили Д. А., с. 30.

¹⁵¹ Гогинян С. К., 1964, с. 232, 234.

¹⁵² См., например: Абрамишвили Р. М., 1961, с. 378, 379; Тавадзе Ф. Н., 1963, с. 34; Пицхелаури К. Н., 1969, с. 192, 193; Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н., Абесадзе Ц. Н., Двали Т. А., 1977, с. 52.

¹⁵³ См., например: Миртгирсыян А. А., 1964, с. 302—304; Арешян Г. Е., 1974а, с. 194—198.

¹⁵⁴ Меликишвили Г. А., 1959, с. 218—220; Хачугайшвили Д. А., 1973, с. 170, 171; Микеладзе Т. К., 1973, с. 132, 133.

¹⁵⁵ См., например: Гзелишвили И. А., 1964, с. 38—52; Хачугайшвили Д. А., Инайшвили А. К., 1971, с. 92—94; Хачугайшвили Д. А., 1972, с. 103—105; *Он же*, 1973, с. 172—176; *Он же*, 1977, с. 30—33; *Он же*, 1978, с. 17—34; Челидзе З. А., Квирикадзе М. Б., 1974, с. 70; Инайшвили А., Гогтидзе С., Кахидзе А., Хачугайшвили Д., Чхаидзе Л., Джавелидзе А., 1976, с. 102, 103; Челидзе З., 1978, с. 35—41.

¹⁵⁶ Хачугайшвили Д. А., 1973, с. 171 и сл.

¹⁵⁷ Хачугайшвили Д. А., 1977, с. 30.

¹⁵⁸ Рамишвили А. Т., 1974, с. 125, табл. XIV, А; Хачугайшвили Д. А., 1977, с. 30.

твердости чрезвычайно рано — в середине и, вероятно, даже в первой половине II тысячелетия до н. э., поскольку уже в конце XIV—XIII вв. до н. э. некоторым из них удалось овладеть способами получения сырьевой и цементированной стали¹⁵⁹. Думается, что весьма важную, может быть даже определяющую роль в достижении столь впечатляющих результатов сыграл высокий уровень развития местной медно-бронзовой металлургии. Именно благодаря нему в распоряжении древних экспериментаторов могли более или менее регулярно попадать железные крицы, образовавшиеся к качеству побочного продукта плавки медноколчеданных руд¹⁶⁰, при обработке которых они применяли горячую и холодную ковку, сварку и другие приемы кузнечной обработки металлов, широко практиковавшиеся в местной медно-бронзовой металлургии¹⁶¹.

Наряду с разработкой технологии кузнечного дела шли поиски способов добычи железа из железных руд. Судя по имеющимся археологическим материалам, они также дали положительные результаты уже в XIII—XII вв. до н. э.¹⁶² А к рубежу II—I тысячелетий до н. э. в Закавказье стали применяться горны довольно совершенной для своего времени конструкции¹⁶³, очевидно обеспечивавшие получение железа в значительно большем количестве, нежели при практиковавшемся в ту же пору в Восточной Европе способе восстановления железа в глиняных горшках.

Выработанная таким образом к XIV—XIII вв. до н. э. технология добычи железа и кузнечной обработки железных изделий лишь относительно короткое время оставалась производственным секретом отдельных местных мастеров. Уже в XII в. до н. э. она начала постепенно распространяться из первичных микролокальных очагов, а с XI—X вв. до н. э. стала широко применяться по всему Закавказью, о чем свидетельствуют имеющиеся археологические материалы. Процесс этот активно происходил в Армении¹⁶⁴, создавая предпосылки для более позднего расцвета урартской железной металлургии¹⁶⁵. Аналогичный процесс протекал в это время и в Грузии, где выработанный ранее арсенал приемов обработки железа был дополнен закалкой, сложной горячей ковкой, а также улучшением технологии получения чистого железа¹⁶⁶. Это также

обеспечило необходимые условия для последующего развития железоделательного производства, достигшего в отдельных районах Грузии в VIII—VI вв. до н. э. довольно высокого уровня¹⁶⁷. Сходными путями развивалась железная металлургия в конце II—начале I тысячелетия до н. э. и на территории Азербайджана¹⁶⁸. Аналогичный процесс протекал и в высокогорьях Центрального Кавказа, где в конце II тысячелетия до н. э. произошло знакомство с железом, в X—VIII вв. до н. э. появились изделия из сырьевой и цементированной стали, а в VII—VI вв. до н. э. к ним добавились еще более сложные в изготовлении изделия из «пакетного» и термически обработанного металла¹⁶⁹.

Примечательно, что в ряде закавказских областей становление железоделательного производства сопутствовало процессам социальной дифференциации и начала классообразования¹⁷⁰.

Обратимся теперь к рассмотрению северокавказских материалов. Нам уже приходилось отмечать, что на Северном Кавказе, как и в Закавказье, благодаря высокому уровню развития местной медно-бронзовой металлургии древние мастера были вынуждены чрезвычайно рано начать использование медно-колчеданных руд, которое должно было неизбежно повлечь за собой и раннее знакомство с металлургическим железом¹⁷¹. Однако мы не располагаем в настоящее время необходимыми данными для суждения о том, в какие исторические сроки и какими путями происходило здесь становление железоделательного производства. Единственным ориентиром, указывающим, что такой процесс действительно имел место на Северном Кавказе, является находка железных шлаков на Нижнесигитминском поселении в Дагестане¹⁷². Но это чрезвычайно важное свидетельство начавшегося на Северном Кавказе в древности самостоятельного освоения добычи железа сыродутным способом из сидеритовых руд, к сожалению, не может быть в настоящее время должным образом подкреплено столь же важными и необходимыми данными, которые свидетельствовали бы об одновременном развитии здесь и кузнечной обработки железа. Поэтому, оставляя пока открытым вопрос о возможности самостоятельного развития северокавказского очага железной металлургии, нам придется рассмотреть и иную возможность ее возникновения, а именно посредством заимствования технологии железоделательного производства извне.

Начнем с материалов из западной и центральной частей Северного Кавказа, поскольку, в соответствии со взглядами А. А. Иессена и Б. А. Шрамко, именно отсюда поступала в ким-

¹⁵⁹ Абрамишвили Р. М., 1961, с. 378; Тавадзе Ф. Н., 1963, с. 34; Рамишвили А. Т., 1974, с. 123; Хахутайшвили Д. А., 1977, с. 30.

¹⁶⁰ Котович В. Г., 1977, с. 74—76.

¹⁶¹ См., например: Абесадазе Ц., Бахтадзе Р., Двали Т., Джапаридзе О., 1958, с. 26 и сл.; Сакварелидзе Т., Тавадзе Ф., 1959, с. 20 и сл.; Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н., 1967, с. 254, 257; Кушнарева К. Х., Чубиншвили Т. Н., 1970, с. 129.

¹⁶² Гзелишвили И. А., 1964, с. 33; Гогинян С., 1964, с. 232, 234; Хахутайшвили Д. А., 1977, с. 30.

¹⁶³ Гзелишвили И. А., 1964, с. 33—51, рис. 7, 9—13, 15; Хахутайшвили Д. А., 1977, с. 30—32, рис. 1, 2.

¹⁶⁴ Мартиросян А. А., 1964, с. 302—304; Хачагрян Т. С., 1975, с. 232—240; Арешян Г. Е., 1974а, с. 194—203.

¹⁶⁵ Пиотровский Б. Б., 1959, с. 163.

¹⁶⁶ Абрамишвили Р. М., 1961, с. 378, 379; Тавадзе Ф. Н., 1963, с. 34.

¹⁶⁷ Гобеджишвили Г. Ф., 1952, с. 188; Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н., Абесадазе Ц. Н., Двали Т. А., 1977, с. 52—55.

¹⁶⁸ Минкевич-Мустафаева Н. В., 1962, с. 109—139; Даниелян О. А., 1969, с. 14, 15; Она же, 1971, с. 80—83.

¹⁶⁹ Техов В. В., 1972, с. 35—36; Вознесенская Г. А., 1975, с. 76—92, табл. 2.

¹⁷⁰ Хахутайшвили Д. А., 1973, с. 177—179; Арешян Г. Е., 1974б, с. 205—211.

¹⁷¹ Котович В. Г., 1977, с. 74—75; Она же, 1978б, с. 17, 23.

¹⁷² Бредэ К. А., 1959, с. 26, 27.

мерийские степи какая-то часть продукции местного металлургического производства¹⁷³, а по мнению А. И. Тереножкина, именно население этих областей — древние кобанцы и протомеоты — являлись главными объектами воздействия киммерийской культуры, воспринявшими среди прочих ее элементов также и железодельное производство¹⁷⁴.

Древнейшие из известных здесь ныне железных (и стальных) изделий происходят из памятников кобанской культуры. Как прослеживаются новейшими исследованиями, эта, распространенная в центральной части Северного Кавказа археологическая культура, обнаруживает поразительное сходство с одновременной центральнокавказской культурой, особенно ярко представленной в Тлийском могильнике¹⁷⁵. Некоторые исследователи расценивают его даже как свидетельство южнокавказского происхождения самой кобанской культуры¹⁷⁶. Для наших целей особенно важно отметить, что хронология распространения железа в памятниках кобанской культуры мало чем отличается от установленной по тлийским материалам. Не позднее рубежа II—I тысячелетий до н. э. (ПБ—II) кобанским племенам становится известно железо, в IX—первой половине VII в. до н. э. (РЖ—I) почти каждый богатый комплекс уже содержит орудия труда (ножи) и оружие (наконечники копий, кинжалы и топоры) из железа и стали, а во второй половине VII—V вв. до н. э. (РЖ—II) у них имело место массовое внедрение этого металла¹⁷⁷.

Специального металлографического изучения железных изделий из памятников кобанской культуры пока не производилось. Выборочным анализом отдельных находок установлено, что кобанские кузнецы в предскифский период применяли горячую ковку и умели изготавливать цементированную сталь, а в скифский период освоили и кузнечную сварку¹⁷⁸. Думается, что в действительности применявшийся ими арсенал технологических приемов обработки железа был более широким, вероятно, он мало чем отличался от технологии, употреблявшейся тлийскими кузнецами¹⁷⁹.

Отмеченное выше поразительное сходство культуры, представленной на северном и южном склонах Центрального Кавказа, в Кобанском и Тлийском могильниках, неоспоримо документированное существование тесных разносторонних связей между группами оставившего эти памятники родственного населения, особенно ярко проявляется в продукции местного металлургического

производства¹⁸⁰. Данное обстоятельство, по нашему мнению, сыграло решающую роль и в распространении металлургии железа у кобанских племен. С признаками закавказского (через посредство населения, оставившего Тлийский могильник) влияния на становление железной металлургии у кобанских племен начисто исключается постановка вопроса о возможности заимствования ее в более позднее время у киммерийцев, на чем настаивает А. И. Тереножкин.

На Северо-Западном Кавказе памятники первой половины I тысячелетия до н. э. пока изучены слабо¹⁸¹. По известным в настоящее время археологическим материалам появление у протомеотских племен железного оружия обычно относится к VIII в. до н. э.¹⁸², а в скифский период наблюдается тенденция к возрастанию количества железных изделий¹⁸³. Однако приведенная здесь нижняя дата первого появления железного оружия на Северо-Западном Кавказе требует уточнения с учетом новейших хронологических построений. Как известно, эта дата определялась в основном по материалам Николаевского могильника в Прикубанье, относящегося к новочеркасской ступени развития предскифских культур¹⁸⁴. Последнюю А. А. Иессен датировал в соответствии с существовавшими в начале 50-х годов представлениями о хронологии северокавказских древностей VIII в. до н. э.¹⁸⁵ При этом он особенно подчеркивал, что «новочеркасская» группа памятников «хронологически совпадает с более поздним комплексом древнекобанской культуры, следуя за тем ее ранним комплексом, где железо еще не встречается или, может быть, встречается лишь как декоративный материал». Эти ранние комплексы он относил к X—IX вв. до н. э.¹⁸⁶

В настоящее время в соответствии с уточненной хронологией кобанской культуры ее ранний, или первый, этап датируется XII—X вв. до н. э. (РЖ—1)¹⁸⁷. В рамках этого этапа более ранняя группа памятников (соответствующая новочеркасской) датируется концом X—IX вв. до н. э.¹⁸⁸. С учетом сказанного представляется возможным отнести Николаевский могильник, древнейший среди известных ныне на Северо-Западном Кавказе памятник предскифского периода, не к VIII, а к IX в. до н. э.

Но и определяемая, таким образом, новая дата названного памятника не может быть безоговорочно принята в качестве начального рубежа возможного знакомства протомеотского населения с

¹⁷³ Иессен А. А., 1951, с. 122, 123; Шрамко Б. А., 1965, с. 224, 225.

¹⁷⁴ Тереножкин А. И., 1976, с. 20, 200.

¹⁷⁵ См., например: Крупнов Е. И., 1969, с. 15; Техов Б. В., 1969, с. 47—53.

¹⁷⁶ Техов Б. В., 1977, с. 191—193.

¹⁷⁷ Крупнов Е. И., 1964, с. 332—336.

¹⁷⁸ Крупнов Е. И., 1960, с. 325, 326; Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А., 1977, с. 71.

¹⁷⁹ Вознесенская Г. А., Техов Б. В., 1973, с. 153—162; Вознесенская Г. А., 1975, с. 76—115.

¹⁸⁰ Техов Б. В., 1977, с. 73—178.

¹⁸¹ Крупнов Е. И., 1964, с. 337—339.

¹⁸² Анфимов Н. В., 1961, с. 116—117; Он же, 1965, с. 196—198; Он же, 1971, с. 175, 176.

¹⁸³ Анфимов Н. В., 1951, с. 162; Дитлер П. А., 1961, с. 142, 143.

¹⁸⁴ Анфимов Н. В., 1965, с. 119—122, 126; Он же, 1971, с. 174, 176.

¹⁸⁵ Иессен А. А., 1954, с. 127—130.

¹⁸⁶ Иессен А. А., с. 127.

¹⁸⁷ Крупнов Е. И., 1964, с. 331—338; Он же, 1969, с. 16; Техов Б. В., 1972, с. 35, 36; Он же, 1977, с. 4.

¹⁸⁸ Техов Б. В., 1972, с. 29, 30.

железом. Учитывая издревне существовавшие прочные связи прикубанского металлургического очага с западногрузинским¹⁸⁹, где уже в XII в. до н. э. сложился самостоятельный очаг металлургии железа и началось хозяйственное освоение этого металла¹⁹⁰, допустимо предположить, что железные изделия стали проникать из Колхиды в соседнее Прикубанье задолго до IX в. до н. э. Таким же путем, по-видимому, произошло и знакомство с технологией их изготовления. Думается поэтому, что решающую роль в возникновении железоделательного производства у протомеотских племен сыграли тесные налаженные связи между древними металлургами двух соседних кавказских областей, а не влияние киммерийцев, как это полагает А. И. Тереножкин.

Посмотрим теперь, как происходил этот процесс на Северо-Восточном Кавказе, где на его течении, помимо сугубо местных факторов, несомненно должно было сказаться и благоприятное расположение данного региона на Прикаспийском пути, который издревле играл важную роль в передаче культурных импульсов из Закавказья и Передней Азии в степи Предкавказья и Восточной Европы¹⁹¹ и значение которого возросло в конце II — первой половине I тысячелетия до н. э. в связи с начавшейся миграцией древнеиранских племен¹⁹² и скифскими походами¹⁹³. Ввиду особого значения этой части Кавказа для нашей темы, остановимся на рассмотрении поставленного вопроса подробнее.

Как известно, необходимыми условиями развития древней металлургии принято считать наличие доступных для разработки рудных месторождений, топливной базы, а также определенного опыта в области металлургического производства¹⁹⁴. В специальной литературе вопрос о производственной базе местной металлургии уже ставился М. И. Пиккуль. Она пришла к выводу, что первым знакомством с железом население Дагестана было, по-видимому, обязано племенам Закавказья, а становление самостоятельной, основанной на использовании местных природных ресурсов черной металлургии, приходится здесь на начало I тысячелетия до н. э.¹⁹⁵ Однако обрисованная таким образом картина в свете новых археологических материалов выглядит несколько по-иному, и это побуждает нас снова обратиться к данному вопросу.

Обеспеченность Северо-Восточного Кавказа месторождениями железных руд неодинакова: на территории Чечено-Ингушетии они недостаточны¹⁹⁶, тогда как в Дагестане богатые залежи сиде-

ритов распространены довольно широко¹⁹⁷. Специалисты выделяют здесь три большие группы сидеритовых месторождений. Наиболее значительная среди них — южнодагестанская, включающая 4 сравнительно крупные залежи: Присамурскую, Казардикамскую, Текиндагскую, Штульскую. Все они приурочены к среднему течению рек Самура и Курах-чая. К другой — Центральнодагестанской группе относятся две залежи: Кокмачайская (в верховьях р. Казикумухское Койсу, недалеко от сел Кули и Хосрех) и Каракойсунская (по реке Багар-ор и прилегающему к ней участку реки Кара-Койсу, недалеко от с. Ругуджа и Куядинских хуторов). Наконец, Северодагестанскую группу образует Чиркатинская и Присулакские залежи, расположенные на территории Буйнакского р-на между селами Кафыр-Кумух и Зурама¹⁹⁸. Помимо указанных крупных залежей сидеритовых руд, на территории Дагестана встречаются и менее значительные их выходы.

Сидеритовые руды сравнительно легки для поисков: их залежи в виде сплошных масс или стяжений — сферосидеритов — часто открываются в естественных обнажениях. Они легко доступны и для разработки. Невысокое содержание железа в сидеритах, колеблющееся от 5 до 30% и составляющее в среднем 20—21%, компенсируется сравнительно простыми приемами обогащения путем предварительного обжига руды. К тому же они легкоплавки¹⁹⁹.

Как видим, Дагестан располагает довольно крупными запасами железных руд, которые благодаря своей рассредоточенности на значительной части его территории, легкой доступности для добычи и последующей обработки были вполне пригодны для использования древними металлургами.

Имелись в Дагестане и достаточные ресурсы топлива. Правда, в настоящее время значительная часть его территории (особенно предгорье и внутренние горные районы, наиболее интенсивно обжигавшиеся с V—IV тысячелетий до н. э.) почти полностью обезлесена²⁰⁰. Но, как полагают исследователи, до начала хозяйственной деятельности первобытного человека здесь были обширные леса — сосновые и березовые во внутреннем Дагестане, буково-грабовые — в предгорье²⁰¹. Принято считать, что сведения лесов связано в основном с земледельческо-скотоводческой деятельностью первобытных коллективов²⁰². Думается, однако, что одной из первопричин этого являлась и первобытная металлургия, испытывавшая постоянную и притом немалую потребность в древесном топливе (преимущественно в угле), расходовавшемся в довольно большом количестве и при предварительном обжиге

¹⁸⁹ Иессен А. А., 1935б, с. 131—139; Он же, 1951, с. 76—81.

¹⁹⁰ Хазугайшвили Д. А., 1977, с. 30.

¹⁹¹ Крупнов Е. И., 1957, с. 155.

¹⁹² Грантовский Э. А., 1970, с. 351, 352; Кузьмина Е. Е., 1973, с. 186—189; Понгребова М. Н., 1977, с. 65—68.

¹⁹³ Крупнов Е. И., 1954, с. 194; Виноградов В. Б., 1964, с. 37, 38.

¹⁹⁴ См., например: Иессен А. А., 1935б, с. 28, 34 и сл.; Forbes R. J., 1950, р. 18—20.

¹⁹⁵ Пиккуль М. И., 1967, с. 15, 16.

¹⁹⁶ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, 1967, с. 16.

¹⁹⁷ Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулич И. Н., Эльдаров М. М., 1958, с. 33, 34; Гюль К., Власова С., Кисин И., Тергеров А., 1959, с. 57, 58.

¹⁹⁸ Халифа-Заде Г. М., Аббасова С. М., 1963, с. 13—17, 27, 41, 51, 52, 73, 74.

¹⁹⁹ Мхитаров Н. К., 1937, с. 88, 92.

²⁰⁰ Добрынин Б. Ф., 1926, с. 54; Гюль К., Власова С., Кисин И., Тергеров А., 1959, с. 210.

²⁰¹ Шифферс Е. В., 1946, с. 183.

²⁰² Там же, с. 183, 184.

руд, и при плавке (восстановлении) металла, и при его кузнечной обработке. Особенно велики были затраты древесного топлива при добыче меди из колчеданов с помощью так называемого «азиатского» способа, предполагающего весьма длительный, многократный обжиг руды на специально устраивавшихся кострах²⁰³.

Довольно высоко для своего времени уровня развития достигла древняя медно-бронзовая металлургия. По-видимому, уже во второй половине III — первой половине II тысячелетия до н. э. в Дагестане сложился местный очаг металлургии и металлообработки, продукция которого, отличавшаяся чертами локального своеобразия, получила распространение не только среди местных племен²⁰⁴, но и проникла далеко за пределы своего края²⁰⁵. Уже в конце III тысячелетия до н. э. местные металлурги освоили печи с принудительным дутьем²⁰⁶. По-видимому, в ту же пору они широко применяли и разнообразные приемы обработки металла, включавшие литье в одно- и двусторчатые формы, горячую и холодную ковку, волочение проволоки и кузнечную сварку, о чем можно судить по особенностям изготовления относящихся ко второй половине III — первой половине II тысячелетия до н. э. бронзовых изделий: топоров, наконечников копий с прокованными стержнями, плоскочерешковых клинков, шильев, игл с раскованными ушками, височных колец и браслетов из проволоки разного диаметра, височных колец с раскованными лопастями, булавок с прокованными стержнями и приваренными наверхшьями и др.

Сырьевой базой для развития местной металлургии служили довольно многочисленные выходы медных руд, в преобладающем большинстве своем колчеданных²⁰⁷.

Помимо рассмотренных обстоятельств, несомненно благоприятствовавших становлению железной металлургии в Дагестане, следует иметь в виду и другие факторы, также способствовавшие раннему знакомству местных мастеров с металлургическим железом. В конкретных условиях древнего Дагестана, по нашему мнению, существовало два пути, которые вели к непреднамеренному образованию небольших количеств железа: выплавка меди из колчеданных руд и обжиг сидеритов для получения минеральной краски. Первый был обстоятельно рассмотрен нами выше, обратимся ко второму.

Насколько можно судить по имеющимся археологическим данным, использование сильно обожженных оболочек сферосидеритов для получения минеральной краски, служившей для нанесения рисованных наскальных изображений, началось в горном Дагестане еще в раннем мезолите и довольно широко практиковалось здесь затем вплоть до середины I тысячелетия н. э.²⁰⁸ Первоначально сидериты обжигались на открытых кострах²⁰⁹. Позднее для этой цели служили своеобразные «мастерские», где обжиг производился не только на кострах, но и в небольших сферических лунках, образовывавшихся прямо в скале по мере выборки и использования выступавших на ее поверхность округлых сидеритовых конкреций²¹⁰.

Сидериты весьма легкоплавки²¹¹. Восстановление железа из подобных руд может происходить при довольно низких температурах в пределах 230—500°²¹². Поэтому при их костровом обжиге, особенно в упомянутых лунках, в отдельных случаях могли возникать условия, подобные тем, которые обеспечивали восстановление железа при широко практиковавшемся в Восточной Европе способе его получения в глиняных горшках на открытых кострах²¹³. Поскольку обжиг сидеритов для получения краски производился довольно регулярно, повторяемость подобных случаев могла быть относительно частой. Наглядно устанавливаемая таким образом связь между обжигом сидеритов и образованием железа, была, по-видимому, довольно рано подмечена местными металлургами и использована ими в практических целях. Археологическим подтверждением этому служат упоминавшиеся находки железных шлаков на Нижнесигитминском поселении.

В 1957 г. при раскопках этого памятника, расположенного в среднем течении р. Сулак, к югу от села Верхний Чирюрт, в центральной части помещения № 3, входившего в многокамерный строительный комплекс № 4, были обнаружены остатки большой, сильно потревоженной еще в древности печи. От нее сохранились лишь камни вымостки пода, представлявшего собой сильно прокаленное пятно округлой формы, диаметром 1,6 м. Вокруг него было много золы и угля, среди которых найдено два куса шлаков. По заключению специалистов из Института геологии Дагестанского филиала АН СССР, они образованы из разнотернистой (в основном кварцевого состава) породы с железистой прокаленной шлакоподобной массой непрерывного образования и представляют собой отходы производства при получении железа сыродутным способом из сидеритов. Никаких иных признаков металлургического производства ни в этом, ни в других помещениях, ис-

²⁰³ Лебедев Н., 1902, с. 112, 113; Эрн А., 1910, с. 56, 57; Байков А. А., 1949а, с. 14.

²⁰⁴ См., например: Круглов А. П., 1958, с. 66—76, 79—83; Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф., 1956, с. 189—192; Они же, 1958, с. 167—169; Канивец В. И., 1959, с. 43—48; Котович В. Г., 1959, с. 136—138; Он же, 1961, с. 33—35; Котович В. М., 1965, с. 222—229; Гаджиев М. Г., 1969, с. 137—146, 159—162; Котович В. Г., Котович В. М., 1975, с. 77—83; Магомедов С. М., 1974, с. 65—78; Он же, 1976, с. 35—36; Мунчаев Р. М., 1975, с. 175; Кореневский С. Н., 1978, с. 39—45; Мирзоев Р. Н., 1978, с. 11—15.

²⁰⁵ Артеменко И. И., 1967, с. 35.

²⁰⁶ Котович В. М., 1965, с. 223—227.

²⁰⁷ Варданянц Л. А., 1935, с. 80—91; Атаев Д. М., 1963, с. 221—223; Магомедов С. М., 1976, с. 35.

²⁰⁸ Котович В. М., 1974, с. 30—47.

²⁰⁹ Котович В. Г., 1964, с. 116.

²¹⁰ Котович В. М., 1974, с. 34, 35.

²¹¹ Мжитаров Н. К., 1937, с. 88, 92.

²¹² Лукас А. А., 1958, с. 372; Стоскова Н. Н., 1960, с. 236.

²¹³ Стоскова Н. Н., 1960, с. 236—239.

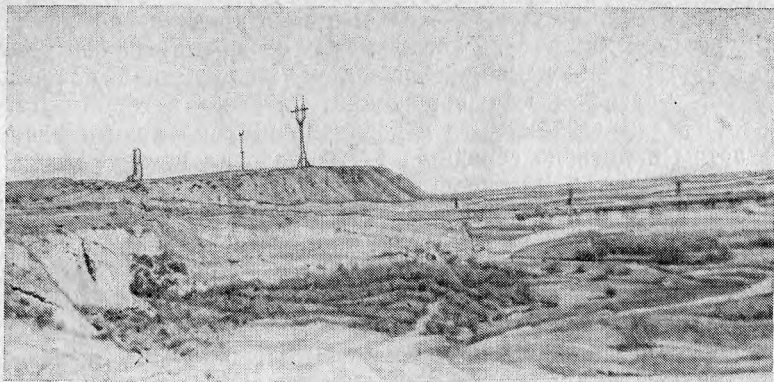

Рис. 22. Нижнесигитминское поселение

следованных в 1956—1957 гг. на Нижнесигитминском поселении, не было найдено²¹⁴.

По особенностям представленной здесь керамики, обнаруживавшей близость, с одной стороны, с сосудами из памятников каякентско-хорочоевской культуры, а с другой — с керамикой таких позднесрубных памятников, как Белозерское поселение, К. А. Бредэ датировал Нижнесигитминское поселение первой четвертью I тысячелетия до н. э.²¹⁵ (рис. 22). С небольшими уточнениями предложенная им дата получила признание у многих специалистов, относящих названный памятник либо к началу I тысячелетия до н. э.²¹⁶, либо к рубежу II—I тысячелетий до н. э.²¹⁷ Придерживался этих оценок и автор данной работы²¹⁸. Однако в настоящее время они требуют внесения определенных коррективов, учитывающих новую хронологию каякентско-хорочоевской культуры.

Отмеченное выше сходство керамики Нижнесигитминского поселения²¹⁹ с каякентско-хорочоевской может быть особенно ярко проиллюстрировано на материалах первого (верхнего) слоя Верхнегуниского поселения, образующих единственный пока керамический комплекс каякентско-хорочоевской культуры из бытового памятника горного Дагестана. На обоих названных памятниках представлены обломки почти совершенно однотипных сосудов с обмазанными жидкой глиной туловами и заглаженными горловинами со слабо профилированными венчиками. Одицаков и ор-

²¹⁴ Бредэ К. А., № 2470, л. 9—24; *Он же*, 1959, с. 26, 27.

²¹⁵ Бредэ К. А., 1959, с. 27.

²¹⁶ Пикуль М. И., 1967, с. 16; Давудов О. М., 1974б, с. 29.

²¹⁷ *История Дагестана*, 1967, с. 89; Крупнов Е. И., 1964, с. 340; Марковин В. И., 1969, с. 18, 81, 85.

²¹⁸ Котович В. Г., Шейхов Н. Б., 1960, с. 349, 350; Котович В. Г., 1978б, с. 49.

²¹⁹ Наиболее выразительные образцы керамики Нижнесигитминского поселения опубликованы О. М. Давудовым, см.: Давудов О. М., 1974б, табл. V, VI.

памент либо в виде напленного валика с вдавлениями и косыми насечками, либо в виде горизонтального ряда вдавлен округлых и семечковидных очертаний, весьма близки немногочисленные обломки ручек округлого сечения²²⁰. Некоторые типы сосудов Нижнесигитминского поселения — баночные горшки как удлиненных пропорций, так и приземистые²²¹ — находят себе прямые аналогии в керамике Таркинского могильника²²². Подобное сходство, порою даже тождество, которое обнаруживает такой массовый археологический материал, как керамика, разумеется, не могло быть случайным. Очевидно, его следует расценивать как достаточно весомое и убедительное свидетельство принадлежности Нижнесигитминского поселения к кругу каякентско-хорочоевских памятников, вместе с которыми оно должно быть отнесено теперь ко времени не позднее середины II тысячелетия до н. э.²²³ С признанием этого рассмотренные выше находки шлаков на данном памятнике становятся древнейшими на Кавказе свидетельствами овладения местными металлургами сыродутным способом добычи железа. К сожалению, дальнейшая судьба этого чрезвычайно важного технического достижения древних металлургов не может быть освещена при нынешнем состоянии изученности бытовых памятников эпохи средней и поздней бронзы не только на территории Дагестана, но и всего Северного Кавказа, что соответствующим образом сказывается на уровне наших знаний, по затронутому вопросу в настоящее время.

Древнейшие из известных ныне на Северо-Восточном Кавказе железных изделий относятся к IX — первой половине VII в. до н. э. (РЖ — I). Это — предметы вооружения (биметаллические кинжалы и втульчатые наконечники копий), орудия труда (ножи, пилы и серпы) и украшения (браслеты), происходящие из памятников Чечено-Ингушетии²²⁴ и Дагестана²²⁵. Для их изготовления использовалась средне- и высокоуглеродистая сталь, применялась и кузнечная сварка²²⁶. В памятниках второй полови-

²²⁰ Ср. Котович В. М., 1965, рис. 63, 3—6, 9, рис. 64, 3, 6, 9, 10, 12, 15; Рис. 65, 3—14; Давудов О. М., 1974б, табл. V, 9—14, 16—36, табл. VI, 1, 2, 7, 17, 20, 21, 24.

²²¹ Давудов О. М., 1974б, табл. V, 1—7, табл. VI, 22, 23.

²²² Смирнов К. Ф., 1951, рис. 10, 1—3, рис. 12, 8—10.

²²³ О новой хронологии каякентско-хорочоевской культуры писалось выше. Отметим попутно, что при определении хронологии Нижнесигитминского поселения не следует, по нашему мнению, переоценивать значения отмеченного К. А. Бредэ сходства его керамики с керамикой позднесрубных памятников Юго-Восточной Европы (и в частности, Белозерского поселения) ввиду их значительной территориальной удаленности от Дагестана; выявление причин, породивших это сходство, требует специального исследования. См. также об этом: Котович В. М., 1965, с. 204.

²²⁴ См., например: Марковин В. И., 1964, с. 87; *Он же*, 1969, с. 84; Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 96; Козенкова В. И., 1969, с. 16; *Она же*, 1977а, с. 81, 82; *Она же*, 1977б, с. 17, 18.

²²⁵ Пикуль М. И., 1959б, с. 25, 26, 30; *Она же*, 1973, с. 45—50; Давудов О. М., 1969, с. 13, 16, 18; *Он же*, 1974б, с. 31 и сл.

²²⁶ Козенкова В. И., 1968, с. 32; Шрамко Б. А., Фокин Л. Д., Солнцев Л. А., 1977, с. 66.

ны VII—V вв. до н. э. (РЖ — II) железо повсеместно становится здесь главным материалом для изготовления оружия и орудий труда²²⁷. Микроструктурным анализом установлен высокий уровень кузнечных изделий, изготовленных из сырьевой стали с применением горячейковки, а в необходимых случаях и закалки²²⁸. Как видим, на Северо-Восточном Кавказе широкое распространение, а затем и массовое внедрение железа происходило в те же исторические сроки, что и у соседних кобанских племен.

Насколько можно судить по имеющимся материалам, течение этого процесса определялось как достижениями местной металлургии, так и (в какой-то мере) южными, закавказскими влияниями. Учитывая главные направления культурных связей местного населения в предскифский период, можно полагать, что подобное влияние происходило вследствие их непосредственных контактов с Закавказьем, осуществлявшихся через многочисленные перевалы на Главном Кавказском хребте и особенно Прикаспийским путем (активно функционировавшим с рубежа II—I тысячелетий до н. э. в связи с движением древнеирапских племен), а также опосредствованно — через кобанские племена Центрального Кавказа.

Примечательной особенностью некоторых древнейших железных изделий с территории Дагестана является их типологическое своеобразие. Яркой иллюстрацией этому может служить рукоять биметаллического кинжала из с. Куг²²⁹, особенности оформления (округло-брусковидное навершие, короткий круглый ствол, треугольное рикассо) и орнаментации (рельефные валики в виде перевитого шнура в сочетании с коническими выпуклинами), которой пока не находят себе прямых параллелей среди подобных кинжалов из других областей Северного Кавказа и Закавказья. Черты локального своеобразия присущи даже некоторым изделиям «общесеверокавказского» типа, таким, например, как известный биметаллический кинжал из Мугерганского могильника²³⁰, гладкоствольная рукоять которого имела изогнутое (а не прямое) перекрестье и грибовидное навершие овальной (а не округлой) формы, к тому же отлитое отдельно, а затем закрепленное вместе с рукоятью на пропущенном сквозь них и заклепанном сверху железном стержне. Несмотря на малочисленность подобных фактов, не следует ни недооценивать их значения, ни тем более считать их простой случайностью. По нашему мнению, все они реальные свидетельства существования местных производственных традиций, которые могли быть выработаны только в условиях сложившегося в основных чертах местного железодельного

центра. Таким образом, основываясь на приведенных фактах, мы вправе поставить вопрос о достоверности существования местного — дагестанского — железодельного центра, где уже в самом начале предскифского периода (РЖ — I) наряду со специфически местными создавались также и «общесеверокавказские» типы оружия.

Разумеется, он не был в ту пору единственным, напротив, как свидетельствуют рассмотренные нами выше археологические материалы, не позднее IX в. до н. э. в разных частях Северного Кавказа начинают складываться (по-видимому, не без закавказского влияния) местные центры железодельного производства. Выяснение их числа, характера и технологии производимой продукции — дело будущих исследований. Для наших же целей было важно подчеркнуть их глубокую древность.

Думается, что помимо отмеченных выше чисто технических факторов, немаловажную роль в раннем становлении железодельного производства на Северном Кавказе сыграли также факторы социальные. Как известно, с рубежа II—I тысячелетий до н. э. здесь повсеместно активизировались процессы социальной дифференциации, что привело, в частности, к раннему выделению особой социальной прослойки — воинов, нередко — воинов-всадников²³¹, остро нуждавшихся в наиболее совершенном и эффективном для своего времени вооружении. Именно этим условиям более всего отвечало в ту пору железное и стальное оружие. Можно полагать, что в разных областях Северного Кавказа, как и в Дагестане, подобное оружие было представлено как сугубо локальными, так и «общесеверокавказскими» образцами.

В свою очередь, широкое распространение по всему Северному Кавказу одинаковых типов железного и биметаллического оружия (втульчатые наконечники копий, топоры, кинжалы), нередко изготовленных с помощью одинаковых или близких технологических приемов, свидетельствует о существовании прочных налаженных производственных связей между отдельными железодельными центрами, располагавшимися в довольно широких территориальных границах данного региона. Совокупность таких центров с их однотипной продукцией и сходной технологией, по-видимому, и составляла северокавказский очаг древней железной металлургии.

Правда, при нынешнем состоянии изученности большинства древнейших северокавказских железных изделий: втульчатых наконечников копий, топоров, а также мелких орудий труда — ножей и шилей, мы практически лишены возможности выделить их специфически местные морфологические черты, по которым их можно было бы с необходимой степенью достоверности отличить от одновременных или близких по времени подобных изделий, происходящих из Закавказья или степных областей. Единственным, пожалуй, исключением в этом отношении являются кинжалы, прежде всего биметаллические.

²³¹ Анфимов Н. В., 1971, с. 172, 174; Козенкова В. И., 1970, с. 114—116; Она же, 1977а, с. 83, 84.

²²⁷ См., например: Мунчаев Р. М., 1963, с. 203—205; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1968, с. 171, 172; Виноградов В. Б., 1972, с. 227—230, 257—259, 278, 279; Пикуль М. И., 1967, с. 88—91; Давудов О. М., 1974б, с. 63—69, 78—79, 120—123.

²²⁸ Давудов О. М., 1968, с. 9—11; Вознесенская Г. А., 1968, с. 38, 39.

²²⁹ Давудов О. М., 1974б, с. 64, табл. XVIII, 19.

²³⁰ Пикуль М. И., 1973, с. 37, рис. 9; Котович В. Г., 1978б, с. 21, 22, рис. 2.

Как уже отмечалось, биметаллические кинжалы и мечи впервые появились на юге — в Закавказье и Передней Азии. Их древнейшие образцы обычно повторяли форму местных бронзовых прототипов²³². Аналогичная картина наблюдается и на Северном Кавказе. Восприняв с юга идею изготовления подобного оружия со стальными клинками и бронзовыми рукоятями, местные оружейники воплощали ее в традиционных для данного региона формах, выработанных еще в эпоху поздней бронзы. Сказанное целиком относится не только к трем «исконно северокавказским» (т. е. имеющим местные бронзовые прототипы) типам биметаллических кинжалов (I, IV и V типы нашей классификации²³³), но также и к тем из них, которые могут быть возведены к южнокавказским и переднеазиатским образцам (типы II и III нашей классификации²³⁴, а также кинжалы из Кумбулты²³⁵ и хут. Кубанского²³⁶, с вильчатыми многоотростковыми рикассо и полулунными навершиями), поскольку форма последних в исполнении местных мастеров заметно видоизменилась. Поразительное единство типов биметаллических кинжалов в пределах всего Северного Кавказа при заметном типологическом отличии их от соответствующих закавказских изделий неопровержимо свидетельствует, что они действительно являются продукцией местных северокавказских центров железоделательного производства.

Отметим в этой связи еще одно немаловажное обстоятельство. У преобладающего большинства северокавказских биметаллических кинжалов бронзовые рукояти были «налитыми». Но у некоторых, притом древнейших образцов (из Николаевского²³⁷ и Мугерганского²³⁸ могильников), бронзовые рукояти отливались отдельно, а затем соединялись с клинками посредством насадочного стержня, который пропускаться через ствол рукояти с навершием (у мугерганского экземпляра навершие отлито отдельно), а затем заклепывался сверху. Примечательно, что рукояти обоих рассматриваемых кинжалов уже имели перекрестия, правда, не прямые, как у более поздних образцов, а несколько изогнутые. Кинжалы с перекрестиями на рукояти до сих пор не встречены в Закавказье. Не известен там, насколько можно судить по доступным нам материалам, и подобный способ крепления рукоятей у древнейших образцов биметаллических кинжалов и мечей. Следовательно, перед нами своеобразный технический прием изготовления биметаллических кинжалов, применявшийся уже в IX в. до н. э. местными мастерами и на северо-западе и на юго-востоке северокавказского региона. Этот прием, насколько можно судить по имеющимся материалам, практиковался здесь сравнительно недолго, вероятно, лишь в самом начале выработки технологии

изготовления биметаллических кинжалов с перекрестиями на рукоятях. Но вскоре древние северокавказские оружейники освоили и более сложную технику изготовления и крепления рукоятей подобного типа путем «наливания» их на стальные клинки, которая и распространилась повсеместно на Северном Кавказе.

Итак, древнейшие на Северном Кавказе биметаллические кинжалы с «напускными» бронзовыми рукоятями, имевшими слегка изогнутые перекрестия (типа Николаевского и Мугерганского), и типологически и по своеобразию приемов изготовления должны быть признаны также и древнейшими образцами продукции местного железоделательного производства. Довольно совершенный для начала железного века облик этих изделий, сложность и своеобразие технологических приемов их изготовления, в свою очередь, могут свидетельствовать о достаточно развитом, уже сложившемся в своих основных чертах к IX в. до н. э. характере северокавказской железной металлургии, истоки которой следует, по-видимому, искать «значительно раньше», на что совершенно справедливо указывал в свое время А. А. Иессен²³⁹.

По мере дальнейшего функционирования северокавказских центров железоделательного производства на протяжении предскифского периода (РЖ-I) изменялась и совершенствовалась изготавливавшаяся в них продукция. Яркой иллюстрацией сказанному могут служить все те же биметаллические кинжалы, в результате типологического развития которых был выработан наряду с другими и тип гладкорукояточного кинжала с прямым или крестовидным перекрестием²⁴⁰. Изменялась и технология их изготовления, что проявилось, в частности, в замене «напускных» бронзовых рукоятей «налитыми». Выработанный таким образом на Северном Кавказе этот довольно совершенный для своего времени тип оружия распространился затем отсюда (очевидно, вместе с соответствующей технологией) двумя путями: на север — в Волго-Камье и на северо-запад — в степи Северного Причерноморья²⁴¹, где уже в VIII—первой половине VII в. до н. э. было налажено их местное производство²⁴².

В продолжение того же предскифского периода северокавказские оружейники, помимо биметаллических кинжалов, освоили также и производство кинжалов, целиком изготовленных из железа. Отметим среди них обломки кинжалов с брусковидным навершием, найденные на северо-западном склоне горы Бештау²⁴³ и в могильнике у хут. Кубанского²⁴⁴, а также акинак с бабочковидным перекрестием из погребения у Лермонтовского разъезда²⁴⁵.

²³⁹ Иессен А. А., 1954, с. 129, 130.

²⁴⁰ Подробнее об этом см.: Котович В. Г., 1978б, с. 20—23; Он же, 1978в, с. 114—120.

²⁴¹ Котович В. Г., 1978в, с. 121, 122.

²⁴² Халиков А. Х., 1969, с. 278—281; Шрамко Б. А., Фокин Л. Д., Солнцев Л. А., 1977, с. 59—70.

²⁴³ Иессен А. А., 1954, с. 124, 125, рис. 14.

²⁴⁴ Анфимов Н. В., 1975, с. 40.

²⁴⁵ Иессен А. А., 1954, с. 122, 123; Тереножкин А. И., 1975, с. 27, 28, рис. 19, 1, рис. 21, 1.

²³² Абрамишвили Р. М., 1961, с. 378, 379, табл. XI, 1, 2.

²³³ Котович В. Г., 1978в, с. 114—117, 119, 120, рис. 1.

²³⁴ Котович В. Г., с. 118.

²³⁵ Анфимов Н. В., 1975, с. 40, рис. 2, 1.

²³⁶ Уварова П. С., 1900, с. 227, 228, табл. ХСVI, 4.

²³⁷ Анфимов Н. В., 1965, с. 197, рис. 1, 4.

²³⁸ Котович В. Г., 1978б, с. 21, 22, рис. 2.

Эти и другие, близкие по времени памятники А. А. Иессен объединил в особую — предскифскую — группу, которую поместил между новочеркасской и келермесской группами и датировал второй половиной VII и рубежом VII—VI вв. до н. э.; вопрос о нижнем хронологическом пределе этой группы был им оставлен открытым²⁴⁶. А. И. Тереножкин датировал некоторые памятники предкелермесской группы сначала «только первой половиной или, в крайнем случае, второй половиной VII в. до н. э.»²⁴⁷, а затем «первой половиной или самое позднее серединой VII в. до н. э.»²⁴⁸. Н. В. Анфимов еще более занижил их датировку и довел ее сначала до второй половины VIII—VII вв. до н. э.²⁴⁹, а затем до VIII — первой половины VII в. до н. э.²⁵⁰ Последняя дата подкреплена обстоятельным анализом довольно значительного комплекта материалов могильника у х. Кубанский, а потому представляется наиболее обоснованной. К тому же она полностью согласуется с датой выделенного Б. В. Теховым на материалах Тлийского могильника второго этапа эпохи раннего железа²⁵¹.

Отнесение к столь раннему времени упомянутых выше цельножелезных кинжалов, особенно акинака из погребения у Лермонтовского разъезда, имеет немаловажное значение. Как известно, вопрос о происхождении акинаков, одного из основных видов скифского оружия, долгое время обсуждается специалистами²⁵². В последние годы над его решением много потрудились А. И. Тереножкин, пришедший к заключению, что «родина акинаков, как и всего прочего скифского, находилась где-то в Сибири или в Центральной Азии»²⁵³. Однако подобному заключению противоречит весь собранный в связи с этим материал, среди которого ему удалось выделить целую группу «весьма ранних», или «старейших», акинаков, цельножелезных и с бронзовыми рукоятями в преобладающем большинстве своем происходящих из северокавказских и закавказских памятников предскифского и самого начала скифского периодов²⁵⁴. К ним следует добавить неучтенные А. И. Тереножкиным находки акинаков с бронзовыми рукоятями из Тлийского могильника, где они появляются с конца VIII в. до н. э. в комплексах с характерными наборами кобанских бронз²⁵⁵.

Все эти факты свидетельствуют с достаточной очевидностью, что появившиеся в Закавказье и на Северном Кавказе в конце VIII — первой половине VII в. до н. э. биметаллические и цельножелезные акинаки с брусковидным навершием и бабочковидным

перекрестием следует считать изделиями местных железоделательных центров. По нашему мнению, исходной формой для них могли послужить северокавказские биметаллические кинжалы с более или менее уплощенными кольчатоорнаментированными рукоятями, которым иногда придавалась двухтавровая в сечении форма (IV тип нашей классификации)²⁵⁶. Думается, что именно в результате развития таких кинжалов появились образцы, подобные найденному в 1921 г. на Каменноостском могильнике биметаллическому кинжалу с уже неорнаментированной плоской широкой рукоятью двухтаврового сечения, слегка изогнутым перекрестием и брусковидным навершием²⁵⁷, а также раннескифским акинакам с одноряднокольчатой орнаментацией рукоятей, происходящим из с. Марьчевка (Куйбышевская обл.) и с. Лопатино (Пензенская обл.)²⁵⁸ и, может быть, типа Согратлинского акинака (Дагестан), рукоять которого орнаментирована пятью однорядно расположенными квадратиками²⁵⁹. Помимо того, на формирование бабочковидных перекрестий и брусковидных наверший у ранних акинаков могли оказать влияние приемы оформления рукоятей северокавказских биметаллических кинжалов типа найденных в Фаскау²⁶⁰ и в с. Куг (Дагестан)²⁶¹. Впрочем, появление бабочковидных перекрестий у акинаков могло быть обусловлено и чисто техническими причинами — сложностью их изготовления из отдельных фигурных заготовок посредством кузнечной сварки²⁶².

В связи с рассмотрением вопроса о продукции местных железоделательных центров уместно вспомнить, что Е. И. Крупнов возводил некоторые типы железных акинаков из Лугового могильника к бронзовым кобанским прототипам²⁶³. Аналогичную попытку найти северокавказские прототипы для целого ряда образцов степного железного оружия предприняла недавно М. П. Абрамова²⁶⁴. Несмотря на то что эта попытка встретила возражения со стороны отдельных исследователей²⁶⁵, дальнейшие работы в этом направлении представляются весьма перспективными.

Еще более широкий подход к рассмотрению данного вопроса проявил Г. Ф. Гобеджишвили, обративший внимание на то обстоятельство, что в целом ряде древних могильников на территории Грузии в комплексах VII—V вв. до н. э. весьма многочисленны находки «скифских железных секир и акинаков», и поставивший

²⁴⁶ Иессен А. А., 1954, с. 119.

²⁴⁷ Тереножкин А. И., 1975, с. 28.

²⁴⁸ Тереножкин А. И., 1976, с. 128.

²⁴⁹ Анфимов Н. В., 1971, с. 176.

²⁵⁰ Анфимов Н. В., 1975, с. 48.

²⁵¹ Техов Б. В., 1972, с. 30.

²⁵² Подробнее об этом см.: Смирнов К. Ф., 1961, с. 29; Мелюкова А. И., 1964, с. 60.

²⁵³ Тереножкин А. И., 1976, с. 131—132.

²⁵⁴ Тереножкин А. И., 1976, с. 126—130, рис. 78, 1, рис. 79, 1—4, 6, 7.

²⁵⁵ Техов Б. В., 1972, с. 32, рис. 2, 232.

²⁵⁶ Котович В. Г., 1978в, с. 119, рис. 1, IVa, 2, 3, IVb, 2—4, IVc, 2.

²⁵⁷ Иессен А. А., 1941, с. 22, рис. 4, 2; Тереножкин А. И., 1976, с. 126—128; Котович В. Г., 1978в, рис. 1, IVb, 3.

²⁵⁸ Смирнов К. Ф., 1961, с. 13, 14, рис. 1, 10; Тереножкин А. И., 1976, с. 131, рис. 80, 5, 9.

²⁵⁹ Давудов О. М., 1974б, с. 65, табл. XVIII, 13.

²⁶⁰ Крупнов Е. И., 1960, табл. XXX, 3; Котович В. Г., 1978в, рис. 1, V, 5.

²⁶¹ Давудов О. М., 1974б, с. 64, табл. XVIII, 19; Котович В. Г., 1978в, рис. 1, V, 3.

²⁶² Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцева Л. А., 1970, с. 42, 46, рис. 4, 1, 2.

²⁶³ Крупнов Е. И., 1960, с. 280.

²⁶⁴ Абрамова М. П., 1969, с. 3—11.

²⁶⁵ Виноградов В. Б., 1972, с. 120—122.

на этом основании вопрос «о распространении на север этого оружия из Закавказья»²⁶⁶. Приятно отметить, что мнение видного грузинского археолога о возможности выведения скифских боевых топоров-секир от кавказских образцов в настоящее время разделяется и специалистами-скифологами²⁶⁷. Думается, недалеко то время, когда получит признание с их стороны и тезис о возможности кавказского происхождения акинаков²⁶⁸, к чему уже давно склоняются северокавказские археологи²⁶⁹ и что подтверждается все более возрастающим количеством археологических фактов. Во всяком случае, этот тезис имеет не меньшее право на признание, нежели широко распространенное мнение об иранском происхождении акинаков, основывающееся на данных письменных источников, но пока не подкрепленное археологически²⁷⁰.

Разумеется, продукция северокавказских центров железоделательного производства отнюдь не ограничивалась в ту пору одними только акинаками. Помимо них, Е. И. Крупнов относил к числу местных изделий также топоры-секиры, втульчатые наконечники копий, удила²⁷¹. Рассмотрение всех этих изделий в их типологическом разнообразии, равно как и изучение технико-технологических приемов их изготовления, — особая задача, столь же важная, сколь и трудная, требующая специальных исследований. А ставившаяся нами цель более ограничена: подтвердить хотя бы на одном конкретном примере, по-возможности ярком и бесспорном, факт существования местной продукции, изготовлявшейся в северокавказских железоделательных центрах в продолжение предскифского периода. Выбор в качестве такого примера биметаллических кинжалов и акинаков продиктован, помимо отмеченных выше соображений, также и тем, что именно этим двум видам древнего оружия нередко придается весьма важная роль в культурно-исторических построениях, касающихся взаимоотношений между северокавказскими племенами и населением Юго-Восточной Европы в VIII—VII вв. до н. э. С признанием северокавказского происхождения обоих названных видов кинжалов становится очевидным, что среди всех этих нередко взаимоисключающих друг друга построений²⁷², наиболее близкими к действительности оказались оценки А. А. Иессена, отмечавшего существование закономерных связей в развитии степных культур киммерийцев и скифов с предшествующей культурой, ярко представленной в материалах двух последовательных групп северокавказских памятников — новочеркасской и предкелермесской²⁷³.

²⁶⁶ Гобеджишвили Г. Ф., 1952, с. 188.

²⁶⁷ Мелюкова А. И., 1964, с. 79, 80.

²⁶⁸ Новейшие взгляды по данному вопросу см.: Лесков А. М., 1979, с. 47—49; Черненко Е. В., 1979, с. 90, 91.

²⁶⁹ Крупнов Е. И., 1960, с. 326.

²⁷⁰ Мелюкова А. И., 1964, с. 60; Артамонов М. И., 1974, с. 39, 40.

²⁷¹ Крупнов Е. И., 1960, с. 278—283, 326.

²⁷² См., например: Мелюкова А. И., 1964, с. 79, 80; Артамонов М. И., 1974, с. 39, 40; Тереножкин А. И., 1976, с. 207—212.

²⁷³ Иессен А. А., 1953, с. 109, 110; Он же, 1954, с. 129—131.

В заключение данной главы подведем некоторые итоги.

1. Одним из важнейших факторов, во многом определивших пути зарождения железной металлургии на Кавказе, следует признать существование здесь мощного очага древней медно-бронзовой металлургии, достигшего относительно высокого уровня развития уже в III тысячелетии до н. э. Конкретная связь между двумя названными отраслями металлургии проявлялась в следующем:

а) переход к выплавке меди из колчеданных руд, археологически документированный для второй половины III—первой половины II тысячелетия до н. э., создал объективные предпосылки к раннему знакомству с металлургическим железом, образовывавшимся в качестве побочного, но неизбежного продукта этого процесса, способствовал познанию свойств нового металла;

б) важнейшее технико-технологическое достижение древней медно-бронзовой металлургии — использование печей и горнов с принудительной подачей сырого воздуха, обеспечивавшее необходимый высокотемпературный режим для восстановительной плавки в высокоуглеродистой среде, — нашло столь же эффективное применение и в кричном деле, при сыродутном способе добычи железа;

в) многие из выработанных в медно-бронзовом производстве приемов кузнечной обработки металлов, особенно горячая ковка и сварка, также были заимствованы железоделательным производством.

2. По мере дальнейшего развития все эти заимствованные из медно-бронзового производства технико-технологические и практические приемы добычи и обработки металлов были приспособлены к специфическим потребностям железной металлургии и дополнены принципиально новыми технологическими решениями, что в совокупности и обеспечило возможность получения железа из железных руд и изготовления железных изделий высокой прочности. Течение этого процесса на Кавказе неодинаково освещено известными в настоящее время археологическими материалами, происходящими из его разных областей.

3. В Закавказье наиболее ранние свидетельства существования кричного дела относятся к XIII—XII вв. до н. э. Примерно тем же временем (конец XIV—XII в. до н. э.) датируются здесь древнейшие образцы оружия из сырой и цементированной стали, документирующие существование и кузнечного дела. Все эти факты свидетельствуют, что уже в начале эпохи поздней бронзы в некоторых, по-видимому, крайне немногочисленных производственных центрах закавказским металлургам удалось овладеть технологией железоделательного производства. Заметное расширение масштабов местного железоделательного производства, сопровождаемое повсеместным распространением железных орудий труда и предметов вооружения (сосуществовавших с бронзовыми), приходится в Закавказье на рубеж II—I тысячелетий до н. э., а вскоре после того бронзовые орудия труда и оружие окончательно вытесняются здесь железными. В свете этих фактов еще более проясняется пра-

вота тех исследователей, которые считают, что в Закавказье сложился и развивался один из древнейших в мире первичных очагов железной металлургии.

4. Для Северного Кавказа мы почти не располагаем археологическими материалами, освещающими ранние этапы развития местной железной металлургии: имеющиеся данные подтверждают существование кричного дела в середине II тысячелетия до н. э. (Нижнепеситминское поселение в Дагестане) и в скифский период (Макинское и Аркаское поселения в Дагестане), а кузнечного — начиная с предскифского периода. Поэтому, оставляя пока открытым вопрос о возможности самостоятельного возникновения здесь железной металлургии, мы принимаем в качестве рабочей гипотезы широко распространённый среди специалистов тезис о ее заимствовании из Закавказья. Вероятно, это могло произойти не позднее рубежа II—I тысячелетий до н. э. Во всяком случае, уже в IX в. до н. э. в разных концах северокавказского региона начинают функционировать местные железоделательные центры. Их продукция нередко повторяла форму закавказских прототипов, но иногда на этой основе выработывались и оригинальные типы изделий. Активно функционировал среди них и дагестанский центр железоделательного производства, где производились изделия сугубо местных и «общесеверокавказских» типов.

Наиболее яркие образцы общих для всего Северного Кавказа изделий представлены кинжалами со стальными клинками и бронзовыми рукоятями, сначала (IX в. до н. э.) напускными, позднее (VIII—первая половина VII в. до н. э.) — налитыми, наряду с которыми в конце VIII — первой половине VII в. до н. э. стали изготавливаться и акинаки. Биметаллические кинжалы с налитыми рукоятями и акинаки с брусковидными навершиями и бабочковидными перекрестиями вместе с технологией их изготовления были восприняты с Северного Кавказа киммерийцами и скифами, и это дало толчок к бурному развитию железоделательных центров в Восточной Европе в VIII—VII вв. до н. э.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН

instituteofhistory.ru

Заключение

Рассмотрение проблем культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана позволило наметить и пути их возможного решения, обоснованные известными в настоящее время многочисленными и разнообразными археологическими материалами и уровнем их изученности.

Для понимания и раскрытия закономерностей исторического развития коренного населения особенно важным следует признать освещение проблем древности производящего хозяйства в Дагестане и возникновения здесь железной металлургии.

В итоге рассмотрения имеющихся материалов представляется оправданной постановка вопроса о возможности отнесения горного Дагестана, как, по-видимому, и некоторых других частей Кавказа, к числу тех горных областей, где протекала «неолитическая революция», чрезвычайно длительный и сложный процесс зарождения и постепенного становления производящей экономики.

Археологические данные позволяют составить некоторое представление о первом этапе этого процесса, охватывающем мезолит и ранний неолит, когда в недрах высокоспециализированного охотничье-собирающего хозяйства стали зарождаться элементы производящей экономики, и о заключительной стадии, на которой земледелие и, вероятно, скотоводство уже сложились в самостоятельные отрасли хозяйства, сосуществовавшие с охотой и другими видами производственной деятельности, воспринятыми от предшествующих эпох.

В конце неолита — энеолите произошло окончательное становление и упрочение производящего земледельческо-скотоводческого хозяйства. Этим самым здесь завершилась и «неолитическая революция». Переход к постоянной оседлости стимулировал развитие новых отраслей хозяйства, включая специализированные, — керамического производства, строительного дела и, вероятно, металлургии (рис. 23).

Приведенные в книге археологические материалы, проанализированные в связи с рассмотренными проблемами культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана, неопровержимо доказывают, что процесс культурно-исторического и социально-экономического развития Дагестана в XV—VIII вв. до н. э. определялся теми же закономерностями, что и в других раннеземледельческих областях юга нашей страны, и позволяют высоко оценить роль дагестанских племен в развитии земледельческо-скотоводческого хозяйства и металлургии на Северном Кавказе.

- Асиятилов С. Х.* Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев. Махачкала, 1967.
- Асламов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.* Древний Минчегаур. Баку, 1959.
- Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
- Атаев Д. М.* Могильник в местности «Чампар» у города Махачкалы.— УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1970, т. XX.
- Атаев Д. М., Погребова М. Н.* Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района.— МАД. Махачкала, 1973, т. III.
- Атаев Д. М., Котович В. М.* Отчет о работе 2-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1957 г.— РФИИЯЛ. Махачкала, 2478.
- Багаев М. Х.* Раскопки в сел. Бети-Мокх.— АО 1975 г. М., 1976.
- Бадер Н. О.* Варианты культур Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита.— СА, 1965, № 4.
- Бадер Н. О.* Поздний палеолит Загра и Имеретии.— В сб.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
- Бадер Н. О.* О мезолите Восточного Среднеземноморья в связи с проблемой «каспийской провинции».— МИА, 1966а, № 126.
- Бадер Н. О.* Различия между верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока.— В кн.: Археология Старого и Нового света. М., 1966б.
- Байков А. А.* Металлургия меди.— Собрание трудов. М.; Л., 1949а, т. IV.
- Байков А. А.* Плавка медных руд в шахтных печах.— Собрание трудов. М.; Л., 1949б, т. IV.
- Байков А. А.* Состав и строение черновой меди, получаемой в шахтных печах.— Собрание трудов. М.; Л., 1949в, т. IV.
- Байков А. А.* Физико-химические основы прямого восстановления железа и руд.— В кн.: Избранные труды. М., 1961.
- Бахта В. М.* Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество.— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
- Бегров Р. Ж.* Курган эпохи бронзы у сел. Старый Черек.— АЭС. Нальчик, 1974, вып. I.
- Бибиков М. П.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская.— МИА, 1953, № 38.
- Бибиков С. Н.* Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы.— СА, 1962, № 3.
- Бибиков С. Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого триполья.— СА, 1965а, № 1.
- Бибиков С. Н.* Древние кремневые выработки в районе Каменец-Подольска.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965б.
- Бокарев Е. А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.
- Болтунова А. И.* Античные города Грузии и Армении.— В кн.: Античный город. М., 1963.
- Бредз К. А.* Новые поселения на Сулаке.— В кн.: Тезисы докладов на научной сессии Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959.
- Бредз К. А.* Отчет о дополнительных раскопках в 1957 г. на Нижнем Сигитминском поселении и городище, а также о разведках на прибрежных полосах Низовий Сулака (рукопись).— РФИИЯЛ. Махачкала, 2470.
- Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973.
- Булатова А.* Лакцы. Махачкала, 1974.
- Бунятов Т. А.* Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957.
- Вавилов Н. И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий.— Природа, 1936, № 2.
- Вавилов Н. И.* Опыт агроэкологического обзора важнейших полевых культур. М.; Л., 1957.
- Вавилов Н. И.* Пять континентов. М., 1962.
- Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений.— Избранные произведения. Л., 1967, т. I.
- Варданянц Л. А.* О местонахождении цветных металлов в Дагестанской АССР.— В кн.: Природные ресурсы Дагестанской АССР. М.; Л., 1935.
- Верещагин Е. К.* Млекопитающие Кавказа. М., 1959.
- Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулчи И. Н., Эльдаров М. М.* Дагестанская АССР. Махачкала, 1958.
- Виноградов В. В.* О скифских походах через Кавказ.— В кн.: Сборник статей. Грозный, 1964.
- Виноградов В. В.* Рец.: Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.— СА, 1969, № 2.
- Виноградов В. В.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
- Виноградов В. В.* Кинжалы с «крестовидной рукоятью» на Северном Кавказе.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973.
- Виноградов В. В.* Предисловие к кн.: Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.
- Виноградов В. В., Марковин В. И.* Могильник «Яман-су» на границе Чечни и Дагестана.— АЭС, Грозный, 1968, т. II.
- Виноградов В. В., Рунчи А. П.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья.— АЭС. Грозный, 1976, т. IV.
- Вознесенская Г. А.* Результаты металлографического изучения кузнечных изделий из археологических памятников Дагестанской АССР.— В кн.: Давудов О. М. К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана. Махачкала, 1968.
- Вознесенская Г. А.* Технология производства железных предметов Тлийского могильника.— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.
- Вознесенская Г. А., Тезов Б. В.* Технология производства кузнечных изделий из Тлийского могильника.— СА, 1973, № 3.
- Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.
- Гаджиев М. Г.* О погребальном обряде племени горного Дагестана в бронзовом веке.— УЗ ИИЯЛ, т. XIII. Сер. историч. Махачкала, 1964.
- Гаджиев М. Г.* Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э.— КСИА, 1966, вып. 108.
- Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969а.
- Гаджиев М. Г.* Раскопки памятников бронзового века в горном Дагестане.— АО 1968 г. М., 1969б.
- Гаджиев М. Г.* Чиркейское поселение раннебронзового эпохи.— В кн.: Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971.
- Гаджиев М. Г.* Древнее земледелие и скотоводство горного Дагестана.— В кн.: Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя (тезисы докладов) М., 1974а.
- Гаджиев М. Г.* Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974б.
- Гаджиев М. Г.* Энеолитическая культура Дагестана.— В кн.: Пятое Крупновское чтение по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975.
- Гаджиев М. Г.* Могильник Галгалатли — памятник гинчинской культуры Северо-Восточного Кавказа.— В кн.: Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре (тезисы докладов). М., 1976.
- Гаджиев М. Г.* Новые данные о генезисе палеометаллической культуры Дагестана.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг. (тезисы докладов). Махачкала, 1978а.
- Гаджиев М. Г.* К выделению северо-восточнокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978б.
- Гаджиев М. Г.* Некоторые вопросы этнокультурного развития населения Северо-Восточного Кавказа в V—III тыс. до н. э.— В кн.: VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978а.
- Гаджиев М. Г.* Древнее земледелие и скотоводство горного Дагестана.— В кн.: Северный Кавказ в древности и средневековье. М., 1980.
- Гаджиев М. Г.* Отчет о работе Гинчинского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1962 г. (рукопись).— РФИИЯЛ. Махачкала, 3253.

- Гаджиев М. Г., Котович В. Г., Кото-вич В. М.*: Рец.: Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.—СА, 1972, № 2.
- Гаджиев М. Г., Абакаров А. П., Маммаев М. М.* Раскопки Нижнечуглинского городища.—АО 1975 г. М., 1976а.
- Гаджиев М. Г., Абакаров А. П., Маммаев М. М.* К истории поселений горного Дагестана.—В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг. (тезисы). Махачкала, 1976б.
- Гаджиев М. Г., Маммаев М. М.* Исследования Прикаспийской экспедиции.—АО 1977 г. М., 1978.
- Гаджиев М. Г., Абакаров А. П., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Археологические исследования в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г.—РФИИЯЛ. Махачкала, 3730.
- Гаджиев М. Г., Абакаров А. П., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Археологические исследования в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1966 г.—РФИИЯЛ. Махачкала, 3736.
- Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
- Галкин Л. А.* Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья.—СА, 1977, № 3.
- Гвоздейкин Н. А.* Кавказ. М., 1963.
- Геворкян А. Ц.* Древнейшая металлургия и горное дело в Армении: Автореф. канд. дис. М., 1972.
- Геворкян А. Ц.* О древнейшей медно-рудной базе Армении.—СА, 1973, № 4.
- Гегешидзе М. К.* Террасное орошаемое земледелие на Кавказе: Доклад к VII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. М., 1964.
- Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индо-иранских племен.—СА, 1977, № 4.
- Гзелишвили И. А.* Железоплавильное дело в древней Грузии. Тбилиси, 1964.
- Гзелишвили И. А.* К древнейшей истории добычи и обработки меди в Болнисском районе.—САН ГрузССР. Тбилиси, 1967, т. XLVII, № 1.
- Гигинейшвили Б. К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977.
- Гмыря Л. В., Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Раскопки на городище Таргу.—АО 1972 г. М., 1973.
- Гобеджишвили Г. Ф.* Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях сел. Гсби.—САН ГрузССР. Тбилиси, 1952.
- Гогадзе Э. М.* Перпозидация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, 1972.
- Гогинян С. К.* К истории древней металлургии железа в Армении.—ИФЖ. Ереван, 1964, № 3.
- Гогитидзе С.* Неолитическая культура Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1978.
- Граков Б. Н.* Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР.—СА, 1958, № 4.
- Граков Б. Н.* Ранний железный век. М., 1977.
- Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Грицевич К. Э.* Новые данные по археологии Кабарды.—МИА, 1951, № 23.
- Гуммель Я. И.* Археологические очерки. Баку, 1940.
- Гуммель Я. И.* Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана.—КСИИМК, 1948, XX.
- Гурина Н. Н.* Исследование шахт по добыче кремня в Белоруссии.—КСИА, 1966, вып. 106.
- Гурина Н. Н.* Новое в исследовании белорусских шахт.—КСИА. 1967, вып. 111.
- Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А.* Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959.
- Давудов О. М.* К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана. Махачкала, 1968.
- Давудов О. М.* Раскопки на Верхне-лабкомахинском городище.—АО 1972 г. М., 1973а.
- Давудов О. М.* Мугерганская культура — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973б.
- Давудов О. М.* О месте памятников заидакского облика среди синхронных культур Кавказа.—В кн.: Тезисы докладов IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974а.
- Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974б.
- Давудов О. М.* Биметаллический меч с вильчатым основанием из Мугерганского могильника.—В кн.: Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре. М., 1976а.
- Давудов О. М.* К периодизации погребальных комплексов Мугерганского могильника.—В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг. (тезисы). Махачкала, 1976б.
- Давудов О. М.* Берийский могильник скифского времени.—В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
- Давудов О. М., Гаджиев Ю. М.* Раскопки Мугерганского могильника.—АО 1974 г. М., 1975.
- Даниелян О. А.* Железные мечи с бронзовыми рукоятками из грунтово-погребений Мингечаура.—В кн.: Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965.
- Даниелян О. А.* Культура раннего железа на территории Азербайджана: Автореф. канд. дис. Баку, 1969.
- Даниелян О. А.* К вопросу о появлении железа в Азербайджане.—ДАН АзССР, Баку, 1971, т. XXVII, № 8.
- Деген-Ковалевский Б. Е.* К истории железного производства Закавказья.—ИГАИМК. М.; Л., 1935, № 120.
- Деген Б. Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика.—МИА, 1941, № 3.
- Деоник Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры.—В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.
- Джавахишвили А. И.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тысячелетий до н. э. Тбилиси, 1973.
- Джавахишвили А. И., Глонги Л. И.* Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелси. Тбилиси, 1962.
- Джапаридзе О. М.* Бронзовые топоры Западной Грузии.—СА, 1953, т. XVIII.
- Джапаридзе О. М.* Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии.—КСИИМК. М., 1955а, № 60.
- Джапаридзе О. М.* Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955б.
- Джапаридзе О. М.* К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961.
- Джапаридзе О. М.* Археологические раскопки в Триалети в 1959—1962 гг.—СА, 1964, № 2.
- Джапаридзе О. М.* Археологические раскопки в Триалети. На груз. яз. с рус. и англ. резюме. Тбилиси, 1969.
- Джапаридзе О. М.* К этнической истории грузинских племен. Тбилиси, 1976.
- Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И.* Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971.
- Дитлер П. А.* Могильники в районе п. Колосовка на р. Фарс.—СМАА. Майкоп, 1961, т. II.
- Добрынин Б. Ф.* География Дагестанской ССР. Даггиз, 1926.
- Дударев С. Л.* Рец.: Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.—Изв. СКНЦВШ. Ростов-на-Дону, 1977, № 1.
- Егоров В. Г.* Классификация курильниц катакомбной культуры.—В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Енин Т. К.* Зерновые культуры Дагестана.—В кн.: Сельское хозяйство Дагестана. М.; Л., 1946.
- Есян С. А.* Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966.
- Замятин С. Н.* Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита.—ТИЭ (новая серия). М., 1960, т. IV.
- Замятин С. Н., Акритас П. Г.* Раскопки грота Сосруко в 1955 г.—УЗ КБНИИ. Нальчик, 1957, XIII.
- Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.—МИА, 1952, № 30.
- Захарук Ю. Н.* Проблемы археологической культуры.—Археология, Киев, 1964, XVII.
- Захарук Ю. Н.* Историзм: проблемы археологии и этнографии.—В кн.: Историзм археологии: методологи-

- ческие проблемы (тезисы докладов). М., 1976.
- Зонн С. В.* Опыт естественно-исторического райопирования Дагестана.— В кн.: Сельское хозяйство Дагестана. М.; Л., 1946.
- Золотов К. Н.* Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности.— МАД. Махачкала, 1961, т. II.
- Золотов К. Н.* К истории животноводства в Дагестане.— Тр. ДСХИ, Махачкала, 1964, т. XIV, вып. 1.
- Золотов К. Н.* О мясном питании населения древнего Дагестана.— Тр. ДСХИ. Махачкала, 1966а, т. XVII.
- Золотов К. Н.* К истории животноводства в Дагестане.— Тр. ДСХИ. Махачкала, 1965б, т. XV.
- Золотов К. Н.* К истории животноводства древнего Дагестана.— Тр. ДСХИ. Махачкала, 1966а, т. XVII.
- Золотов К. Н.* К истории коневодства древнего Дагестана.— Тр. ДСХИ, Махачкала, 1966б, т. XVII.
- Золотов К. Н.* Остеологические особенности сельскохозяйственных животных по материалам археологических раскопок.— Тр. ДСХИ. Махачкала, 1968а, т. XVIII.
- Золотов К. Н.* О животноводстве в древнем Дагестане.— Тр. ДСХИ. Махачкала, 1968б, т. XVIII.
- Золотов К. Н., Балдина К. А., Фролова А. С.* Изменение животных при одомашнивании.— Тр. ДСХИ. Махачкала, 1964, т. XIV, вып. 1.
- Ивановский А. А.* По Закавказью.— МАК. М., 1911, т. VI.
- Иерусалимская А. А.* О предкавказском варианте катакомбной культуры.— СА, 1958, № 2.
- Иерусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Древние поселения у с. Саржень-Юрт.— КСИА, 1963, вып. 94.
- Нессен А. А.* Работы на Сулаке.— ИГАИМК. М.; Л., 1935а, вып. 110.
- Нессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК. М., 1935б, вып. 120.
- Нессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарнии.— МИА, М.; Л., 1941, № 3.
- Нессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов».— СА, 1950, XII.
- Нессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, 1951, № 23.
- Нессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, 1953, т. XVIII.
- Нессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- Нессен А. А.* Итоги и перспективы археологического изучения Северного Кавказа.— В кн.: Тезисы докладов на пленарных заседаниях конференции по археологии Кавказа, состоявшейся в Ереване в октябре 1956 г. М., 1956.
- Нессен А. А.* Хронология кавказских культур эпохи энеолита и бронзы.— В кн.: Тезисы докладов на пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1957 г. М., 1958.
- Нессен А. А.* Майкопская культура и ее датировка.— В кн.: Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований. 1961 г. М., 1962.
- Нессен А. А.* Кавказ и Древний Восток в IV—III тысячелетиях до нашей эры.— КСИА, 1963, вып. 93.
- Нессен А. А.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи.— МИА, 1965, № 125.
- Пнайшвили А., Гогитидзе С., Кахидзе А., Хачугайшвили Д., Чхаидзе Л., Джавелидзе А.* Отчет археологической экспедиции Юго-Западной Грузии.— В кн.: Полевые археологические исследования в 1974 г. Тбилиси, 1976.
- Премашвили Ш.* Могильник поздне-бронзовой эпохи из Рене.— В кн.: Полевые археологические исследования в 1974 г. Тбилиси, 1976.
- Псаков М. И.* Талгинский могильник.— КСИИМК, М., 1957, № 67.
- Псаков М. И.* Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966.
- Историзм в археологии: методологические проблемы (тезисы докладов). М., 1976.
- История Дагестана. М., 1967, т. I.
- История Дагестана. М., 1968, т. II.
- История СССР. М., 1966, т. I.
- Кабо В. Р.* Предистория производней экономики.— В кн.: Конференция «Формы перехода от приусадебного хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (тезисы докладов). М., 1974.
- Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— СА, 1970, № 2.
- Кашивец В. И.* Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г.— УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1957, т. III.
- Кашивец В. И.* Миятли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане.— МАД. Махачкала, 1959, т. I.
- Кашивец В. И.* Вопросы периодизации и хронологии бронзового века Дагестана (рукопись) — РФИИЯЛ. Махачкала, 1960, 2409.
- Кашивец В. И., Березанская С. С.* Курганы бронзового века на Сулаке.— МАД. Махачкала, 1959, т. I.
- Кашивец В. И.* Вопросы периодизации и хронологии бронзового века Дагестана.— РФИИЯЛ. Махачкала, 2409.
- Качурис К. А.* Погребальные сооружения Элевина среднего бронзового века.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966.
- Кашкай М. А., Селимханов И. Р.* Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973.
- Кизурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси, 1976.
- Кларк Г.* Доисторическая Европа. М., 1953.
- Клейн Л. С.* Проблема определения археологической культуры.— СА, 1970, № 2.
- Климов Г. А.* Кавказские языки. М., 1965.
- Ковалевская В. Б.* Конь и всадник. М., 1977.
- Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Исследование Серженьюртовского поселения.— КСИА, 1964, вып. 98.
- Козенкова В. И.* Исследование памятников раннего железного века у сел. Сержень-Юрт.— КСИА, 1967, № 112.
- Козенкова В. И.* Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии.— АЭС. Грозный, 1968, т. II.
- Козенкова В. И.* Раннекобанский могильник у села Сержень-Юрт.— СА, 1969а, № 4.
- Козенкова В. И.* Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии: Автореф. канд. дис. М., 1969б.
- Козенкова В. И.* Погребение воина-начальника из Серженьюртовского могильника.— КСИА, 1970, вып. 123.
- Козенкова В. И.* Об одном типе кобанских булавок.— КСИА, 1972, вып. 132.
- Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975а.
- Козенкова В. И.* К вопросу о ранней дате некоторых кпнжалов так называемого кабардино-пятигорского типа.— В кн.: Фрако-скифские культурные связи. София, 1975б, I.
- Козенкова В. И.* Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977а.
- Козенкова В. И.* Кобанская культура, восточный вариант.— САИ, 1977б, В2—5.
- Козенкова В. И.* Восточный вариант кобанской культуры в свете последних археологических исследований.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
- Козубский Е. И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906.
- Кожин П. М.* Кносские колесницы.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М., 1966.
- Кожин П. М.* Гобийская квадрата.— СА, 1968, № 3.
- Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.— МИА, 1953, № 32.
- Колчин Б. А.* Проблемы изучения технологии древнейших производств.— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.
- Колчин Б. А., Круг О. Ю.* Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа.— В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965.
- Корнеевский С. Н.* О металлических топорах майкопской культуры.— СА, 1974, № 3.
- Корнеевский С. Н.* О металле эпохи ранней бронзы в Дагестане.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
- Коридзе Д. М.* Новая находка топора-кирки в районе Дманиси.— ВГМГ. Тбилиси, 1956, XIX — V.
- Коридзе Д. М.* К истории колходской культуры (на груз. яз. с рус. резюме). Тбилиси, 1965.

- Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА. М., 1969, № 158.
- Коробкова Г. Ф. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трассологического изучения).— СА, 1978, № 4.
- Коробкова Г. Ф., Кигурадзе Т. Ф. К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шула-верисгора.— КСИА, 1972, вып. 132.
- Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Понятие неолита и вопросы хронологии неолита Средней Азии.— КСИА, 1978, вып. 153.
- Корнюшин Г. И. Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старая Тойда Воронежской области.— КСИА, 1971, вып. 127.
- Косев М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957.
- Костюченко И. П. Раскопки Миадлинского поля в 1955 г.— МАД, Махачкала, 1959, т. I.
- Котович В. Г. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане.— УЗ ИИЯЛ, Махачкала, 1957, т. III.
- Котович В. Г. Новые археологические памятники южного Дагестана.— МАД, Махачкала, 1959, т. I.
- Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане.— УЗ ИИЯЛ, Махачкала, 1961а, т. IX.
- Котович В. Г. Археологические работы в горном Дагестане.— МАД, Махачкала, 1961б, т. II.
- Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.
- Котович В. Г. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности.— СА, 1965а, № 3.
- Котович В. Г. Новые данные о ранне-средневековых городах Дагестана.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы). Баку, 1965б.
- Котович В. Г. Об историческом месте каякентско-хорочевской культуры.— В кн.: Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР: Археологические секции (дополнит. вып.). Тбилиси, 1971.
- Котович В. Г. Основные этапы социально-экономического развития раннеземледельческого населения Дагестана.— В кн.: Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974.
- Котович В. Г. О кавказском происхождении биметаллических княжалов с прямым перекрестием.— В кн.: Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре. М., 1976а.
- Котович В. Г. О некоторых особенностях расселения и социального устройства населения Дагестана в албанский и ранне-средневековый периоды.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг. (тезисы). Махачкала, 1976б.
- Котович В. Г. Некоторые вопросы древней металлургии меди в связи с проблемой зарождения железной металлургии на Кавказе.— СА, 1977, № 3.
- Котович В. Г. К определению исторического места каякентско-хорочевской культуры.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978а.
- Котович В. Г. О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе.— Изв. СКНЦВШ, обществ. науки. Ростов-на-Дону, 1978б, № 3.
- Котович В. Г. О происхождении «кабардино-пятигорских» или «киммерийских» биметаллических княжалов и мечей.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978в.
- Котович В. Г., Шейзов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет.— УЗ ИИЯЛ, Махачкала, 1960, VIII.
- Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Пугинцева Н. Д. Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана.— МАД, Махачкала, 1961, т. II.
- Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Работы в Прикаспийском Дагестане.— АО 1971 г. М., 1972.
- Котович В. Г., Котович В. М. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М., Мирзоев Р. Н., Расулова М. М. Исследования на городище Таргу.— АО 1975 г. М., 1976.
- Котович В. Г., Котович В. М. О древнем обряде срубных захоронений в Дагестане и на Кавказе.— В кн.: IX Крупновские чтения (тезисы докладов). Элиста, 1979.
- Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Утамышские курганы.— В кн.: Северный Кавказ в древности и средневековье. М., 1980.
- Котович В. Г. Эволюция бытовых памятников на территории Дагестана с древнейших времен до эпохи раннего железа (1967 г.) — РФИИЯЛ, Махачкала, 3974а.
- Котович В. Г. Характеристика бытовых памятников эпохи раннего железа и их структуры (рукопись, 1968 г.).— РФИИЯЛ, Махачкала, 3947б.
- Котович В. Г. О времени и путях возникновения железной металлургии в Дагестане.— РФИИЯЛ, Махачкала, 4449.
- Котович В. Г. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1959 г.— РФИИЯЛ, Махачкала, 2643.
- Котович В. Г. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1967 г.— РФИИЯЛ, Махачкала, 3777.
- Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции Ин-га ИЯЛ Даг. ФАН СССР в 1964 г.— РФИИЯЛ, Махачкала, 3395.
- Котович В. Г., Давудов О. М. Отчет о работе 1-го отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1966 г.— РФИИЯЛ, Махачкала, 3735.
- Котович В. М. Верхнегунибское поселение (предварительное сообщение о раскопках 1958 г.)— МАД, Махачкала, 1961, т. II.
- Котович В. М. К истории дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века.— УЗ ИИЯЛ, Сер. историч. Махачкала, 1964, т. XII.
- Котович В. М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965.
- Котович В. М. Опыт классификации древних писаниц горного Дагестана.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974а.
- Котович В. М. Искусство и религиозные представления раннеземледельческих племен горного Дагестана.— В кн.: Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974б.
- Котович В. М. Образ божества плодородия в искусстве раннеземледельческих племен Дагестана.— В кн.: Пятое Крупновское чтение по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975.
- Котович В. М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976а.
- Котович В. М. Образ богини-матери в древних писаницах горного Дагестана и некоторые параллели ему в мифологии и фольклоре.— В кн.: Фольклор и историческая действительность. Тезисы докладов. Махачкала, 1976б.
- Котович В. М. Образ всадника в древних писаницах горного Дагестана.— В кн.: Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре. М., 1976 в.
- Котович В. М. Изобразительные и фольклорные версии некоторых древнейших мифологических сюжетов народов Дагестана.— В кн.: VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик, 1978а.
- Котович В. М. Мискинбулакский могильник.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978б.
- Краснов Ю. А. Некоторые итоги и задачи изучения истории земледелия в советской археологии.— КСИА, 1969, вып. 118.
- Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы.— МИА. М., 1971, № 174.
- Краснов Ю. М. Древнейшие пахотные орудия. М., 1975.
- Кривошук В. В., Нечаева Л. Г. Погребение скифского времени у сел. Берикей.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
- Кривоцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник.— Тр. ГИМ. М., 1948, вып. XVIII.
- Кривоцова-Гракова О. А. Степное По-

- вожже и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА. М., 1955, № 46.
- Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.* Неолитическое поселение близ Нальчика.— МИА. Л., 1941, № 3.
- Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетия до н. э. (тезисы канд. дис.).— КСИИМК. М., 1946, XIII.
- Круглов А. П.* Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа.— УЗ ЛГУ. Сер. историч. наук. Л., 1949, вып. 13.
- Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетия до н. э.— МИА. М.; Л., 1958, № 68.
- Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Долинское поселение у г. Нальчика.— МИА. Л., 1941, № 3.
- Крупнов Е. И.* Каякентский могильник — памятник древней Албании.— Тр. ГИМ. М., 1940, XI.
- Крупнов Е. И.* К вопросу о хронологии кобанской культуры.— УЗ КНИИ. Нальчик, 1946, т. I.
- Крупнов Е. И.* Археологические работы в Кабарде и Грозненской области.— КСИИМК. М., 1950, XXXII.
- Крупнов Е. И.* Новый памятник древних культур Дагестана.— МИА. М., 1951а, № 23.
- Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА. М., 1951б, № 23.
- Крупнов Е. И.* Жемталинский клад. М., 1952.
- Крупнов Е. И.* О походах скифов через Кавказ.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
- Крупнов Е. И.* О происхождении и датировке кобанской культуры.— СА, 1957, № 1.
- Крупнов Е. И.* Киммерийцы на Северном Кавказе.— МИА. М., 1958, № 68.
- Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крупнов Е. И.* Раннежелезный век Северного Кавказа.— УЗ ИИЯЛ. Сер. историч. Махачкала, 1964, XIV.
- Крупнов Е. И.* 1966. Кавказ в древнейшей истории нашей страны.— ВИ. М., № 5.
- Крупнов Е. И.* Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры.— СА, 1969, № 1.
- Крупнов Е. И., Марперт Н. Я.* Курганы у станицы Мекенской.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- Кудрявцева А. А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976.
- Кузьмина Е. Е.* Навершие со всадниками из Дагестана.— СА, 1973, № 2.
- Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света.— В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
- Кузнецов В. А.* Древние выработки медной руды в верховьях р. Большой Зеленчук.— КСИА, вып. 108.
- Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триаleti. Тбилиси, 1941.
- Куфтин Б. А.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куроаракский энеолит.— ВГМГ. Тбилиси, 1944, XIII—V.
- Куфтин Б. А.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.
- Кушнарера К. Х.* Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе.— СА, т. XXVII, 1957.
- Кушнарера К. Х.* Новые данные о поселении Узерлик-тепе, около Агдама.— МИА. М., 1959, № 67.
- Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Историческое значение Южного Кавказа в III тысячелетии до н. э.— СА, 1963, № 3.
- Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.
- Кушнарера К. Х.* К вопросу о развитии ремесла на Южном Кавказе в древности.— ИФЖ. Ереван, 1974, № 2.
- Кушнарера К. Х.* О времени становления пашенного земледелия на Южном Кавказе.— ИФЖ. Ереван, 1977, № 4.
- Кушнарера К. Х., Джанаридзе О. М.* Рец.: Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.— СА, 1978, № 1.
- Лебедев Н. О.* Геологическое исследование Борчалинского уезда в пределах Соикетии.— В кн.: Материалы для геологии Кавказа. Тифлис, 1902, сер. III, вып. 3.
- Лесков А. М.* Киммерийские печи и кивжалы и происхождение скифского акинака.— В кн.: Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен (тезисы докладов). М., 1979.
- Лисицына Г. Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М., 1978.
- Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
- Ломтагидзе Г. А.* Бронзовые кивжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси, 1974.
- Лукас А.* Материалы и ремесленные произведения древнего Египта. М., 1958.
- Магомедов А. Р.* Бемутское поселение — новый памятник кобанской культуры.— СА, 1976, № 2.
- Магомедов А. Р.* Топоры колхидско-кобанского типа в Дагестане.— КСИА, 1977, вып. 151.
- Магомедов Р. М.* История Дагестана. Махачкала, 1961.
- Магомедов Р. М., Дзагурова В. П.* К истории земледелия в Дагестане. Махачкала, 1969.
- Магомедов С. М.* К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
- Магомедов С. М.* К вопросу о металлопроизводстве в Дагестане в III—II тыс. до н. э.— В кн.: Пятое Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1975.
- Магомедов С. М.* К вопросу о местном металлургическом очаге в древнем Дагестане.— В кн.: Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре (тезисы докладов). М., 1976.
- Магомедов М. Г.* Отчет о работе 1-го разведочного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1965 г. (рукопись).— РФИИЯЛ. Махачкала, 3512.
- Максимов Е. К.* Материалы из Хвалынского музея.— СА, 1962, № 3.
- Мандельштам А. М.* Погребения срубной культуры в Южной Туркмении.— КСИА, 1966, вып. 108.
- Марковин В. И.* Археологические памятники в районе сел. Капчу-
- гай Дагестанской АССР.— СА, 1954, т. XX.
- Марковин В. И.* Археологические находки с территории Тарнаира.— КСИИМК. М., 1957, № 67.
- Марковин В. И.* Неолитическая стоянка близ Махачалы.— МАД. Махачкала, 1959, т. 1.
- Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА. М., № 93, 1960.
- Марковин В. И.* Новый памятник эпохи бронзы в Горной Чечне.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963а.
- Марковин В. И.* Археологические разведки в восточных районах Чечни.— КСИА, 1963б, вып. 93.
- Марковин В. И.* Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.— КСИА, 1964, вып. 98.
- Марковин В. И.* Рец. на кн.: Котович В. М.— Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана.— СА, 1968, № 2.
- Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969.
- Марковин В. И.* Курганы Константиновского плато у г. Пятигорска.— КСИА, 1971, вып. 127.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Неолитическая стоянка близ г. Буйнакск.— КСИИМК. М., 1957, № 67.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований.— КСИА, 1965, вып. 100.
- Мартirosян А. А.* Раскопки в Головино. Ереван, 1954.
- Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.
- Мартirosян А. А.* Аргистихинили. Ереван, 1974.
- Мартirosян А. А., Мнацаканян А. О.* Приереванский клад древней бронзы.— КСИА, 1973, вып. 134.
- Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964.
- Массон В. М.* От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества.— В кн.: VII Международной конгресс доисториков и протоисториков: Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966.
- Массон В. М.* Поселение Джейгун.— МИА. Л., 1971, № 180.
- Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

- Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
- Магмудов Ф. А., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г. О древнейшей металлургии Кавказа.— СА, 1968, № 4.
- Марперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, М., 1968, № 61.
- Марперт Н. Я. Раскопки Серженюртовского поселения в 1960 г.— КСИА, 1962, вып. 88.
- Марперт Н. Я. Миграция в эпоху неолита и энеолита.— СА, 1968, № 3.
- Марперт Н. Я., Мунчаев Р. М. Древнейшая металлургия Месопотамии.— СА, 1977, № 3.
- Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.
- Мельюкова А. И. Вооружение скифов.— САИ, 1964, Д1—4.
- Мишев И. М., Бегрозов Р. Ж., Нагоев А. Х. Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973.
- Микеладзе Т. К. К вопросу о периодизации истории древней Колхиды.— В кн.: Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник, IV). Тбилиси, 1973.
- Миллер А. А. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г.— ПИМК. М.; Л., 1933, № 1—2.
- Минкевич-Мустафаева Н. В. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа.— МКА. Баку, 1962, т. IV.
- Мирзоев Р. Н. К характеристике некоторых видов орудия из дагестанских памятников эпохи ранней бронзы.— В кн.: Пятое Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975.
- Мирзоев Р. Н. К характеристике металлургического оружия Дагестана эпохи средней и поздней бронзы.— В кн.: Археология Среднего Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре (тезисы докладов). М., 1976.
- Мирзоев Р. Н. Древний дагестанский кинжал из коллекции ГИМ.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978а.
- Мирзоев Р. Н. Вооружение племен Северо-Восточного Кавказа в III—II тысячелетиях до н. э.: Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1978б.
- Мнацаканян А. О. О раскопках могильников у села Головино (Армения).— КСИИМК. М., 1952, XXXVI.
- Мнацаканян А. О. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г.— СА, 1957, № 2.
- Мошкова М. Г. Происхождение рапнесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Мунчаев Р. М. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана: Автореф. канд. дис. М., 1953.
- Мунчаев Р. М. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г.— КСИИМК. М., 1958, № 71.
- Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа.— МИА. М., 1961, № 100.
- Мунчаев Р. М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии.— СА, 1962, № 3.
- Мунчаев Р. М. Луговой могильник.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- Мунчаев Р. М. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1971.
- Мунчаев Р. М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
- Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане.— СА, 1956, XXVI.
- Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Археологические памятники близ с. Карабудахкент.— МИА. М., 1958, № 68.
- Мунчаев Р. М., Федоров-Давыдов Г. А. Сессия отделения исторических наук и пленум ИИМК СССР.— СА, 1959, № 3.
- Мжитаров Н. К. Железная руда.— В кн.: Сокровища недр Северного Кавказа, Пятигорск, 1937.
- Нариманов И. Г. Керамика древнего поселения вблизи городища Орен-Каль.— МИА. М., 1965, № 125.
- Нариманов И. Г. Древнейшая земледельческая культура Закавказья.— В кн.: Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протисториков в Праге. М., 1966.
- Нариманов И. Г. О земледелии эпохи энеолита в Азербайджане.— СА, 1971, № 3.
- Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972.
- Небиеридзе Л. Д. Даркветский многослойный навес. Тбилиси, 1978.
- Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- Никольская З. А., Шиллинг Е. М. Горное пахотное орудие террасных полей Дагестана.— СЭ, 1952, № 4.
- Новгородова Э. А. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии.— СА, 1978, № 4.
- Новиков Ю. Ф. О возникновении земледелия и его первоначальных формах.— СА, 1959, № 4.
- Османов М. О. Географическая среда и производящие формы хозяйства (по этнографическим данным).— В кн.: Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974.
- Отрошенко В. В. Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры.— СА, 1974, № 4.
- Отчеты археологической комиссии за 1897 г. СПб., 1900.
- Отчет археологической комиссии за 1898 г. СПб., 1901.
- Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, т. I.
- Очерки истории СССР: Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956.
- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967.
- Очерки общей этнографии: Азиатская часть СССР. М., 1960.
- Ошаев М. Х. Новые могильники калкентско-хорозовской культуры.— АО 1974 г. М., 1975.
- Пазухин В. А., L. Aitchison. A history of metals. London, 1963, v. I, 41.
- Пазухин В. А. Медные слитки из Оренбургского музея.— СА, 1969, № 4.
- Пикуль М. И. Раскопки на Сулаке в 1955 г.— МАД. Махачкала, 1959а, т. I.
- Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане.— В кн.: Тезисы докладов на научной сессии Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959б.
- Пикуль М. И. Дагбашский могильник.— Уз ИИЯЛ. Махачкала, 1961а, т. IX.
- Пикуль М. И. Хабадинский могильник.— МАД. Махачкала, 1961б, т. II.
- Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.
- Пикуль М. И. Мугерганский могильник.— МАД. Махачкала, 1973, т. III.
- Пикуль М. И. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана (рукопись).— РФИИЯЛ, 1955, д. 2298.
- Пикуль М. И. Отчет по археологическим работам за 1952 г. (рукопись).— РФИИЯЛ. Махачкала, 1988.
- Пикуль М. И. Отчет о работе Северного отряда ДАЭ в 1953 г. (рукопись).— РФИИЯЛ. Махачкала, 1918.
- Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949.
- Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье.— СА, 1955, т. XXIII.
- Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
- Пиотровский Б. Б. Урартская колесница.— В кн.: Древний мир. М., 1962.
- Пиотровский Ю. Ю. Моздокские курганы эпохи бронзы.— АСГ9. Л., 1977, вып. 18.
- Пицхелаури К. Н. Кинжалы кахетинского типа.— МАГК. Тбилиси, 1959, т. II.
- Пицхелаури К. Н. Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна. Тбилиси, 1965.
- Пицхелаури К. Н. Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии (конец II — начало I тыс. до н. э.).— Тр. КАЭ. Тбилиси, 1969, I.
- Пицхелаури К. Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии в XV—XII вв. до н. э. Тбилиси, 1973.
- Пицхелаури К. Н. Работы Кахетской экспедиции.— АО 1976 г. М., 1977.
- Погребова М. Н. Ирганайский склеп эпохи бронзы.— МАД. Махачкала, 1961, т. II.
- Погребова М. Н. Несколько иранских кинжалов на Кавказе.— КСИА, 1965, вып. 103.
- Погребова М. Н. Восточнокавказские кинжалы эпохи поздней бронзы.— АС, Тр. ГИМ. М., 1966, вып. 40.

- Погребова М. Н.* К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху.—СА, 1977а, № 2.
- Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977б.
- Полтавцева-Артамонова О. А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период.—СА. М., 1950. XIV.
- Попова Т. Б.* К вопросу о курильниках «северокавказского» типа.—СА, 1957, № 1.
- Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований (тезисы докладов). М., 1975.
- Птоломей.* Географическое руководство, V, II, 2—8.
- Рашишвили А. Т.* Из истории материальной культуры Колхиды. Батуми, 1974.
- Ранов В. А.* Палеолит переднеазиатских нагорий.—В кн.: Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978.
- Русов А. А.* Отчет о летних и осенних работах в Южном Дагестане.—Пятый археологический съезд в Тифлисе. I. Труды предварительных комитетов. М., 1882.
- Рустамова Д. Н., Мурадова Ф. М.* Раскопки в Кобыстане.—АО 1970 г. М., 1971.
- Рындина Н. В.* Раннеархипольская обработка меди.—СА, 1969, № 3.
- Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Сафронов В. А.* О датировке руткинского погребального комплекса северокавказской культуры.—КСИА, 1966, вып. 108.
- Сафронов В. А.* Датировка Бородинского клада.—В кн.: Проблемы археологии. Л., 1968, вып. 1.
- Сакварелидзе Т., Тавадзе Ф.* Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Сарианиди В. И., Панарин С. А.* Реп.: Investigations at Tal-i-iblis.—СА, 1971, N 1.
- Селимджанов И. Р.* К истории освоения человеком металлов и сплавов на Кавказе.—В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965.
- Селимджанов И. Р.* Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку, 1960.
- Селимджанов И. Р., Торосян Р. М.* К определению «энеолита» на территории Закавказья по данным анализа металлических предметов.—ИФЖ. Ереван, 1966. № 1.
- Селимджанов И. Р., Торосян Р. М.* Металлографический анализ древнейших металлов в Закавказье.—СА, 1969, № 3.
- Семенов С. А.* Керамический серп из древнего поселения Эриду в Ираке.—СА, 1965, № 3.
- Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974а.
- Семенов С. А.* Возникновение земледелия и начальные стадии его развития.—В кн.: Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя (тезисы докладов). М., 1974б.
- Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.—МИА. М., 1959, № 60.
- Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана.—МИА. М., 1960, № 78.
- Смирнов А. П.* Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961.
- Смирнов К. Ф.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.—МИА, 1951, № 23.
- Смирнов К. Ф.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии.—В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- Смирнов К. Ф.* Курганы у села Иловатка и Политотдельское.—МИА. М., 1959, № 60.
- Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент.—МАН. Махачкала, 1961а, т. II.
- Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей.—СА, 1961б, № 1.
- Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов.—МИА. М., 1961в, № 101.
- Смирнов К. Ф.* Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н. э.—II в. н. э.—СА, 1974, № 3.
- Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индо-иранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
- Солнцев Л. А., Степанская Р. Б., Фомин Л. Д., Шрамко Б. А.* О появлении изделий из чугуна в Восточной Европе.—СА, 1969, № 1.
- Сорокин В. С.* Археологические памятники северо-западной части Актыбинской области.—КСИИМК. М., 1958, № 71.
- Сорокин В. С.* Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи.—СА, 1959, № 4.
- Стоксова М. Н.* Появление железа и первые способы его получения.—Тр. ИИЕТ. М., т. 33.
- Тавадзе Ф. Н.* Изучение технологии производства железа в древней Грузии.—В кн.: Методы естественных и технических наук в археологии. М., 1963.
- Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н.* Производство меди и ее сплавов в древней Грузии.—В кн.: Вопросы истории науки. Ереван, 1967.
- Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н., Абсадзе Ц. Н., Двали Т. А.* К истории производства железа в древней Грузии.—В кн.: Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Тбилиси, 1977, т. II.
- Телегин Д. Я.* Середне-стогіська культура епохи міді. Київ, 1973.
- Тереножкин А. И.* Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье.—ВССА. М., 1954.
- Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961.
- Тереножкин А. И.* Даты мингечаурских удил.—СА, 1971а, № 4.
- Тереножкин А. И.* Киммерийцы и Кавказ.—В кн.: Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых-археологических и этнографических исследований в 1970 г.: Тезисы докладов. Тбилиси, 1971б.
- Тереножкин А. И.* К истории изучения предскифского периода.—В кн.: Скифские древности. Киев, 1973а.
- Тереножкин А. И.* Бронзовые кинжалы предскифского времени.—В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973б.
- Тереножкин А. И.* Киммерийские мечи и кинжалы.—В кн.: Скифский мир. Киев, 1975.
- Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Терехова Н. Н.* Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении.—В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975а.
- Терехова Н. Н.* История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении: Автореф. канд. дис. М., 1975б.
- Техов Б. В.* Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинград, 1957.
- Техов Б. В.* К вопросу изучения бронзовой культуры горной полосы Юго-Осетии.—ИЮНИИ. Цхинвали, 1962, XI.
- Техов Б. В.* К истории изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в нижнем течении реки Большой Лиахви. Тбилиси, 1963.
- Техов Б. В.* О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и в первой половине I тысячелетия до н. э.—МАДИСО, Орджоникидзе, 1969.
- Техов Б. В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.
- Техов Б. В.* Тлиийский могильник и проблема хронологии культур поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа.—СА, 1972, № 3.
- Техов Б. В.* Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974.
- Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977.
- Тодорова Х., Рындина Н. В., Черных Е. Н.* Энеолитический металл из Голямо Делчево.—СА, 1977, № 1.
- Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа.—МАК. М., 1900, вып. VIII.
- Федоров Я. А.* Некоторые вопросы этногенеза народов Дагестана в свете данных археологии.—СА, 1960, № 3.
- Федоров Я. А.* К вопросу о раннем этапе этногенеза народов Дагестана.—СЭ, 1961, № 1.
- Формозов А. А.* Периодизация поселений майкопской культуры.—В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962а.
- Формозов А. А.* Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа.—МИА. М., 1962б, № 102.
- Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Формозов А. А.* Археологические путешествия. М., 1974.
- Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
- Формозов А. А.* Рец.: Новые книги о наскальных изображениях Кав-

- каза и Средней Азии.— СА, 1978, № 3.
- Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.
- Халиков А. Х. Стелы с изображением орудия раннего железного века.— СА, 1963, № 3.
- Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969а.
- Халиков А. Х. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969б.
- Халиков А. Х. Волго-Камье в начале раннего железного века. М., 1977.
- Халилов Д. А. Могильник у села Казахбейли, Казахского района.— В кн.: Известия АН Азербайджанской ССР. Сер. обществ. наук. Баку, 1958, № 2.
- Халифа-Заде Г. М., Аббасова С. М. Сидеритовые залежи Дагестана. М., 1963.
- Ханзадян Э. В. О металлургии древнебронзово-железного века в Армении.— СА, 1964, № 2.
- Ханзадян Э. В. Гарин. Ереван, 1969. IV.
- Хазугайшвили Д. А. Археологические раскопки древнеколхского очага металлургии железа в Чолокском ущелье в 1971 г.— В кн.: Археологические исследования в Грузии в 1971 г. Тбилиси, 1972.
- Хазугайшвили Д. А. К истории древнеколхской металлургии железа.— В кн.: Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник. IV). Тбилиси, 1973.
- Хазугайшвили Д. А. Новооткрытые памятники древнеколхской металлургии железа.— КСИА, 1977, № 151.
- Хазугайшвили Д. А. Материалы по истории древнеколхской металлургии железа.— В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1978.
- Хазугайшвили Д. А., Пнайшвили А. К. Археологические раскопки Чолокского очага древнежелезной металлургии в 1970 г.— В кн.: Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР: Археологические секции. Тбилиси, 1971.
- Хачатрян Т. С. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963.
- Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975.
- Хлобыстина М. Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири.— СА, 1973, № 1.
- Хлопин И. Н. Гексюрская группа поселений эпохи энеолита. М.; Л., 1964.
- Цалкин В. И. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья.— МИА. М., 1958, № 61.
- Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949.
- Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
- Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
- Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971.
- Челидзе З. Результаты археомангнитного исследования некоторых железоплавильных мастерских, выявленных на территории древней Колхиды.— В кн.: Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1978.
- Челидзе З. А., Квирикадзе М. Б. Результаты археомангнитного исследования трех памятников материальной культуры, обнаруженных Колхидской археологической экспедицией.— В кн.: Полевые археологические исследования в 1973 г. Тбилиси, 1974.
- Черных Е. Н. О химическом составе металла клада из Сосновой Мази.— КСИА, 1966а, вып. 108.
- Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966б.
- Черных Е. Н. Изучение истории древнейшей металлургии в СССР за 50 лет.— КСИА, 1969, вып. 118.
- Черных Е. Н. Металл — человек — время. М., 1972.
- Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, 1978, № 4.
- Чередниченко Н. И. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
- Черненко Е. В. Персидские акинаки и скифские мечи.— В кн.: Искусство и археология Ирака и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен (тезисы докладов). М., 1979.
- Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
- Чеченов И. М. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры.— АЭС. Нальчик, 1974, I.
- Чиджавадзе Н. Ш. Террасное земледелие в Грузии. Багуми, 1976.
- Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с востоком в киммерийскую эпоху.— В кн.: Франко-скифские культурные связи. София, 1975а.
- Членова Г. Л. Тагарские кинжалы. М., 1976.
- Чубинишвили Т. Н. Самтаврское погребение № 43.— В кн.: Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1955, т. I.
- Чубинишвили Т. Н. Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957.
- Чубинишвили Т. Н. Древнейшая культура в двуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1965.
- Чубинишвили Т. Н. К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971.
- Чубинишвили Т. Н., Кушнарева К. Х. Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа.— Мацне. Тбилиси, 1967, № 6 (39).
- Чубинишвили Т. Н., Небиридзе Л. Д., Пцакадзе Г. Г., Мирцхулава Г. И. Памятники раннеземледельческой культуры (VI—IV тысячелетий до н. э.) в зоне строительства Арахлинской оросительной системы.— В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976.
- Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М. К вопросу о некоторых определяющих признаках раннеземледельческой культуры VI—IV тысячелетий до н. э.— Мацне, № 1, Сер. история, археология, этнографии и истории искусства. Тбилиси, 1978.
- Шифферс Е. В. Природная кормовая растительность горного Дагестана.— В кн.: Сельское хозяйство Дагестана. М.; Л., 1946.
- Шилов В. П. Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
- Шрамко В. А. Появление и освоение железа в Восточной Европе.— В кн.: Из истории борьбы КПСС
- за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР. Харьков, 1965.
- Шрамко В. А. Орудия скифской эпохи для обработки железа.— СА, 1969, № 3.
- Шрамко В. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. Техника обработки железа в лесостепной Скифии.— СА, 1963, № 4.
- Шрамко В. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А. Техника изготовления скифского наступательного оружия из железа и стали.— В кн.: Археология. Киев, 1970, т. XXIII.
- Шрамко В. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе.— СА, 1977, № 1.
- Щепинский А. А. Погребение начала железного века у Симферополя.— КСИА АН УССР. Киев, 1962, 12.
- Эри А. Геологическое исследование Катар-Кавартского месторождения медных руд Зангезурского уезда Елисаветпольской губернии.— В кн.: Материалы для геологии Кавказа. Тифлис, 1910, серия III, вып. 9.
- Abramichvili. La nécropole de Samtavro et la chronologie des civilisations archéologiques du Bronze récent et du début du Fer au Caucase.— VIII Congrès International des Sciences préhistoriques et protohistoriques. (Belgrad). М., 1971.
- Aitchison L. A History of Metals. London, 1960.
- Burton Brown T. Iron objects from Azarbaijan.— Man. London, 1950, N 4.
- Chirshman R. Foilles de Sialk pres de Kasha. Paris, 1838, vol. 1.
- Chirshman R. Foilles de Sialk. Paris, 1838, II.
- Dyson R. Problems of Protohistoric Iran as seen from Hasanlu.— INES. Chicago, 1965, vol. 24, N 3.
- Forbes R. I. Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950.
- Forbes R. I. Studies in Ancient Technology. Leiden, 1964, t. IX.
- Gimbutas M. Borodino, Seima and their Contemporaries.— PPS, 1957, XXII.
- Goghlan H. H. Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in Old World. Oxford, 1951.
- Hançar F. Urgeschichte Kaukasiens von den Anfängen seiner Besied-

lung bis die Zeit seiner frühen Metallurgie. Wien, 1937.

Investigations at Tal-i-iblis. I. Preliminary Report. Illinois State Museum, 1967, N 9.

Kroupnov E. A propos de la chronologie de l'Age du Fer au Caucase Nord.— VI Congress International des Sciences prehistoriques. M., 1962.

Maxwell-Hyslop K. R., Horges W. W. A Note on the Significance of the Technique of «Gasting on» as applied to a Group of Daggers from N-W Persis.— Iraq, 1964, vol. 25, pt 1—2.

De Morgan I. Mission scientifique au Caucase. Paris, 1889, I.

Morgan I. La Prehistoire Orientale. Paris, 1927, III.

Neuninger H., Pittioni R., Siegl W. Frühkeramikzeitliche Kupfergewinnung in Anatolia.— AA. Wien, 1964, H. 35.

Parrot A. Archéologie Mésopotamien-

ne.— Technique et problems. Paris, 1953.

Perrot I. The excavations at Tell Abu Matar, near Beer-Sheba.— IEJ, 1955, vol. V, N 2.

Podborský Vl. Štramberská dýka s křižovým jilcem a otázka rozsífení, puovodu a datování těchto dýk v Evropě.— AR. Praha, 1967, XIX.

Potratz H. A. Die Pferdegebisse der zwischenstrom ländischen Raumes.— AO. Berlin, 1941, B. XIV, H. 1—2.

Rothenberg B. Copper Industries in the Western Arabia.— PEQ, 1962, XCLV.

Schaeffer C. Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1952.

Soleski R. S. Prehistory in Shanidar valley, Northern Iraq.— Science, 1963, 18 January, vol. 139, N 3551.

Wolley C. L. Ur excavations, vol. II. The Royal Cemetery. New York, 1934.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
АС Тр. ГИМ	— Археологический сборник. Труды Государственного исторического музея
АЭС	— Археолого-этнографический сборник. Грозный. Нальчик
ВГМГ	— Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси
ВЕУ	— Вестник Ереванского Университета. Ереван
ВИ	— Вопросы истории
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии
ГМГ	— Государственный музей Грузии
ДАН Аз.ССР	— Доклады АН Азербайджанской ССР. Баку
ДАЭ	— Дагестанская археологическая экспедиция
ДЭС	— Дагестанский этнографический сборник. Махачкала
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. СКНЦВШ	— Известия Северокавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону
ИФЖ	— Историко-филологический журнал. Ереван
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МАГК	— Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси
МАД	— Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
МАДИСО	— Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МКА	— Материальная культура Азербайджана. Баку
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры
РФИИЯЛ	— Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
САН Груз. ССР	— Сообщения АН Грузинской ССР

СМАА	— Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
Тр. ИИЕТ ТИЭ	— Труды Института истории естествознания и техники
Тр. ДСХИ	— Труды Института этнографии АН СССР
Тр. КАЭ	— Труды Дагестанского сельскохозяйственного института. Махачкала
УЗ ИИЯЛ	— Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси
УЗ КВНИИ	— Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
УЗ ЛГУ	— Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик
АА	— Ученые записки Ленинградского Государственного Университета
АО	— Archaeologia Austriaca
AR	— Archiv für Orientforschung. Berlin
JNES	— Archeologické roshledy. Praha
IEJ	— Journal of Near Eastern Studies. Chicago
PPS	— Israel Exploration Journal
PEQ	— Proceedings of the Prehistoric Society. London — Cambridge
	— Palestine Exploration Quarterly

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Содержание

Предисловие редактора	3
Введение	6
Проблемы культурно-исторического развития населения Дагестана во II — начале I тысячелетия до н. э.	17
Проблемная ситуация вокруг периодизации и хронологии местных культур эпохи поздней бронзы — начала эпохи раннего железа	18
О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе и в Дагестане	18
О происхождении и хронологии металлических наборов конской узды из северокавказских памятников доскифского периода	25
О кавказском происхождении биметаллических кинжалов и мечей	33
Основные этапы культурно-исторического развития населения Дагестана во II — начале I тысячелетия до н. э.	47
Об историческом месте и хронологии каякентско-хорочоевской культуры	47
Об этапах развития дагестанской культуры эпохи поздней бронзы — начала эпохи раннего железа	72
О периодизации и хронологии дагестанских памятников II — начала I тысячелетия до н. э.	110
Проблемы истории развития хозяйства у населения древнего Дагестана	120
Основные этапы становления и развития производящего хозяйства	121
Историографический обзор	121
О времени зарождения производящего хозяйства	127
Становление земледелия и скотоводства	138
Расцвет первобытного земледельческо-скотоводческого хозяйства в эпоху ранней бронзы	145
Основы хозяйства в эпохи средней и поздней бронзы и в начале эпохи раннего железа	153

К истории зарождения железной металлургии и становления железодельательного производства	165
Состояние проблемы	165
О путях зарождения железной металлургии	169
К характеристике процесса становления железоделатель- ного производства	183
Заключение	213
Литература	215
Список сокращений	233

Владимир Герасимович Котович

**Проблемы культурно-исторического
и хозяйственного развития населения
древнего Дагестана**

Утверждено к печати
Ордена «Знак Почета» Институтом истории,
языка и литературы
имени Г. Цадасы Дагестанского филиала
Академии наук СССР

Редактор издательства Г. Н. Улуния
Художественный редактор Н. Н. Власик
Художественный редактор графического материала
В. С. Егорова
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректоры М. К. Запрудская, Р. В. Молоканова

ИБ № 22232

Сдано в набор 05.11.81
Подписано к печати 08.02.82
Т-03233. Формат 60×90^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 15. Усл. кр. отт. 16
Уч.-изд. л. 19,1. Тираж 1300 экз. Тип. зак. 1058
Цена 3 руб.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

Археология Старого и Нового света 20 л. 2 р. 40 к.

Сборник посвящен двум важнейшим проблемам археологической науки — становлению производящего хозяйства и формированию древнейших цивилизаций. Эти проблемы рассматриваются в значительной степени на основе материалов, добытых при раскопках советских археологов за рубежом. Территориально в статьях охвачены Юго-Восточная Европа, Ближний Восток, Средняя Азия, Мезо-Америка, Андская область, а хронологически — период от VII—VI в. до н. э. и до XVI в. н. э.

Для археологов, историков.

Брыкина Г. А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры 15 л. 2 р. 30 к.

В монографии рассматриваются вопросы истории населения района в первой половине I тысячелетия н. э. На основе археологического материала исследуются проблемы хозяйственно-производственной деятельности и культуры населения, идеологии и культурных связей.

Для археологов, этнографов, историков, искусствоведов.

Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала 20 л. 2 р. 40 к.

В монографии впервые систематизируются материалы памятников переходного от эпохи камня к эпохе металла времени по контактной территории между зоной Восточной Европы, Сибири и Казахстана и лесной зоной Евразии. На основе археологических данных рассматриваются вопросы производящего хозяйства, признаки которого еще не были выражены или слабо проявлены.

Для археологов, этнографов, историков.

Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. (Поиски исторических закономерностей) 12 л. 1 р. 80 к.

Книга посвящена выявлению и исследованию закономерностей социально-экономических отношений кочевников. Одновременно рассматриваются вопросы взаимоотношений земледельцев и кочевников, возникновения кочевнических культур. Изучение и систематизация закономерностей позволили построить ряд социально-этнокультурных моделей, существовавших в степях на разных ступенях развития.

Для археологов, историков, этнографов.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320005 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
335009 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
192104 Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 8;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142292 Пуццино Московской обл., МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

3 руб.

Дагестан — страна высокогорных плато и глубоких речных каньонов, вершин, покрытых вечными снегами и пустынных приморских низменностей, удивительный край контрастов природы, сохранивший яркие свидетельства древней культуры земледельцев и скотоводов, гончаров и металлургов.

Тысячелетиями складывавшиеся приемы земледельческой обработки склонов, придали горам Дагестана непередаваемое своеобразие. Только здесь можно увидеть грандиозные «лестницы» и «амфитеатры» земледельческих террас — результат борьбы человека с суровой природой, кропотливым, неустанным трудом многих поколений отвоевавших у гор клочки плодородной земли, дарующей право на жизнь.

История дагестанской культуры и хозяйства имеет много неразрешенных проблем и лишь кропотливый труд археологов — историков древности позволяет из года в год отгадывать маленькие и большие тайны тысячелетий древности.

Освоению Дагестана земледельческо-скотоводческими племенами, их материальной культуре и экономике, хронологии и научной значимости важнейших этапов историко-хозяйственного развития посвящена настоящая книга.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·